А Терещен
ДТ
30
Т-35 г I
Быт рус. народ
С-Петербург

DI.
30°
T35

БЫТЪ
РУССКАГО НАРОД

ЧАСТЬ I.

I. НАРОДНОСТЬ.
II. ЖИЛИЩА.
III. ДОМОВОДСТВО.
IV. НАРЯДЪ.
V. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.
VI. МУЗЫКА.

Соч. А. Терещенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ М

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

28856.24 V/м

28856
26.XI.1924

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. НАРОДНОСТЬ.

Свойства людей. Раздѣленіе людей по очерку лица и образованію тѣла. Славяне, коренные Европейцы. Свойства Славянъ. Свойства русскихъ Славянъ. Воинственность. Набожность. Веселость, гостепріимство и храбрость, суть отличительныя качества Русскихъ. Возрастаніе княжескихъ дѣтей среди битвъ. Замѣненіе наукъ пастырскимъ ученіемъ. Ожесточеніе воинственности. Слѣдствія отъ междоусобія князей. Всеобщее уныніе и униженіе. Измѣненіе многихъ благородныхъ качествъ отъ униженія. Мнѣнія предковъ о невозможности освобожденія изъ-подъ ига. Время возрожденія Россіи. Неожиданное приращеніе Россіи. Бѣдствіе возвеличило Русскихъ. Неизмѣнное свойство веселости. Сохранившаяся народность въ древнихъ сочиненіяхъ. Непоколебимость народа и его слава. Дѣйствіе народности. Вліяніе языка на народъ. Способности Русскихъ къ просвѣщенію. Сохраненіе народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, и уклоненіе отъ самобытности. Мѣстныя отличія и наклонности Русскихъ, не мѣшаютъ народности. Заключеніе.

II. ЖИЛИЩА.

Превосходство европейскаго климата предъ прочими частями свѣта. Древнѣйшія свѣденія объ Россіи. Жилища Славянъ. Зданія деревянныя, и каменные хоромы В. К. Ольги. Единообразное построеніе и расположеніе комнатъ. Освѣщеніе. Каменныя палаты. Простота въ построеніи и украшеніе комнатъ. Появленіе каменныхъ домовъ. Жилые покои въ XV и XVI вѣкахъ. Построеніе высокихъ деревянныхъ домовъ, ихъ внутренность и важность высокихъ хоромовъ. Избы и простота

сельской жизни въ самой столицѣ. Распространеніе каменныхъ домовъ. Строеніе домовъ и избъ, въ половинѣ XVII вѣка. Украшеніе покоевъ, сады и рыбные пруды. Появленіе ягодъ, плодовъ и махровыхъ розъ. Пышность хоромовъ, превозносимая пѣснями. Истребленіе деревянныхъ домовъ отъ пожаровъ. Мѣры для предупрежденія пожаровъ. Строеніе по плану. Улучшеніе домовъ содѣйствовало перемѣнѣ образа жизни. Избы изъ срубовъ. Курени, мазанки и хаты. Построеніе богатыхъ зданій, поселило расточительность. О числѣ домовъ во всей Россіи. Улучшеніе городовъ.

III. ДОМОВОДСТВО.

Древнѣйшая пища. Медъ. Хлѣбъ и квасъ. Пиво и переваръ. Изобиліе въ съѣстныхъ произведеніяхъ. Пряности. Мельницы. Пища простолюдиновъ. Ввозъ винъ и плодовъ изъ Царьграда. Хлѣбное вино или водка. Ерофѣичъ. Старинныя попойки. Дѣйствіе водки на умственныя способности. Буза. Неупотребленіе въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ, особенно зарѣзанныхъ рукою женщины. Кушанье, преимущественно рыбное; батвинья, окрошка, блины и аладьи. Изобиліе съѣстныхъ припасовъ. Соблюденіе постовъ. Время кушанья и отдыха. Содержаніе по службѣ. Печеніе разнаго хлѣба. Обѣды. Богатство серебра, золота и драгоцѣнностей. Званые обѣды. Музыка и звонъ, во время обѣда. Столы въ XVII вѣкѣ. Закуска или десертъ. Давность сахара. Порядокъ подаванія кушанья. Разведеніе нѣкоторыхъ плодовъ и овощей. Взварецъ и пуншъ. Кофе. Чай. Табакъ. Картофель.

IV. НАРЯДЪ.

Древнѣйшая одежда Славянъ. Древняя одежда Русскихъ. Поясы, сапоги, порты и рубашки. Бороды. Серги, ожерелья, монисты, кольца и перстни. Лапти. Одежда XI вѣка. Поясы, кушаки и война за поясъ. Нарядъ въ XIII вѣкѣ. Отзывы путешественниковъ о наружности Русскихъ, конца XV и начала XVI вѣка. Наряды начала XVI вѣка. Рукавицы. Извѣстія объ нарядахъ, половины XVI вѣка. Страсть къ румянамъ. Придворная одежда. Боярская одежда. Богатство Царской одежды. Награда одеждою за заслуги и дареніе одеждою. Нарядъ боярынь.

Уборъ Царицы Ирины. Одежда женская духовнаго сословія. Нарядъ дѣвичій. Единообразіе одежды обоихъ половъ. Ношеніе иностранцами русской одежды. Запрещеніе иностранцамъ носить русскую одежду. Одежда въ половинѣ XVII вѣка и пристрастіе къ румянамъ. Постепенное введеніе иностраннаго. Введеніе иностранной одежды и запрещеніе носить русскую. Гражданская, военная и простонародная одежды. Введеніе новыхъ нарядовъ и благовоній. Стриженіе бородъ и усовъ. Произведенія русской выдѣлки, съ самыхъ древнихъ временъ. Единообразіе въ жизнѣ и одеждѣ, между простолюдинами.

V. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Похвальныя свойства Славянъ. Хлѣбосольство. Набожность. Отзывы иностранцевъ о свойствѣ Русскихъ. Занятіе женскаго пола. Удовольствіе въ пѣніи. Уединенная жизнь. Постель. Супружеская вѣрность. Доказательство любви чрезъ побои. Обращеніе въ общежитіи. Высокомѣріе дворянъ. Верховая ѣзда. Звѣриная и птичья охота. Шуты. Жизнь великокняжескаго дома. Поцѣлуйный обрядъ. Появленіе свободы женскаго пола. Свободное обращеніе. Введеніе баловъ и танцовъ. Каррусель. Театры. Тѣлеги и сани. Каптаны, рыдваны и колымаги. Кареты и коляски. Бани.

VI. МУЗЫКА.

Любовь Славянъ къ музыкѣ. Древнѣйшая музыка Славянъ. Трубная музыка и мнѣніе о музыкѣ и пѣніи. Появленіе другихъ инструментовъ. Природное свойство Русскихъ къ веселію. Бандуристы. Цымбалы или кимвалы. Музыкальная извѣстность Чеховъ.

Иностранцы смотрѣли на наши нравы и образъ жизни, по большей части изъ одного любопытства; но мы обязаны смотрѣть на все это не изъ одного любопытства, а какъ на исторію народнаго быта, его духъ и жизнь, и почерпать изъ нихъ трогательные образцы добродушія, гостепріимства, благовѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а болѣе порицали, то мы не должны забывать, что они глядѣли на насъ поверхностно, съ предубѣжденіемъ и безъ изученія нашего народа, поэтому впадали въ большія заблужденія, часто вдавались въ заключенія странныя, переходили отъ одной крайности къ другой, такимъ образомъ, что одинъ писатель выставлялъ похвальнымъ и прекраснымъ, то другой находилъ, тоже самое, порочнымъ и смѣшнымъ; что одинъ списывалъ изъ разсказовъ, то другой дополнялъ несбыточными своими истолкованіями и всегда направлялъ ихъ въ дурную сторону. Перечитывая описанія, повѣствованія и сказанія на многихъ европейскихъ языкахъ, вы постоянно читаете, — и не безъ улыбки, — что всѣ иноземные писатели какъ бы условились,

однажды и навсегда, хулить и бранить насъ, и эта страсть до того проникнута въ ихъ сочиненіяхъ, что нѣтъ ни одной книги, которая бы при имени Россіи не восклицала: *варварская Московія! земля дикая, народъ въ ней раскольническій и совершенно отступившій отъ чистой католической вѣры.*—Всякій, знакомый съ исторіею своего отечества, знаетъ, что эти приписки на предковъ нашихъ, истекли отъ непреклонности ихъ подчиниться игу католическихъ проповѣдниковъ и ихъ верховному представителю, который, вмѣстѣ съ ними и легкомысленными писателями, называлъ еще насъ: *погибшими чадами, отверженными дѣтьми отъ Бога, овцами безъ пастыря,* а по этому не могущими наслѣдовать Царствія небеснаго и наслаждаться благами здѣшней жизни.—Таковыя нареканія суть слѣдствія страстей, а не истины; движенія изувѣрныхъ мыслей, а не чистоты Евангельской; таковыя злословныя провозглашенія относятся къ чести нашихъ предковъ, а не къ безславію ихъ: они отстояли свое право и достояніе, и перенесли умно всѣ осужденія, которыя пали на головы нашихъ хулителей.

Оставивъ людскія страсти, которыя мы относимъ къ понятіямъ вѣка, намъ услади тельно вспомнить, что предковъ жизнь, несвязанная условіями многосторонней образо-

ванности, излилась изъ сердечныхъ ихъ ощущеній, истекла изъ природы ихъ отчизны, и этимъ напоминается патріархальная простота, которая столь жива въ ихъ дѣйствіяхъ, что какъ будтобы это было во всякомъ изъ насъ. Кто хочетъ изслѣдовать быть народа, тотъ долженъ восходить къ его юности и постепенно снисходить по ступенямъ измѣненій всѣхъ его возрастовъ. Тогда міръ нашихъ предковъ не будетъ для насъ безжизненнымъ, мертвымъ: онъ представится сильнѣе нашему воображенію, со всѣми его причудами и понятіями; тогда увидимъ всѣ стороны картины: суровой и гордой, воинственной и мирной, несчастной и торжествующей, печальной и добродѣтельной; на ней увидимъ предковъ увѣнчанныхъ славою, и сердце наше забьется крѣпче!

Давно я имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслію: трудъ не по моимъ силамъ. Эта мысль, — дѣйствительно справедливая, — отнимала у меня всякую надежду приступить когда нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, — я рѣшился начертить его *въ Бытъ русскаго народа*. Не безъ робости представляю его моимъ соотечественникамъ. Если они найдутъ его достойнымъ своего вниманія, то буду радоваться съ ними.

Признаюсь, занимаясь съ любовію изложеніемъ *Быта русскаго народа*, я укрѣплялся еще надеждою, что даровитые люди разовьютъ современемъ это сочиненіе, которое, по скудости собранныхъ свѣдѣній, раздѣлено на VII частей, и въ нихъ помѣщено:

Въ части I—I. Народность. II. Жилища. III. Домоводство. IV. Наряды. V. Образъ жизни. VI. Музыка.

Въ части II—Свадьбы.

Въ части III—I. Времясчисленіе. II. Крещеніе. III. Похороны. IV. Поминки. V. Дмитріевская суббота.

Въ части IV—Забавы: I. Игры. II. Хороводы.

Въ части V—Простонародные обряды: I. Первое марта. II. Встрѣча весны. III. Красная горка. IV. Радуница. V. Запашка. VI. Кукушка. VII. Купало. VIII. Ярило. IX. Обжинки. X. Бабье лѣто. XI. Братчины.

Въ части VI—I. Обрядные праздники. II. Недѣля вай. III. Пасха. IV. Русальная недѣля. V. Семикъ. VI. Тройцынъ день. VII. Первое апрѣля. VIII. Первое мая.

Въ части VII—I. Святки. II. Масляница.

Нѣкоторые изъ отечественныхъ писателей занимались изслѣдованіями русской жизни, обычаевъ и забавъ, и въ началѣ первыхъ своихъ трудовъ обѣщали многое; потомъ, встрѣтивъ трудности, охладѣли въ своемъ усердіи. — Вскорѣ заняли ихъ мѣста два ревностные писателя: г. Снегиревъ и г. Сахаровъ. Первый, издавъ *Русскіе простонарод-*

ные праздники и суевѣрные обряды, въ четырехъ выпускахъ, остановился. Вторый, представивъ скромно *Сказанія русскаго народа*, расширилъ ихъ въ послѣдствіи дополненіями и новыми свѣдѣніями. Его сказанія, одно изъ отрадныхъ явленій въ нашей словесности, обратили на себя справедливое вниманіе любителей народнаго быта, но къ сожалѣнію, въ нихъ есть недостатокъ, и въ этомъ не г. Сахаровъ виноватъ, но постоянныя препятствія въ собираніи свѣдѣній; трудность въ изложеніи, по чрезмѣрной разнообразности объ одномъ и томъ же предметѣ; мѣстныя измѣненія и переиначиванія одного и того же обряда или забавы, не только по всей Россіи, но въ одной даже губерніи,—мало этого, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ что дѣлается въ одномъ селеніи, то въ другомъ, того же уѣзда, или уже изгнано или совсѣмъ отправляется противуположно. При этомъ еще неизбѣжная борьба съ суевѣрными людьми, которые никакъ не соглашаются пересказывать свои обычаи, и не всегда можно положиться на вѣрность передаваемыхъ ими извѣстій, не говорю уже объ игрѣ или о пѣснѣ, которая перемѣняется ими быстро, какъ хамелеонъ. Пѣснь, только что пересказанная вамъ и записанная вами,—и вы радуетесь, думая, что она полная,—станете же выслушивать ее отъ другого,

выходитъ разница, не въ однихъ словахъ, но въ разстановкѣ стиховъ и въ порядкѣ самаго содержанія, такъ что, если бы вздумалось кому либо исправлять одну какую нибудь пѣснь, черезъ пересказы многихъ пѣвцовъ, то не было бы конца поправкамъ и исправленіямъ. Сколько непріятны и не тяжелы подобнаго рода источники, столько они важны: ими только можно убѣдиться, что народъ нашъ сочиняетъ безпрерывно пѣсни, не воображая, что онъ живетъ своей жизнію и своей поэзіею; что народъ нашъ высказываетъ въ нихъ самого себя, не гоняясь ни за честію,—чтобъ быть стихотворцемъ, ни за славою,—чтобы слышать рукоплесканія въ большомъ свѣтѣ. Онъ передаетъ себя живо, и часто восторженно: что чувствуетъ неиспорченное сердце его и что мыслитъ доморощенной его умъ.

Изложить бытъ народа, сколько можно съ должной вѣрностію, нѣтъ возможности одному человѣку: это трудъ многихъ. Я старался представить его, сколько могъ по моимъ силамъ, и отнюдь не думаю, чтобы мой трудъ не былъ измѣненъ, даже въ самое короткое время, и надобно желать, чтобы любители отечественнаго, дополнили его новыми, еще богатыми источниками.—Если бы мѣстные жители собирали туземныя свѣдѣнія и дѣлали ихъ доступными, то можно-

бы достигнуть общаго описанія русскаго быта. Только при содѣйствіи мѣстныхъ собирателей, въ состояніи объясниться нашъ народъ. Иначе, все излагаемое о немъ, останется въ однихъ очеркахъ, въ каковыхъ и я представляю здѣсь. Ктожѐ лучше можетъ знать и долженъ знать свой край, какъ не тотъ, кто родился въ немъ и живетъ въ немъ?—Ему извѣстны всѣ уловки и изгибы своего земляка, а этотъ землякъ и важенъ въ своей самобытности.

При собираніи мною свѣдѣній, я встрѣчалъ бесчисленныя противорѣчія и постоянныя исправленія, особенно въ пѣсняхъ. Отъ того многія изъ нихъ неполныя, сбивчивыя или уже сходныя съ напечатанными; но много достоинства утрачено въ нашихъ пѣсняхъ еще тѣмъ что онѣ напечатаны безъ объясненія обрядныхъ нашихъ дѣйствій. Находятся десятки пѣсельниковъ, подъ названіемъ: полныхъ, новыхъ и полнѣйшихъ, которые большей частію лишены поясненій: при какихъ случаяхъ поются, помѣщенныя въ нихъ пѣсни? какое ихъ назначеніе, ихъ духъ, сила и какой ихъ обрядъ?—Всѣ наши пѣсни слагались по случаю какого либо печальнаго или радостнаго событія, которое гремѣло въ разгулѣ веселія, на свадьбѣ, въ игрѣ, забавѣ и хороводахъ. Ни одна изъ нихъ не составлена произвольно,

безъ причины. Пѣсни, безъ изьясненія обрядныхъ ихъ дѣйствій: скучны и утомительны. Правда, онѣ любопытны, занимательны и поучительны, за то потеряно невозвратно дѣйствительное ихъ значеніе.—Можно догадываться и выводить объ нихъ заключенія, но можно ошибаться и выводить ложныя заключенія. Этими примѣрами служатъ всѣ сборники пѣсней. Конечно, они дорогой запасъ,—должно радоваться и благодарить любителей за собираніе, но нельзя не сознаться, что этотъ дорогой запасъ подобенъ алмазамъ, неимѣющимъ блеска и немогущимъ получить своего сіянія, безъ руки художника. Если въ настоящее время не объяснятся пѣсни обрядными своими назначеніями, то и въ будущемъ останутся не объясненными: примѣромъ тому собраніе древнихъ стихотвореній Кирши Данилова и другихъ.

Я боролся еще съ напуганностію простолюдиновъ и ихъ предразсудками. Случалось, что если кто пересказывалъ свой обрядъ, или передавалъ свою пѣснь; то вскорѣ пробуждалось въ немъ раскаяніе, робость и его стращали, что за то, что пересказалъ, отдадутъ его подъ судъ! Нашъ народъ такъ боится судовъ, что одно ихъ имя, заставляетъ трепетать его. Случалось, что когда записывалъ пѣснь и потомъ станешъ поправлять ее, тогда

разскащикъ блѣднѣлъ и произносилъ жалобно-просительнымъ голосомъ: батюшка! не пиши. —Отъ чего?—Почитай пишешъ меня: коли узнаетъ городничій, аль земскій, бѣда мнѣ!— Нѣкоторые даже думаютъ, что пересказывать пѣсни стыдно и грѣхъ, и эта мысль до того поселилась въ головѣ многихъ простолюдиновъ, что никакъ не разувѣришъ ихъ въ противномъ, и слышишь однѣ отговорки: да мнѣ стыдно и грѣхъ. Когда я была молода, тогда я была неразумная и пѣла по глупости своей, а теперь, говорятъ старые люди, пѣть грѣшно.—Отъ чего же грѣшно?—Да такъ грѣшно.—Да отъ чего же такъ?—Добрые люди говорятъ.—Вишъ намедни пригрозилъ мнѣ пономарь: Марѳушка! не пой.—Да отъ чего же батюшка? спросила я его, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: ты голосишъ не своимъ голосомъ.— Случалось еще слышать, что кто пересказываетъ пѣснь, тотъ пересказываетъ ее по дьявольскому наущенію. Повѣряя однажды пѣснь одного разскащика съ другимъ, одинъ изъ нихъ началъ смотрѣть пристально на мою бумагу, потомъ спросилъ: скажи батюшка, кто у насъ теперь Царь?—не пишишъ ли ты по антихристову велѣнію?—Въ народѣ есть мнѣніе, что со списываніемъ пѣсней, явится антихристъ, котораго велѣнія исполняетъ списывающій, невольно и противу своего вѣдѣ-

нія, и что это уже вѣрный признакъ наступленію представленія свѣта.

Въ изложеніи быта нашего народа, я пользовался устными разсказами, и самъ былъ свидѣтелемъ многихъ обрядовъ и забавъ. Не многіе доставили мнѣ, что обѣщали, а обѣщали золотыя горы. Многіе и очень многіе не исполнили своего обѣщанія, быть можетъ по ихъ легкомыслію, а другіе, какъ мнѣ извѣстно, пренебрегли важностію предмета, думая: ну что хорошаго, описывая бытъ нашего мужика. И выйдетъ все мужицкое!—Да проститъ Богъ таковыхъ мыслителей.—Изъ необѣщавшихъ, но исполнившихъ больше обѣщанія, я могу поименовать только г. Френева, и благодарю его отъ души. Этотъ молодой человѣкъ дѣлился со мною радушно своими источниками.

—

I. НАРОДНОСТЬ.

Народность есть выраженіе любви къ отечеству.

Свойства людей.

Всѣ обитатели земнаго шара, согрѣваемые однимъ солнцемъ, живущіе подъ однимъ всемірнымъ небомъ, представляютъ въ своихъ наклонностяхъ и дѣйствіяхъ большое разнообразіе. Климатъ, рѣзко выказывающійся во всемъ существующемъ въ природѣ, отпечатлѣвается равномѣрно въ умственныхъ и физическихъ свойствахъ человѣка: въ его способностяхъ и дѣятельности, ростѣ и силѣ.—Жители жаркаго пояса, разслабляемые нестерпимымъ зноемъ, нечувствительно предаются нѣгѣ и безпечности. Съ воображеніемъ пламеннымъ, съ начинаніями рѣшительными, они весьма скоро охладѣваютъ, въ случаѣ неудачъ, къ своимъ предпріятіямъ. Разсудокъ ихъ постоянно залушается страстями. Мстительность и отчаяніе, лукавство и малодушіе,—вотъ главныя качества этихъ племенъ, не выдерживающихъ въ себѣ высокаго достоинства и благородной цѣли въ общественной жизни. Поэтому народы,

живущіе подъ экваторомъ, ничего доселѣ не создали величественнаго и историческаго. Обитатели умѣренныхъ поясовъ, въ коихъ сосредоточивается вся Малая Азія и большая часть Европы, ознаменовали себя поучительными событіями: науки и художества, изобрѣтенія и утонченность вкуса проистекли отсюда. Съ крѣпкою и благоразумною волей, съ чувствомъ возвышеннымъ и благороднымъ, съ сознаніемъ заблужденій и съ исправленіемъ ихъ, они шли впередъ; дружно стремились къ усовершенствованіямъ и соперничествовали другъ предъ другомъ въ утвержденіи общественнаго благосостоянія.—Аравитяне, Персы и Армяне были водимы по большей части огненными страстями; за то, гибельныя послѣдствія ихъ дѣйствій, остались спасительными уроками для другихъ народовъ: Европейцы воспользовались ими, и основали на ихъ ошибкахъ свое величіе. Люди сѣверныхъ поясовъ, испытывая всѣ ужасы холода, находились въ всегдашнемъ движеніи, посему дѣятельность, бодрость и мужество суть отличительныя ихъ качества. — Крѣпкіе и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающіе, они твердо идутъ впередъ и достигаютъ своей цѣли.

Самая наружность людей высказываетъ умственныя и тѣлесныя силы, которыя легко распознаются по очерку лица и образованію тѣла. Поэтому безошибочно кажется, можно раздѣлить ихъ на пять породъ: 1) монгольскую, 2) малайскую, 3) негрскую, 4) американскую и 5) кавказскую. 1) Монгольская занимаетъ всю восточную и сѣверную часть Азіи: ея порода цвѣтомъ желто-черная и оливково-темная; волоса черные, рѣдкіе и жесткіе; лице приплюснутое, подъ скулами широкое, подбородокъ узкій; глаза маленькіе, носъ небольшой, уши большіе и отвислые, голова четвероугольная и челюсть выдавшаяся. 2) Малайская заселяетъ всѣ острова Восточной Индіи, Великаго Океана и часть Океаніи. Здѣсь порода цвѣтомъ черная, волоса вьющіеся, лобъ возвышенный, носъ короткій и расплюснутый, ротъ очень большой, челюсть нѣсколько выдавшаяся; росту средняго, талья правильная. 3) Негрская обитаетъ собственно въ Африкѣ и большей части Океаніи. Наружность сажевидная, волоса смолистые, лоснящіеся и курчавые, какъ войлокъ, лобъ узкій и сжатый, глаза круглые и влажные, носъ курносый и какъ-бы отрубленный, губы одутловатыя. 4) Американская, принадлежность собственно Америки, исключая Эскимосцевъ и нѣкоторыхъ поколѣній сѣверовосточной ея части, отличает-

Разделеніе людей по очерку лица и образованію тѣла.

*

ся флегматическимъ характеромъ; жители рослые, крѣпкіе и гибкіе. Наружностію весьма пріятные, цвѣтъ лица сходствуетъ съ красною мѣдью, носъ орлиный, ротъ средній, губы европейскія, глаза большіе и черные, волосы черные, лоснящіеся и жесткіе. 5) Кавказская разселена по всей Европѣ, за исключеніемъ Самоѣдовъ, Финновъ, Лапландцевъ, Маджаровъ и Венгерцовъ. Она занимаетъ большую часть западной Азіи и сѣверные берега Африки, отличается отъ всѣхъ прочихъ бѣлизною тѣла, лбомъ возвышеннымъ, лицемъ круглообразнымъ, носомъ продолговатымъ подъ угломъ отъ 80 до 90°, ртомъ умѣреннымъ, губами небольшими и пріятными, глазами открытыми, свѣтлыми, большими и голубоватыми, волосами тонкими, мягкими и длинными, ростомъ высокимъ, поступью гордою, таліею привлекательною, силою и умомъ гибкимъ.

Славяне, коренные Европейцы.

Къ этой породѣ принадлежатъ наши предки, Славяне. Ошибочно мнѣніе тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые выводятъ ихъ изъ глубины Азіи. Наружность Славянъ противурѣчитъ догадочному выводу. Изъ исторіи мы видимъ, что въ тоже самое время, когда въ Малой Азіи и Африкѣ славились политическимъ устройствомъ своимъ, многочисленныя республики и монархіи, (за 2000 л. до Р. Х.);

тогда Италія, вся Германія до Дуная и Крымъ, имѣли уже свои цвѣтущіе города: слѣдовательно народы жили здѣсь уже давно, и если они не возвышались до мудрости мало-азійской и египетской, то причиною тому былъ недостатокъ сообщенія между тогдашними народами. Однако мудрость Миносовъ, критскихъ царей, столь была извѣстна, что жрецы и философы Малой Азіи и Египта, приходили въ Критъ изучать ее. А это было весьма въ отдаленной древности, именно, за 1300 л. до Р. Х. — Конечно, мы ничего не можемъ сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они жили тогда, или чтобы славились уже своими дѣлами; но то должно быть достовѣрно, что они издревле заселяли Европу, и по этому суть коренные Европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что Славяне наружностію и умомъ, ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ кореннымъ Европейцамъ — Германамъ и Франкамъ; что они очеркомъ лица, бѣлизною тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе Европейцы; что они, въ первыя столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибнули отъ раздоровъ иноземныхъ, но и среди лютыхъ испытаній и переворотовъ не упадали духомъ,—

были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, своими вѣковыми несчастіями, проложили путь къ будущему величію ихъ потомковъ.

Свойства Славянъ.

Славяне, живя первоначально разсѣянно по всей Европѣ и въ приморскихъ мѣстахъ Анатоліи, презирали зной и холодъ, привыкали ко всякой нуждѣ и ко всѣмъ лишеніямъ. Дикая пища казалась имъ вкусною, сырая земля была обыкновеннымъ ихъ ложемъ. Они гордились крѣпостью силъ и нимало не заботились о наружности: часто въ грязи и пыли тѣснились толпами на сборныхъ мѣстахъ, и разсуждали не объ украшеніяхъ и богатыхъ одеждахъ, но о томъ, что всё достоинство человѣка состоитъ въ силѣ, мужествѣ и быстротѣ, съ помощію коихъ взлетали они на крутыя вершины скалъ, бросались во рвы и переплывали глубочайшія рѣки. — Загорая отъ лучей солнца, они были смуглы и волоса имѣли по большей части русые, подобно Европейцамъ. Искусно бились въ ущельяхъ, скрывались въ травѣ и изумляли непріятелей неожиданнымъ нападеніемъ; таились еще въ рѣкахъ и дышали въ нихъ свободно, посредствомъ сквозныхъ тростей, торчавшихъ изъ воды; жили въ норахъ и лѣсахъ и ужасали сосѣдей по Дунаю своими набѣгами; попадаясь непріятелямъ въ руки,

переносили истязанія безъ воплей и стона; умирали въ мукахъ, не открывая врагу ни своихъ жилищъ, ни своей силы (*). Византійскіе писатели, которые знали ихъ еще въ VI в. (**), удивлялись ихъ геройской неустрашимости, превозносили ихъ стройность, высокій ростъ и мужество. Оставляя кровавыя битвы, они возвращались домой съ рѣдкимъ добродушіемъ; снимая съ себя смертоносное оружіе, они забывали своихъ непріятелей. Кротость и гостепріимство снова водворялись въ ихъ уютныхъ жилищахъ. Славяне дышали простотой, не знали ни злословія, ни коварства. Плѣнныхъ не тяготили вѣчной неволею, подобно Германамъ и Франкамъ, но опредѣляли сроки для ихъ свободы, которую они могли выкупать и потомъ возвращаться на свою родину, или оставаться между ними, пользуясь всѣми правами дружбы.— Балтійскіе Славяне были мирны, избѣгали войнъ и любили музыку. Они наслаждались тишиною, когда Гунны громили Европу, а Германы блуждали по лѣсамъ. Чехи и дунайскіе Славяне, попеременно воевали съ непріязненными имъ Нѣмцами и Аварами. Подпавъ подъ власть послѣднихъ (въ VII в.), они терпѣли

(*) Strit. Mem. popul. T. II. c. 59.

(**) Прокоп. и Маврикій; см. Memor. popul. ч. I. с. 29, у Стриттера.

всевозможныя насилія угнетателей, которые впрягали самыхъ женъ въ телѣги, вмѣсто воловъ и коней. Но эти варвары *тѣломъ великіе, умомъ гордые,* исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ обратилась въ пословицу: *погибоша аки Обри, ихъ же нѣсть ни племени, ни сльдокъ* (*). Нѣтъ ни одного народа, восклицаетъ одинъ писатель XI в., честнѣе и благосклоннѣе Славянъ (**). — Путника встрѣчали Славяне съ чрезвычайною лаской, пеклись о его здоровьи и съ особенною заботливостію передавали его отъ мѣста къ мѣсту. Если же, по какому либо небреженію, прохожій подвергался обидамъ, то сосѣди мстили за него (***). — Хозяинъ, выходя изъ дому, ставилъ на столъ приготовленную пищу, которою пользовался всякій путникъ. Бѣдный человѣкъ, не имѣвшій способовъ угостить неожи-

---

(*) Несторъ по кенигсб. сп. «Аще поѣхаши бяше Обрину, не даваше впрячи ни коня, ни вола; повеляша впрячи три, или четыре, или пять женъ въ телѣгу и повести Обрина.» — с. 11.

(**) Ad. Бремен. ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri, — кн. II. гл. 12, изд. Линденб.

(***) Маврикій: «Sunt quoque adversas perigrinos benigni magnoque studio servant incolumes salvosque, de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam ejus, que servare tale debent, accidit, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicines ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum.»

даннаго пришельца, могъ унесть съѣстные припасы отъ зажиточнаго, чтобы накормить странника. Самое воровство несчиталось въ этомъ случаѣ за порокъ. Удивительная черта гостепріимства!—Всѣ славянскія племена любили пѣсни и музыку, услаждавшія ихъ въ самомъ горѣ. Пѣсни воспламеняли сердца мужествомъ, а музыка смягчала дикость нравовъ. Сердечное удовольствіе отражалось въ пляскахъ и играхъ, состоявшихъ въ борьбѣ, кулачныхъ бояхъ, конскихъ скачкахъ, въ прыганьѣ, топаньѣ ногами и въ присядку: а это не есть ли выраженіе душевнаго веселья и крѣпости тѣлесныхъ силъ?

Свойства русскихъ Славянъ.

Наши предки, разселенные по обширной нынѣшней имперіи, отличались самостоятельностію и единодушіемъ, не терпѣли иноземнаго владычества: пока дѣйствовали согласно, дотолѣ не знали ни переворотовъ, ни междоусобій.—Каждое племя славянское имѣло свой нравъ и свои обычаи, и это отличало ихъ между собою. Поляне были стыдливы, тихи и кротки; почитали супружескія связи. Древляне жили звѣрски и скотообразно: убивали другъ друга, ѣли все нечистое, не соблюдали никакого брака. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне витали въ лѣсахъ, какъ звѣри; ѣли все нечистое, срамословили предъ отцами, не знали брака,

который замѣняли игрищами (*), забавлялись пѣніемъ пляскою.—Вообще нравы сего времени, изображаютъ смѣсь добродушія съ дикостію. Впослѣдствіи свѣтъ Вѣры смягчилъ грубость Славянъ.

Воинственность.

Отъ Рюрика до Владиміра I (**), мы видимъ удальство воиновъ и постоянное опустошеніе ими константинопольскихъ предѣловъ. Добыча и корыстолюбіе, награждали и обогащали и воиновъ и Великихъ Князей. Отважные Игори и Святославы, умѣли вселить въ душу своихъ сподвижниковъ рѣшимость — почти невѣроятную. Кто не знаетъ краснорѣчивыхъ словъ любимаго воинами вождя,—Князя Святослава, произнесшаго ихъ на полѣ битвы, и въ коихъ рѣзко выражено безстрашіе и честь воинственной доблести: «не посрамимъ земли русскія! ляжемъ здѣсь костьми: мертвымъ нѣтъ срама! Если побѣжимъ, то позоръ намъ. Станемъ крѣпко (***)!» Этотъ духъ понынѣ живетъ въ русскихъ. Византійскіе писатели свидѣтельствуютъ, что подъ крѣпостью Доростелемъ (****) герои наши оказывали чудеса храбрости, кото-

---

(*) О бракахъ этихъ племенъ, см. свадьбы ч. VIII. въ статьѣ: Обзоръ свадебныхъ обрядовъ.

(**) Отъ пол. IX. до кон. X в.

(***) Нестор. по кенигсб. сп., с. 62.

(****) Нынѣшняя Силистрія.

рая доходила до остервененія. Когда не могли противустоять оружію непріятелей, тогда они вонзали сами себѣ мечи въ сердце, думая, что убитый врагомъ долженъ служить ему на томъ свѣтѣ, а потому хотѣли сохранить свою вольность и въ будущей жизни (*).

Набожность.

Владиміръ озарилъ Россію истинной Вѣрою. Начали строить церкви и монастыри, и укрываться въ нихъ отъ превратностей мірскихъ. Нерѣдко дѣти знаменитыхъ бояръ, кончали жизнь въ уединенной монастырской кельи. Духовенство господствовало надъ умами народа.

Веселость, гостепріимство и храбрость, суть отличительныя качества русскихъ.

При всемъ благочестіи наши предки не забывали и веселой жизни. Набожный Владиміръ пировалъ по недѣлямъ въ кругу гражданъ, и однажды онъ сказалъ: *веселіе русскаго — питье,—безъ него мы не можемъ* (**).

За княжескими столами кипѣлъ медъ, любимое тогдашнее питье. Въ этихъ угощеніяхъ Государь былъ окружаемъ своимъ семействомъ, — народомъ. Пили медъ, но хвалили трезвость, какъ добродѣтель; любили веселье, игры, забавы, музыку и пляску. Бо-

---

(*) Кар. И. Г. Р. т. 1. с. 186.

(**) Нест. по кенигсб. сп. с. 73. «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ него быти» . . . «свинины не ѣсти, вина не пити» было противно веселію и обычаямъ русскихъ.

яры, воеводы, знаменитые сановники и духовенство, забывая свой верховный санъ, угощали другъ друга; простой гражданинъ сидѣлъ на ряду съ бояриномъ и пилъ съ нимъ изъ одной чаши. Вельможа гордился не пышнымъ титломъ, но братствомъ; сердца всѣхъ сливались въ одно чувство любви къ отечеству и престолу. Ратоборство не усыплялось тукомъ роскоши; воины, поборая за отечество, гремѣли славою побѣдъ. Церковные уставы укрѣпляли доблестные подвиги: воинъ предъ днемъ похода, освобождался отъ всякой эпитиміи и принималъ тайны причащенія (*).

Возрастаніе княжескихъ дѣтей среди битвъ.

Княжескія дѣти росли на браномъ полѣ, и едва протекали ихъ младенческія лѣта, они уже съ мечемъ сидѣли на борзыхъ коняхъ. Святославъ I. будучи еще отрокомъ (въ 946 г.), металъ копьемъ въ враговъ—Древлянъ (**). Десятилѣтній Георгій и пятилѣтній Владиміръ,

---

(*) См. Впрошеніе Кирика у новгород. епископа Нифонта, и другихъ (сочин. XII. в): а еже человѣкъ будетъ въ опитемьи, а пойдетъ на великый путь, молитва раздрѣшьная дати ему, но отьдржитъ заповѣдь. Аще ли на рать пойдетъ, или разболиться; то дати причащеніе.

(**) Нестор. с. 49—50. И изидоша Древляне противу и снемшись обѣма полкомъ на сокунь, и суну копьемъ Святославъ на Древляны, и копье летѣ сквозь уши коневи, и удари въ ногу коневи; бѣбо дѣтекъ.

сыновья В. К. Всеволода III, были подъ осадою г. Пронска (*).

Замѣненіе наукъ пастырскимъ ученіемъ.

Святители и пастыри церкви, учили народъ и государей. Наука считалась тогда сверхъ-естественнымъ знаніемъ. Честность и благородство души, справедливость и совѣсть, руководили простымъ, но свѣтлымъ умомъ. *Да будемъ золоты, яко золото*, говорили наши предки, вмѣсто клятвы (**). Митрополитъ кіевскій, Никифоръ, славившійся душеспасительными наставленіями, такъ писалъ къ Владиміру Мономаху: «умъ есть око души. Ты, государь мудрый, управляешъ своимъ народомъ чрезъ воеводъ, а душа управляетъ тѣломъ, посредствомъ пяти чувствъ. Твой умъ постигаетъ смыслъ каждаго слова: мнѣ ли предписывать тебѣ законы умѣренности? Властитель земли сильной! твоя десница ко всѣмъ простерта. Ты не таишъ ни серебра, ни золота; но раздаешъ ихъ. Благодать Божія пребываетъ съ тобою. Скажу одно: душа обязана повѣрять

(*) Рязанской губ., въ 1207 г. сент. 22. Нест. по кенигсб. сп. с. 280; Кар. И. Г. Р. т. 3, пр. 125.

(**) Нест., по кенигсб. сп., с. 65. Азъ же (Святославъ) и иже со мною и подъ мною, да имѣемъ клятву отъ бога, и въ него же вѣруемъ въ Перуна, и въ Волоса, скотья бога, да будемъ золоты яки золото, и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ.

дѣйствія своихъ чувствъ, а государь своихъ слугъ. Испытай Князь, помысли объ изгнанныхъ, осужденныхъ и презрѣнныхъ неправдами. Вспомни, кто кого оклеветалъ и самъ суди. Не печалься моей рѣчью и не думай, чтобы кто приходилъ ко мнѣ печаленъ и просилъ, чтобы я писалъ къ тебѣ. Пишу только для воспоминанія, ибо твоя власть великая, требуетъ великаго отчета; пишу какъ церковь повелѣваетъ пастырямъ, говорить правду Князьямъ. Знаю, что и мы грѣшники, покрытые грѣховными струпами, нуждаемся въ изцѣлѣніи; но слово Божіе въ насъ: намъ должно наставлять безъ искушенія и истязанія. Человѣкъ въ лицѣ, а Богъ въ сердцѣ» (*). Россія вскорѣ прославила Нифонта, новогородскаго епископа, запечатлѣвъ его имя названіемъ *поборника всей земли русской*; ибо онъ мирилъ Князей и хранилъ православіе. Когда онъ померъ въ Кіевѣ, находясь здѣсь по дѣламъ церкви, тогда всѣ плакали по немъ, и современный лѣтописецъ Новгорода восклицаетъ: «за грѣхи наши, мы лишились здѣсь видѣть гробъ его (**)»!

(*) Митрополитъ Никифоръ померъ въ 1120 г. Его мѣсто занялъ Никита, который, управляя церковью семь лѣтъ, не замѣнилъ его достоинствъ.

(**) Посланія митрополита Никифора, наход. въ синодальной биб., въ книгѣ Меѳодія патерійскаго, подъ No 375, съ симъ заглавіемъ: *посланіе отъ Никифора митрополита*

Воинственный духъ нашихъ предковъ носитъ уже, во время междоусобныхъ браней, отпечатокъ безчеловѣчія и звѣрства. Удѣльные князья, кипя злобою другъ на друга, убивали безоружныхъ, поражали мирныхъ гражданъ смертоноснымъ оружіемъ; предавали селенія мечу и огню, и тщеславились опустошеніемъ отечества! Таковыя событія должно приписать ожесточенію, мести, необузданности и непросвѣщенію князей; но, какъ должно судить объ нихъ потомство? Оно произноситъ безпристрастный судъ надъ виновниками несчастія. Но не одна отечественная исторія наша памятна событіями грустными: мы находились еще въ полуобразованномъ состояніи! А лучше ли насъ въ этомъ отношеніи исторія Европы, тѣхъже вѣковъ? Грабежи, истребленія цѣлыхъ городовъ, кровавыя дѣла безразсуднаго рыцарства, постоянное возстаніе вассаловъ, кровожадность принцевъ и королей, безнравственность духовенства и его сластолюбіе, ознаменовали эти самыя времена.

Ожесточеніе воинственности.

Несчастія, происходившія отъ раздоровъ нашихъ удѣльныхъ князей, были естествен-

Слѣдствія отъ междоусобія князей.

кіевскаго къ Владимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля. Сочиненіе Нифонта помѣщ. Въ Харат. Кормчей книгѣ, подъ именемъ: вправленіе Кириково, еже вправа епископа Нифонта и инѣхъ. Часть посланій Никифора и сочиненій Нифонта, помѣщ. Кар. И. Г. Р. т. 2. пр. 243, 380. изд. 1816 г.

нымъ слѣдствіемъ всеобщаго бѣдствія: нашествіе Татаръ поглотило Россію. Тогда разстроилось гражданское благосостояніе и самое человѣчество унизилось; тогда отечество, обагренное кровію, утѣшалось еще тѣмъ, что оно могло оплакивать бѣдственное событіе калькской битвы (*). Наши праотцы были осуждены на рабство! Отрядъ Чингисъ-ханова войска, остервененный сопротивленіемъ Великаго Князя кіевскаго, Мстислава Романовича, рубилъ жителей безпощадно, и все обращалъ въ пепелъ. Этотъ князь, достойный имени Мстислава, явилъ на себѣ примѣръ воинственной гордости. Заслонивъ берега рѣки Калки, съ небольшою дружиной, онъ рѣшился умереть съ своими воинами. Три дня бились съ нимъ лютые враги и не могли одолѣть; но, прибѣгнувъ къ льстивымъ обѣщаніямъ пропустить, если онъ оставитъ поле битвы, устремились на отступавшихъ и вѣроломно изрубили всѣхъ въ куски; трехъ князей задушили подъ досками и пировали на трупахъ истребленнаго полчища. Вотъ чѣмъ ознаменовалось первое бѣдствіе; за нимъ послѣдовало зло, гораздо ужаснѣйшее, это — иго! Суевѣріе носило молву, что Татары суть предтеча разрушенія міра. Народъ стенялъ и

Всеобщее уныніе и униженіе.

(*) Случившейся въ 1224 г. мая 31, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи, близь Маріуполя.

съ воплемъ обращался къ Богу: «Всевышній! ты караешь Русь въ своемъ праведномъ гнѣвѣ, но откуда же сіи страшные пришельцы? Ты одинъ знаешь, великій Боже! — Мудрые книжники вѣдаютъ, но мы не постигаемъ, кто они? Мы знаемъ ихъ, по нашимъ страданіямъ.» (*) — Страхъ былъ повсюдный: всѣ постились. Духовенство день и ночь возсылало молитвы къ Тому, который однимъ мановеніемъ сокрушаетъ величіе царствъ. Прощались съ здѣшнимъ міромъ, готовились къ послѣднему суду. Всѣ думали, что близокъ часъ разрушенія вселенной! Толпами стекались въ мирныя кельи, надѣвали монашескія одежды, и вѣрили, что она ихъ спасетъ. Молились, чтобы Богъ пощадилъ ихъ отъ мечей татарскихъ, покрайней мѣрѣ для принесенія раскаянія въ своихъ грѣхахъ. Этотъ ужасъ былъ подобенъ тому, какой распространяли Норманны въ VI вѣкѣ, когда они свободно опустошали Англію, Шотландію, Францію, Андалузію и Италію. — По церквамъ тогда читали установленную молитву: «Спаси насъ, Господи, отъ ярости Нор-

(*) Новгородская лѣт. с. 99. — «Богъ единъ вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша. Премудріи мужи вѣдятъ я добрѣ, кто книгы разумѣетъ, мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но здѣ вписахомъ о нихъ, памяти ради русскихъ.» — Троицк. лѣтоп.

манновъ» (*). Униженные наши праотцы не находили заступниковъ. Головы князей падали въ Ордѣ, по одному взгляду хановъ. Многіе изъ князей запечатлѣли свою жизнь мученической смертью. Романъ, князь рязанскій, неосторожно говорившій въ Ордѣ объ Алкоранѣ, былъ потребованъ къ отвѣту Мангу-Тимуромъ. Князь смѣло говорилъ свое мнѣніе. Озлобленные поклонники Алкорана, заткнули ему ротъ, изрѣзали его по суставамъ и содравъ съ его головы кожу, воткнули голову на копье. — Русскіе плакали по своемъ князѣ, но славили умершаго за православную вѣру. (**) — Все трепетало предъ именемъ хана; что онъ не приказывалъ, все повиновалось раболѣпно. — Только говорили: «царь велитъ, царь приказываетъ, да будетъ его воля!» Изъ этихъ словъ произошла древняя пословица: «близъ царя, близъ смерти.» Князья наши ѣздили въ Орду, какъ на страшный судъ. Представляясь царю, они не ручались за свою жизнь. Ласкаемые и угощаемые ханомъ, они не были еще увѣрены, какъ ихъ отпуститъ царь. Нерѣдко, послѣ милостиваго принятія, слѣдова-

(*) A furore Normanorum libera nos, Domine. Chron. de Gregor. de Tour.

(**) Князь Романъ померъ отъ рукъ мучителей, въ 1270 г., іюля 19.

ла смерть. И тотъ былъ счастливъ, кто могъ возвратиться въ отечество съ головою! Потому всѣ наши князья, вельможи и сопровождавшіе ихъ, отправляясь въ Орду, принимали Тайны Св. Причастія, прощались навсегда со всѣми родными и знакомыми, и писали духовныя завѣщанія (*).

Не утомляя вниманія читателей изображеніемъ тогдашнихъ бѣдствій, не можемъ однакожъ пройти молчаніемъ о томъ униженіи, какое должны были совершать наши князья, при пріемѣ пословъ. Когда ханъ отправлялъ посла въ Москву, тогда Великій Князь встрѣчалъ его за городскими воротами, какъ самого царя, и подносилъ ему чашу кобыльяго молока. Князь наблюдалъ предъ нимъ величайшее почтеніе, безотчетную покорность и не смѣлъ предъ нимъ садиться. Когда посолъ садился на коня, тогда Князь наклонялъ предъ нимъ свою спину, а тотъ, ставъ на нее ногами, взлѣзалъ на лошадь (**). Этотъ обычай прекратился въ концѣ XV вѣка. Софія, супруга В. К. Іоанна III, убѣдила его не встрѣчать ордынскихъ по-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 4. с. 215.

(**) A brief treatise of the great Duke of Moscovia, his geneology; помѣщ. въ собр. Гаклюйта, т. I. с. 247. изд. 1819 г.

словъ (*). Никто не избѣгалъ угнетенія и никто не былъ увѣренъ ни въ своей собственности, ни въ своей жизни. Богачи лишались имѣній безъ всякой вины; матери оплакивали честь дочерей: враги презирали невинность! Часто жены и дѣвицы, защищая свою добродѣтель, бросались съ высокихъ хоромовъ, или поражали себя ножами! Часто Татары, въ глазахъ родителей, топтали младенцевъ конями и смѣялись надъ воплями несчастныхъ; часто, въ присутствіи дѣтей, они вырывали внутренность отцевъ и матерей и сдирали съ живыхъ кожу. О, тогда живые завидовали мертвымъ! Гордыя нѣкогда боярыни, преклоняли съ трепетомъ свои головы предъ повелѣніями та-

(*) Ордынскіе послы имѣли обыкновеніе привозить съ собою *басму* т. е. болвана, деревянное изображеніе хана. Князья московскіе выходили пѣшкомъ за городъ на встрѣчу посламъ; кланялись имъ, подносили кубокъ кобыльяго молока, подстилали мѣхъ соболій подъ ноги ханскаго чтеца и слушали чтеніе грамматы съ колѣно-преклоненіемъ. На мѣстѣ, гдѣ происходила эта встрѣча, Софія выстроила церковь во имя Спаса, именуемаго доселѣ: Спасъ на болвановкѣ. Она, не терпѣвъ татарскихъ пословъ, жившихъ въ особомъ домѣ въ Кремлѣ, кои слѣдили за поступками Великихъ Князей, послала богатые дары Ахматовой женѣ и писала лукаво, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на ордынскомъ подворьѣ, и проситъ уступить ей. Царица согласилась: домъ посольскій разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища. Кар. И. Г. Р. т. 6. с. 92.

тарскихъ женъ; нося прежде золотыя ожерелья и шелковыя одежды, едва уже прикрывали наготу рубищемъ; нѣкогда окруженныя толпою слугъ, онѣ сами содѣлались рабынями татарокъ: носили для нихъ воду, мололи хлѣбъ, готовили пищу въ дымной избѣ, въ коей закуривали свои нѣжныя, бѣлыя лица чернотою неволи; тогда уже никого не различали. Потушали самую честь, которая драгоцѣнна только при благоденствіи.

Измѣненіе многихъ благородныхъ качествъ, отъ угнетенія.

Наши праотцы, повинуясь всему, искали облегченія; но варвары слѣдовали другому образу мыслей: они думали, что покоренные не могутъ быть друзьями побѣдителей; что истребленіе первыхъ, необходимо для успокоенія послѣднихъ. Отъ таковыхъ дѣйствій азіятской политики, измѣнился народный духъ: угнетеніе, страхъ и раболѣпная покорность, унизили благородныя свойства. Обманъ уже не былъ порокомъ, клевета не казалась гнуснымъ поступкомъ. Лишеніе женской свободы, введеніе холопскаго состоянія, браніе взятокъ, наказываніе кнутомъ на торговыхъ мѣстахъ, клейменіе воровъ за кражу, вѣшаніе преступниковъ и всеобщее невѣжество, достались въ удѣлъ отъ поработителей. Самыя благороднѣйшія чувства стыда, чести и совѣсти, исчезли: мы пресмыкались и низкими доносами

губили единокровныхъ. Разоряли даже собственныя свои владѣнія. Мы гибнули отъ самихъ себя, а татарскіе мечи довершали наше горе. Побѣдные вѣнки нашихъ предковъ, не пленяли угнетенныхъ. Нѣкогда витязи говорили своей дружинѣ: «станемъ за отечество и смертію искупимъ его, а нынѣ и послѣдняя искра любви угасла. Горе намъ, горе!» восклицаютъ современные лѣтописцы. «Защитники доблые исчезли; ничто не ратоборствуетъ за насъ; кровь льется за хана. Прошли тѣ благословенные годы, когда Великіе Князья не разоряли насъ, не грабили единоземныхъ владѣній. Сокрылись навѣкъ отъ насъ покой и гражданское счастіе! Баскаки сидятъ у насъ на тронѣ, наши Государи преклоняютъ колѣна предъ ними, а съ нами они поступаютъ какъ съ презрѣнными, осужденными на вѣчное рабство: закладываютъ, продаютъ и убиваютъ безъ суда». — Понятіе о чести и справедливости такъ измѣнилось тогда, что князь липецкій, Святославъ, почитался нами за злодѣя, потому что отражалъ насиліе Татаръ; а князь рыльскій, Олегъ, вонзивній въ его грудь свой мечъ, былъ похваляемъ современниками. Самые нравы носили тогда отпечатокъ азіятской свирѣпости. Одно великокняженіе Василія темнаго, ознаменовано многими злодѣйствами. Князь

Василій косой, отсѣкъ руку и ногу Роману, кн. переславскому; В. К. Василій и племянникъ его Василій косой, ослѣплены; кн. Шемяка и кн. литовскій Михаилъ, отравлены. Чернь безъ всякаго суда топила и жгла людей. Кн. Іоаннъ можайскій, осудивъ на смерть боярина Андрея Дмитріевича, всенародно сжегъ его на кострѣ съ женою, за мнимое волшебство. Вѣрные гибли, гражданское бытіе исчезло, порядокъ и тишина, необходимыя средства для возрастанія благосостоянія, нарушались еще постоянными набѣгами и внутренними смутами. Дѣти Великихъ Князей спорили о наслѣдствѣ престола, а племянники съ дядями; вѣроломство слѣдовало за вѣроломствомъ, разбои за разбоями, въ коихъ отличился хищный князь Борисъ Александровичъ тверскій (1445). Такъ поступилъ и Дмитрій Шемяка, нарушавшій постоянно спокойствіе Великаго Княженія, и давно содѣлавшійся ненавистнымъ народу. Духовенство вступалось за бѣдствія отечества, напоминало Шемякѣ, что онъ не живетъ въ мирѣ, грабитъ бояръ, тайно сносится съ врагами. Въ несчастныхъ временахъ Россіи, православные пастыри являлись ея утѣшителями. Они укрѣпляли народъ вѣрою и грозили небесною карой губителямъ благосостоянія. Они безтрепетно напоминали князьямъ ихъ долгъ,

и сами свято выполняли свое призваніе: говорили истину, не страшась гнѣва. «Ты вѣдаешъ» писали наши святители къ жестокосердому Шемякѣ (1449 г.) «сколько трудился твой отецъ, чтобы присвоить себѣ Великокняженіе: лилъ кровь Россіянъ, сѣлъ на престолъ и долженъ былъ оставить его; выѣхалъ изъ Москвы съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на Государство; снова похитилъ престолъ и долго ли пожилъ? Едва достигъ желаемаго и скрылся въ могилѣ, осужденный людьми и Богомъ; но что случилось съ братомъ твоимъ? Въ гордости и высокоуміи онъ рѣзалъ христіянъ, — благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и свои дѣла! Когда безбожный Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хотѣлъ помогать Государю, и былъ виною пролитія Христіянской крови. — Сколько сожжено храмовъ, убито людей, поругано дѣвицъ и монахинь! Ты, ты будешъ отвѣтствовать Всевышнему! — Великій Князь молилъ тебя итти съ нимъ на врага,—но тщетно. Пали вѣрные воины въ крѣпкой битвѣ: имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія отъ неволи, но ты, вторый Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ Великаго Князя, истерзалъ его: на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господствовалъ, и въ тишинѣ ли? Волнуемый без-

престанно страхомъ, ты не находилъ покоя днемъ и не зналъ ночью сна, отъ страшныхъ сновидѣній: искалъ Великаго Княженія и погубилъ свой удѣлъ. Великій Князь снова на престолѣ: даннаго Богомъ не отниметъ человѣкъ! — Но ты и нынѣ не выполняешь клятвенныхъ условій мира: именуешъ себя Великимъ Княземъ и требуешъ отъ Новгородцевъ войска, будто бы для изгнанія Татаръ, призванныхъ Василіемъ для своей защиты. Они немедленно будутъ высланы изъ Россіи, когда докажешъ свое миролюбіе къ Государю. Онъ знаетъ всѣ твои происки.—Мы, служители олтарей, молимъ тебя, господинъ князь Дмитрій, очисти совѣсть, удовлетвори праведнымъ требованіямъ Великаго Князя, готоваго простить и жаловать тебя, изъ уваженія къ нашему ходатайству, если обратишься къ раскаянію. Когда же, въ безумной гордости, посмѣешься надъ клятвами, тогда не мы, а самъ возложишъ на себя духовную тягость: будешъ чуждъ Богу, Церквѣ, Вѣрѣ, и проклятъ на вѣки со всѣми своими единомышленниками.» — Эти убѣжденія не подѣйствовали на Шемяку. Онъ началъ войну, и въ битвѣ подъ Галичемъ потерялъ свой удѣлъ. (*) Пастыри духов-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 5. с. 324—327. изд. 1817 г.

ные проповѣдовали миръ и желали благоденствія народу. Св. Іосифъ, основатель волоколамскаго монастыря, сильно изобличалъ даже тѣхъ изъ духовныхъ, которые вводили расколы. Такъ онъ писалъ къ суздальскому епископу Нифонту, по случаю распространившейся жидовской ереси: «древніе орлы вѣры, святители наши, возвѣщали истину въ вертоградѣ церкви.» Въ важныхъ случаяхъ, гдѣ требовалось приговора рѣшительнаго, возвышался голосъ достойныхъ пастырей. (*)

Мнѣнія предковъ о невозможности освобожденія изъ подъ ига.

Европейскія государства въ XIV в., когда мы стенали въ оковахъ собственнаго плѣна, стремились къ просвѣщенію.—Какое же сравненіе нашего состоянія съ европейскимъ? Невѣжество, грубость и забвеніе сознанія, что мы повелѣвали нѣкогда обширными и богатыми странами, овладѣло нашими умами до суевѣрія. Мы думали, что нельзя возстать противу угнетателей, что одна небесная сила, а не человѣческая, могла бороться съ врагами Вѣры и народности. Утрата независимости обезору-

(*) Жидъ Схарій прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ, 1470 г.; познакомился здѣсь со многими знатными сановниками и духовными, и хитрымъ языкомъ обольстилъ ихъ своею вѣрой. Іосифъ Волоцкій, возсталъ противу его ученія. Архіепископъ новгородскій, Геннадій, объяснилъ эту ересь Іоанну III, и соборомъ, созваннымъ въ Москвѣ 1490 г., осудили заблудившихся и уничтожили секту.

живала насъ, и мы, какъ низкіе поклонники, не смѣли замышлять о справедливой свободѣ: деспотизмъ давилъ! Народъ и Государи, смиряясь по необходимости, страдали и безмолствовали. Казалось, что нельзя уже было надѣяться, кто бы напомнилъ имъ о прежнемъ ихъ величіи и могуществѣ, кто бы воспламенилъ ихъ самоотверженіемъ. Хотя побѣды невскія и раковорскія, свидѣтельствовали Монголамъ о силѣ нашего меча; но мы не возставали противу нашихъ поработителей. Умъ Александра невскаго блеснулъ во мракѣ, а раковорская битва оставила одни печальные слѣды воспоминанія (*). Всякъ заботился о сохраненіи своей жизни; казалось, что никто не хотѣлъ слышать, что другъ его, его соотечественникъ, гибнетъ отъ руки татарина; что по стогнамъ льется кровь безъ наказанія; что кинжалъ дерзскаго самоуправителя, разсѣкаетъ съ звѣрской радостію, вѣрныхъ поборниковъ отечества; что прекрасныя и добродѣтельныя жены пре-

(*) Раковорская битва одержана Новгородцами (1268 г. февр. 18), подъ предводительствомъ кн. Дмитрія, сына невскаго, который совершенно разбилъ магистра нѣмецкаго ордена. Сраженіе было столь жестокое, что «ни отцы, ни дѣды наши» говоритъ лѣтописецъ, «не видали такой жестокой сѣчи.» Три дня стояли русскіе на костяхъ, т. е. на мѣстѣ сраженія. — Эту кровопролитную битву долго помнили въ Новгородѣ и Ригѣ.—Кар. И. Г. Р. т. IV. изд. 1817 г. 94—96.

даны поруганію; что свобода мыслей уничтожена, и цѣпи рабства заглушали повсюду святую любовь къ родинѣ, отечеству, своей собственной жизни,—въ неволѣ было не до просвѣщенія! Отъ Владиміра Равноапостольнаго до смерти Владиміра Мономаха, былъ у насъ счастливѣйшій періодъ благосостоянія и просвѣщенія. Отъ Мономаха до донскаго (*),—горестное воспоминаніе!—это періодъ нашихъ бѣдствій: тутъ мы совершенно загрубѣли отъ татарскаго ига. Россія не уцѣлѣла бы отъ совершеннаго уничтоженія, если бы не способствовали ей внутренніе раздоры въ Ордѣ.

Славяне мужественные, сильные, вѣрные, безтрепетно взиравшіе на смерть, думали ли когда нибудь, что ихъ потомки будутъ стенать въ рабствѣ! Отдаленная будущность ничего не предвѣщала имъ ужаснаго. Ихъ будущее мы только знаемъ, прошедшее изучиваемъ, настоящее насъ радуетъ. А что таинственное будущее, готовитъ нашимъ потомкамъ?

Время возрожденія Россіи.

Народъ объясняется событіями, и если мы въ продолженіи двухстолѣтняго рабства, не лишились своей самобытности, то не менѣе обязаны, кромѣ раздорамъ въ Золотой Ордѣ, дѣйствію Вѣры: въ униженіи мы любили оте-

(*) Періодъ благосостоянія и просвѣщенія былъ съ 980—1125 г., а періодъ бѣдствій съ 1125—1362 г.

чество, какъ землю Православія; пресмыкаясь въ ордѣ, мы тихо и медленно подкапывали довѣріе властелиновъ. Князья ослѣпляли хановъ золотомъ, бояре и народъ почитали его своимъ царемъ. Великія княжества, Владимірское на Клязьмѣ и Московское, болѣе всѣхъ наученыя опытами междоусобія стремились къ государственной цѣлости. Утверждалось наслѣдственное право, удѣлы присоединялись къ Великому Княженію. Мы шли впередъ постепенно, но вѣрно: такъ началъ В. К. Даніилъ, въ нач. XIII в., первый Великій Князь московскій; сынъ его Георгій, зять хана Узбека, усыпляя его родствомъ и преданностію, разширялъ свои владѣнія. Братъ его Іоаннъ калита, снискалъ полную довѣренность Узбека (въ началѣ XIV вѣка); внукъ его Димитрій донской, рѣшился на битву съ Мамаемъ. Наши предки, исчисляя всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отъ угнетателей, пробудились отъ глубокаго сна и долговременнаго ужаса. Они сами дивились постыдному терпѣнію, своихъ отцевъ. Всѣ вспоминали древнюю свою независимость и ревновали сбросить цѣпи рабства, — одни мечемъ, другіе молитвою. Мужи и юноши точили оружіе; жены и старцы молились въ храмахъ; богатые раздавали милостыню, бояре и граждане собирали воинство, а народъ готовился

умереть за отечество. Наступила куликовская битва (1380 г. сентября 6), заря освобожденія, и всѣ говорили: «часъ суда Божіяго наступилъ; умремъ братія за отечество!» Рѣшительная битва увѣнчала общій порывъ. Виновники славы, кн. Владиміръ Андреевичъ, внукъ калиты, прозванный храбрымъ, и Дмитрій Михайловичъ волынскій, побѣдитель Олега и Болгаръ, воодушевили полки. Хотя эта битва не доставила никакихъ существенныхъ выгодъ, кромѣ славы; однако она произвела благодѣтельное дѣйствіе въ умахъ: стали думать, что враги не суть непобѣдимые, что тирановъ истребить можно, что самъ Мамай разбитъ и бѣжалъ (*).—Наслѣдникъ Дмитрія, Василій, былъ уже ласкаемъ и чтимъ въ Ордѣ: ханы требовали одной только покорности. Народъ поздравлялъ другъ друга, что до-

(*) Отъ куликовской битвы прошло 467 лѣтъ, но имя Мамая доселѣ осталось въ памяти народа. Вся Россія его знаетъ, а въ заволжской странѣ, преимущественно царевскомъ уѣздѣ саратовской губерніи, всѣ мѣста именуются мамаевскими. При изслѣдованіи Сарая, столицы Золотой Орды, которой остатки донынѣ видны въ окрестностяхъ Царева, простой народъ говоритъ, что тутъ жилъ Мамай; что въ развалинахъ кроются мамаевскія деньги; что въ нихъ погребены большія сокровища и клады, которыя бережетъ самъ Мамай; что раскапывать ихъ опасно, потому что злой духъ Мамая поселился здѣсь. – Всѣ находимыя и отрываемыя деньги и вещи, называются у нихъ безъисключенія мамаевскими; отрываемые покойники, кто бы они ни были, и сколько бы ихъ ни было, зовутся *Мамаемъ*. Однажды на-

жилъ до временъ столь счастливыхъ, и считалъ Мамаево побоище выше альтской и невской. И дѣйствительно, это событіе, до временъ Полтавской битвы (1709 г. іюня 27), есть весьма важное въ исторіи нашей: оно доказывало возрожденіе силъ русскихъ, и подкрѣпило его въ несомнительномъ освобожденіи. Самыя добродѣтели воинскія, запечатлѣваемыя Вѣрою, внушали безотчетную преданность къ отечеству. Измѣна наказывалась примѣрной строгостію, въ виду враговъ. Намѣстникъ смоленскій, князь Василій Шуйскій, узнавъ, что злоумышленники государства заманили Литовцевъ подъ Смоленскъ, велѣлъ схватить заговорщиковъ, одѣлъ ихъ въ собольи шубы и бархатъ; потомъ, привязавъ имъ на шеи жалованныя королемъ Сигизмундомъ серебряные ковши и чары, вывелъ на городскую стѣну и повѣсилъ въ глазахъ непріятелей! Граждане и воины славили справедливость намѣстника, и доказали свое усердіе къ отечеству мужественнымъ отраженіемъ враговъ (*). Духъ народной гор-

---

шли въ каменной гробницѣ нѣсколько мужескихъ и женскихъ скелетовъ, обвитыхъ въ парчу, и на вопросъ: кто это? было отвѣтомъ: *Мамай съ Мамаишею.* Если при раскапываніи попадались кости или скелеты, то говорили: *нашли мамаевскія кости, или нашли Мамая.*

(*) Кн. Константинъ острожскій осаждалъ Смоленскъ въ 1514 г., и всѣ усилія взять его, даже при содѣйствіи зло-

дости былъ уважаемъ даже врагами. Но возвеличеніе Россіи предназначено было Іоанну III, хотя менѣе счастливому, однако Великому. Доблестные полководцы его: Холмскій, Стрига и Щеня поражали враговъ, а онъ, сидя дома, утверждалъ государственное бытіе внѣшней и внутренней политикою, возстановлялъ свободу и цѣлость Россіи; искалъ орудій для собственныхъ выгодъ и никогда не служилъ орудіемъ для другихъ; дѣйствовалъ, какъ великій мужъ безъ страстей въ политикѣ; имѣлъ въ виду одно благосостояніе и достигалъ его. Отъ хижины до престола, все спѣшило къ своей независимости: бояре и духовенство, воины и земледѣльцы, славили вѣкъ Іоанна III, который разительно сходствуетъ съ Петромъ Великимъ: первый былъ творецъ, а второй преобразователь Россіи. Оба ревностно вводили искуства образованныхъ народовъ, и оба созидали ея могущество.

Неожиданное приращеніе Россіи.

Сверхъ тяжкихъ опытовъ судьбы, сверхъ бѣдствій удѣльнаго правленія и ига Монголовъ, наше отечество должно было испытать грозу Іоанна IV; но съ любовію къ самодержавію, оно повиновалось ему. Въ смиреніи великодушномъ, умирали доблестные сыны отечества и

намѣренныхъ людей, были напрасны. Онъ принужденъ былъ отступить съ великою потерей, а король искалъ мира.

мирные граждане; духовенство и жены (*). Всѣ говорили о долгѣ и чести, и подъ осадою гор. Вендена (въ 1578 году октября 21, въ Лифляндіи) — это подтвердилось на самомъ

(*) Заступники беззащитныхъ: Сильверстъ и Адашевъ, кончили жизнь плачевно; безъ суда и основательной причины погибнули: Даніилъ, братъ Адашева, родственникъ его Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми, кн. Дм. Оболенскій — Овчина, кн. Михаилъ Рѣпнинъ, кн. Юрій Кашинъ, кн. Дмит., Курлятевъ, кн. Мих. Воротынскій, побѣдитель казанцевъ; бояр. Ив. Шереметевъ, ужасъ крымцевъ; братъ его Никита Шереметевъ; конюшій Ѳедоровъ, мужъ украшенный славою и сѣдиною; кн. Ив. Андр. Куракинъ-Булгаковъ, кн. Дм. Ряполовскій, князья Ростовскіе, кн. Ив. Турунтай-Пронскій, казначей Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ, кн. Мих. Черкасскій, братъ Царицы; печатникъ Казаринъ-Дубровскій, митроп. Филиппъ, проименованный Святымъ; кн. Вас. Пронскій, печатникъ Ив. Мих. Висковатый, казначей Ив. Фуниковъ, думные сов: Зах. Ив. Овчина-Плещеевъ, Хабаровъ-Добрынскій, Ив. Воронцовъ, Вас. Разладинъ, Кирикъ Тырковъ; защитникъ Лаиса, Андр. Кашкаровъ; воев. нарвскій Мих. Матв. Лыковъ; воев. михайловскій, Никита Казариновъ-Голохвостовъ. Ожидая смерти, онъ уѣхалъ изъ Москвы и посхимился въ монастырѣ на берегу Оки. Царь прислалъ за нимъ опричниковъ, онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и сказалъ: я тотъ, кого ищите.—Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороху.—Погибло десять Колычевыхъ, кн. Ив. Шаховскій, князья Прозоровскіе, Ушатые, Зоболотскіе, Бутурлины, князья Мещерскіе, кн. Никит. Ром. Одоевскій, бояр. Мих. Яковл. Морозовъ съ сыновьями и супругою, кн. Петр. Анд. Куракинъ, бояр. Ив. Андр. Бутурлинъ; Гр. Собакинъ, дядя Царицы Марѳы, ея братъ Вас. Собакинъ; кн. Ив. Девтелевичъ; игуменъ псковскій, Корнилій, его ученикъ Вассіанъ Муромецъ; новгород. архіеп. Леонидъ; архим. Ѳеодоритъ, игуменъ соловецкой обители, другъ Св. Александра Свирскаго, и убитъ собственной

дѣлѣ: воеводы: кн. Вас. Андр. Сицкій, окольничій Василій Ѳедосѣевичъ Воронцовъ, Дан. Бор. Салтыковъ, кн. Мих. Вас. Тюфякинъ, не хотѣли сдаться, и нашли смертъ подъ ея стѣнами; а московскіе пушкари, тѣмъ же одушев-

---

рукою Царя, наслѣдникъ престола, Іоаннъ. Здѣсь представлена тысячная доля таковыхъ мужей, которые погибли совершенно безъ вины, служа отечеству со славою. Угрызаемый безпрестанно совѣстію и пугаемый тѣнію убіенныхъ, онъ для успокоенія нечистой души, служилъ по церквамъ и монастырямъ синодики или поминовенія. Въ синодикахъ поминается объ истребленіи княжескихъ, боярскихъ и дворянскихъ родовъ; объ другихъ ни слова.

Въ сочиненіи памятн. москов. древност., г. Снегирева, тетрадь I. стр. С. XXXV. сказано между прочимъ, объ Александровской слободѣ «отъ слободы его (Іоанна IV), обнесенной каменной оградою, не осталось и слѣдовъ: въ 1582 г. въ праздникъ Рождества Христова, она сгорѣла отъ молніи». Откуда взято имъ, это невѣроятное явленіе въ мірѣ? — Многіе, читающіе безъ разбора, и вѣрующіе всему печатному безусловно, добродушно пріймутъ за истину, и нѣкоторые вѣрятъ доселѣ, что слобода сгорѣла отъ молніи, въ день Рождества Христова, среди трескучей зимы!! Тѣмъ болѣе этому вѣрятъ, что въ этомъ событіи видятъ гнѣвъ Божій. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ до того были убѣждены, что они согласились лучше вѣрить, нежели подумать, что это дѣло невозможное. Если бы это дѣйствительно случилось, то какъ событіе необыкновенное, не могло бы сокрыться отъ наблюдателей природы, и непремѣнно сдѣлалось бы предметомъ изслѣдованій, и ученые въ Европѣ, не оставили бы безъ вниманія, необыкновенное дѣйствіе, какъ переворотъ сверхъ-естественной въ природѣ, не смотря, что протекло 265 лѣтъ. — Но никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, считая или вымысломъ какого нибудь легкомысленнаго, или

ленные, повѣсились на своихъ орудіяхъ. Эти люди не искали славы, но думали о чести; имена ихъ неизвѣстны, но ихъ подвигъ служитъ трогательнымъ примѣромъ доблести воинской.

сказкою, выдуманною для дѣтей. Прошли тѣ времена, когда всему вѣрили; когда многіе думали, что есть люди на четырехъ ногахъ, съ бычачьимъ хвостомъ и рогами, съ четырьмя глазами: двумя на лбу, а двумя на зади; когда были увѣрены, что на китѣ держится свѣтъ, что живутъ подъ землею демоны; что они, во время пирушекъ въ преисподней, бросаютъ молнію на города, и сожигаютъ!! — Пусть бы это такъ, но все слѣдовало бы сказать господину сочинителю, котораго почитаю отъ души за многіе полезные его труды: на чемъ онъ основалъ несбыточное событіе? — Въ примѣчаніи его указано, между прочимъ, на Русск. Лѣт. по Никон. сп., Т. VII. — Я искалъ и ничего не нашелъ тамъ. Открывается, что г. сочинитель взялъ изъ Кар. И. Г. Р. Т. IX. изд. 1821 г. с. 350. — Странно! Знаменитой исторіографъ, исчисляя несчастныя произшествія того времени для Россіи, страшныя видѣнія Іоанна IV и повѣрья народа, упомянулъ о носившейся молвѣ, что въ день Р. Х. громовая стрѣла зажгла, при ясномъ солнцѣ, спальню Іоаннову, въ Александровской слободѣ, и заключаетъ: сказка достойная суевѣрнаго вѣка. Слѣдовательно, Карамзинъ не вѣрилъ; онъ только указалъ на легковѣріе Одерборна, которой, повѣривъ молвѣ, первый записалъ въ число дѣйствительныхъ чудесъ, а ему никто не вѣрилъ. Вотъ самое мѣсто изъ Одерборна, — см. Ioannis Basilidis Magn. Moscoviæ ducis vita, изд. 1585 г. гл. III. л. 4. — Fulmen deinde subitam secum coeli serenitatem adducens, ipso Christi natalitis slobodam speciosam magnorum Ducum habitationem, cum terribili ingentium structuram et trabium ruina disiecit, rerumque pretiosarum splendidissima supellex, qua ista in munitione asservabutur, de coelo tacta et consumpta est. In elegantiori vero camera cubiculum Basilidis ipsius ubi lectus erat falmen intravit, adeo caute per-

*

Дѣйствуя съ полною увѣренностію въ томъ, что силы возрастали, Русскіе пріобрѣли царства: казанское и астраханское, и горсть донскихъ и волжскихъ казаковъ, въ числѣ 840 человѣкъ, подъ предводительствомъ Ярмака Тимофѣевича, завоевала Сибирь: отъ березовскихъ предѣловъ до Тоболя (1582 г.) «Богъ послалъ намъ новое Царство» говорилъ народъ съ живѣйшею радостію, и пѣлъ молебны благодарственныя. Пріемники Ярмака довершали завоеваніе дикаго и суроваго края, отъ каменнаго пояса до сѣверной Америки и Восточнаго Океана. — Труды вознаградились богатыми рудниками, дорогими мѣхами и выгодной торговлею. — Въ то время, какъ толпы Кортеца и Пизарра, распространяли завоеванія въ Америкѣ (около 1519 г.), русскіе вели торговлю по хребтамъ уральскимъ, укрѣпляли тамъ

---

rerans, ut ipsum simul urnam feriendo dissiicerit, qua captivorum nomima ad libidinem forte principis educabuntur, etc. etc. — Въ недавнее время случилось среди зимы воздушное явленіе, съ громовымъ ударомъ и блескомъ молніи. Въ Ригѣ и ея окрестностяхъ, замѣчено было 5 генваря 1844 г. въ 10 часовъ вечера, воздушное явленіе, съ громовымъ ударомъ и молніею; но этотъ ударъ и блескъ произошли отъ пролетѣвшаго по небосклону и лопнувшаго въ воздухѣ огненнаго шара. — Журн. мин. внутр. дѣлъ за 1844 г. февр. мѣс., въ смѣси, с. 355. — Все же не громъ и молнія, изъ дождевыхъ тучъ. И этотъ громъ былъ слѣдствіемъ лопнувшаго огненнаго шара, а молнія только отблескомъ его.

свою осѣдлость мечемъ, селились спокойно между Камою и сѣверной Двиною, привлекаемые сюда изобиліемъ, дешевизною, выгодами мѣны съ полудикими народами, доставлявшими во множествѣ дорогую мягкую рухлядь. Самое жестокое правленіе Царя, казалось, было заглушаемо радостными событіями нашего отечества, — пріобрѣтавшаго новыя и обширныя страны, и входившаго въ тѣсныя связи съ иностранными державами, преимущественно съ Англіею.

Бѣдствіе возвеличило русскихъ.

Россія возвеличенная, должна была испытать новые удары несчастій, въ теченіи 15 л. (1598 — 1613 л.), со временъ Бориса Годунова до восшествія на престолъ, Богомъ ниспосланныхъ Романовыхъ. Хотя распространеніе предѣловъ Сибири до сѣвернаго океана, упрочивало наше могущество, доставляло богатство, славило народной духъ и отважныя предпріятія новыхъ витязей; хотя нагайскіе и крымскіе татары, страшились русскаго меча; хотя древняя Иверія (Грузія), увеличивала славу нашу, съ принятіемъ ея подъ покровительство наше (1604 г.), и царь грузинскій, Александръ, считалъ насъ своими защитниками; однако мы сами нуждались въ защитѣ отъ неожиданныхъ появленій, — лже-царей. — Возобновилось время бѣдствій!

Цари Годуновы и Шуйскіе, гибнули; самозванцы возмущали народъ, который самъ не зналъ кому вѣрить; партіи крамольниковъ и губителей, пользовались смутами, и объявляли царями то изъ иноземныхъ властителей Польши и Швеціи, то поперемѣнно являвшихся Лже-Дмитріевъ. Блистательные успѣхи доблестныхъ мужей: Прокопія и Захарія Ляпуновыхъ, побѣды кн. Скопина-Шуйскаго, подвиги Истомы Пашкова, Лыкова и кн. Андр. Голицына, не могли остановить полчища мятежниковъ; шайки польскія и татарскія, грабили повсюду. Окрестности Москвы кипѣли бродягами, внутри ея рыскали ватаги буйныхъ Жолкѣвскихъ, Сапѣговъ, Гонсѣвскихъ, Хоткѣвичей и нѣмца Струйся: рубили и все жгли, что имъ попадалось. — Сердце Россіи было разорвано, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ, жители въ ужасѣ, правительство въ безсиліи. Казалось, что народная самобытность исчезла, и къ довершенію ея разореній,—Поляки осадили Троицкую Лавру, — но это самое спасло Россію! Въ общемъ унынии духа, еще не все упало.— Гетманъ Сапега, злодѣй Лисовскій, князья: Тишкевичи, Вишневецкіе и другіе, начали осаду (1608 г. сент. 23) съ 30,000 арміею; между тѣмъ, какъ въ обители смиренной, находилась горсть иноковъ, высокихъ единственно душею,

коими управляли достойные безсмертія: кн. Григ. Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ. Всѣ цѣловали имъ крестъ, чтобы не выдавать отечества. День и ночъ бились, больные и раненые лежали на дождѣ, безъ присмотра; юноши и дряхлые, заступали ихъ мѣста; много падало отъ зимняго холоду, а еще болѣе отъ голоду; но никто не думалъ о сдачѣ. Шестьнадцать мѣсяцевъ обороняли иноки Лавру, и со славою отстояли. Таковыхъ примѣровъ не много во всемірной исторіи. Сколько твердости, сколько чувствъ благородныхъ въ народной гордости!—Старцы и жены умирали съ честію, никто не боялся смерти. Вся Россія была усѣяна трупами ея сыновъ; внутренность ея была изрыта могилами, — все гибло, кромѣ добродѣтели и чести. Но, когда возстала вся Россія на своихъ враговъ, — тогда всѣ поклялись испить смертную чашу. Два мужа, назначенные Провидѣніемъ для спасенія отечества, начали первые: старецъ патріархъ Ермогенъ и Захарій Ляпуновъ. Ермогенъ, не соглашавшійся на возведеніе на русской престолъ, польскаго короля, былъ заточенъ на Кириловскомъ подворьѣ. Томимый заключеніемъ, онъ стоялъ у гроба, — но, и на прагѣ вѣчности, ревностно занимался судьбою своего отечества.—Пламенная любовь къ отечеству, подкрѣпляла дря-

хлые и горестные дни его жизни. Онъ молился за спасеніе Россіи, клялъ мятежниковъ, убѣждалъ бояръ не жертвовать Церковью; — онъ одинъ, среди коварства и обмана, не былъ коваренъ. Измѣнники много разъ приступали къ Святителю, требуя его благословенія на избраніе новаго Царя. Самъ Гонсѣвскій увѣщевалъ его, угрожалъ ему гнѣвомъ короля и даже смертію. Ветхій старецъ, указывая на небо, говорилъ «боюсь Одного, тамъ живущаго!» (*) Изнуреніемъ голода, думали убѣдить

(*) Измѣнникъ и клевретъ бояр. Михаилъ Салтыковъ, требуя однажды у Ермогена, чтобы онъ запретилъ Прокопію Ляпунову ополчаться за Россію, въ противномъ случаѣ грозилъ зарѣзать его. Но видя его твердость и рѣшительную волю, предатель обнажилъ ножъ и въ бѣшенствѣ устремился на него. Патріархъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ, и сказалъ: *Знаменіе Креста противу ножа твоего, и взыдетъ вѣчная клятва на главу твою.* — Собр. госуд. гр. Т. II. с. 491. — Латух. степен. кн.: *и патріарха скверно лаяше и вынявъ ножъ свой, хотѣлъ его заклати*, и т. д., см. еще Ник. лѣт. — А. С. Шишковъ, извѣстный отечественными заслугами, говоритъ о патріархѣ Ермогенѣ, въ прекрасномъ своемъ разсужденіи: о любви къ отечеству, будтобы Ляхи его били и мучили, о чемъ никакая отечественная лѣтопись не говоритъ намъ. Правда, Ляхи грозили ему смертію, томили заточеніемъ, и измѣнникъ Салтыковъ покушался заколоть его ножемъ. «Неистовые враги угрожаютъ ему (патріарху) смертію» говоритъ г. Шишковъ. «Тѣло мое вы можете убить, но душа моя не у васъ въ рукахъ. Они въ ярости рвутъ на немъ златыя ризы, совлекаютъ священное облаченіе, налагаютъ на него ве-

его, но онъ благословлялъ народъ на защиту отечества, и предсмертный голосъ его былъ о спасеніи Россіи.

риги и оковы: онъ сожалѣетъ только, что изъ десницы его отнятъ крестъ, которымъ благословлялъ онъ народъ стоять за отечество. Они повергаютъ его въ глубокую, смрадную темницу. Онъ соболѣзнуетъ только, что не можетъ болѣе предстоять во храмѣ Божіемъ, для воздѣянія предъ лицемъ народа рукъ своихъ ко Всевышнему. Они изнуряютъ его гладомъ и томятъ жаждою, но ни тяжкія цѣпи, ни густой мракъ, ни страшное мученіе алча, ни жестокая тоска, изсыхающей гортани, не могутъ побѣдить въ немъ твердости духа, не могутъ преклонить его къ согласію на порабощеніе отечества.» Собран. сочинен. и перев. г. Шишкова, ч. IV с. 161 — 162, изд. С. П. Б. 1825 г.—Съ патріарха никогда не сривали ризъ, ни платья; не налагали на него ни веревокъ, ни оковъ, ни цѣпей и не держали въ глубокой и смрадной темницѣ. — Это все увеличено. Вѣроятно г. сочинитель смѣшалъ это событіе, бывшее съ митрополитомъ ростовскимъ, Филаретомъ. Когда Ляхи взяли Ростовъ (въ 1609 г.), народъ и воины бѣжали; тогда Филаретъ сказалъ: не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество! —и заключился съ немногими усердными воинами и гражданами, въ соборной церквѣ. Тамъ всѣ исповѣдовались, причастились и ждали смерти. Непріятели осадили храмъ, выломали двери и рынулись съ мечами. Вѣрные Ростовцы окружили Святителя, защищали его до послѣдняго издыханія; церковь наполнилась мертвыми и злодѣи схватили Филарета: сорвавъ съ него святительскія ризы, одѣли въ рубища; потомъ, надѣли на него простую свиту и повели его босаго, въ татарской шапкѣ, въ тушинскій станъ. Великій Филаретъ терпѣлъ униженіе, долгое время; но его вѣрность къ отечеству, ничто не поколебало. — Никон. лѣт. с. 103 — 104. Авр. Палиц. Осада Троицк. - Серг. - Лавры. с. 44; Латух. степен. кн. —

Такъ кончилъ жизнь свою великій іерархъ, — лучезарное свѣтило отечества. Смерть его воспламенила сердца всей Россіи; всѣ люди закипѣли мщеніемъ. Опорою бѣдствовавшей Россіи, еще оставался Ляпуновъ; но злодѣй Заруцкій оклеветалъ его предъ своими козаками. Они взволновались, провозгласили его измѣнникомъ, и среди высокихъ помысловъ объ освобожденіи отечества, Ляпуновъ встрѣтилъ неотвратимый ударъ, — онъ палъ на гробъ отечества! Великія тѣни: Ермогена и Лянунова, навсегда пребудутъ въ событіяхъ исторіи священными. (*). Казалось, все погибнуло со смертію этихъ великихъ защитниковъ. Отечество погрузилось въ печаль безутѣшную: все страдало и плакало. Думали, нѣтъ надежды на избавленіе: нигдѣ не видѣли спасителей. Но, на голосъ о спасеніи, явились Козьма Миничъ Сухорукій и кн. Дм. Мих. Пожарскій, и тогда единодушно объявили своимъ Царемъ, юнаго Михаила. Враги однако подослали злодѣевъ въ Инатьевскій монастырь, въ коемъ жилъ Михаилъ, чтобы умертвить его. Крестьянинъ Ив. Сусанинъ, извѣстилъ избраннаго на престолъ,

---

(*) Нѣкоторые изъ нашихъ писателей сомнѣваются въ патріотическихъ дѣйствіяхъ Ляпунова — между тѣмъ, какъ онъ умеръ за отечество.

объ угрожавшей ему смерти, и самъ умеръ за него, бывъ замученъ поляками (*)

Къ концу 1612 г. большая часть Россіи очистилась отъ нашихъ губителей, и это самое время, лютѣйшее изъ всѣхъ государственныхъ, ознаменовало русскихъ болѣе нежели когда либо. Тутъ вылился весь народной духъ, кипѣвшій священнымъ чувствомъ любви къ отечеству. Народъ познается только въ бѣдствіяхъ. Чувство благороднаго самоотверженія, восторжествовало, и отечество вышло изъ пучины смутъ и крамолъ, свѣтлымъ, чистымъ, блестящимъ какъ солнце! Всегда, во всѣ вѣки, были у насъ разительныя доказательства самопожертвованія. Это не пристрастіе, а истина, какъ Божій свѣтъ. Быть молчаливымъ о славѣ своего отечества, великихъ дѣяніяхъ народа, это обнаруживаетъ одно робкое и неумѣстное смиреніе, которое весьма вредно въ политикѣ.

Неизмѣнное свойство веселости.

Предки наши и въ самой неволѣ, увлекались забавами и пляскою. Горе ихъ услаждалось тихимъ и боязливымъ веселіемъ, которое отразилось въ пѣсняхъ, напоминающихъ доны-

(*) Потомки Сусанина, живущіе въ плескомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Коробовѣ, въ 35 вер. отъ Костромы, освобождены Екатериною II отъ всѣхъ повинностей и сдѣланы вольными.

нѣ грусть и тоску. Пѣніе нерѣдко сопровождалось музыкою, которая невольно переходила въ печальные звуки сѣтованія. Отъ того напѣвъ и музыка русскаго, заунывныя. Нѣкоторыя игры, доселѣ носятъ отпечатокъ истомы, олицетворенной въ голубѣ, коршунѣ, сѣромъ волкѣ, и пр. Предразсудки и суевѣрія, владѣли умами; искуства и художества, начали распространяться, только со временъ Іоанна III. Тогда стали уважать плоды гражданскаго образованія, но любили святыню древнихъ нравовъ и простоту жизни, отдавая справедливость разуму и просвѣщенію; перенимали все, что было хорошее, отнюдь не чуждались иностранцевъ, приносившихъ къ намъ полезное съ собою. Древніе народные обычаи, мало измѣнялись до конца XVII в. Хотя мы познакомились съ винами иноземными, однако русскія яства и хлѣбосольство, радушіе и роскошныя одежды, еще напоминали и тогда старинную самобытность. Все любило свое собственное, имъ жило и веселилось, и это чувство переходило отъ потомства къ потомству, какъ завѣтъ самосохраненія.

Сохранившаяся народность въ древнихъ сочиненіяхъ.

Науки облагороживаютъ сердце, раскрываютъ душу и возносятъ умъ; но безъ истиннаго просвѣщенія, онѣ не согрѣваютъ, а воспламеняютъ; не ведутъ къ цѣли благосо-

стоянія, а кружатъ головы пылкими затѣями и превратными начертаніями, потому знанія, жизнь народовъ, должны отсвѣчиваться въ дѣйствіяхъ общихъ, а не геніевъ. Русскіе издавна любили науки, и постоянно стремились упрочить ихъ съ своими понятіями и своимъ образомъ жизни. Въ первыхъ вѣкахъ нашей гражданственности, познанія тѣсно сливались съ народностію, могуществомъ, роскошью, изобиліемъ, удальствомъ и силою. Древнія пѣсни и сказки, славили могучихъ богатырей, сподвижниковъ Владиміра I; великолѣпіе его пировъ и ласковое его обхожденіе (*).

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, Князя Владиміра
А и было пированье, почетный пиръ,
Было столованье, почетной столъ,
Много на пиру было князей и бояръ,
И Русскихъ могучихъ богатырей.
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ въ полу столѣ. . .

(*) Богатыри и сподвижники: Добрыня Никитичъ, Александръ съ золотою гривною; Илья Муромецъ, Алёша Поповичъ, Чурила Пленковичъ, Соловей Будимировичъ, богатырь Рогдай, Янъ Усмошвецъ, Дюкъ Степановичъ, Иванъ гостиной сынъ, Акимъ Ивановичъ, Старъ Годиновичъ, Касьянъ Михайловичъ, Потокъ Михайло Ивановичъ, Василій Игнатьевъ-Пьяница и Тугаринъ Змѣевичъ, запечатлѣвшись въ памяти народа, какъ доблестные витязи Владиміра.

Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гридне похаживаетъ,
Черные кудри разчесываетъ.

Когда пировали, богатырь самъ наливалъ чару зелена вина, не велика мѣра, въ полтара ведра, а турій рогъ меду сладкаго, въ полтретья ведра (*).

Законы черпаются изъ обычаевъ и жизни народовъ. Правда русская и церковные уставы, носятъ отпечатки тогдашняго духа и потребности. Въ нач. X в. мы имѣли уже училище народное, заведенное въ Новгородѣ для 300 дѣтей (**). Междоусобія Князей и нашествіе Татаръ, заглушили первые начатки образованія. Словесность и науки, нашли убѣжище въ монастырскихъ стѣнахъ: тамъ иноки занимались списываніемъ священныхъ книгъ, сочиненіемъ лѣтописей и поученій. Наставленія В. К. Ярослава (1054 г.) къ дѣтямъ его; церковное правило митроп. Іоанна (около 1093 г.), наставника добродѣтельнаго и друга несчастныхъ; поученія епископа Луки Жидяты (1059 г.), поученія Владиміра Мономаха (1125 г.), сочиненія митроп. Никифора (около 1120 г.),—все

(*) Древн. русск. стихотв. собр. Кирш. Даниловымъ, изд. 1818 г., с. X. XI. 5 и 206.

(**) Никон. лѣтоп. «И собравъ отъ старостъ и пресвитеровъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ».

это ознаменовано сердечнымъ умиленіемъ, мольбою къ Вседержителю за отечество и народъ, которой любилъ добрыхъ Князей и пастырей, какъ дѣти своихъ отцевъ. *Слово о полку Игоревѣ*, древнѣйшій памятникъ русской поэмы (сочин. въ конц. XII в.), возглашаетъ славу нашихъ витязей, хвалитъ доблѣстный духъ народа, которой и въ несчастіи былъ великъ, преданностію безпредѣльной къ своему отечеству. Имя сочинителя неизвѣстно, но его произведеніе запечатлѣно силою выраженія и красотами языка живописнаго. — Начиная поэтическій разсказъ о былинахъ своего времени, онъ съ восторгомъ восклицаетъ о пѣснопѣвцѣ Боянѣ, *соловьѣ стараго времени*, котораго *вѣщіе персты*, касаясь *живыхъ струнъ*, *рокотали славу* нашимъ витязямъ. — До насъ не дошли пѣсни Бояна, но онѣ свидѣтельствуютъ, что мы имѣли еще до XII в. знаменитыхъ стихотворцевъ, коихъ творенія, съ древнѣйшими русскими сказками: о дѣлахъ и богатыряхъ, погибли въ бѣдственную эпоху междоусобій и угнетенія Россіи. Выпишемъ замѣчательнѣйшія мѣста. Новгородъ-сѣверскій удѣльный князь Игорь, исполненный ратнаго духа, ведетъ свои храбрые полки въ половецкую землю; но увидѣвъ красное солнце, покрытое тьмою, которая разпростерлась на

его воиновъ, онъ воодушевляетъ ихъ: «братія и дружина! лучше намъ умереть на полѣ битвы, нежели достаться въ плѣнъ. Сядемъ, братія, на свои быстрые кони и полетимъ къ синему Дону. Я хочу съ вами изломить свое копье, на половецкихъ степяхъ; тамъ положить свою голову, или шеломомъ испить Дону! Не буря несетъ соколей чрезъ широкія поля; но стадо галокъ къ великому Дону. — Лошади ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубятъ трубы въ Новгородѣ, развѣваются знамена въ Путивлѣ, — Игорь ждетъ къ себѣ на помощъ милаго своего брата Всеволода». — Онъ не замедлилъ прибыть, и говоритъ своему брату: «мои воины мѣтки въ стрѣляніи, подъ звуками трубъ повиты, подъ шеломами взлелѣяны, остріемъ копья вскормлены, пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны раскрыты, сабли заострены. Мои воины носятся въ полѣ сѣрыми волками, ищутъ себѣ чести а князю славы.»—Игорь разъѣзжаетъ по чистому полю, но потемнѣвшее солнце преграждаетъ ему путь; ночъ стонетъ грозно и разбуживаетъ птицъ, звѣри рыщутъ въ пустыняхъ. Игорь ведетъ своихъ воиновъ къ Дону. Уже птицы хищныя предвѣщаютъ ему бѣду, волки бѣгаютъ по оврагамъ, орлы своимъ клектомъ созываютъ

звѣрей *на кости*, лисицы воютъ на червленные щиты. Русскіе уже за Шеломянемъ. Ночь долго меркнетъ и заря утренняя не всходитъ. — Битва началась: непріятели побѣждены; въ добычу достались намъ дорогія ткани, золото и красныя дѣвицы. Но съ юга налетѣли черныя тучи, — новые полки враговъ. Русскіе стали противу нихъ своими щитами. «Всеволодъ сыплетъ на непріятелей стрѣлами, звенитъ по шлемамъ булатными мечами. Гдѣ сверкнетъ златый его шишакъ, тамъ лежатъ головы половецкія; раздробляются шлемы непріятельскія отъ саблей каленныхъ. Два дни кипитъ битва страшная. Летятъ стрѣлы каленныя, гремятъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя; земля усѣяна костьми и облита кровію; но печаль облегла русскую землю: на третій день къ полудню, пали знамена Игоря! Недоставало кроваваго вина, но храбрые Русскіе кончили свой пиръ: напоили гостей и сами легли за отечество! Не веселая настала година! — Жены русскія восплакали: не видать намъ своихъ милыхъ, ни мыслію помыслить, ни думою сдумати. Застоналъ Кіевъ скорбью, а Черниговъ бѣдами; тоска разлилась по всей Россіи: Игоря ведутъ въ плѣнъ, дѣвицы половецкія поютъ радостныя пѣсни на берегахъ синяго мо-

ря, и звенятъ русскимъ золотомъ. В. К. Святославъ роняетъ золотое слово, омоченное слезами, и говоритъ: о племянники мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы подняли мечи на половецкую землю, а себѣ искать славы. Несчастно бились, но несчастнѣе пролили кровь поганую. Сердца ваши скованы булатомъ и закаленны мужествомъ, но что нанесли моей серебряной сѣдинѣ! Много у насъ воиновъ, но и тѣ безъ щитовъ. Величаясь прадѣдиной славою, вы говорили: мужайтесь! славу прадѣдовъ исторгнемъ, и ею увѣнчаемся! Если соколъ летаетъ на добычу, то онъ нападаетъ съ высока.» Пѣснопѣвецъ приглашаетъ князей соединиться, чтобы наказать Половцевъ: «В. К. Всеволодъ! ты можешъ Волгу раскроить веслами, а Донъ вычерпать шлемами. О Рюрикъ и Давидъ! не ваши ли позлащенные шлемы, плаваютъ въ крови? Не ваша ли храбрая дружина рыскаетъ, какъ дикіе волки, уязвленные каленными саблями? Галицкій Ярославъ осмомыслъ! сидя высоко на своемъ златокованномъ престолѣ, ты подпираешъ венгерскія горы своими желѣзными полками, преграждаешъ путь королю, затворяешъ ворота Дуная, открываешъ путь къ Кіеву, стрѣляешъ за земли султанскія, — стрѣляй въ Кончака, нечестиваго кощея, за землю русскую,

за раны Игоревы! А вы, Романъ и Мстиславъ, летая высоко отвагой, какъ соколъ на крыльяхъ вѣтровъ, подъ вашими булатными мечами склоняютъ головы: Литва, Ятвяги, Древляне и Половцы. — Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстиславичи, знаменитаго гнѣзда шестокрыльцы! заградите поле врагу, своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоревы! Уже Сула не течетъ серебряными струями, а Двина течетъ болотомъ, подъ грознымъ кликомъ поганыхъ. Изьяславъ, сынъ Васильковъ, сразился острыми мечами со щитами литовскими, и нашелъ славу: онъ палъ на кровавой травѣ, изрубленный литовскими мечами. Дружину твою, Князь, пріодѣли птицы крыльями, а кровь ея полизали звѣри. Ты выронилъ жемчужную душу, изъ храбраго тѣла. Пріуныли голоса, замолчало веселіе! — Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! склоните свои знамена, вложите свои мечи. Вы, своими крамолами, навели поганыхъ на землю русскую. На берегахъ Нѣмана они стелютъ снопы головами, молотятъ булатными цѣпями и вѣютъ душу отъ тѣла. — На кровавыхъ берегахъ Нѣмана, не бологъ посѣянъ, а посѣяны кости русскія! — О, стени русская земля, вспоминая про времена первыхъ Князей своихъ!» Супруга Ярослава плачетъ, говоря: «полечу незна-

*

емой кукушкой по Дунаю, омочу шелковой (бебрянь) рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, и утру кровавыя раны на изрубленномъ тѣлѣ моего друга.» Супруга плѣненнаго Игоря проливаетъ слезы въ Путивлѣ, смотря съ городской стѣны въ чистое поле «о вѣтеръ, вѣтеръ! для чего ты вѣешъ! Къ чему мечешъ ханскія стрѣлы, на воиновъ моего друга? Развѣ тебѣ мало вѣять на горахъ подъ облаками, носить корабли на синемъ морѣ? Къ чему мое веселіе развѣваешъ? О, славный Днѣпръ! ты пробилъ каменныя горы въ землѣ половецкой, носилъ на себѣ Святославовы ладіи, къ стану Кобякова; принесижъ ко мнѣ моего милаго, чтобы я не посылала къ нему въ море, утреннихъ слезъ моихъ. О свѣтлое и пресвѣтлое солнце! ты для всѣхъ теплое и красное: для чего жъ падаешъ горячими лучами на воиновъ моего милаго, палишъ ихъ въ безводной пустынѣ и угнетаешъ печалью?» Игорь освободился изъ плѣна: обманувъ бдительность стражи, онъ садится на борзаго коня и летитъ соколомъ; утомивъ коня, онъ садится въ лодку и плыветъ въ отечество р. Донцемъ. Рѣка привѣтствуетъ князя; «Князь Игорь! не мало тебѣ величія, Кончаку досады, а русской землѣ радости». Князь отвѣчаетъ: «о Донецъ! не мало тебѣ величія, когда несешъ на

своихъ волнахъ Князя, стелешъ ему зеленую траву, на своихъ серебряныхъ берегахъ; одѣваешъ его теплыми мглами, подъ сѣнію зеленаго дерева; охраняешъ его гоголями на водѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на вѣтрахъ.» За Игоремъ гнались Гзакъ съ Кончакомъ: «тогда вороны не крякали, галки замолкли, сороки не трескотали, лазя по деревьямъ. Дятлы указывали ему путь къ рѣкѣ, а соловьи новѣщали возвращеніе Князя, веселыми пѣснями». «Хотя тяжко головѣ безъ плечъ» говоритъ пѣснопѣвецъ словами Бояна, «но худо тѣлу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря. — Солнце сіяетъ на небѣ, Игорь въ русской землѣ! Дѣвицы поютъ на берегахъ Дуная; радостныя голоса *вьются* чрезъ море въ Кіевѣ: Игорь ѣдетъ по Боричеву, во храмъ Св. Богородицы Пирогощей». Стихотворцевъ заключаетъ: «да здравствуютъ князья и дружина, поборовшіе за Христіянъ, поганые полки. Слава князьямъ и дружинамъ!» (*)

(*) Слогъ пѣсни о полку Игоря, показываетъ, что она сочинена южнымъ жителемъ Россіи. Нѣкоторыя слова и выраженія, встрѣчаемыя въ этой пѣснѣ, сохранились доселѣ въ малороссійскихъ думахъ конца XVI в., и это доказываетъ, что Малороссія давно имѣла своихъ вдохновенныхъ поэтовъ, еще до созданія языка.

Изъ многихъ разбиравшихъ пѣснь о полку Игоря, съ исторической стороны, есть болѣе удовлетворительной П. Г.

Науки были любимы въ уединенной кельи Верхуслава, невѣстка кн. Рюрика, ревностно покровительствовала ученымъ мужьямъ: епископу суздальскому, Симону, и монаху кіевской

Буткова, — напечат. въ Вѣстн. Европ. 1821 г. N 21 и 22. въ Сын. Отеч. и Сѣвер. арх. 1834 г. N 52. — Г. Бутковъ подвергся несправедливымъ замѣчаніямъ сочинителя сказаній Русск. народ., г. Сахарова. Уважая вполнѣ полезные труды г. Сахарова, нельзя пропустить безъ замѣчанія ошибочныхъ его нареканій. Онъ, между прочимъ говоритъ, — см. его сказанія русск. нар., въ статьѣ: Русская народ. литература с. 58 — 60 изд. 1841 г., и пѣсни русск. народа ч. 5. с. 222—228. — «Критическія изслѣдованія г. Буткова, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Идя своимъ путемъ, онъ самъ разыскивалъ, не вѣрилъ чужимъ толкованіямъ. Эту самобытность г. Буткова, встрѣчаемъ мы во всѣхъ его изслѣдованіяхъ.» Послѣ этого прибавляетъ, что онъ несправедливо толкуетъ древнія слова, которыя необъяснилъ и самъ г. Сахаровъ. Онъ говоритъ далѣе: «мнѣніе г. Буткова о мѣстоположеніи Тмуторакана, замѣчательно своею новостію изысканій, отъ всѣхъ другихъ: онъ полагаетъ, что его искать должно не въ Таманѣ, но на пути изъ Кіева къ Полоцку, на правой сторонѣ Остра, при соединеніи этой рѣки съ Десною, гдѣ теперь село Старогородка, въ одной верстѣ ниже города Остра, въ 60 верстахъ отъ Кіева». Г. Сахаровъ не такъ это понялъ. Г. Бутковъ, говоря о побѣгѣ Всеслава изъ Бѣлгорода чрезъ Кіевъ и Тмуторакань, указывалъ, что тутъ разумѣется Тмуторакань не Таманская а тотъ городъ Тмуторакань — Остроческій, которой упоминается въ географическомъ отрывкѣ XIV в., въ числѣ кіевскихъ городовъ. Сахаровъ говоритъ еще: «что же касается до непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ описаніи слова о походѣ Игоря, то г. Бутковъ почти не обратилъ на нихъ вниманія.» Г. Бутковъ не брался объяснить непонятныя слова; онъ писалъ нѣчто къ слову, а не о всемъ словѣ, и г. Сахаровъ упустилъ изъ

лавры, Поликарпу (окол. 1226 г.). Періодъ татарскаго владычества, мрачный для воспоминанія, но утѣшителенъ крѣпкой вѣрою. Святители и пастыри, проповѣдывали христіянское смиреніе и утверждали въ упованіи на Бога защитника. Духовенство, пріобрѣвъ большое вліяніе на народъ, умѣло защищать его предъ ханами. Такъ митрополитъ Св. Алексѣй, успокоивалъ свое отечество ходатайствомъ въ

виду, что г. Бутковъ объяснилъ отчетливо событія Игорева похода. Я не вхожу въ дальнѣйшій разборъ изслѣдованія по этому предмету, г. Буткова, котораго труды весьма важны для нашей критической исторіи.

Очень многіе покушались объяснить Слово о полку Игоря, и каждый изъ нихъ писалъ по своему мнѣнію. Вотъ одно только исчисленіе писателей, по предмету доселѣ неистолкованному. 1. Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Онъ первый открылъ въ 1795 г. и напечат. въ 1800 г. — 2. А. С. Шишковъ, напеч. 1805 г., потомъ перепечаталъ въ 1826 г., и помѣщено въ полн. собр. его сочиненій и переводовъ. З. Я. Пожарскій, въ 1819 г. 4. Н. Грамматинъ объяснялъ въ прозѣ и стихахъ, 1823 г. 5. Н. А. Полевой, въ 1830 г. въ 3 т. Ист. руск. нар. — 6. А. Ѳ. Вельтманъ, въ 1833 г. 7. М. Максимовичъ, 1837 г. Переводили въ стихахъ: 8. Сѣряковъ, 1803 г. 9. Палицынъ, 1808 г. 10. Язвицкій, 1812 г. 11. Левитскій, 1813 г. Иностранные переводчики, на нѣмецкій яз.: 12. Славянинъ Юнгманъ, 1810 г. 13. Миллеръ и 14. Зедерманъ. Послѣдній объясненія гг. Карамзина и Шишкова, назвалъ перлами. 15. Купріянъ Годебскій, на польской яз.; 16. Вацлавъ Ганка, Славянинъ, на чешскій яз. 17. Аджитъ помѣстилъ переводъ Игорева слова въ сербскомъ альманахѣ *Голубицъ*. 18. Авг. Бѣлевскій объяснялъ слово о полку Иго-

Ордѣ; архіепископъ ростовскій, старецъ Вассіанъ, Демосфенъ своего времени, напоминалъ Іоанну III (въ 1480 г.) стоять крѣпко за отечество и вѣру. «Наше дѣло говорить Царямъ истину» писалъ онъ къ Царю. «Что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, о томъ и нынѣ пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу.— Когда ты поѣхалъ изъ Москвы къ воинству, съ намѣреніемъ ударить на врага христіянскаго, тогда мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали къ олтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ приближается, губитъ Христіянство, грозитъ тебѣ и отечеству: ты же отъ него уклоняешься!—Государь! какимъ совѣтамъ внимаешь? Помысли! предать землю русскую, — мечу и огню; людей погибели! Чье сердце каменное не обольется слезами, отъ единыя мысли? О Государь! кровь вопіетъ на небо. Мы уповаемъ на Вседержителя, что ты не оставишъ насъ, и не будешъ именоваться предателемъ отечества. Отложи страхъ: Господь мертвитъ и живитъ. Поревнуй

рева, на польск. яз. 19. Дм. Дубенской представилъ новыя объясненія на слово о полку Игорева, — оно напеч. въ Русск. достопамятн. Ч. III. 1844 г.

предкамъ своимъ: они хранили русскую землю и покоряли многія страны. Мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмата, не царя, а разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его.» (*)

Этотъ самой періодъ замѣчателенъ духовными сочиненіями митрополитовъ: Кипріана (1406 г.), Фотія (1410), Григорія Самблака и Макарія, которыя конечно не всѣ въ духѣ народномъ, за то вездѣ проникнуто священнымъ чувствомъ любви къ отечеству. Такой духъ господствовалъ постоянно въ нашемъ дорогомъ отечествѣ; такой духъ спасъ Россію и вручилъ ее вѣнценоснымъ Романовымъ. — Іоаннъ В. и Борисъ Годуновъ, вызывали иностранцевъ и старались поселить науки. Годуновъ предполагалъ даже открыть въ Москвѣ университетъ, по крайней мѣрѣ высшее народное училище. Царствованіе его, нарушенное смутами Лжедимитріевъ, не дало созрѣть благимъ начинаніямъ, — это предоставлено было счастливому вѣку Императрицы Елисаветы.

Непоколебимость народа и его слава.

Наступала новая гражданская жизнь, появлялись новые источники благоустройства; но это совершилось не вдругъ, потому что предстояла еще сильная борьба народу: ему надлежа-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 6. с. 145—148.

ло бороться съ своими непримиримыми врагами—сосѣдями: Поляками, Шведами и Татарами крымскими. Укрѣпляемый любовію народа, Михаилъ принялъ царскій вѣнецъ (1613 г. мар. 3). Призванный имъ единодушно, онъ ревновалъ о благоденствіи и упрочилъ его, сколько было возможно. Онъ прекратилъ споры за московскую корону, уничтожилъ крамолы внутри отечества и возстановилъ достояніе Россіи; но мы не знаемъ, кто былъ во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ, душею неопытнаго и юнаго Государя? Когда святитель Филаретъ, томился неволею въ Варшавѣ, кто врачевалъ тогда раны нашего отечества? (*) Кто указывалъ ему на благо общественное? Видимъ блистательныхъ полководцевъ, но они были сильные на войнѣ, а не въ совѣтѣ; были крѣпкіе мужествомъ, а не знаніемъ науки государственнаго управленія. Кн. Одоевскій, истребитель шайки атамана Заруцкаго; кн. Пожарскій, спаситель отечества, поражавшій еще скопища *лисовщины*; бояринъ Лыковъ, памятный Шведамъ своею доблестію; бояринъ Шеинъ, защитникъ Смо-

(*) Мы знаемъ, что Филаретъ, по возвращеніи изъ девятигодичнаго плѣна (1619 г. іюн. 14), былъ возведенъ въ патріаршеское достоинство (іюн. 22); потомъ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ своего сына. Нов. Древн. библ. ч. 6. с. 125. изд. 1788 г.

ленска и другіе, радовали отечество, и доказывали его силу (*).

Борьба съ тѣми же непріятелями, продолжалась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и была упорнѣе. За то, принятіе Малороссіи подъ покровительство Россіи (1654 г. генв. 8), и прекращеніе войнъ миролюбивыми и полезными договорами съ непріятелями, укрѣпили насъ во владѣніи. Великій мужъ этого времени, Аѳ. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ, много содѣйствовалъ къ утвержденію Малороссіи за Россіею.

(*) Иностранцы, называя насъ варварами, описывали какъ жителей новооткрытой части свѣта. Но они забыли, что эти варвары, были умомъ сильные и съ безограниченной любовію къ своему отечеству; что эти варвары, не дозволили просвѣщеннымъ народамъ выбрать изъ среди ихъ властелина. Народъ нашъ славился, и въ то время, самобытностію и Православіемъ; государскіе сановники гибкостію политики и умомъ дальновиднымъ, ибо уничтожили домагательства Польши и Швеціи, въ избраніи ихъ королей въ наши Цари. Нѣкоторые изъ нашихъ дворянъ сражались еще въ тридцатилѣтней войнѣ, и запечатлѣли свои подвиги кровавыми ранами. Олеарій, секретарь шлейзвигъ — голштинскаго посольства, пріѣзжавшій въ Москву въ 1633 г., говоритъ, что между Копорьемъ (Capurga) и Нотебургомъ (Шлиссельбургомъ), русскій бояринъ Базаловичъ, угощалъ посольство вкусными яствами и за столомъ играла музыка; что Базаловичъ участвовалъ въ лейпцигской битвѣ, въ 1631 г., и показывалъ свои раны, полученныя имъ; что бояринъ не только храброй, но обходительной и любезной. — Олеар.: Offt begehrte Beſchreibung der Neyen Orientaliſchen Reiſe, с. 9. изд. Шлейзв. 1647 г. in. f.

Другъ человѣчества, достойный сынъ Россіи, А. С. Матвѣевъ, трудился и умеръ за честь и пользу. — Не доставало исполинскаго генія, которой вдвинулъ бы Россію въ систему европейскихъ государствъ; ибо русской народъ, любилъ пламенно свое отечество, а съ такою любовью чего нельзя было предпринять и совершить? — Явился великій умъ, и слава Россіи озарилась сіяніемъ Петра. Онъ соединилъ насъ съ Европою, и показалъ намъ выгоды просвѣщенія. — Мы, какъ бы однимъ взглядомъ, присвоили себѣ плоды долговременныхъ ея трудовъ. Великій Монархъ, едва указалъ воинамъ, какъ надобно сражаться, они уже летали отъ побѣдъ къ побѣдамъ. Явились наши полководцы, и доказали, какъ мы умѣемъ бить Шведовъ и Поляковъ. Побѣдные звуки разнеслись по Европѣ. — Прежній порядокъ управленія измѣнился, преобразовались всѣ сословія людей, появились лучшіе законы, правильныя судилища. — Между многими доблестными подвигами его полководцевъ, не менѣе поражаетъ меня кн. М. М. Голицынъ, взявшій Шлиссельбургъ. Взятіе этой крѣпости было ему поручено; осаждаемые были поражаемы со всѣхъ сторонъ; войска гибли, но не отступали. — Царь велѣлъ прекратить осаду; но Голицынъ, взлѣзая на крѣпостныя стѣны, от-

вѣчалъ посланному: «скажи Государю, я теперь не ему принадлежу а Богу.» — Крѣпость обливалась кровью, и стѣны ея пали предъ Голицынымъ. Отецъ народа облобызалъ съ гордостію, сына отечества (*). Вѣнценосный Петръ самъ на себѣ показывалъ примѣры самоотверженія, и между многими: Полтава и Прутъ.

Великій Монархъ созидалъ величіе своего отечества, на отдаленные грядущіе вѣки. Онъ вездѣ самъ судилъ, самъ избиралъ мужей и не ошибался въ выборѣ своихъ сотрудниковъ, — которые, если не стоятъ на ряду съ нимъ, то и не могутъ быть отдѣлены отъ него: — Головины, Меньшиковы, Голицыны, Головкины, Шафировы, Долгорукіе, Остерманы и многіе другіе.

Примѣру своего отца, слѣдовала неукоснительно Елисавета; оружіе ея воиновъ: Ми-

(*) Нотебургъ, переименованный послѣ завоеванія въ Шлиссельбургъ, взятъ 1702 г. окт. 11. Голик. Дѣян. П. В. ч. II. с. 86.—Пріобрѣтеніе Нотебурга было столь важное, что Петръ Великій установилъ ежегодное торжественное молебствіе, которое совершается понынѣ, въ день взятія, во всѣхъ церквахъ на-ровнѣ съ Кучукъ-кайнарджскимъ миромъ и другими побѣдоносными воспоминаніями. Герой Шлиссельбурга, кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, былъ въ послѣдствіи фельдмаршаломъ. — Въ Моск. вѣд. за 1843 г. № 89. іюля 27, ошибочно сказано, что онъ взялъ Шлиссельбургъ окт. 12. — См. статью напечатанную въ томъ нумерѣ: жизнь кн. М. Голицына. Онъ померъ въ 1730 г. дек. 10; погребенъ въ Москвѣ въ богоявленск. мон., въ Китаѣ городѣ.

ниховъ, Лассіевъ, Апраксиновыхъ, Фермора, Салтыковыхъ, гремѣли повсюду; хитрыя дѣйствія политика-канцлера, гр. Бестужева-Рюмина, дали чувствовать Европѣ быстро-возраставшее могущество русскихъ. Но что можно сравнить съ исполинскими дѣлами Екатерины II?—Іоаннъ III былъ творецъ Россіи, Петръ I ея преобразователь а Екатерина II, мудрая и прозорливая, вознесла ее на верхъ славы: Она вѣнецъ народной гордости! Обнимая въ умѣ своемъ систему европейскихъ государствъ, она не упускала изъ виду Швеціи, Польши и Турціи. Она пріобрѣтала земли для пользы Россіи, ея могущества и внѣшней безопасности. Она знала, что всѣ союзы и дружественныя договоры, суть только кратковременное перемиріе, и что единственный способъ утвердить ихъ, слѣдовало держать непріятелей въ трепетѣ. Европа испытывала это многократно, и убѣдилась, что Монархиня не разрывала мира безъ нарушенія его другими, и когда мечъ блисталъ въ рукахъ ея полководцевъ, тогда было горе супостатамъ! Проницательный взоръ ея нашелъ Румянцовыхъ-за-дунайскихъ, генералиссимусовъ Потемкиныхъ - таврическихъ, Долгоруковыхъ-крымскихъ, генералиссимусовъ князей-италійскихъ-графовъ Суворовыхъ-рымникскихъ,—бича Турковъ, карателя Поль-

ши и гроза Французовъ. Послѣдніе извѣдали въ Италіи весь ужасъ его штыковъ. Этотъ альпійскій герой, Анибаллъ русскій, трепетъ нерѣшительныхъ Австрійцевъ, леталъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ, по одному мановенію Великой въ имперіи жены, — Екатерины II. — Когда онъ вошелъ въ Италію, тогда казалось, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, возставъ изъ гробовъ, смотрѣли съ удивленіемъ на трофеи его. Суворовъ принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ полководцевъ. Гдѣ онъ ни сражался, вездѣ побѣждалъ. Подобно Цезарю, онъ ставилъ себя выше судьбы. Онъ не шелъ, а летѣлъ къ славѣ, которая встрѣчала его съ лавровыми вѣнками. Цезарь, Суворовъ и Наполеонъ, — вотъ явленія всемірныя! Дальновидный взоръ, изумительная быстрота и вѣрный ударъ, были родныя имъ свойства. — Русскіе не останавливались, шли впередъ; думали о пользѣ и славѣ, и вскорѣ молніеносныя ихъ орудія освѣтили эвксинскій понтъ. — Здѣсь увѣковѣчили себя Орловы-чесменскіе. — Принцы Кобургскіе, ревновали чесменскимъ; Ферзены текли по слѣдамъ рымникскаго. Умные государственные мужи: Панины, Безбородкины, Репнины, Штакельберги, отецъ и сынъ, благодѣтельные Бецкіе, вдохновенные Державины, увѣнчали имя рус-

ское. Не здѣсь исчислять блистательныя дѣла, украшающія по справедливости гордость народную. Довольно, что вѣкъ Екатерины, не раздѣленъ съ именемъ русскаго. Не здѣсь, а въ бытописаніи царствъ, должно слѣдовать за величіемъ Россіи. Въ сіяніи славы и благоденствіи, народъ рукоплескалъ уму Екатерины и ея сотрудникамъ. Отъ береговъ Невы до Царьграда, отъ льдистыхъ странъ сѣвернаго моря до благословенной Италіи, отъ кавказскихъ хребетовъ до Пекина,—все говорило и завидовало русскимъ.

Наше отечество, наслаждавшееся миромъ, вскорѣ было вызвано на новой бой, съ непобѣдимымъ для Европы Наполеономъ. Чрезвычайныя его побѣды, наводили повсюду ужасъ; русскіе точили оружіе и встрѣтили, къ удивленію его, внутри своихъ земель. Барклай де Толли, Багратіоны, Кульневы, Раевскіе, Коновницины и Ермоловы, бились и изумляли враговъ, невѣрившихъ самымъ себѣ, что они воюютъ съ русскими. Они еще не знали ихъ! Когда Кутузовъ принялъ начальство надъ войсками (*), тогда открылась народная война. Каждый закипѣлъ духомъ мужества: юноша

(*) Послѣ взятія Смоленска, авг. 6, 1812 г., см. Письма русск. офицера, Ѳед. Глинки.

и старикъ, земледѣлецъ и богачъ, женщины и духовенство. Все и повсюду ревновало о спасеніи любезнаго отечества: несли добровольно груды золота, составляли ополченія, помогали раненымъ и одушевляли ихъ. Мать не оплакивала падшаго сына, но гордилась его смертію; отцы, благословляя дѣтей на брань, напоминали имъ священный долгъ, — умереть съ оружіемъ: да не посрамимъ земли русскія! — Дано кровопролитнѣйшее сраженіе на бородинскихъ поляхъ, названное *битвою полководцевъ*, (авг. 26). Сто восемь тысячь нашего войска, билось съ 130,000 непріятельской арміею; громъ 2,000 орудій гремѣлъ безпрерывно; земля дрожала, кровавыя рѣки лились, и мы ни на шагъ не отступали. Наконецъ, отдали Москву; непріятель вошелъ сюда, не думая, что вновь раздадутся отсюда молніеносные перуны на его погибель; что Москва сдѣлается гробомъ для двадцати его союзниковъ. — Наполеонъ предложилъ здѣсь миръ, говоря: война уже кончилась, но Кутузовъ Смоленскій отвѣчалъ ему: война теперь только начинается. Послѣдовали битвы рѣшительныя; рядъ полководцевъ: Витгенштейны, Милорадовичи, Платовы, Орловы-Денисовы, Баговуты, Бенигсгены и другіе соперники славы, явили образцы безстрашія и любви къ отечеству. А народъ и неопытные

ратники — партизаны, ища не славы, а справедливаго наказанія своему врагу, спѣшили наперерывъ вредить ему: отнимали у него жизненные припасы, нападали неожиданно въ тылъ, дѣлали засады, рубили лѣсъ и жгли его, или, укрываясь въ немъ, внезапно бросались на непріятелей съ копьями, косами, ножами и топорами; загоняли въ болота или озера, и топили цѣлыми отрядами; зажигали собственные домы и цѣлыя селенія, гдѣ проходилъ непріятель; отнимали у него всякое средство для пріюта и жизни. Недостатокъ въ жизненномъ продовольствіи, наставшій зимній холодъ, бывъ ужаснымъ для самыхъ туземцевъ, увеличивалъ еще болѣе опустошеніе и погибель, и къ концу 1812 г., врага уже не стало въ Россіи! Этотъ годъ, обремененный славою русскихъ, перешелъ съ ними во храмъ безсмертія. — 1612 и 1812 годы, оба были обагрены кровію и увѣнчаны лаврами. Тамъ и здѣсь, одна народность спасала отечество; тамъ и здѣсь, пожинались лавры на кострахъ мертвыхъ и, съ снѣжныхъ полей Петербурга, русскіе развернули побѣдныя свои знамена на стѣнахъ Парижа. Европа невольно воскликнула: великъ Богъ русскія земли, — великъ и народъ ея! — Народъ, изливая чувства благодаренія предъ престоломъ Всевышняго, наименовалъ Алек-

сандра, любимаго своего Монарха, благословеннымъ, а Кутузова, — спасителемъ; но исторія съ ихъ именами записала, въ свои безсмертные листы, чудесныя дѣла русскихъ.

Тамъ, гдѣ болѣе всѣхъ лилась чистѣйшая кровь сыновъ отечества, тамъ погибли сильные. Сергіевская лавра и Бородинское поле, указывая на доблестные подвиги нашихъ прадѣдовъ и отцевъ, всегда будутъ наводить усладительную задумчивость и на рѣзвую юность, оживлять плѣнительной бесѣдою—и старцевъ,— на закатѣ дней ихъ жизни. — Согбенный лѣтами и воинъ молодой, воспоминая о славѣ протекшихъ дней, вздохнутъ не разъ, вздохнутъ, обливаясь радостными слезами. Воинъ! по тебѣ есть память: она живетъ въ родныхъ тебѣ, — всѣхъ твоихъ русскихъ. — Путникъ не разъ склонитъ здѣсь свою голову, и воскликнетъ въ восторгѣ небесномъ: они здѣсь узнали безсмертное свое жилище! — Сладко умереть за отечество. — Учитесь! — О, для любящихъ отечество, — не надобно учиться. — Кто любитъ отечество, тотъ учитъ другихъ.

По освобожденіи Европы, обязанной единственно успѣхамъ русскаго оружія, наши воины — орлы, не долго отдыхали на лаврахъ. Раздались въ Азіи новые громы: Кавказъ и Араратъ содрогнулись. Князь варшавскій -

графъ-Паскевичъ-эриванскій, принося на олтарь отечества постоянно лавры и трофеи, доказалъ Персіянамъ, Туркамъ и Европѣ, что для русскихъ ни палящій зной солнца, ни смертоносныя болѣзни, ни преграда стремительныхъ рѣкъ, необозримыхъ пропастей, непереходимыхъ горъ, не останавливали, а еще болѣе усиливали ихъ рвеніе. Чѣмъ болѣе встрѣчалось имъ на пути препятствій, тѣмъ болѣе воодушевлялись они мужествомъ и непоколебимостію,—свойство великаго народа! — Побѣды намъ открыли путь къ благоденствію, а слава наша есть право на твердость политическую. —

Дѣйствіе народности.

При всѣхъ переворотахъ гражданственности, русскій любилъ богатыя одежды и роскошъ, гордился своимъ хлѣбосольствомъ и нѣгою. Любилъ травить зверей и не боялся итти на него, прямо, съ однимъ топоромъ или съ рогатиной; тѣшился плясками и веселилъ себя пѣснями. Въ самомъ горѣ онъ услаждалъ себя ими: пѣвалъ почти безумолкно. И теперь онъ тотъ же самой: работаетъ ли онъ, или сидитъ въ праздничный день у воротъ своей избы, поетъ и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины, дороги для его сердца: все сочувствуютъ съ нимъ, все ему знакомое. Голубое небо, усѣянныя поля душисты-

ми цвѣтами, нѣжные плоды южныхъ жителей, не производятъ въ душѣ его столько сладкихъ воспоминаній, какъ сумрачный день, свистъ бури и снѣжныя долины: они напоминаютъ ему родное. Воздухъ морозной, зелень дикая, могилы его предковъ, гробы его родныхъ, все тутъ его! Его предки тутъ родились и уснули, — и онъ здѣсь успокоится съ ними. Конечно, истлѣвать тѣлу вездѣ равно, но покоиться праху среди родныхъ, на своей родинѣ, усладительно для памяти: она не умираетъ, переходитъ по наслѣдству, по чувству безсмертія, и самой прахъ оживаетъ тогда! — И дикіе звѣри и хищные птицы, знаютъ свое рожденіе, свое гнѣздо: берегутъ и защищаютъ его воплемъ, ревомъ и стономъ. А человѣкъ, царь природы, не постоитъ за свою родину! Это чудовище, а не гражданинъ, и произведшая его на свѣтъ, должна проклясть день рожденія! Нѣтъ въ мірѣ ни одной былинки, ни одного насѣкомаго, которое бы не любило свою родину. Пересадите растеніе въ страну ему не свойственную, оно зачахнетъ и умретъ. Перенесите самое презрѣнное насѣкомое въ область ему чуждую, оно не перенесетъ потери своего отечества: и самое презрѣнное любитъ свою землю! Нѣтъ ничего въ природѣ, чтобы не дорожило своимъ собствен-

нымъ, не любило бы и самыя странности, но только свои. Онѣ странны для тѣхъ, которые рождены съ каменнымъ сердцемъ; чугуннымъ разсудкомъ, ледянымъ умомъ. Но и самый ледъ, перенесенный въ теплую страну, таетъ,— онъ таетъ отъ любви къ своему сѣверу; разрушается и оставляетъ слезы. Все плачетъ, все рыдаетъ по своемъ родномъ, по своей жизни! Магнитъ устремляется на сѣверъ и указываетъ каждому: вотъ гдѣ мое отечество. Не разлучайте меня съ нимъ! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мнѣ любовь!

Привязанность къ своей землѣ, есть общая для всего живущаго, для всѣхъ людей, потому что въ ней скрывается плѣнительное воспоминаніе о своей отчизнѣ; но есть другое чувство, высшее, нравственное, которое прославило всѣхъ народовъ, — это чувство есть любовь къ благу и славѣ своего отечества. Мы видѣли тому разительные примѣры, въ нашей исторіи. Кто же не знаетъ нашего народа! — Крѣпкій и чуждый заразительныхъ болѣзней, — онъ всегда веселой, живой, разговорчивой, обходительной, ласковой, не мстительной, терпѣливой и любящій Православную вѣру. Рѣдкія качества обитателей земнаго шара! Питается здоровою и часто скудною пи-

щей: хлѣбъ съ солью и квасомъ,—онъ сытъ; живетъ въ черной избѣ, и проводитъ зиму самую лютую, почти равнодушно; одѣвается просто и даже грубо; прикрываетъ тѣло въ свирѣпые морозы почти тою же одеждой, какую носитъ лѣтомъ: полушубокъ и лапти; но въ его неизнѣженомъ тѣлѣ, необразованномъ умѣ, таится великій духъ и возвышенныя его добродѣтели. На зовъ отечества онъ первый летитъ, первый проливаетъ за него кровь свою; онъ первый умираетъ за него съ восторженнымъ чувствомъ. Умереть за вѣру и отечество,—довольно для Русскаго! Согрѣваемый божественнымъ свѣтомъ Православія, онъ всегда стоялъ за него грудью, не думая о славѣ.— Укрѣпленное вѣрой гражданское общество, есть прочное, а это доказано Русскими при всѣхъ его несгодахъ. Православная вѣра всегда спасала насъ. Промѣнять свою вѣру на другую; допустить думать, что чужая лучше его, покориться власти иноземной, но другаго вѣроисповѣданія, воспламеняло его до ожесточенія. Русскій предпочтетъ лучше умереть, нежели захочетъ видѣть Православіе униженнымъ; но допустить ругаться надъ его храмами и олтарями,—это невозможно! Пастыри церкви, поддерживавшіе чувство къ Православію, умѣли соединить съ нимъ спасеніе оте-

чества. Никогда Русской не потерпитъ, чтобы кто наругался надъ его святыней. Уже тотъ непримиримый ему врагъ, кто посягаетъ на его Православіе,—и горе супостату! Съ Православіемъ тѣсно связано отечество. Кто нападаетъ на его вѣру, тотъ нападаетъ на его отечество, потому прежде надобно истребить вѣру, чтобы, не говорю, уничтожить народъ, даже завладѣть имъ! Нашествіе Французовъ въ 1812 г., никогда не могло быть достигнуто цѣли,—цѣли завоеванія Россіею, потому что они были враги Православной вѣры. Положимъ даже, что они могли бы имѣть торжество надъ нами, и повелѣвать имперіею! но, на долго ли?—Это торжество обрушилось бы къ погибели властелиновъ. Рано или поздно, но Русскіе не снесли бы иноземнаго владычества. Скажутъ, какъ же Татары господствовали надъ нами болѣе двухъ сотъ лѣтъ? Какъ мы терпѣли это?—Татары господствовали надъ нами потому, что наши князья безпрестанно находились въ междоусобныхъ раздорахъ, изъ личныхъ выгодъ; но Религія была покровительствуема самыми угнетателями, для того только, чтобы усыпить насъ. Когда же укрѣпилась единодержавная власть, тогда всѣ кончились крамолы. Доколѣ пребудетъ единство чувствъ и согласія, доколѣ благодѣтель-

ное самодержавіе будетъ управлять нами; — дотолѣ никто не овладѣетъ Россіею!

Посмотрите на разнообразіе русской жизни, и вы удивитесь, если я скажу, что это разнообразіе не мѣшаетъ народности. Развѣ можно назвать то народностію, что составляетъ ея оттѣнки: нравы и обычаи? Развѣ народность въ томъ состоитъ, чтобы носить свои одежды, питаться своей пищею, жить въ своихъ старинныхъ хоромахъ, поступать по обычаю своей страны? — О, тогда бы каждый городъ, — что говорю! — каждый уголокъ деревни долженъ искать своей народности. Это не народность, повторяю, а ея туземныя обыкновенія и привычки, измѣняемыя мѣстностію, — это бытъ русской жизни. — Что въ одномъ мѣстѣ принято, то въ другомъ уже смѣшно; что въ одномъ мѣстѣ соблюдается со всею строгостію, то въ другомъ почитается причудами; что въ одномъ городѣ или деревнѣ, составляетъ предметъ набожныхъ воспоминаній; то тутъ же, по сосѣдству, онѣ не допускаются, какъ остатки язычества. Это есть мѣстная потребность, привязанность къ своей землѣ и есть физическая народность, а не нравственная. Кто съ материнскимъ молокомъ всосалъ любимыя привычки, тотъ не можетъ разстаться съ ними,—онъ любитъ ихъ,

но любитъ отъ привычки. Неоспоримо, что любовь къ своимъ привычкамъ существуетъ, даже должна существовать пристрастная, подобно тому, какъ одинъ полъ дышетъ пристрастіемъ къ другому. Разочаруйте слѣпую его преданность къ любимому предмету, разкройте глаза, повѣрьте недостатки и слабости, сравните съ достоинствами другими, болѣе обворожительными, и что произойдетъ съ вашимъ божественнымъ предметомъ, безъ котораго вы не могли жить? Раскаяніе, и можетъ быть, самое презрѣніе! — Умъ разсуждаетъ, сердце холодѣетъ, и чѣмъ хладнокровнѣе станете сравнивать богиню вашего блаженства, коей недавно созидали олтари, курили ѳиміамъ; тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что вашъ ангелъ небесный, кроткій какъ нагорный житель, — имѣетъ недостатки! — Разсуждаете болѣе, и вы краснѣете, какъ могли ослѣпиться! Хранитель вашего сердца, звѣзда вашего счастія, — уже не по вашему сердцу.— Сладостныя мечты изчезли, потому что пристрастіе уничтожено.—Такая сила привычекъ! Но, не должно простирать ихъ безусловно, безпредѣльно, иначе будетъ не уваженіе къ истинѣ, не признаваніе благороднаго чувства у другихъ народовъ.

Пища и одежды, старинное украшеніе домовъ, храмовъ и зданій, конечно имѣютъ вліяніе на духъ народа. Но, въ какомъ смыслѣ? въ физическомъ. Ему нравится одѣваться по своему, ходить въ свободныхъ платьяхъ, носить туземныя украшенія, расписывать домы любимою краской, строить храмы по старинным преданіямъ, въ коихъ живетъ его воспоминаніе, согрѣваетъ его душу, — но, не есть ли это дѣйствіе обычая, и если хотите, той самой привычки?—А привычка, есть вторая природа. Мы часто смѣшиваемъ дѣйствіе нравовъ и обыкновеній, съ чувствомъ народности. Неужели никто не согласится, что живя въ пышныхъ палатахъ новѣйшаго зодчества, нося иностранныя одежды,—нельзя не любить свое отечество, такъ же пламенно и страстно, какъ завѣщали намъ любить его наши праотцы? —Посмотрите на разселеніе нашего народа по тремъ частямъ свѣта, — и что ихъ соединяетъ? Что ихъ держитъ и хранитъ? Священнѣйшее чувство любви къ отечеству, основанное на Православіи и Единодержавіи. Всѣ дышутъ и пламенѣютъ однимъ чувствомъ, желаютъ счастія и утверждаютъ благосостояніе, — вотъ гдѣ кроется народность! вотъ его сила и опора!

Вліяніе языка на народъ.

Нравственная народность выше всякаго могущества; она всегда неразлучна съ господствующимъ языкомъ, — но у насъ имъ говорятъ по всѣмъ отдаленнымъ концамъ обширной монархіи. И въ самое древнее время говорили имъ, при дворахъ турецкаго и египетскаго султановъ: жены, нововѣрцы и мамелюки (*). Языкъ сближаетъ всѣхъ, плѣняя слухъ и народную гордость, но гдѣ говоритъ сердце или умъ, тамъ образцы вкуса и ума; гдѣ кипятъ страсти, тамъ унижается небесный даръ слова; гдѣ чистой пламень мыслей, тамъ присутствіе добраго генія, котораго вдохновеніе всѣ раздѣляемъ невольно: оживаемъ въ его дыханіи, возносимся въ его паренiи, — и чье сердце можетъ быть безчувственнымъ къ трогательнымъ звукамъ слова? — Даже простаго, обыкновеннаго, но давно неслыханнаго своего роднаго. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, встрѣтившихся нечаянно на чужой сторонѣ: съ какимъ восторгомъ они обнимаются и изливаютъ радостныя воспоминанія на своемъ языкѣ. Кажется, что все окружающее, завидуетъ имъ; но ихъ восторгъ неописанной! Они увидились въ первой разъ,

---

(*) Кар. И. Г. Р. т. 7. пр. 406; Pauli Iovii de Legatio Moscoviæ. —

и уже знакомы и дружны. Они росли, воспитывались и жили на одной землѣ; они говорятъ однимъ языкомъ, а это, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по ихъ жиламъ, пробуждаетъ тысячу воспоминаній о родинѣ и слезы навертываются на глазахъ! Полные избытка сладостныхъ мыслей, спѣшатъ на перерывъ передать свои впечатлѣнія, перебиваютъ другъ друга, говорятъ и не наговорятся; прислушиваются къ отраднымъ звукамъ, повторяютъ ихъ и не вѣрятъ, что слышатъ родной языкъ. О, этой божественной радости, никто не пойметъ, кто не былъ въ чужихъ земляхъ, кто не любилъ своего роднаго! Обагренный кровію воинъ, опускаетъ немедленно свой мечь, когда услышитъ голосъ о пощадѣ, на родномъ его языкѣ. — Звѣри узнаютъ другъ друга, въ страшномъ рыканіи, и не терзаютъ; птицы привѣтствуютъ птицъ, пріятнымъ для нихъ щебетаніемъ; змѣи и гады, ползутъ другъ къ другу на свистъ и шипѣніе, для насъ страшное, — но для нихъ сладостное; деревья преклоняютъ свои вѣтьви: онѣ говорятъ, перешептываются; цвѣточекъ склоняетъ свою головку къ другому, вмѣстѣ съ нимъ родившемуся, и своимъ колыбаніемъ выражаютъ взаимно тихую радость, какъ бы переговариваясь украдкой между собою. Языкъ

природы разлитъ повсюду. И чувство его столь пламенное, столь горячее, что оно двигаетъ самыми металами. Одинаковой металъ сродняется съ однороднымъ. Языкъ, таинственный узелъ народности, скрѣпляетъ еще болѣе людей между собою: имъ изъясняютъ и учатъ, какъ надобно любить отечество; на немъ произносятъ священныя поученія и совершаютъ моленіе предъ олтаремъ Всевышняго; имъ просвѣщаютъ и указываютъ гражданину его назначеніе. Довольно странно мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что міръ есть всеобщее отечество; что человѣкъ можетъ любить столько же чужую землю, сколько свою! Гражданинъ всего міра не можетъ существовать, по причинѣ безчисленныхъ измѣненій духа правленія, и противурѣчій въ дѣйствіяхъ къ общественному благу. Онъ не въ состояніи любить иноземное, сколько свое; потому что душа его не находитъ роднаго отголоска въ сочувствіи чужеземцевъ, хотя добрыхъ и просвѣщенныхъ, и никто не можетъ быть счастливымъ внѣ своего отечества, а слѣдовательно и любить другое и быть гражданиномъ всемірнымъ.

Способности русскихъ къ просвѣщенію.

Въ наукахъ мы стоимъ далеко позади европейцевъ, потому единственно, что менѣе другихъ занимаемся. Ученое сословіе не нахо-

дится у насъ на той степени, на какой во Франціи, Германіи, Англіи и даже Италіи; но оно и не можетъ существовать, по причинѣ недоучиванія. Наши юноши учатся многому и не научиваются; оканчиваютъ образованіе скоро и не думаютъ объ усовершенствованіи себя; болѣе читаютъ, нежели сколько знаютъ. Но доказываетъ ли это, что мы безъ способностей? Не можемъ обработывать учености и наукъ? — Посмотримъ. — Народное просвѣщеніе, съ восшествіемъ на престолъ благословеннаго дома Романовыхъ, произвело ощутительно благое дѣйствіе: появилась въ Москвѣ Славяно-греко-латинская школа (1643 г.) и академія (1682 г.), а духовная кіевская академія содѣлалась разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Ученые малороссіяне были учителями и проповѣдниками, изъ коихъ многіе оказали великую услугу наукамъ, и ихъ наставническое вліяніе продолжалось почти до конца XVIII вѣка. Памва Берында, Епифаній Славенецкій, Св. Димитрій, Гавріилъ Бужинскій, Θеофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій, Іоаннъ Леванда, Анастасій Братановскій, Евгеній Болховитиновъ, и многіе другіе суть тому доказательствомъ. Изъ духовныхъ великороссіянъ не менѣе содѣйствовали: патріархъ Никонъ, Гедеонъ Крыновскій, Дим. Сѣченовъ,

Платонъ Левшинъ, Михаилъ Десницкій, Амвросій Протасовъ. Во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ разлито, правда, болѣе нравственнаго и назидательнаго; но за то съ какимъ рѣдкимъ краснорѣчіемъ соединена любовь къ отечеству, укрѣпленная Вѣрой.

Въ началѣ XVIII ст. открыто народныхъ училищъ 51, семинарій 26, училища: артиллерійское, инженерное и морское, академія наукъ (1725 г. дек. 29), сухопутный кадетскій корпусъ, называемый нынѣ первый кадетскій. Тогда измѣнился слогъ языка, особенно когда появились: князь Кантемиръ, Крашенинниковъ, Сем. Климовскій, малороссійскій казакъ, — сочинявшій народныя пѣсни. Открытіе московскаго университета (въ 1755 г.) и академіи художествъ (въ Петербургѣ 1758 г.), распространили область наукъ и изящества, коихъ покровителемъ былъ И. И. Шуваловъ. — Во второй половинѣ XVIII ст. преобразованы военныя училища, открыто общество для воспитанія благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ (въ 1764 г., въ простонародіи смольный монастырь), учреждено вольное экономическое общество (1765 г.), основанъ горный корпусъ (1772 г.), открыто хирургическое училище (1783 г.), и распространены повсюду народныя училища. Въ началѣ XIX ст. учреждено

(1802 г.) министерство народнаго просвѣщенія, коему поручены всѣ свѣтскія учебныя заведенія въ Россіи, кромѣ женскихъ, обязанныхъ благодѣтельному покровительству Императрицы Маріи Ѳеодоровны, — истинной матери несчастныхъ. Преобразованы и открыты университеты: московскій, дерптскій, санктпетербургскій, харьковскій, казанскій и виленскій; потомъ александровскій (въ Гельсингфорсѣ) и кіевскій, вмѣсто виленскаго; высшія училища, лицеи, духовныя училища, медико-хирургическая академія (1808 г.), институты, пансіоны, гимназіи, уѣздныя приходскія и военныя училища; общества въ пользу языка и наукъ, однимъ словомъ, столько открыто и распространено заведеній по всей Россіи, что всякому сословію и званію, даны средства къ образованію. По одному вѣдомству народнаго просвѣщенія, считается нынѣ болѣе 2,166 учебныхъ заведеній (*). Если примемъ въ соображеніе

(*) Постепенное возрастаніе учебныхъ заведеній, чрезъ пять лѣтъ:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
Университ. . . .	5	6	6
Глав. педаг. институт. .	1	1	1
Медико-хирург. акад. . . .			1
Лицеевъ . . .	3	3	3
Гимназій . . .	64	70	76
Благор. пансіон. при гимназіяхъ	6	31	46

число духовныхъ, военныхъ, промышленныхъ, земледѣльческихъ и женскихъ заведеній; то они, быть можетъ, не уступятъ числу граж-

училищъ:	уѣздныхъ	393	427	445
	приходск.	552	839	1,067
Част. пансіон. и школъ		358	462	521
		1,382	1,839	2,166

Сначала было въ имперіи учебн. завед. 784 т. е. 1 унив., 1 академ., 12 гимн., 40 благ. панс., 52 уѣзд., 515 приход. и 163 частн. училища. Тогда же было учащихъ и другихъ должностныхъ лицъ 4,836, чрезъ пять лѣтъ 6,208, а въ 1842 г. 6,767.

Число учащихся возрастало постепенно:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
въ универс., академ. и лицеяхъ	2,153	2,900	3,488
въ гимназіяхъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ	69.246	92,666	99,755
	71,399	95,556	103,243

Число учащихся въ 1833 г. составляло прибыль около 32,000, но это количество принадлежитъ одному вѣдомству мин. народн. просв., не включая огромнаго числа учащихся въ военныхъ, духовныхъ и другихъ училищахъ. Должно присоединить еще варшав. учеб. окр., въ коемъ 1839 г. было учащихся 64,350; въ 1840 г. 62,080; 1841 г., 80,865, а 1842 г., 66,708; — всего же учащихся къ 1843 г., 169.951. — Такимъ образомъ, разливавшееся народное просвѣщеніе въ теченіе десяти лѣтъ, представляетъ слѣдующее:

вновь учреж. учеб. завед. . . .	784
число учащихся увеличилося . .	32,000
— учащихъ около . . .	2,000
напечатано русскихъ книгъ . .	7.000,000 т.
вывезено иностранн. кн. до . .	4.500,000—

совершенно 40 ученыхъ экспедицій, отъ мин. народн. просв.

данскихъ. Какое быстрое распространеніе просвѣщенія! Не свидѣтельствуетъ ли это большія наклонности русскаго къ образованію (*)?

См. Взглядъ на сравнит. статист. мин. нар. просв., въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, — напеч. въ моск. вѣд. 1843 г. N 58.

(*) Правда, у насъ не заставляютъ учиться, не обязываютъ семейства отдавать дѣтей въ училища, какъ напримѣръ: въ Саксоніи, Баваріи, Виртембергѣ, Швеціи, Голландіи, Сѣверо-американскихъ штатахъ, гдѣ закономъ постановлено взыскивать съ самыхъ родителей, за небреженіе; правда, народное образованіе разлито въ другихъ государствахъ въ большей степени, какъ напримѣръ: во Франціи считается 1 ученикъ на 17 обывателей, въ Англіи и Австріи 1 на 15, въ Северо-американскихъ штатахъ 1 на 11, въ Голландіи 1 на 9, въ Пруссіи 1 на 7. — Нельзя умолчать, что у насъ изъ 63½ мил. народонаселенія, учащихся 169,951. — Это выходитъ, что изъ 480 учится только 1. — но, давно ли мы стали учиться? И кто учится у насъ и какъ учатся? Дѣти бѣдныхъ дворянъ. Бѣдные изучиваютъ полезныя знанія и составляютъ потомъ украшеніе отечества, а богатые обращаютъ одно вниманіе на легкое образованіе: на языки, музыку, пѣніе и танцованіе. Первые своими дарованіями и трудолюбіемъ, открываютъ себѣ путь ко всѣмъ почестямъ; а вторые, поддерживаемые могущественной силою связей и состоянія, добиваются однѣхъ почестей. Изучиваніе языковъ, содѣлалось у насъ первостепеннымъ, а науки второстепеннымъ предметомъ. Явилась многосторонность познаній и смѣсь понятій объ истинномъ значеніи наукъ. Легкое и поверхностное образованіе, пристрастіе къ чужеземному и тщеславіе въ знаніи иностранныхъ языковъ, невольно припоминаетъ намъ простодушное истолкованіе происхожденія Россовъ — отъ разселенія нашего племени по всей Европѣ. Не справедливо было, еслибы мы и не видѣли уклоненія образованія, собственно-русскаго. Намъ надобно изучивать свое собственное, свою Россію: — наше сердце и счастіе наше.

*

Созданіе русской словесности, въ прямомъ смыслѣ, принадлежитъ Ломоносову. Творецъ языка и слога, онъ первый началъ писать чисто и правильно. Въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, Сумарокова, Кострова и Петрова слогъ возвысился. Тогда возникла у насъ лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзіи. Здѣсь прославились Богдановичъ, Хемницеръ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Дмитріевъ, Княжнинъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Бобровъ, Измаиловъ, кн. Шаховской, Карамзинъ, преобразователь языка и знатокъ изящнаго слога; Муравьевъ (Мих. Ник.), Озеровъ, Шишковъ, Крыловъ, народный баснописецъ; Жуковскій, Батюшковъ, Козловъ, Пушкинъ неподражаемый, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ, Востоковъ, Воейковъ, Веневитиновъ Давыдовъ, бар. Дельвигъ, дѣвица Кульманъ, Граф. Ростопчина, кн. Баратынскій и др. — Гречъ, Булгаринъ и Сеньковскій, дали новое направленіе языку, очистивъ его отъ многихъ застарѣлыхъ грамматическихъ формъ; Кукольникъ, Загоскинъ, Гоголь, Кольцовъ, Даль, — прославившійся народными сказками, — всѣ они представили образцы сочиненій въ народномъ духѣ и жизни русской. Но гораздо сильнѣе и умилительнѣе излилось чистое русское слово и чувство въ сочиненіи Цыганова. — Его народныя пѣсни

трогательныя и поучительныя, увлекательныя и восхитительныя (*). — По части исторіи много сдѣлали хорошаго и полезнаго, кромѣ без-

(*) Цыгановъ былъ актеръ московской трупы, умеръ въ Москвѣ во время холеры, на 35 г. отъ рожденія. Пѣсни его напечатаны въ Москвѣ, 1834 г. подъ названіемъ *Русскія пѣсни*. Цыгановъ не искалъ ни славы, ни покровительства литературныхъ партій, онъ жилъ тихо въ своемъ кругу, и пѣлъ какъ соловей, потому что ему хотѣлось пѣть; но онъ пѣлъ по внутреннему влеченію къ своему русскому, потому въ его пѣсняхъ развито народное чувство. Кто не знаетъ его пѣсни 2. *Не шей ты мнѣ матушка, красный сарафанъ.* — За то многіе, я думаю, не знаютъ многихъ другихъ прекрасныхъ его пѣсней. — Выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. пѣснь X:

Не туманами, не мглой
Солнышко затмилось,
Ахъ! не тучей громовой,
Ясное закрылось:
Потушился свѣтъ очей —
Раннею могилой!
Мнѣ не видать красныхъ дней,
Не видать ужъ милой!
Мнѣ ее не разбудить,
Нѣжными рѣчами.
Ахъ! ее не воскресить
Горькими слезами!
Осѣдлаю-жъ я коня,
Сгину въ ратномъ полѣ.
И родной мой край, меня
Не увидитъ болѣ!
И стрѣлою онъ летитъ
Въ поле, въ грозну сѣчу;
И быстрѣй стрѣлы летитъ,
Смерть ему на встрѣчу!

смертнаго Карамзина, Полевой; какъ изслѣдователи ея особенно замѣчательны: Качановскій, Арцыбашевъ, Калайдовичъ, Пав. Строевъ,

Пѣснь XXIV.

Лежитъ въ полѣ дороженька,
Пролегаетъ.
И ельничкомъ, березничкомъ,
Заростаетъ.
Не змѣйкою, — кустарничкомъ
Она вьется;
Не рѣчинькой, — желтымъ песочкомъ —
Она льется.
Не торною, не гладкою,
Не убитой:
Лежитъ тропой, заброшеной,
Позабытой. —
Въ концѣ пути дороженьки,
Горючъ камень;
На камешкѣ сердечушко,
Въ сердцѣ пламень!
По всѣмъ угламъ у камешка,
Растутъ ели;
По всѣмъ угламъ на елочкахъ,
Пташки сѣли.
И жалобно пернаточки
Распѣваютъ:
«Вотъ такъ-то спятъ въ сырой землѣ,
Почиваютъ —
Безродные, бездольные,
На чужбинѣ —
Никто по нихъ не плачется,
Не въ кручинѣ!
Ни мать, ни отецъ надъ камешкомъ
Не рыдаютъ.
Ни друга здѣсь, ни брата здѣсь
Не видаютъ!

П. Г. Бутковъ и Д. И. Языковъ; но исторія никогда не забудетъ великодушныхъ пособій государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова,

---

Лишъ разъ сюда красавица
Приходила,
Здѣсь ельничку, березничку
Насадила.
Поплакала надъ камешкомъ,
Порыдала.
Намъ жалобно пѣть день и ночь,
Приказала.
А кто она? гдѣ дѣлася? —
Не сказала!

Пѣснь XXXVII.

Каркнулъ воронъ на березѣ,
Свистнулъ воинъ на конѣ, —
Погибать тебѣ красоткѣ,
Въ чуже-дальной сторонѣ!
Ахъ за чѣмъ, за кѣмъ бѣжала
Ты за тредевять полей? —
Для чего не размышляла,
Ты объ участи своей?
Все покинула, забыла
Прахъ отца, старушку мать, —
И рѣшалася отчизну,
На чужбину промѣнять!
То ли счастье, чтобы очи
Милымъ сердцу веселить, —
Послѣ ими жъ дни и ночи,
Безотрадно слезы лить?
Не ужели ты не слыхала
Объ измѣнѣ? — «Никогда!»
Неужели ты полагала,
Въ сердцѣ вѣрность? — «Навсегда!»

сына задунайскаго. Нынѣшнія розысканія археографической коммиссіи, въ пользу отечественной исторіи, безспорно принадлежатъ министру народнаго просвѣщенія, графу С. С. Уварову.

Изъ очерка о распространеніи просвѣщенія, мы видимъ сильное рвеніе русскихъ къ наукамъ. Правда, науки у насъ еще не заняли должнаго мѣста; легкія сочиненія и поэзія, господствуютъ предъ ними, — но такъ начиналъ свою умственную жизнь каждой юной народъ, который прежде любитъ вымыслы, потомъ гоняется за отборными выраженіями и наборомъ словъ, не установивъ еще языка; а наконецъ переходитъ къ положительному труду, требующему зрѣлаго ума и терпѣнія въ наукахъ. Народъ, съ крѣпкою силой, пламенною наклонностію къ любознательности, удобно все перенимающій и усвоивающій, чего

«Было нѣкому, бѣдняжку,
«Поучить меня уму, —
«И голодной — вольной пташкой,
«Я попалась въ сѣть къ нему.
«Никого я не спросилась,
«Кромѣ сердца своего, —
«Увидала, — полюбила, —
«И умру любя его!»
Каркнулъ воронъ на березѣ,
Свистнулъ воинъ на конѣ, —
И красотка погибаетъ
Въ чуже-дальней сторонѣ. —

не обѣщаетъ въ будущемъ? Народъ нашъ еще не возмужалъ; пылкій и стремительный ко всему полезному, онъ достигнетъ со временемъ до возможной степени просвѣщенія. И кто знаетъ будущее?

Сохраненіе народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ,— и уклоненіе отъ самобытности.

Весьма жаль, что многіе изъ нашихъ съ большими способностями литтераторовъ, уклонялись отъ своей народности; замѣняли русскія выраженія иностранными, и подражали слѣпо чужеземному. Старинныя народныя и нынѣшнія пѣсни, убѣждаютъ насъ, что можно писать безъ слѣпаго подражанія къ другимъ народамъ. Какая сила и простота чувствованій, сохранились во многихъ нашихъ пѣсняхъ! Какой въ нихъ стройной звукъ, и какая невыразимая пріятность: въ оборотахъ и мысляхъ! Потому что все излито изъ сердца, безъ вымысла, натяжки, и раболѣпной переимчивости. Въ нихъ все трогаетъ насъ, потому что оно близко къ нашимъ мыслямъ; потому что все это наше русское, неподдѣльное; все проникнуто любовію къ родинѣ, отечеству. Народныя пѣсни, суть драгоцѣнной памятникъ самобытной поэзіи нашей. Это наша слава, безъ подражанія иноземной.—Конечно, пѣсни наши не вездѣ стройныя, но полныя страстей: печаль льется рѣкою томительныхъ страданій; разочарованная горькая безнадежность, омываетъ слезами

грудь, изсушиваетъ сердце и оно умираетъ безъ утѣшенія; любовь или тонетъ въ морѣ сладостныхъ упоеній, или погибаетъ безъ участія къ ней. Отвага, молодечество, радость, веселіе и забавы, воспѣваются безъ хитрыхъ затѣй, складываются въ простотѣ лепета и высказываются по вдохновенію собственнаго сердца.

Вотъ для образца нѣсколько пѣсней, древнѣйшихъ изъ XVI в.

Описаніе умирающаго витязя подлѣ огня, въ дикой степи.

Ахъ! какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ;
Подлѣ огничка разосланъ шелковой коверъ,
На ковричкѣ лежитъ доброй молодецъ,
Припекаетъ свои раны кровавыя!
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его доброй конь. —
Доброй молодецъ уже кончается,
При смерти доброй молодецъ сокрушается,
И самъ добру коню наказываетъ:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюся,
И съ тобой однимъ прощаюся:
Какъ умру я, мой доброй конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое

Среди поля, среди чистова, —
Среди раздольица, среди широкова.
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матерѣ,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Во приданое взялъ я поле чистое;
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашовыя,
Тяжче мнѣ раны свинцовыя!
Всѣ друзья, братья, меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишъ одинъ, ты мой доброй конь,
Ты служишъ мнѣ вѣрно до смерти
И ты видишъ, мой доброй конь!
Что удалой доброй молодецъ кончается.

Убитой воинъ, коему постелею служитъ камышъ, изголовьемъ ракитовый кустъ, а тѣло его орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ ты всемъ поле изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками василечками;
Ты однимъ поле обезчещено:
Посреди тебя, поле чистова,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,

Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Какъ подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ доброй молодецъ,
Избитъ, израненъ и изколонъ весь.
Что не ласточки, не касаточки,
Кругъ тепла гнѣзда увиваются, —
Увивается тутъ родная матушка:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
Молода жена плачетъ, что роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

О другомъ воинѣ, коему постелею служитъ тоже самое что первому, но одѣяломъ темная, осенняя и холодная ночь:

Какъ доселева у насъ братцы! черезъ темной лѣсъ
Не пропархивалъ тутъ, братцы! младъ бѣлъ кречетъ,
Не пролетывалъ братцы! ни сизой орелъ.
А какъ нынѣче у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ,
Пролегла, лежитъ, широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Проѣзжалъ туда удалой доброй молодецъ.
На зарѣ то было, братцы! да на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца.
Какъ убитъ лежитъ, удалой доброй молодецъ:
Что головушка у молодца изпроломана,
Ретиво сердце у молодца изпрострѣлено.

Что постелюшка подъ молодцомъ камышъ трава,
Изголовьицо подъ добрымъ, частъ ракитовъ кустъ,
Одѣяличко на молодцѣ темная ночь,
Что темная ночь, холодная, осенняя.
Прилетали къ доброму молодцу три ласточки,
Изъ нихъ первая садилась на буйной его головѣ,
А другая то садилась на бѣлой его груди,
Ахъ! какъ третья садилась на скорыхъ его ногахъ.
Ахъ, какъ первая то пташка, родная матушка;
А другая то пташка, то мила сестра;
Ахъ какъ третья то пташка, молода жена.
Они взяли мертво тѣло за бѣлы руки,
Понесли они то тѣло во высокой теремъ.
Его матушка плачетъ, что рѣка льется,
А родная сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ.
Какъ солнышко взойдетъ, росу высушитъ
Какъ за мужъ она пойдетъ, то забудетъ его. —

О преступникѣ, освобожденномъ изъ темницы полюбовницею его:

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ
Сидючи весной на проталинкѣ!
Доброй молодецъ сидитъ въ темницѣ,
Пишетъ грамотку къ отцу, къ матери.
Онъ проситъ того жавороночка:
Отнеси ты младъ, жавороночекъ,
На мою ли, ахъ! дальну сторонку,
Ты сіе письмо къ отцу къ матери.
Во письмѣ пишетъ доброй молодецъ.
Государь ты мой, родной батюшка,

Государыня моя, родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вамъ родимаго.
Какъ отецъ и мать отказалися,
И весь родъ, племя отрекалися:
Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было, и разбойниковъ.
Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Доброй молодецъ сидитъ въ темницѣ,
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ.
Въ другой разъ проситъ жавороночка,
Чтобъ отнесъ письмо къ красной дѣвицѣ.
Во письмѣ пишетъ доброй молодецъ:
Ты душа ль моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница.
Выкупай, выручай добра молодца,
Свово прежнева полюбовника.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Ахъ, вы нянюшки, мои мамушки,
Мои сѣнныя, вѣрныя дѣвушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорѣй кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно;
Выкупайте скорѣй, добра молодца,
Мово прежнева полюбовника!

Взятіе Казани.

Вы, молоды робята! послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывати,

Про грознаго Царя Ивана, про Васильевича,
Какъ онъ, нашъ Государь Царь, подъ Казань городъ ходилъ;
Подъ Казанку подъ рѣку, подкопы подводилъ
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки, а снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
Ой Татаре по городу похаживаютъ,
И всяко грубіянство оказываютъ,
Они грозному Царю насмѣхаются:
Ай не быть нашей Казани, за бѣлымъ за Царемъ!
Ахъ какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится.
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
Прикажи, Государь Царь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, —
Тогда лишъ догорѣли зажигательныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ.
Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку,
Всѣ Татаре тутъ, братцы, устрашилися,
Они бѣлому Царю покорилися.

Опричникъ Малюта Скуратовъ, клевещетъ Іоанну IV. на старшаго сына его Царевича Іоанна, будто бы онъ водится съ измѣнниками Царя, вооружается съ ними противу него, а между тѣмъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда, носитъ съ нимъ одно царское платье. Разгнѣванный Государь велитъ своимъ опричникамъ,

немедленно предать его смерти; но спасителемъ невиннаго Царевича, явился бояринъ Никита Романовичъ *Романовъ*.—Послушаемъ, какъ говоритъ старина:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозной Царь Иванъ, сударь, Васильевичь.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань.
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею,
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода.
Ахъ какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичь:
Ахъ ты, гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку:
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча.
И тутъ Царь догадается,
На Царевича злобно осержается.
Что возговоритъ грозной Царь Иванъ Васильевичь:
Ахъ вы, гой еси, князья и бояра!
Вы берите Царевича подъ бѣлы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На тое ли лужу поганую,
Вы предайте его скорой смерти.

Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися;
Большой за меньшова хоронятся.
Одинъ остался Малюта злодѣй,
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное;
Повелъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Гой еси, батюшка, Никита Романовичь!
Ты пьешь и ѣшь, прохлаждаешься,
Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова,
Не становится у насъ млада Царевича. —
Никита Романовичъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую:
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ.
Ты Малюта, Малюта Скурлатовичь!
Не за свой ты кусъ принимаешься,
Ты этимъ кусомъ подавишься.
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки
И повелъ его куда надобно.
Что возговоритъ грозной Царь:
Ахъ вы, гой еси, князья мои и бояре!

Надѣвайте на себя платье черное,
Собирайтеся ко заутренней,
Слушать по Царевичѣ панихиду. —
Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю!
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутренней,
Слушать по Царевичѣ панихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичь,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собою млада Царевича,
И поставилъ за дверьми сѣверны. —
Что возговоритъ грозной Царь:
Ахъ ты, гой еси, Никита Романовичь!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
Какъ упала звѣзда поднебесная,
Что угасла свѣча воску ярово,
Не стало у меня млада Царевича.
Что возговоритъ Никита Романовичь:
Ахъ ты, гой еси, надёжа православный Царь!
Мы не станемъ пѣть по Царевичѣ панихиду,
А станемъ пѣть молебень заздравный мы.
Онъ бралъ Царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ грозный Царь:
Ты Никита, Никита Романовичь!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Или тебѣ полцарства дать,
Или тебѣ златой казны сколько надобно?
Ахъ ты, гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны,
Только дай ты мнѣ злодѣя Скурлатова.

Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Что возговоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
И дѣлай съ нимъ, что хочешъ ты.

Объ убіенномъ Царевичѣ Димитріѣ.—Наши лѣтописи говорятъ, что Царевичь палъ отъ рукъ злодѣевъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ; народная пѣснь, современная этому происшествію, подтверждаетъ вполнѣ несчастное событіе.

Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летитъ по поднебесью,
Зорко смотритъ онъ на Москву рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зеленые,
На златой дворецъ стольна города. (*)]
Не лютая змія возвывалася,
Возвывался собака булатный ножъ,
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю;
Упалъ онъ Царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли Царевичу Димитрію,—
Убили же Царевича Димитрія!
Убили его на Углищи,
На Углищи, на игрищи.
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой,
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами;
Ужъ какъ тотъ орелъ, Дмитрій Царевичь;

(*) По вступленію уже видно, что эта пѣснь искажена; но мнѣ сколько извѣстно, она нигдѣ не напечатана въ этомъ родѣ.

Что и коршунъ тотъ, Годуновъ Борисъ.
Убивши Царевича, самъ на царство сѣлъ;
Царилъ же онъ злодѣй ровно семь годовъ.
Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То идетъ грозой Божій гнѣвъ,
За православную Русь!
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ:
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

Нѣкоторыя пѣсни начала XVII в. и половины того же вѣка, не менѣе запечатлѣны выразительностію чувствъ и сердца, какъ наприм: смерть кн. Михаила Скопина, которой на пиру отравленъ княг. Екатер. Шуйской, женой кн. Дм. Шуйскаго, брата Царя Шуйскаго. — Она была дочъ Малюты Скурлатова.

У князя было у Владиміра,
Было пированье почетное.
Ой крестили дитя княженецкое!
Ахъ! кто кумъ то былъ? кто кума была?
Ай, кумъ то былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ, сынъ Васильевичь.
А кума то была дочъ Скурлатова.
Они пили, ѣли, прохлажалися,
Пивши, ѣвши, похвалялися;
Выходили на крылечко на красное.
Ужъ какъ учали похвалу чинить князья, бояра.
Одинъ скажетъ: у меня больше красна золота.
Ахъ что взговоритъ князь Михайла Скопинъ,
Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ:

Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
Я скажу вамъ, не въ похвалу себѣ:
Я очистилъ царство московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіянскую.
То слово кумѣ не показалося,
То крестовой не понравилось.
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому.
Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ.
Ему мнилось, она выпила,
А она въ рукавъ вылила, —
Наливала еще куму крестовому.
Какъ выпилъ Князь Михайла Скопинъ:
Трезвы ноги подломилися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужъ какъ брали его слуги вѣрные,
Подхватили его подъ бѣлы руки,
Повезли его домой къ себѣ.
Какъ встрѣчала его матушка:
Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ! —
Свела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова.—

Отсѣченіе головы Стенькѣ Разину:

На зарѣ то было, братцы, на утренней,
На восходѣ краснова солнышка,
На закатѣ свѣтлова мѣсяца.
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясаулъ гулялъ по насаднику.
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ;

Добрыхъ молодцовъ побуживалъ:
Вы, вставайте, добры молодцы!
Пробужайтесь, козаки донски!
Не здорово на Дону у насъ,
Помутился славной тихой Донъ:
Со вершины до черна моря,
Да черна моря азовскова:
Помѣшался весь козачей кругъ,
Атамана больше нѣтъ у насъ!
Нѣтъ Степана Тимофѣевича,
По прозванію Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлые,
Повезли во каменну Москву.
И на славной красной площади,
Отрубили буйну голову!

Наказаніе висѣлицей, пойманному разбойнику.

Не шуми мати, зеленая дубровушка!
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думать.
Что заутра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самаго Царя.
Еще станетъ Государь Царь, меня спрашивати:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ? съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надёжа, православной Царь!
Всю правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ, темная ночь;
А второй мой товарищъ, булатный ножъ;
А какъ третій-то товарищъ, то тугой лукъ;

Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надёжа, православной Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую,
Среди поля хоромами высокими, —
Что двумя ли столбами съ перекладиной. —

Молодая жена, выданная замужъ за разбойника, оплакиваетъ убитыхъ ея родныхъ:

Изъ подъ лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ подъ частова осинничку,
Какъ бѣжитъ тутъ конь, добра лошадь,
А за ней идетъ доброй молодецъ,
Идучи самъ говоритъ ему:
Ты постой, постой, мой доброй конь.
Позабылъ я наказать тебѣ:
Ты не пей воды на Дунай рѣкѣ,
На Дунаѣ дѣвка мылася,
И совсѣмъ нарядилася,
Нарядившись стала плакати,
И заплакавъ, сама молвила:
Или въ людяхъ людей не было!
Ужъ какъ отдалъ меня батюшка,
Что за вора, за разбойника.
Какъ со вечера они совѣтовались,
Со полуночи на разбой пошли,
Ко бѣлу свѣту пріѣхали.
Ты встрѣчай, встрѣчай,
Узнавай коня томлёнова.
Ахъ! томлёной конь, конь батюшковъ,
Окровавлено платье матушкино,
А золотъ вѣнокъ милой сестры,

А золотъ перстень мила брата.
Какъ убилъ онъ брата милова,
Своего шурина любимова.

Молодая женщина оплакиваетъ свою участь и свою опрометчивость въ томъ, что она выбрала себѣ не по мыслямъ друга вѣковѣчного.

Возлѣ садику млада хожу,
Возлѣ зелена, млада гуляю,
Соловьевыхъ пѣсенъ слушаю.
Хорошо въ саду соловей поетъ!
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи,
Къ моему житью ко безсчастному!
Не пеняю я, молодёшенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на яснова сокола,
Ни на сестрицу, лебедь бѣлую;
Что пеняю я, младёшенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясныя!
Ахъ, вы очи, очи ясныя!
Вы глядѣли, да оглядѣлися;
Вы смотрѣли, да осмотрѣлися.
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю. —

Слезы вѣрной жены по убитомъ мужѣ, которой оставилъ послѣ себя дѣтей, и она, не смотря на совѣты вступить въ новой бракъ, отрекается изъ любви къ убитому мужу и своимъ дѣтямъ.

Какъ на дубчикѣ два голубчика,
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Отколь не взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова,
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ разтужится, разворкуется,
Сизая голубушка по голубѣ;
О голубушкѣ мохноногенькомъ.
Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка!
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ.
Полечу ли я на сине море,
Пригоню тебѣ голубей стадо:
Выбирай себѣ, сизова голуба,
Сизова голуба, мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети соколъ на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо.
Вить то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

Гибель молодаго парня за его страсть къ полюбовницѣ, которую простой народъ называетъ *змѣйкой-скоропейкой.*

Ты змѣйка скоропейка, змѣя лютая!
Изъ норы ты змѣя ползешь, озираешься;
По песку ползешь, извиваешься;
По травѣ ты ползешь, всю траву сушишь.

Изсушила въ полѣ всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые.
Ты душа ль, душа красна дѣвица!
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку въ чистомъ полѣ.
Довела его ты до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Что изъ славнаго села Преображенского,
Изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его повѣсити.
Его бѣлые руки и ноги скованы,
По правую руку идетъ страшенъ палачъ,
По лѣвую идетъ матъ его родная,
Позади идетъ красная дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

Сестра, по злости къ своему брату, рѣшилась отравить его; но обманъ открылся преждевременно и она была сожжена посреди двора.

Стругалъ стружки доброй молодецъ,
Брала стружки красная дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала:
Сестра брата извести хочетъ.
Встрѣчала брата середи двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
Пила братецъ, наливаючи,

Тебя братецъ поздравляючи.
Какъ канула капля коню на гриву,
У добра коня грива загорается,
Молодецъ на конѣ разнемогается.
Сходилъ молодецъ съ добра коня,
Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,
Снималъ съ сестры буйну голову.
Не сестра ты мнѣ родимая!
Что змѣя ты подколодная.
И онъ бралъ съ костра дрова,
Онъ клалъ дрова середи двора.
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самова до пепелу,
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить, плакати;
Что она надъ нимъ худо дѣлала.
Ей самой такъ рокъ послѣдовалъ,
Отъ ея злости ненавидныя. (*)

(*) Эти пѣсни напечатаны въ Нов. и полн. собр. руск. пѣсн., изд. 1780 г., въ слѣдующемъ порядкѣ: ч. I. N 124. N 146; ч. 2 N 135; ч. I. N 136 и 125; ч. 2 N 121; ч. 3: N 159; ч. I. N 134. 131. 139. 144. 155; — ч. 2. N 133, ч. I. N 140. — Такъ много хорошаго разсѣяно въ 3 частяхъ пѣсельника, что мы затруднялись въ выборѣ и боялись еще обременить читателей. — Нельзя не замѣтить, что приведенныя здѣсь пѣсни, напечатаны въ другихъ пѣсельникахъ весьма неправильно. Напр. въ новѣйш. и полн. россійск. объяснен. пѣсельн., изд. Моск. 1810 г. N 239.

При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный Царь, и пр.

Отмѣченная у меня подъ N 121. ч. 2, совсѣмъ иначе напечатана. — Или:

Не шуми мати, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу, думу думати.

Вотъ гдѣ народная поэзія, проникнутая истиннымъ чувствомъ!

Въ царствованіе Іоанна IV. толпы скомороховъ ходили изъ села въ село, и пѣли пѣсни отъ избытка чувствъ раздающихся понынѣ въ деревняхъ и городахъ. Самъ набожный Царь Ѳеодоръ, любилъ внимать пѣснію: по отслушаніи вечерни, онъ проводилъ, все остальное время до ужина, въ забавахъ, коими тѣшили его шуты и карлы, и услаждали пѣснями.

Преданія старины, памятнѣе для народа: лелѣя давнопрошедшія событія, онъ переносился въ глубокую даль времени, украшалъ ее пѣснями и передавалъ потомкамъ. — Кто сочинялъ эти пѣсни? — Имена сочинителей потеряны, но утвердительно сказать можно, что многія пѣсни составлялись въ кругу дружеской бесѣды, какъ это дѣлали индѣйскіе пѣвцы: харуны и бгаты, которые славили дѣянія своихъ предковъ; (*) іоническіе рапсоды,

---

Несправедливо приписываютъ ее Ванькѣ Каину, — онъ только любилъ ее пѣть. Каинъ разбойничалъ въ царствованіе Елисаветы. Пойманный и сужденный за преступленіе, онъ былъ сосланъ, съ клеймомъ на лбу и двухъ щекахъ, и съ вырваніемъ ноздрей, въ каторжную работу въ портъ Рогервикъ, нынѣ балтійскій.

* James Tod: Annals and antiquities of Rajast'han or the central and western Rajpoot states of India, Lond. 1829 г. т. 2, с. 4; Ritter's: Erdkunde Asien ч. IV. от. II.

гомеровскіе греки, кельтійскіе барды, скандинавскіе скальды, германскіе миннезенгеры, французскіе трубадуры, минстрели, сербскіе гусляры и всѣ воодушевленные пѣснопѣвцы, увлекаемые преданіями. Такъ сочиняли малороссійскіе кобзары (бандуристы) и козаки, собираясь на вечерницахъ (вечернихъ сходбищахъ), или въ кругу плѣнительной дружбы. — Особенная жалость въ тѣхъ думахъ, въ коихъ глубоко запали въ сердце: уныніе, тоска и печаль.

Для сравненія съ приведенными образцами: объ убитомъ воинѣ, лежащемъ въ степи, представляется здѣсь нѣсколько малороссійскихъ пѣсней, которыя древностію, и говоря безпристрастно, красотою, силою и живопроникнутой грустью, превышаютъ русскія пѣсни и думы.

1.

Витеръ гуде, трава шумитъ, —
Козакъ бидный убитъ лежитъ!
На купини головою,
Накрывъ очи осокою.
Кинь вороный у ноженькахъ,
Орелъ сизый въ головонькахъ:
Винъ козака доглядае,
На кучери наступае.

с. 418. 612. ч. I. с. 722; Malcolm: Memoir of central Indie, т. II. с. 132 — 138; Heber: Narrative, т. V. с. 433 – 455.

Козакъ до ёго промовляе,
Сизый орле! побратаймось.
Якъ ты, брате орле, станешъ,
Зъ лобу очи выдирати,
Дай же моей неньци знаты,
Моей неньци старесенькій,
Матусеньци риднесенькій.
Ой знай, орле, що казаты,
Якъ у тебе, моя маты,
Буде про мене пытаты.
Скажи: служитъ винъ у хана,
У пана хана татарина,
У крымскаго добродія;
Да выслуживъ королевиньку,
У чистымъ поли могилоньку.

2.

Ой кинь бѣжитъ, трава шумитъ,
Да вжежъ козакъ убитъ лежитъ!
На купини головою,
Прикрывъ очи осокою,
Жовтое тило рокитою,
Билы руки хустиною,
Ясне личко китайкою.
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ноженькахъ коникъ плаче.
Копытомъ землю выбывае,
Свого пана винъ пытае:
Ой пане жъ мій, пане!
Пане копитане!
Ой кому мене вручаешъ?
Кому коня покидаешъ?

Чи турчину, чи татарину?
«Тебе коню, турчинъ не піймае,
А татаринъ не осидлае.
Ой бѣжи, коню, темными лугами,
Бѣжи, коню, битыми шляхами;
Да пробѣжи, коню, до двору
Та вдарь копытомъ въ болону.
А выйде до тебе ненька, старенька,
Козацкая матусенька:
Вона буде тебе за поводы браты,
Буде тоби сина подкладаты,
Буде тоби вивса подсыпаты,
Холоднею водицею наповаты;
И скризь слезы про мене пытаты.
Да не кажи, коню, що я убывся,
А скажи, коню, що я оженывся:
Та понявъ соби паняночку,
У чистомъ поли земляночку.
Що куды витеръ не віе,
Ни сонечко вже не гріе.
Безъ виконецъ и безъ дверецъ,
Тамъ спитъ козакъ, — молодецъ. —

3.

Сидитъ козакъ на могили,
Зъ оружины огонь креше,
Скалки ломитъ, розкладае,
Въ свои раны заглядае:
Пострѣлены, — къ сердцю прійшли;
Порубаны, — кровью зійшли.
Закладався орелъ зъ конемъ,
А за тый криниченьки:
Ой чи скорійшъ ты добѣжишъ,

Мени крыльця повтинаешъ?
— Ой ты скорїйшъ долетишъ,
Мени ноги повтинаешъ. —
Ой кинь бижитъ, земля дрожитъ;
Орелъ летитъ, перо дзвенитъ;
Ой кинь бижитъ все ярами,
Орелъ летитъ все лугами.
Кинь до воды прибигае,
Орла братца выглядае.
Орелъ летитъ, и не сміе,
Коня брата не пизнае.
Даруй, коню, крылечками,
А хто ходитъ нижечками!

Печальныя воспоминанія козака, по оставленной имъ родинѣ.

Ой кряче, кряче, черненькій воронъ,
Та на глыбокой долинѣ;
Ой плаче, плаче, молодый козаче,
По несчастливой годинѣ.
Ой кряче, кряче, да черненькій воронъ,
Та у лузи надъ водою.
Ой плаче, плаче, молодый козаче,
По конику по воронему.
Вороный коню! грай ты пидо мною,
Та розбій ты тугу мою!
Розбій, розбій тугу по темному лугу,
Козакови та молодому.
Ой иде козакъ дороженькою,
Слизоньками умываеця:
Десь моя ненька, десь моя старенька,
Да за мною убиваеця!

Та въ недилоньку рано пораненьку,
Да якъ сонце не заходило,
Та зъѣзжалася вся моя родына,
Вона мене выпроводыла, —
Выпровожаешъ моя родинонько!
Та чи не жаль тоби буде,
Якъ я пійду на ту украину,
Да межъ чужіи люди?
Ой згадай мене, моя стара нене,
Сидаючи обидаты.
Десь моя дитина, на чужой сторони? —
Да никому одвидати!
Ой згадай мене, моя стара нене,
Якъ сядемъ у вечери исти:
Десь моя дитина, на чужой сторони? —
Да не мае одъ неи вісти. —

Могила, разговаривая съ вѣтромъ, предвѣщаетъ козаку, оставляющему своего отца, неминуемую смерть:

Ой у поли могила зъ витромъ говорила:
Повій витре на мене, щобъ я не чорнила,
Щобъ я не чорнила, щобъ я не марнила,
Щобъ на мени трава росла, да й ще зеленила.
И витеръ не віе, и сонце не гріе,
Тилько въ степу при дорози трава зеленіе.
Ой у степу ричка, черезъ ричку кладка,
Не покидай, козаченьку, ридненького батька!
Якъ батька покинешъ, самъ марне згинешъ,
Риченькою быстренькою за Дунай заплынешъ.
Бодай тая ричка, рыбы не плодила:
Вона того товарища навики втопыла!

Бодай тая ричка, кошуромъ заросла:
Вона мого товарища за Дунай занесла! (*).

Думая, что при звукахъ плѣнительной старины, никто не можетъ быть равнодушнымъ,

---

(*) Максимовичъ: Украинскія народ. пѣсни, Моск. 1834 г. ч. I. с. 150—153. No 15 и 16; с. 148 и 146 No 11; с. 168 No 34.—Придерживаясь правильному выговору малороссіянъ, я измѣнилъ правописаніе, введенное г. Максимовичемъ, и писалъ такъ, какъ произносятъ знатоки своего языка.

Необыкновенная красота и сила малороссійскихъ пѣсней, заставляли многихъ собирать ихъ и печатать; но никто доселѣ не былъ столько счастливъ, въ собраніи ихъ и ознакомленіи съ ними насъ въ такой степени, какъ трудолюбивый писатель нашъ, г. Максимовичъ. У него нынѣ собрано до двухъ съ половиною тысячъ разныхъ пѣсней и отрывковъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ. — Г. Кирѣевскій давно собиралъ русскія народныя пѣсни, и собралъ ихъ весьма много. Болѣе десяти лѣтъ ожидали появленія въ свѣтъ, обѣщанныхъ имъ пѣсней и, къ сожалѣнію, обѣщаніе не выполнено.—Постигшая смерть, въ 1843 г., похитила его у насъ; съ нимъ она унесла въ могилу нашу надежду. Можетъ быть кто нибудь изъ любителей народности, издастъ ихъ; а теперь мы лишены возможности сказать о нихъ что либо. —Приведенныя малороссійскія пѣсни, принадлежатъ, судя по слогу, къ концу XVI в. Но вотъ опредѣленныя по своему времени: на взятіе Варны и на взятіе Львова. Гетманъ Ѳеодоръ Богданко, опустошивъ Синопъ, Транезундъ и Анатолію, подошелъ подъ Царьградъ (въ 1577 г.) и ограбилъ его предмѣстіе; отсюда поплылъ съ козаками къ Варнѣ, которую онъ взялъ. По этому случаю сочинили козаки пѣснь:

Чы я бы війску не заплатила,
Червонными золотыми
Та биленькими таларами?
Чы я бы війску не заплатила,

я рѣшился привесть нѣсколько отрывковъ, изъ сочиненій пол. XVII в. и конца тоже вѣка,— козака Кирши Данилова и неизвѣстныхъ.

Червонною китайкою
За услуженьку козацкую?
А въ недиленьку пораненько,
Збиралася громадонька
До козацкой порадоньки.
Ставилы раду, та ставилы,
Виткиль Варну место достаты:
Ой чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ рички невиличкой?
Пыслали писла та подъ Варну,
Піймавъ же поселъ турчанина,
Старого ворожбина.
Сталы его выпытывати:
Виткиль Варну место достаты,
Ой чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ тои рички невеличкои?
А въ недиленьку пораненько
Бигутъ, пливутъ човеньцами,
Поблыскиваютъ весельцами.
Вдарылы разомъ зъ самопалывъ,
А зъ гарматы вси козаки.
Воны туркивъ забиралы,
Сталы, нарекалы:
Була Варна, була Варна,
Сдавна славна;
Славнійше того козаки,
Що той Варны досталы,
И въ ней туркивъ забралы.

По взятіи Львова Богданомъ Хмельницкимъ (въ 1648 г.)

А въ чистымъ поли, близко дороги,
Стоитъ наметецъ дуже шовковый;
Въ тымъ наметци стоитъ столичекъ,
На тымъ столичку зречны молодецъ.

*

Завоеваніе Сибири Ермакомъ, хранившееся долго въ устахъ простолюдиновъ, носитъ отпечатокъ исторической вѣрности:

И собиралися во единой кругъ
И думали думушку крѣпко за едино:

Конне війско збирае, надъ Львивъ встае;
Тай пидъ Львивъ встае, все шерегуе,
Свое війско на Львивъ рихтуе.
Якъ киньми зернувъ, ажъ Львивъ здвигнувся,
Якъ шабелькой звивъ, Львивъ поклонывся.
Ой війшлы къ нему вси мищаны
Ой вси мищаны, вси предмищаны:
Вынеслы іому мысу червонныхъ.
Винъ тое бере, тай не дякуе,
А свое війско на Львивъ рихтуе.
Ой війшлы къ нему вси жидове,
Вси жидове, вси кагалове:
Вынеслы іому мысу червонныхъ.
Винъ тое бере, тай не дякуе,
А свое війско на Львивъ рихтуе.
Ой війшлы къ нему уси панове,
Уси панове, вси гетманове:
Вывелы іому конникивъ въ сидли,
Конникивъ въ сидли, панну въ карети.
Винъ тое бере, красно дякуе,
А свое війско та шерегуе.
Якъ зачавъ війско шереговаты,
Ой больше Львива не турбоваты.

По лѣтописямъ видно, что Львовъ избавился отъ грабежа козаковъ выкупомъ 200,000 червонцевъ, собранныхъ съ жидовъ и купцовъ армянскихъ. — Не должно думать, чтобы пѣсни: на взятіе Варны и Львова, только и были бы опредѣленныя по своему времени,—ихъ довольное число. На нѣкоторыя изъ нихъ указано для сравненія только съ приведенными русскими..

Какъ бы имъ приплыть къ горѣ тобольской той!
Самъ онъ Ермакъ пошелъ устьемъ верхнiимъ.
Самбуръ Андреевичъ устьемъ средniимъ,
Анофрiй Степановичъ устьемъ нижniимъ,
Которое устье впало противъ самой горы тобольской.
Татары въ нихъ бьютъ, со крутой горы;
Стрѣлы летятъ, какъ часты дожди.
И тому татары дивовалися,
Каковы русскiе люди крѣпкiе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ.
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопики налѣплено,
Только козаки всѣ невредимо стоятъ.

Описанiе доспѣховъ Михаилы Казарянина:

Выѣзжалъ удача, доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ.
А конь подъ нимъ, — какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Куякъ и панцырь, чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота.
Шеломъ на буйной головѣ замычется,
Копье въ рукахъ мурзамецкое, какъ свѣча горитъ;
Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабля острая,
Въ длину сабля сажень печатная,
Въ ширину сабля осьми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой
Полосы были булатныя,
А жилы елены сохатныя,
А рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Бѣлаго шелку шамаханскаго,

И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ.
А конь подъ нимъ, какъ лютой звѣрь;
Цѣны коню смѣты нѣтъ.
Почему коню цѣны смѣты нѣтъ?
Потому ему цѣны смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятьнадцать верстъ.

Жалоба русской дѣвицы, плѣненной татарами:

На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣздники.
Предъ ними ходитъ красна дѣвица,
Русская дѣвочка полоняночка,
Молода Марѳа Петровична.
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ жалобно причитаючи:
«О злосчастная моя, буйна голова!
Горе горькое, моя руса коса.
А вечеръ тебя матушка разчесывала,
Разчесала матушка, заплетала.
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ мою русу косу!
Тремъ татарамъ, наѣздникамъ.»
Они тѣ-то рѣчи татара договариваютъ,
А первой татаринъ проговоритъ:
«Не плачь, дѣвица, душа красная,
Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго;
Асдему татарину достанешься.
Не продамъ тебя, дѣвицу, дешево;
Отдамъ за сына за любимаго.

Въ горѣ не должно кручиниться, говорили наши прадѣды:

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить, не кручинну быть;
Нагому быть, не стыдитися;
А и денегъ нѣту передъ деньгами,
Появилась гривна передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому,—кудрявому;
Не бывать гулящему,—богатому;
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я отъ горя въ темны лѣса,
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почетной пиръ,
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ,
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ то сталъ, насмѣялся онъ.

Изведеніе брата напоемъ лютыхъ кореньевъ.

Кабы по горамъ, горамъ, по высокимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкимъ доламъ,
А и по край было моря синяго,
И по тѣмъ и по хорошимъ зеленымъ лугамъ.
Тутъ ходила, гуляла, душа красна дѣвица,
А копала она коренья, зелье лютое.

Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила тѣ кореньица въ муравленой печи,
Разтирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,
И хотѣла извести своего недруга;
Невзначае извела своего друга милаго,
Она по роду братца родимаго.
И разплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ дѣвица причитаючи:
Запрасно головушка погибнула! —

Объ удалыхъ съ усами молодцахъ:

Ахъ! доселѣва усовъ и слыхомъ не слыхать,
А слыхомъ ихъ не слыхать, и видомъ не видать;
А нонѣча усы проявились на Руси,
А въ новомъ усольи у Строгонова.
Они щепетно по городу похаживаютъ.
Собиралися усы на царевъ кабакъ,
А садилися молодцы во единой кругъ.
Большой усище и всѣмъ атаманъ:
Самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ.
А братцы усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходитъ, зима наступаетъ,
А и надо чѣмъ усамъ, голова кормить!
На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть.
Ахъ нутежъ-ко усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницамъ,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сдѣлайте бердыши,
И рогатины, и готовьтесь всѣ.

Докончимъ выписку изъ старинныхъ пѣсней, забавной сказкой о дурнѣ. Это характеристика, достойная вниманія:

А жилъ былъ дурень,
А жилъ былъ бабинъ,
Вздумалъ онъ дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту другу,
Нашелъ онъ дурень
Двѣ избы пусты,
Въ третей людей нѣтъ.
Взглянетъ въ подполье,
Въ подполѣ черти
Востроголовы;
Глаза что часы,
Усы что вилы;
Руки что грабли:
Въ карты играютъ,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ!
Онъ имъ молвилъ:
«Богъ вамъ въ помочъ,
Добрымъ людямъ.»
А черти не любятъ!
Схватили дурня,
Зачили бити,
Зачили давити.
Едва его дурня,
Жива отпустили,
Пришедши дурень
Домой — то, плачетъ,
Голосомъ воетъ.
А мать бранити,
Жена пенять,
Сестра то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабинъ!
То же бы ты слово,
Не такъ же бы молвилъ:
Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь!
Чертибъ убѣжали,
Тебѣ бы, дурню,
Деньги достались,
Вмѣсто кладу.»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья.
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду.

Пошелъ онъ дурень,
На Русь гуляти,

Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ дурень
Четырехъ братьевъ,
Ячмень молотятъ,
Онъ имъ молвилъ:
«Будь врагъ проклятъ,
Именемъ Господнимъ.»
Бросилися къ дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити;
Едва его дурня,
Жива отпустили.
Пришдши дурень
Домой — то, плачетъ,
Голосомъ воетъ. —
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра — то такъ же.
«А глупой дурень,
Не разумной бабинъ!
Тоже бы то слово,
Не такъ же бы молвилъ;
Ты бы молвилъ
Четыремъ братамъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
«Дай вамъ Боже!
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду.

Пошелъ же дурень,
Пошелъ же бабинъ,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидѣлъ дурень,
Семь братовъ:
Мать хоронятъ,
Отца поминаютъ;
Всѣ тутъ плачутъ,
Голосомъ воютъ.
Онъ имъ молвилъ:
«Богъ вамъ въ помощъ,
Семь васъ братьевъ,
Мать хоронити.
Дай Господь Богъ вамъ,
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю»
Схватили его дурня
Семь то братовъ:
Зачали его бити,
По землѣ таскати,
Валяти.
Едва его дурня,
Жива отпустили.
Идетъ то дурень
Домой то плачетъ,
Голосомъ воетъ. —

Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра то такъ же.
«А глупой дурень,
Не разумной бабинъ!
Тоже бы ты слово,
Не такъ же бы молвилъ,
Ты бы молвилъ: прости,
Боже благослови!
Дай Боже имъ,
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ.
Тебя бы дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали.»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду. —

Пошелъ онъ дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
На встрѣчу ему свадьба,
Онъ имъ молвилъ: прости,
Боже благослови!
Дай вамъ, Господь Богъ,
Царство небесно,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!
Поѣхали дружки,
Наѣхали бояра,
Стали дурня
Плетьми стягати,
По ушамъ хлестати.
Пошелъ, заплакалъ,
Идетъ да воетъ. —
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабинъ!
Тоже бы слово,
Не такъ же бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Дай Господь Богъ,
Новобрачному князю
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Законъ Божій пріяти,
Любовно жити,
Дѣтей сводити.»
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду. —

Пошелъ онъ дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати
«Встрѣчу дурню

Идетъ старецъ,
Онъ ему молвилъ:
«Дай Господь Богъ,
Тебѣ же старцу,
Сужено поняти
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Любовно жити,
Дѣтей сводити.»
Бросился старецъ,
Схватилъ его дурня,
Сталъ его бити,
Костылемъ коверкать.
И костыль изломалъ весь.
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль, ему старцу, костыля-то.

Идетъ-то дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери раскажетъ.
Мать его бранити,
Жена журити.
Сестра-то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабинъ!
Такъ бы ты слово,
Не такъ же бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Благослови меня, отче,
Святой игуменъ!
А самъ бы мимо.»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Впредь таковъ не буду.

Пошелъ нашъ дурень,
На Русь гуляти,
Въ лѣсу ходити.
Увидѣлъ дурень,
Медвѣдя за сосной:
Кочку роетъ,
Корову коверкаетъ.
Онъ ему молвилъ:
«Благослови меня, отче,
Святой игумень!
А отъ тебя духъ, дурень.»
Схватилъ его медвѣдь,—ать!
Зачалъ его драти,
И всего ломати,
И смертно коверкати,
Едва его дурня,
Жива оставилъ.
Пришедши дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ.
Матери раскажетъ.
Мать его бранити,
Жена пенять,
Сестра-то такъже.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабинъ!

Тоже бы слово,
Не такъ же бы молвилъ.
Ты бы заускалъ,
Ты бы загайкалъ,
Ты бы заулюкалъ.»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень.
Таковъ не буду.—

Пошелъ же дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати- —
Будетъ дурень
Въ чистомъ полѣ,
Встрѣчу дурню
Шишковъ полковникъ.
Онъ заускалъ,
Онъ загайкалъ
Онъ заулюкалъ.
Наѣхади на дурня
Солдаты,
Набѣжали драгуны.
Стали дурня бити,
Стали колотити.
Тутъ ему дурню,
Голову сломили,
И подъ кокору,
Бросили;
Тутъ ему дурню,
И смерть случилась. (*)

Продолжать выписки о старинныхъ народныхъ произведеніяхъ, было бы сдѣсь излишнимъ. Всякъ, кто сколько нибудь знакомъ съ напечатанными уже пѣснями; тотъ согласится, что многія изъ нихъ такъ трогательны и сильны изліяніемъ сердца; что онѣ не только восхищаютъ простолюдина, но и знакомаго съ изящными твореніями.

(*) Древн. россійск. стихотв., собр. Кирш. Даниловымъ, изд. 1818 г. Приведенныя здѣсь въ отрывкахъ, какъ то: завоеваніе Сибири, доспѣхи Михаила Казарянина и жалоба плѣнной дѣвицы, суть сочиненіе, а можетъ быть передѣлка самого Кирш. Данилова, изъ древнихъ пѣсней на свой ладъ; см. с. 116. 117. 203. 204. 209. 210. Слѣдующія же: «А и горе, горе, гореваньице! — Изведеніе брата напоемъ лютыхъ кореньевъ. — Объ удалыхъ съ усами молодцахъ, — сказка о дурнѣ», помѣщ. на с. 381. 303. 409. 390. 402, — едва ли сочиненіе Данилова.

Недавно стали думать, чтобы писать въ народномъ духѣ, и нѣкоторые въ томъ успѣвали. Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языкомъ и чудесными оборотами, стремилась преимущественно къ своему собственному назначенію. Не надобно заимствовать не свойственнаго намъ: ни предметовъ, ни красокъ, ни оборотовъ для слова и мысли. У насъ всего въ избыткѣ. Какихъ хотите народныхъ предметовъ?—Загляните въ отечественную исторію,—тамъ неисчетное число событій величественныхъ и печальныхъ, отрадныхъ и убійственныхъ, поучительныхъ и злодѣйскихъ. А гдѣ краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучіе лѣса и бездонныя пропасти, воды и океаны, богатства южныхъ и горячихъ странъ, ужасъ природы отъ береговъ ледовитаго моря до упоительной роскоши,—предметовъ бесчисленное множество! Человѣкъ съ пламенной душею, возвышенной мыслію, чистымъ сердцемъ, съ жаромъ ко всему прекрасному, изящному и благородному найдетъ вездѣ себѣ пищу,—ему не надобно указывать.—Но можно ли найтти для предметовъ и красокъ, приличные обороты и мысли?—Не только приличные, но возвышенные и глубокіе. Это зависитъ отъ выбора предмета, которой часто самъ воодушевляетъ, и отъ мѣста, поражающаго наши чувствованія, потрясающія

душу и вызывающія, такъ сказать, слова и мысли, на просторъ безпредѣльныхъ размышленій: тутъ онѣ стаями явятся, налетятъ на вашу душу, на ваше благородное сердце, унижутъ его жемчужными словами и развернутся предъ вами брилліантовою струей, въ ослѣпительномъ сіяніи. Рой звонкихъ выраженій и плачевныхъ отголосковъ, отзовутся въ оледѣнѣвшей душѣ, и соплетутъ съ лучезарной свѣточью мыслей, блестящія украшенія. Повѣрьте, можно достигнуть украшеній: надобно умѣть чувствовать.

Я уклонился отъ предмета, но онъ такъ близокъ къ нашему сердцу, что невольно увлекаетъ.

Не всѣ наши пѣсни и сказки, носятъ древность даже половины XVII вѣка, — потому что онѣ забыты или истреблены временемъ. Большая часть существующихъ нынѣ, суть первой половины XVIII вѣка, а другія сочинены въ концѣ XVIII вѣка. — Многія уже передѣланы мѣстною потребностію и вкусомъ, или вновь сочинены, — народъ ихъ самъ производитъ. Плясовыя, свадебныя и протяжныя, часто сокращаются, дополняются новыми или вновь составляются. Замѣчено, что по прошествіи 25 лѣтъ, самыя любимыя пѣсни, которыя пѣвали прежъ-

де повсюду оставляются: считаютъ ихъ уже старыми, и замѣняютъ новыми. Неграмотный народъ имѣетъ свою поэзію и своихъ стихотворцевъ, — а мы ихъ не уважаемъ, и не хотимъ!—Богатой запасъ народности погибъ уже, и погибнетъ отъ небреженія нашего или справедливѣе сказатъ, отъ нашихъ мудрованій, и погребаемъ безжалостно свои сокровища. Еслибы дошли до насъ всѣ народныя стихотворенія, даже начала XVII в., то мы, вѣроятно, получили бы другое направленіе въ области языкознанія, но потеря не возвратная! По крайней мѣрѣ не допустимъ теперь, будемъ собирать, изучивать и дорожить своими памятниками. Время все истребляетъ, а люди какъ бы не думаютъ объ этомъ.—Пора уже намъ оставить чужеземные восторги, восхищаться однимъ заморскимъ, и слѣпо думать, что мы не въ состояніи создать собственнаго природнаго; что нашъ языкъ не замѣнитъ приторныхъ выраженій: comme c'est beau! quel jolie enfant! Vraiment, c'est un ange и т. п.—Оставимъ это доказывать прекрасному полу, и кто смѣетъ спорить съ нимъ? Кто будетъ столько невѣжливъ, чтобы осмѣлился сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно.!! Мущины не одарены нѣжнымъ свойствомъ судить ложно, и не всѣ они такъ пристрастны, какъ римскій

императоръ Карлъ V, который утверждалъ, что на испанскимъ языкѣ говорятъ съ Богомъ, на французскомъ съ друзьями, на нѣмецкомъ съ непріятелями, а на италіянскомъ съ женскимъ поломъ. — Мы знаемъ, что нашъ языкъ сладкозвученъ и чувствителенъ; громокъ и живописенъ, силенъ и богатъ. Иностранные писатели этого не знаютъ, — и какая надобность знать имъ? Они любятъ свое и ожидаютъ только похвалъ отъ насъ, своему собственному, — а мы? — Мы точно ихъ хвалимъ, ничего не надѣясь отъ нихъ въ нашу пользу, потому русскимъ надобно вниманіе русскихъ. — Какого хотите отъ насъ вниманія? Развѣ мы не читаемъ русскихъ повѣстей, разсказовъ? И, помилуйте, Богъ знаетъ что говорите! Требуете нашего вниманія! А посмотрите, есть ли у насъ языкъ? Гдѣ онъ? По какимъ примѣрамъ станемъ изучать его? — Говорятъ, что его надобно изучать въ высшемъ обществѣ; говорятъ, что тамъ онъ господствуетъ во всей чистотѣ и правильности. — Подобныя замѣчанія мнѣ дѣлали часто. Что я могъ отвѣчать? Молчалъ, — и мое молчаніе всегда принимали за согласіе съ ними, что у насъ нечему учиться, что нашъ языкъ употребляетъ mauvais gens! — чернь! простые люди!! — Вниманіе нужно къ русскому языку потому, что

онъ нашъ отечественный, а кто любитъ отечество; тотъ любитъ свой языкъ. — Повѣсти и разсказы доставляютъ пріятное чтеніе, читать же ихъ безъ разбора, безъ знанія языка, тоже самое, что ходить по золотоноснымъ горамъ и не видѣть золота. Надобно прежде изучивать красоту и прелесть слова. — Языкъ не только существуетъ, но онъ богатѣйшій въ мірѣ, послѣ аравійскаго; образцы его оставили намъ безсмертные наши писатели: свѣтскіе и духовные; у нихъ должны изучивать, а не въ высшемъ обществѣ, гдѣ часто говорятъ не порусски, мѣшая природныя слова съ иностранными, даже тамъ многіе не оцѣниваютъ его—это уже доказано (*). Ни мо-

---

(*) Благоразумные французы, сами осуждаютъ пристрастіе наше къ ихъ языку. Une des qualités les plus remarquables de l'esprit des dames de la Russie, c'est leur facilité à apprendre les langues étrangèrs. Il n'est aucun idiome moderne qui les présente des difficultés: elles parlent et écrivent le françois comme si elles étoient nées à Paris, tandis qu'elles peuvent à peine épeler un livre russe. Il n'est pas étonnant qu'elles négligent leur langue maternelle: on ne daigne guères la parler dans les cercles. La langue russe, ne s'emploie que pour les affaires d'état, les plaidoyers, les procedurés et les actes religieux.—Breton. La Russie, m. l. c. 30—31, изд. Пар. 1813 г. Должно отдать справедливую честь ученымъ русскимъ и нѣкоторымъ знаменитымъ государственнымъ сановникамъ, въ томъ, что они дорожили своимъ отечественнымъ языкомъ, и говорили на иностранномъ,

сковское, ни новгородское, ни ярославское нарѣчіе, ни другое какое либо, не можетъ сдѣ-

по одной необходимости, а именно: Румянцовы — задунайскіе, Потемкины — таврическіе, Суворовы — римникскіе — италійскіе, Безбородкипы, Панины, Разумовскіе и многіе другіе. Безсмертный творецъ *оды Богъ*, Г. Р. Державинъ, всегда сердился, когда слышалъ говорящихъ не порусски, особенно тѣхъ, которые давно поселились въ Россіи. Онъ требовалъ отъ всѣхъ, чтобы они вездѣ употребляли свой языкъ, чтобы этимъ способомъ заставить иностранцевъ изучивать нашъ языкъ. — Однажды пришелъ къ нему сапожникъ, съ денежнымъ счетомъ, и сталъ изьясняться по нѣмецки. — Державинъ сказалъ съ негодованіемъ: долго ли ты будешъ говорить со мною, по нѣмецки? Болѣе 20 лѣтъ, какъ живешъ здѣсь!—Пришелъ къ намъ босой и полунагой, а теперь уже имѣешъ два каменныхъ дома, съ коихъ получаешь нѣсколько тысячь въ годъ доходу. Хотя бы изъ благодарности къ счастливому для тебя Петербургу, говорилъ по русски.

Весьма странно и даже обидно, что очень многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, изьясняются на иностранномъ языкѣ, оставляя свой въ пренебреженіи. Встрѣтятся ли они съ французомъ, нѣмцемъ или англичаниномъ, — тотъчасъ заленечутъ на ихъ языкѣ, хотя послѣдніе, очень хорошо знаютъ нашъ природный. Войдите въ общество, гдѣ иностранцы разныхъ племенъ, русскій непремѣнно станетъ изьясняться на ихъ нарѣчіи. Посмотрите же на нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, они никогда ни съ кѣмъ не заговорятъ, какъ только на своемъ языкѣ, даже стараются заставить иноземцевъ выражаться на ихъ природномъ. Вамъ случалось видѣть, о, я думаю, весьма часто, что въ одномъ и томъ же собраніи, всѣ разговариваютъ сначала по русски, но если появятся нѣмцы или французы, то все измѣняется: нѣмцы пристаютъ къ нѣмцамъ, французы къ французамъ и т. д., составляютъ свой кругъ, и говорятъ на своемъ языкѣ, въ посмѣяніе русскимъ. Русскіе это терпятъ, слушаютъ хладнокровно и отнюдь не заботятся заставить ихъ говорить по

*

латься повсюднымъ. Это только мѣстное нарѣчіе, но самое лучшее, правильнѣйшее и чистѣй-

---

русски,—а иноземцы торжествуютъ! Что это значитъ? Любовь иностранцевъ къ своему собственному, ревностное стремленіе распространять повсюду свое отечественное. А мы русскіе, въ безмолвномъ благоговѣніи предъ говоромъ иностраннымъ, изучиваемся ему, съ горячностію неистощимой; потѣемъ отъ всего усердія надъ тѣмъ даже, какъ чисто и правильно произносить, къ униженію собственнаго нашего языка.

Когда мы ознакомились съ иноземнымъ духомъ въ XVI в., тогда вошло въ пословицу: «Славянскому языку не видать добра отъ нѣмецкаго». См. Дѣла польскія л. 320 на об. л., и Кар. И Г. Р. т. х. с. 101 пр., 166 изд. 1824. — Предки наши подъ именемъ нѣмцевъ, разумѣли всѣхъ иностранцевъ. — Преданіе объ истребленіи нашего языка, весьма нелѣпое; оно похоже на предсказаніе, — завладѣніе русскими Царьградомъ. Покрайней мѣрѣ завоеваніе восточной имперіею, взято изъ того повода, что Олегъ повѣсилъ щитъ свой на константинопольскихъ воротахъ, въ 906 г. — Но эту молву распространилъ польскій лѣтописецъ Стрійковскій, (см. его сочин. гл. III.)

Въ X. в. была найдена надпись, неизвѣстно кѣмъ написанная подъ истуканомъ Беллерофона, которой стоялъ на таврской площади, въ Царьградъ: *Русскіе недавно опустошали Константинополь*, а не предсказаніе, что русскіе овладѣютъ Константинополемъ. — In medio fori (Tauri) atrio est statua equestris, quam quidam Iesu Nave, alii Bellerophontis esse volunt. Allata vero fuit ex magna Antiochia. Caeterum basia lapidea quadrilatera equestris illius statuae habet insculptas: *historias russorem, qui novissimis diebus urbem vastaturi sunt.*, cujus rei impedimentum est perquam minimum illud signum, quod vinctum ac genuflexum illic positum visitur. Praeterea quoque pes levus magni equi, quod in eo inscriptum est, praesignificat. Similiter est magna columna concava et Xerolophus ultimus urbis casus expugna-

шее, существуетъ между людьми, изучившими свой языкъ, по опредѣленнымъ правиламъ,

---

tiones quae representant. — Banduri: imper. orient. т. I. с. 16, въ статьѣ: anonymi antiquitatum constantinop. lib. I, см. Nicetas Choniates, с. 412 и 414; Codinas: de origin. Constant. с. 24. Всѣ они трое, жившіе около 1.160 г. свидѣтельствуютъ общее свѣдѣніе о взятіи русскими Царьграда, но никто изъ нихъ не говоритъ о предсказаніи, что русскіе овладѣютъ Константинополемъ. Les souvenirs de ces flottes arctiques, qui sembloient descendre du cercle polaire, épouvanta longtemps la cité imperiale. Далѣе, когда русскіе опустошили предмѣстіе столицы, при Игорѣ и Святославѣ, тогда разнесли молву, что они завладѣютъ Царьградомъ, какъ обыкновенно происходитъ, когда угрожаетъ опасность столицѣ. Le vulgaire de tous les rangs assuroit et croyoit, que l'inscription d'une statue équestre, qu'on voyoit dans la place du Taurus, anoncoit comment les Russes deviendroient un jour maitres de Constantinople. — Gibbon. Hist. de la décad. de l'emp. rom. т. 15 гл. LX, таже самая глава на англинск. языкѣ. Иные думаютъ, что мѣдная статуя Беллерофона, привезенная изъ Антіохіи, изображала побѣдителя баснословной Химеры, а другіе Іисуса Навина.—Французы, овладѣвъ Царьградомъ, въ нач. XIII в., сплавили ее. — Но откуда взято преданіе, объ истребленіи нашего языка, или о завладѣніи Царьградомъ? — Просто вымыслъ, и говоря словами Гиббона: an odd dilemma! — Было время, когда наши предки преслѣдовали эллинское ученіе и знаніе. По переводѣ съ греческаго яз. на славянскій, нѣкоторыхъ священныхъ книгъ, греки мало по малу усилились при дворѣ и наконецъ, всѣ высшія мѣста по управленію церковью, остались за ними. Почти всѣ митрополиты высылались изъ Константинополя, и не многіе изъ русскихъ, едва ли болѣе четырехъ, были посвящены въ митрополиты. Отъ этого самаго изучиваніе греческихъ знаній, было вводимо необходимостью; а вліяніе грековъ на всѣ дѣла, вооружало нашихъ предковъ, нетолько противу имени *грекъ*, но даже противу полезнаго знанія: кляли *эллинскую муд-*

которыя однако не могутъ быть постоянными, положительными: съ просвѣщеніемъ народа, языкъ измѣняется — а отсюда слѣдуютъ измѣненія и новыя правила. Тотъ бѣдной языкъ, который стоитъ на одной степени. Французскій уже не двинется далѣе; только вносятся въ

рость, называя ее хитрою, коварною, смѣшавъ знаніе съ пронырливымъ и сребролюбивымъ духомъ. — Не щадили и тѣхъ, кои не изъ честолюбія, но изъ общественной пользы преслѣдовали суевѣріе, злоупотребленіе, невѣжество церковнослужителей, и исправляли церковныя и богослужебныя книги. Такъ безвинно погибъ Максимъ грекъ, живш. въ XVI в., который болѣе 30 л. томился въ темницѣ. — Такъ патріархъ Никонъ не избѣгъ нарекашій отъ своихъ современниковъ, за исправленіе имъ церковныхъ книгъ. Суевѣры и невѣжы, приписывая это наущенію эллинскому, произвели расколы. — Но когда страсть къ греческимъ знаніямъ уменьшилась, съ распространеніемъ свѣдѣній западной Европы, не ближе къ концу XVIII в.; тогда стали кричать на нѣмцевъ и французовъ, и имя нѣмца обратилось въ бранное, — новая крайность! Не должно переходить отъ крайности къ крайностямъ. Что полезное, то полезное, а потому ни одно изъ полезныхъ знаній не можетъ вредить народности. Но унижать чужое, потому что оно хорошее, это значитъ унижать достоинство человѣка; унижать чужое, потому что оно чужое, это значитъ быть пристрастнымъ къ своему собственному и несправедливымъ къ заслугамъ чужимъ. Намъ не вредятъ иноземцы, а мы сами вредимъ себѣ: мы хватаемся за все чужое, не разбирая и не разсуждая, что хорошо или дурно. Не должны осуждать иноземнаго безъ основанія, потому что прійдется все осуждать иноземное; а когда пересудимъ все, пріймемся осуждать свое, и дойдемъ уже до того, что свой языкъ будемъ называть варварскимъ, не европейскимъ, — а между тѣмъ не будемъ ли сами виновны?

него переобразованныя слова, вмѣсто застарѣлыхъ, а застарѣлыя занимаютъ мѣсто новыхъ, такъ что въ немъ теперь произошла мѣна словъ. — Если бы допустить, что въ обществѣ заговорили бы въ одно время на сто мѣстныхъ нарѣчіяхъ, проистекающихъ изъ одного общаго, роднаго имъ языка; то вышло бы странное смѣшеніе, — не далеко отъ вавилонскаго. — Каждый захотѣлъ бы отдать преимущество своему туземному выговору, произошли бы споры, а за спорами неумѣстныя доказательства. Мы знаемъ на опытѣ, что въ образованномъ обществѣ говорятъ нарѣчіемъ правильнымъ и очищеннымъ. Это доказываетъ, что эти люди изучивали его свойство, силу и духъ; что они знаютъ, гдѣ надобно избѣгать не свойственныхъ выраженій, приличныхъ одному какому нибудь мѣсту, городу или деревнѣ; что они сами признаютъ тотъ правильнымъ языкъ, который освобожденъ отъ мѣстныхъ привычекъ. Смѣшно было бы, еслибы кто сталъ изъясняться книжными словами. Были примѣры, что многія изъ прекраснаго пола, говорили цѣлыми статьями изъ какого нибудь любимаго ими романа или повѣсти, написанной, правда, увлекательно, — но это обнаруживаетъ явное незнаніе языка, слѣпой вкусъ и тщеславное желаніе блеснуть чужими оборотами выраженій, которыя

весьма кстати были сказаны писателями; но изуродованы легкомысленными подражателями (*).

Мѣстныя отличія и наклонности русскихъ, не мѣшаютъ народности.

Наше отечество, заключающееся въ предѣлахъ трехъ частей свѣта, на пространствѣ 350,000 кв. м., имѣетъ народонаселеніе до 63 мил. На одномъ этомъ протяженіи разсѣяны многочисленныя племена, не сходствующія между собою ни нравами, ни образованіемъ: живутъ язычники, иновѣрцы, кочевые и полудикіе; но число ихъ довольно не значительное. Можно насчитать болѣе 100 племенъ, совершенно чуждыхъ одно другому; но всѣ сохранили свой языкъ, вѣру и преданія. Разселеніе племенъ можно подвесть, подъ 12 родовъ: 1. славянское. 2. германское. 3. латышское. 4. финское. 5. татарское. 6. кавказское. 7. монгольское. 8. манжурское. 9. самоѣдское 10. племена американскаго происхожденія. 11. жиды. 12 цыганы. Славянское, состоящее изъ

(*) Одинъ именитый купецъ, любящій говорить высокопарно, всегда начинаетъ свой разговоръ краснорѣчиво, затвердивъ напередъ тьму украшеній, коихъ непонимаетъ онъ силы; продолжаетъ разговоръ съ жаромъ пылкаго и даровитаго витіи. Его слушаютъ и не понимаютъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго ораторства, для него самаго, онъ оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, что у него продается лучшій табакъ, или: ради того чего иного, совокупнаго — совокупленія, пріятнаго пріятства, для нашего дружественнаго кампанства, — табакъ дешево продаю, и самый лучшій-сь, право-сь, да-сь.

русскихъ, малороссіянъ, казаковъ: донскихъ, черноморскихъ, уральскихъ, сибирскихъ, гребенскихъ и пр. и поляковъ, простирается до 54 мил.; исповѣдующихъ же православную вѣру до 50 м. Германцевъ болѣе 1½ м, остальные 8 м. образуютъ всѣ слѣдующіе за ними десять племенъ. Господствующій народъ, далеко превышаетъ числомъ всѣ другіе, и нѣтъ никакой опасности отъ разноплеменности обитателей, тѣмъ болѣе, что Самодержавіе, Вѣра и просвѣщеніе, утверждаютъ общественное направленіе ко всему благому. —Владычествующій народъ, тѣсно связанный Религіею, преданный своему отечеству, радующійся его благосостоянію, имѣющій свое могущественное царство и гордящійся имъ, упрочиваетъ безопасность нашу. Правители царствъ всегда смотрятъ далѣе своего вѣка, а мудрый Монархъ безсмертенъ въ дѣлахъ своего народа. Россія, обязанная своей славою великодушному самодержавію, Россія, любя своихъ Царей, какъ дѣти отца, умѣетъ благотворить и своимъ врагамъ. Она любитъ ихъ, какъ ближнихъ, но еще болѣе любитъ своихъ русскихъ.

Не смотря на разнообразныя наклонности и свойства природныхъ жителей,—у нихъ общее народное: вѣра и благо отечества. — Разнообразіе это происходитъ отъ мѣстныхъ

привычекъ, а не отъ духа; оно никому изъ нихъ не препятствуетъ гордиться общностію и дружествомъ; оно, разкрывая другъ предъ другомъ превосходство въ способностяхъ, успѣхахъ разума и промышленности, соревнуетъ ихъ другъ предъ другомъ; одушевляетъ къ постояннымъ предпріятіямъ и напоминаетъ каждому гражданину о почетномъ его назначеніи.

Пограничные обитатели сѣвера и степей, отличающіеся особою тѣлесной крѣпостію, занимаются звѣриною и рыбною ловлями и мѣновой торговлею: они смѣлые и отважные. Безпокоиваемые часто хищническими набѣгами, они безпрерывно борятся съ ними, отъ того умомъ хитрые, изыскательные, воинственные; росту средняго, стану гибкаго, цвѣтомъ лица смуглые, волоса имѣютъ черноватые. Внутренніе обитатели сѣверо-восточный части, проницательные; всѣ они съ большими наклонностями къ познаніямъ: переимчивы и изобрѣтательны, дѣятельны и неутомимы. Торговля всѣми вещами, пріобрѣтаемыми изъ внутри и внѣ поверхности земли, промышленность и фабричныя произведенія, проистекаютъ отсюда, расходятся по всей имперіи и вывозятся за границу. Выгоды, получаемыя отъ дѣятельности и предпріимчивости, распространяютъ изобиліе и роскошь, — изощряютъ умъ и направляютъ его

къ полезному образованію. Внутренніе обитатели, одаренные предпріимчивостію, устремляются въ отдаленные краи, чтобы изыскивать средства къ постоянному своему улучшенію. Надѣленные мужествомъ и самоотверженіемъ, они жертвуютъ своими частными выгодами общественнымъ; устроиваютъ общеполезныя заведенія и разширяютъ область познаній. Болѣе хладнокровные, чѣмъ горячіе, они прежде расчитываютъ, нежели рѣшаются.--Гражданственность, услаждающаяся очарованіями преданій и народными разсказами о собственномъ величіи, утверждаетъ прочность обитателей внутренности Россіи,--потому то здѣсь, гораздо болѣе, нежели гдѣ либо, каждый дышетъ любовію къ своей родинѣ. Тутъ не поэзія, не жажда честолюбія,—жить въ потомствѣ, а наука любить отечество.--Жители юго-западной части, избалованные расточительной природою, болѣе лѣнивы,—но пламенны. Они роста высокаго, гибкіе тѣломъ, привлекательны собою и по большей части страстные поклонники нѣги. Бѣлые лицемъ, съ волосами черными и глазами огненными, они страстно любятъ умственныя занятія. Нигдѣ между Русскимъ народомъ не было такой высокой поэзіи, какъ между малороссійскими казаками. Шелъ ли казакъ на войну, онъ одушевлялъ себя пѣснями и разсказами объ удальствѣ своихъ витязей и атамановъ. Жилъ ли онъ

въ мирѣ, служилъ примѣромъ добраго и вѣрнаго гражданина. Тоже чувство руководитъ имъ нынѣ: онъ любитъ Россію съ жаромъ юноши,—это имъ доказано. Излишне было бы приводить примѣры, что изъ его казацкой страны вышли добродѣтельные святители, великіе государственные мужья въ политикѣ и на полѣ брани, и знаменитые ученые, которые всѣ служили съ такой же безпредѣльной ревностію, какъ и собственно Русскіе. Между Малороссіянами и Русскими нѣтъ никакого различія: одинъ духъ и одно благородное желаніе управляетъ ими. Если мы видимъ различіе нравовъ, то это не есть противудѣйствіе народности. Мы уже говорили, что народность основывается на общественномъ стремленіи къ единству, коего возгласъ есть: благо и слава народа, поэтому всякій изъ насъ дорожитъ своей святой Русью, гордится своимъ именемъ, отвѣчаетъ всегда радостно на призывъ любимыхъ нами Монарховъ, коимъ наше отечество вручено самымъ Провидѣніемъ. Каждый изъ насъ хранитъ въ сердцѣ своемъ завѣтныя слова нашихъ предковъ, что мы должны жертвовать собою: за вѣру, Царя и отечество, и помнить твердо: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! —

Заключеніе. Любовь къ собственному счастію, раждаетъ любовь къ своему отечеству; благородное честолюбіе каждаго, народную гордость.—

Народная гордость не можетъ существовать, безъ сознанія собственнаго достоинства; слава народа не можетъ проявляться безъ любви къ отечеству. Напрасно нѣкоторые говорятъ, что любовь къ отечеству можно внушить умствованіями. Кто не гордится народностію, тотъ не можетъ питать любви ни къ чему родному. Кто не знаетъ что народность есть истинная любовь, основа къ благоденствію царства; тотъ только можетъ быть всемірнымъ гражданиномъ. Божественный свѣтъ Религіи, скрѣпляетъ всѣ общественныя связи, а народность утверждаетъ въ любви къ своему отечеству. Религія есть тайный союзъ человѣка съ Богомъ; внутреннее, неизглаголанное чувство съ Небомъ: Она выше всего земнаго, выше всѣхъ мудрыхъ законовъ; но народность есть душа отечества, врожденное чувство ея жизни, невидимая связь соотечественниковъ, сближеніе ея съ одними чувствами, съ одними мыслями, и она вездѣ дѣйствуетъ на землѣ съ самоотверженіемъ, какъ дѣйствовала прежде, — слѣдовательно: народность, есть выраженіе любви къ отечеству. — Но какимъ образомъ можно пріобрѣсть народность? Странной вопросъ! какъ будто-бы народное чувство можно купить, какъ сребролюбивое сердце. Но тотъ, которой продаетъ себя, продаетъ себя

всѣмъ безотчетно. — Какъ же мы можемъ понять народность, и гдѣ можемъ ее изучать? Вопросъ весьма важной, но отвѣтъ написанъ въ сердцѣ каждаго русскаго: въ воспитаніи народномъ *.

---

*) Нигдѣ общественныя узы не были столь крѣпкія, какъ между евреями. У нихъ изливалось народное чувство и воспитаніе, изъ своего общественнаго духа. Въ Индіи, Египтѣ, Вавилонѣ, Сиріи, Мидіи, малоазійской Греціи и Финикіи, утверждалось образованіе государственными постановленіями, основанными на свойствахъ своего народа. Въ Персіи самое воспитаніе, было общественнымъ занятіемъ. Тамъ дѣти съ младенчества своего, принадлежали государству. Въ Греціи и Римѣ образованіе дѣтей, по своимъ законамъ и своимъ обычаямъ, обратилось въ народную гордость. Младенцы съ материнскимъ молокомъ, всасывали тамъ нѣжную любовь къ отечеству, какъ къ очаровательному образу, — воспламенявшему и сердце и умъ. Отъ этого явились тамъ, исполненные любви образцовой: Мильціады, Ѳемистоклы, Аристиды, Кимоны, Периклы, Бруты, Сцеволы, Цинцинаты, Камилы, Регулы, Маркелы, Сципіоны, Фабриціи, Фабіи, Катоны, Эмиліи, Гракхи, Помпеи, Цезари, Августы, Меценаты, Германники, Веспасіаны, Трояны, Марки Авреліи, Антонины, Стиликоны, Велизаріи и многіе другіе безсмертные мужи. — Въ Спартѣ, гдѣ все было напитано духомъ народнымъ, смотрѣли на иноземцевъ съ недовѣрчивостію и не допускали ихъ къ важнымъ должностямъ. — Тоже самое было въ Карѳагенѣ, и почти во всей европейской Греціи. — Германскія племена и франки, дали новое направленіе воспитанію. Соединивъ Религію съ семейнымъ воспитаніемъ, они укрѣпляли его на народной преданности къ своимъ нравамъ, обычаямъ и своей странѣ. — По основаніи новыхъ европейскихъ монархій, это направленіе упрочено потребностію общественнаго образованія, и соединено крѣпко съ духомъ народной гордости.

Иноземецъ никогда не воспламенитъ сердца нашего, къ отечеству нашему — потому что онъ чуждъ его. Не согрѣетъ нашихъ чувствъ трогательными примѣрами, изъ нашей исторіи, потому что не знаетъ ихъ, или увлекается пристрастіемъ. Онъ всегда увѣренъ въ достоинствахъ своего народа, и всегда склоненъ къ мысли о превосходствѣ своихъ соотчичей. Онъ будетъ указывать на разительные примѣры, только изъ своей исторіи, — какъ будтобы у насъ ихъ нѣтъ! Какъ будтобы мы скудны ими! Намъ надобно знать свои примѣры, и любить въ нихъ свое возвышенное, свое родное. Какъ несовмѣстны въ природѣ двѣ любви, такъ никто не можетъ любить двухъ отечествъ, а потому напрасно увлекаться безотчетнымъ благовѣніемъ къ одному иноземному. Не поймемъ народнаго духа, когда не станемъ изучивать его. Прилѣпляясь къ чужему, мы не сроднимся съ нимъ, и не оцѣнимъ своего. Мы должны заставить нашихъ клеветниковъ, уважать насъ, — преданностію своею къ Самодержавію и Православію, къ своему величію и отечеству. Кто думаетъ дурно о своемъ отечествѣ, тотъ недостоинъ жить въ немъ. Если злословы наши, стараются видѣть у насъ все дурное, то могутъ ли они сказать когда либо хорошее? Если осуждаютъ насъ, то единственно изъ ненависти къ

нашей силѣ.—Кто можетъ противурѣчить истинѣ?—О! если найдутся люди, то да поклянутся гробами своихъ родныхъ, чтобы обличить насъ.—Нѣтъ! не найдется дерзновеннаго... и если... нѣтъ! нѣтъ!—Творецъ милосердный! Не допусти ихъ до заблужденія. — Русской любитъ свою землю, свое солнце. Земля,—его мать,—солнце его міръ ненаглядный: оно согрѣло его помыслы благородные, озарило величіемъ, плѣнило сердце славой, и той землею, гдѣ всѣ мы родились, живемъ и ляжемъ подлѣ нашихъ отцевъ,—умремъ съ ними, любя свою родину, свою землю.

Слѣдуя правилу государственной науки—ограждать свою безопасность и укрѣплять народное чувство, мы должны стремиться къ образованію, свойственному духу спасительнаго Самодержавія. Своими побѣдами мы устранили препятствія, заграждавшія успѣхамъ образованію; теперь мы должны усвоивать одно доброе и полезное. Мы живемъ въ Россіи, и должны жить для нее. Мечтая о геніяльности чужихъ умовъ,—какъ будтобы у насъ ихъ нѣтъ и не было!—не вознесемся чужимъ умомъ и не будемъ счастливы ложнымъ, чужимъ счастіемъ. Россія,—счастіе наше.

—

II. ЖИЛИЩА.

Благословите, братцы, старину сказать,—
Какъ бы старину стародавную.

Древ. рус. стих. собр. Кирш. Дан.,—с. 17.

Превосходство европейскаго климата, предъ прочими частями свѣта.

Если станемъ разсматривать Европу съ незапамятныхъ временъ, то она представится намъ самою бѣдной страною. За исключеніемъ хвойныхъ лѣсовъ и незначительныхъ растѣній, все, что въ ней находится теперь, есть иноземное, перенесенное изъ другихъ частей свѣта, не говоря уже о просвѣщеніи. Нынѣшнимъ богатствомъ она обязана единственно труду и дѣятельности человѣческой. Хлѣбныя растѣнія: рожъ, ячмень, овесъ, гречиха, пшеница, кукуруза, полба, перенесены изъ Азіи; плодоносныя деревья, кромѣ тощихъ видовъ грушъ и яблонь, перешли къ намъ изъ Азіи. Римляне, за нѣсколько лѣтъ до Р. Х., перенесли вишню, лимоны, виноградъ, дыни, финики, персики (изъ Персіи), померанцы (изъ Китая), розы, (изъ малой Азіи).—Картофель, табакъ, разные виды домашняго лѣса, большое множество полезныхъ и пріятныхъ для глазъ растѣній и деревьевъ:

цвѣты, душистыя травы, тополь и пр., перевезены изъ Америки. Домашнія животныя по большей части, кромѣ лошадей, верблюдовъ иословъ, суть туземныя; серна, сайга, дикія козы, овцы и пр. суть переносныя; медвѣдь, волкъ, лисицы, заяцъ и кроликъ, приписываются Европѣ. Изъ птицъ: павлинъ, вывезенъ Римлянами изъ Азіи, индѣйскій пѣтухъ и нѣкоторыя другія птицы, не европейскія. Усвоиваніе великаго множества растѣній и животныхъ, доказываетъ бывшую непроизводительность Европы, и съ тѣмъ вмѣстѣ воспроизводительность ея земли предъ прочими частями свѣта, потому что въ ней легко принимаются произведенія тропическихъ странъ и обращаются въ туземныя. Европа не имѣетъ ни горъ, ни рѣкъ, ни долинъ, ни степей какія въ Азіи и Америкѣ; ея лѣса скудные, въ сравненіи съ мірозданными Америки; ея животныя даже карлики, въ сравненіи съ великанами африканскими и азіятскими; за то природа ея воспріимчивая, воздухъ умѣренный и здоровый. Ей неизвѣстны ни опустошительные ураганы, ни мгновенной переходъ отъ чрезвычайнаго жара къ оцѣпеняющему холоду, какъ въ Азіи и Америкѣ. Небо не сіяетъ тропическою прелестью, не обвораживаетъ смертнаго, за то не вѣютъ на него заразительныя болѣзни, истребляющія цѣлые города. Азіят-

ская и африканская моровая язва, желтая лихорадка Америки, останавливаются на предѣлахъ Европы. Холера, зашедшая къ намъ изъ восточной Индіи, не появляется болѣе. У насъ нѣтъ тѣхъ страшныхъ пустынь, какъ въ Азіи и Африкѣ, гдѣ онѣ образуютъ кладбища отъ внезапно умирающихъ людей; мы не подвержены нападенію безчисленнымъ роямъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и высасывающихъ кровь; мы не терпимъ хищническихъ опустошеній отъ свирѣпыхъ звѣрей, ни удушливаго зноя. Если европеецъ не отдыхаетъ въ прохладной тѣни величественнаго, пальмоваго дерева; то онъ засыпаетъ безбоязненно среди безвредныхъ своихъ полей и лѣсовъ. Его не тревожитъ неожиданный ужасъ, быстрое дуновеніе заразительнаго вѣтра, или нечаянное нападеніе лютаго животнаго.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Россіи.

Эту часть свѣта занимали, въ самой глубокой древности, Германны и Славяне. Всѣ они жили первоначально въ лѣсахъ; болота и высокія горы, раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Отъ карпатскихъ горъ и устья Вислы, до пиринейскихъ горъ и атлантическаго океана, воздухъ былъ суровой и холодной; зима стояла по полугода и дикіе звѣри витали здѣсь. Въ X в. по Р. Х. находимъ эти мѣста измѣненными: людность смягчила

суровость природы; но и тогда еще лѣса непроходимые, по берегамъ Дуная и Роны, наводили ужасъ, и зимы бывали продолжительныя. Еще въ XV в. Германцы носили мѣха и согрѣвались дома огнемъ.

Гомеръ, писавшій за IX в. до Р. Х., или за 27 в. до нашего времени, о южной части Россіи, нынѣшней Тавридѣ, передаетъ о ней извѣстія со смѣсью баснословія: «тамъ небо подернуто вѣчными туманами, солнце не показывается на горизонтѣ и глубокая ночь царствуетъ вѣчно». — Эти извѣстія хотя несовсѣмъ вѣрныя, однако весьма любопытныя, даже важныя: онѣ подтверждаютъ общее мнѣніе, что часть Европы была мрачная, болотистая и холодная; жители ея были дикія дѣти природы.

Мѣста отъ карпатскихъ горъ до балтійскаго моря, и далѣе на сѣверъ до ледовитаго моря, вовсе были не извѣстны ни Римлянамъ, ни Грекамъ, даже до пол. V. в. до Р. Х. Они имѣли объ ней самыя темныя и изуродованныя преданія. Персидскій царь, Гистаспъ Дарій, жив. за 500 л. до Р. Х., и Македонскій царь Александръ, въ первой пол. IV. в. до Р. Х., гоняясь за кочующими Скифами отъ азовскаго моря до р. Дона,—встрѣчали на семъ пространствѣ степи и безлюдность. Орды многихъ пле-

менъ проходили здѣсь, вытѣсняли бездомныхъ обитателей, которые въ свою очередь были выгоняемы отсюда другими. Геродотъ, жившій за 445 л. до Р. Х. и самъ посѣщавшій греческія поселенія въ нашей Тавридѣ, изчисляетъ уже племена, имѣвшія гражданскую осѣдлость. Онъ говоритъ, что мѣста между Тавридою и Днѣпромъ, были необозримыя степи и безлѣсныя; что зима стоитъ 8 мѣсяцевъ и воздухъ въ это время наполненъ летающими перьями (снѣгомъ); что азовское море покрывается льдомъ, по коему ѣздятъ жители на саняхъ и сражаются на немъ, ничего не боясь; что нѣкоторые изъ нихъ питаются человѣческимъ мясомъ, а другіе обращаются ежегодно въ волковъ на нѣсколько мѣсяцевъ, — первое означаетъ свирѣпость народа, а второе, что зима тамъ была довольно жестокая и люди одѣвались въ волчьи кожи, а быть можетъ въ бараньи, изъ коихъ стали выдѣлывать шубы.—О полунощныхъ земляхъ носился одинъ темный слухъ, что тамъ живутъ люди, которые спятъ шесть мѣсяцевъ въ году,—(въ продолжительныя ночи на сѣверѣ). — Объ отдаленнѣйшей части сѣвера, потеряны извѣстія. Хотя Тацитъ, (писатель перваго вѣка по Р. Х.) говоритъ объ балтійскихъ Вендахъ, нашихъ соплеменникахъ, что они имѣли домы, жили

въ кибиткахъ; однако мы ничего не знаемъ о климатѣ прибалтійскихъ нашихъ мѣстъ.—Іорнандъ, готѳскій писатель VI в., говоритъ уже о многочисленности нашихъ Венедовъ. Вообще можно сказать, что одни Греки и Римляне, передаютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Славянахъ, которыя были невѣрныя, сбивчивыя и изскаженныя, именно, что вся полоса земли отъ балтійскихъ береговъ до устьевъ Днѣпра, была покрыта лѣсами непроходимыми и болотами, которыя испугали Бату, въ началѣ даже XIII в., итти на Новгородъ; что почва была не обработанная и представляла пустыню, что стаи дикихъ и хищныхъ животныхъ рыскали по пространству необозримому, снѣга глубокіе ужасали туземцевъ; но рѣки изобиловали рыбою, а лѣса дичью и пушными звѣрями. Послѣднее извѣстіе согласуется съ безлюдностію, потому что это есть принадлежность всѣхъ незаселенныхъ и холодныхъ странъ. Хлѣбное растѣніе едва тогда было извѣстно и оно замѣнялось кореньями, земляными плодами, мясомъ дикаго животнаго, молокомъ и сыромъ. На этихъ холодныхъ и безлюдныхъ мѣстахъ селились Славяне, и жили по природѣ: въ лѣсахъ и пещерахъ. (*) Когда они по-

Жилища Славянъ.

(*) Довольно странно, что шведскій историкъ Далинъ говоритъ утвердительно, что вся Россія, представляя въ глубо-

лучили гражданскую осѣдлость, а съ тѣмъ вмѣстѣ и выгоды отъ постоянныхъ жилищъ; тогда стали строить хижины; но въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ и среди непроходимыхъ болотъ, иноземецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ, безъ вожатаго. Ожидая безпрестанно врага, Славяне брали еще другую предосторожность: дѣлали въ своихъ жилищахъ разные выходы, чтобы, въ случаѣ нападенія, можно было спастись; скрывали въ глубокихъ ямахъ драгоцѣнныя вещи и хлѣбъ, и селились болѣе между болотами и лѣсами. (*)

Съ узнаніемъ выгодъ отъ скотоводства и земледѣлія, они получали отъ нихъ все необходимое для поддержанія своей жизни: поля и

кой древности одни острова, была отъ Новгорода до Кіева шведскою провинціею, и что около Р. Х. большая часть Швеціи скрывалась еще подъ водою. Dalin: Geſch. der Schweden. Рожеръ Баконъ еще болѣе расказываетъ баснословнаго, что тунгускіе Татары имѣютъ коровъ съ лошадинными хвостами и доютъ ихъ при пѣніи пѣсней. Observations du moins Roger Bacon,—въ собр. Бержер. с. 19 изд. 1735 г. in 4°—Баконъ жилъ въ XIII. в., ему извинительно; но Далинъ въ XVII в., и славится своей исторіею.

(*) Strit Mem. popul т. II. с. 29.; Іорнандъ: De reb. Gethic. c. 85. Hi paludes sylvasque pro civitatibus habent.

Зарываніе хлѣба въ землю, господствовало въ Малороссіи до нашихъ временъ. Еще недавно казаки, для сохраненія зерноваго хлѣба, ссыпали его нарочно на зиму въ ямы, въ коихъ онъ оставался невредимымъ.

животныя снабжали ихъ пищею и одеждою; непроходимые лѣса охраняли жилища и служили при военныхъ событіяхъ часто оградою. Не страшились уже ни голода, ни свирѣпыхъ зимъ, ибо запасались достаточными пособіями, которыя находились въ ихъ странѣ.

Зданія деревянныя и каменные хоромы Ольги.

Первоначальныя жилища состояли изъ лѣсныхъ срубовъ; ставили ихъ обыкновенно по произволу и удобству хозяйственныхъ помѣщеній. Внутренность ихъ состояла изъ одной общей комнаты, въ смежности съ коею находились пристройки для домашняго скота и птицъ, и для храненія земледѣльческихъ вещей, хлѣба, сѣна и пр. Овины или гумно, стояли недалеко отъ избы. Мы не имѣемъ самыхъ древнихъ свѣдѣній о наружности и постройкѣ нашихъ домовъ. Судя о простотѣ тогдашнихъ нравовъ, должно думать, что избы и хоромы располагались безъ украшеній, но строились, сколько намъ извѣстно, изъ дерева. Жилые покои стояли внутри двора, и обводились деревянными заборами съ рѣшеткою и безъ рѣшетки, и частоколомъ. Конечно, это дѣлали одни богатые; недостаточные и бѣдные окружали плетнемъ или оставляли не загороженными, какъ доселѣ по многимъ городамъ, селеніямъ и деревнямъ. Хоромы В. К. Ольги были уже каменныя (въ пол. X. В.).

Стѣны и башни, окружавшія города, были деревянныя и каменныя. Владиміръ 1. строилъ церкви и зданія при содѣйствіи греческихъ художниковъ, напр. дубовую церковь Успенія Пресв. Богородицы (въ 991 г.), и украсилъ ее иконами и церковными вещами,—доставленными изъ Константинополя. Того же года такая же церковь, съ тѣмъ же именемъ, построена въ Ростовѣ, которая стояла 168 л., и сгорѣла во время пожара. (*) Въ пол. XII в. построена каменная церковь В. К. Андреемъ Юрьевичемъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, во имя Успенія Богородицы, съ однимъ куполомъ (**). Церковныя каменныя зданія, предшествовали построенію домовъ. —

Единообразное построеніе и расположеніе комнатъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что за исключеніемъ Ольгина терема, всѣ тогдашнія сельскія избы, не отличались отъ нынѣшнихъ: были не высокія, крылись досками и соломою. Горожане строили высокіе домы и жили обыкновенно вверху,

(*) Русская лѣт., съ воскр. сп. ч. 1 с. 154—155. — Церкви назывались у насъ *ропатами*. Послы В. К. Владиміра 1, возвратившіеся съ извѣстіемъ о вѣрѣ болгарской, называютъ ихъ храмы *ропатами* — Лавр. сп. с. 73—74. — Ганзейцы просили дозволенія у Новгородцевъ построить *ропату*; церкви лифляндскія именуютса въ царств. лѣтоп. *ропатами*. См. царств. лѣтоп. подъ 1563 г.

(**) Руск. лѣт. съ воскр. сп. ч. II с. 44—62. Еще въ XIII. ст. церковь Св. Богородицы была вымощена (въ Суздалѣ) краснымъ мраморомъ.—Тамъ же ч. II. с. 192.

или въ верхнемъ жильѣ, это видно изъ того, когда язычники Кіевляне, хотѣли принесть въ жертву идола Перуна, христіянина, родомъ изъ Варягъ, тогда подрубили сѣни и убили его съ отцемъ.—Тѣло умершаго Владиміра 1., спустили по веревкамъ изъ верхняго жилья, разобравъ помостъ между двумя клѣтьми. — Низъ дома служилъ тогда для погребовъ, называвшихся медушами, потому что въ нихъ хранился медъ, и для кладовыхъ. — Домъ дѣлился на клѣти (комнаты). — Онъ раздѣлялся по поламъ сѣнями, называвшимися иногда помостомъ. Вдали отъ дома строились особыя почивальны или одрины, — коихъ названіе чисто славянское, показываетъ, что тутъ стояли постели и служили не для одного ночнаго отдохновенія, но и послѣобѣдняго.—Наши предки любили уснуть послѣ обѣда, и это называлось у нихъ отдохнуть немножко. —

Пріемные въ великокняжескихъ покояхъ, еще до Владиміра 1., назывались *гридницею*. Въ ней, въ его время, угощались бояры, гридни, сотники, десятскіе и всѣ нарочитые люди (именитые граждане). Гридни составляли отборную дружину княжескую, которая переименовалась потомъ въ мечниковъ. (*) На дворѣ строили

(*) Гридня или гридень, происходитъ отъ шведскаго слова gred, мечъ. Ихъ сравнить можно съ придворной стражею.

вышки и повалуши для голубей, коихъ любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами (*). Хоромами назывались у насъ высокіе деревянные домы, а теремами покои или комнаты, расположенныя въ верхнемъ ярусѣ.

Освѣщеніе.

Жилые покои освѣщались свѣчами и свитильнею. Въ великокняжескихъ и боярскихъ хоромахъ, горѣли восковыя свѣчи, потому что воску было у насъ въ изобиліи: его снимали въ лѣсахъ изъ дикихъ пчельниковъ и продавали, вѣроятно, дешево; недостаточные люди жгли обыкновенное масло, наливаемое въ глиняные круглые сосуды, какъ понынѣ въ обыкновеніи между Малороссіянами, у коихъ такой сосудъ называется каганецъ, а въ великороссіи жирникъ. Простые или бѣдные люди, жгли лучины сосновыя, которыя понынѣ въ употребленіи. Иностранцы, бывавшіе у насъ по дѣламъ посольскимъ въ XVI и XVII в., говорятъ единогласно, что путь ихъ, въ ночное время, освѣщали лучинами, которыя горѣли такъ свѣтло, какъ бы самое солнце свѣтило среди дня; что по дорогамъ

(*) Лѣт. Нестора по кенигсб. сп. с. 47, 51, 72, 91 и 93. Повалуша, упоминаемая въ значеніи голубятни, встрѣчается въ древн. русск. стихотв. Кирил. Данилова с. 61. — Вышка означаетъ въ смолен. губ. верхнюю комнату въ жильѣ, подобно чердаку; она дѣлается безъ печи и въ ней только живутъ лѣтомъ.

зажигали смолянныя бочки, пуки соломы и костры дровъ.—Сальныя свѣчи появились у насъ не прежде XVII в., и въ это время употребляли уже многіе (*).

Сальныя фабрики появились въ царствованіе Петра 1., и тогда онѣ стали входить во всеобщее употребленіе. Подсвѣчники появились, конечно, съ восковыми свѣчами, и церковные служили имъ образцомъ.

Каменныя палаты.

Строителями домовъ были природные Русскіе. Нашъ мужикъ, отъ природы смѣтливый, самъ плотникъ и зодчій; такъ было и въ самой отдаленной древности. Въ XII в. распространялись у насъ ремесла и полезныя знанія; мы имѣли живописцевъ и строителей иноземныхъ, кои преимущественно занимались укра-

(*) Herb. Rer. Moscov. com. c. 89—101; Francesco da Collo: Trattamento di pace tra rè di Polonia e gran principe di Moscovia, 1518 г., stampato in Padua 1603 г., на обор. 53 л.: quando ci accoreva far ritorni ad essi nostri allogiamenti, in tempo di notte, erano disposti e accesi lumi di tiglia, di altezza d'un passo dall'una e dall'altra parte della strade, discosti l'un da l'altro intorno à due passi, i quali rendevano cosi fatto splendore, come se posse il sol da mezzo giorno, — помѣщ. у Чилл: Historia delle sollevationi notabili in Polonia, gl'an. 1606. 1607 и 1608. — Arsenii: Descr. itineris in Moscoviam habiti a Jeremia II. patriarcha Constantin., Ч. I. с. 90., помѣщ. у Вихмана: Saml. Schrift. des Ruff. Reichs; Miege: Relations des trois embassades de Carlisle, c. 340 изд. 1772 г. in 16°.

шеніемъ храмовъ (*). Кремлевскій дворецъ былъ первоначально деревянный, какъ дворцы Великихъ Князей въ Кіевѣ.—В. К. Іоаннъ Калита, украшая Москву каменными храмами, обвелъ ее въ 1339 г. дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время Кремникъ (Кремль) (**).

Въ его время были построены соборы: Успенскій и Архангельскій, церковь Св. Іоанна Лѣствичнина и Преображенія. До XV в. не было здѣсь, кромѣ храмовъ и городскихъ укрѣпленій, ни одного каменнаго дома; князья и вельможи строили деревянные, по избытку лѣса и трудной выдѣлкѣ кирпича, который продавался безъ сомнѣнія, весьма дорого, и сверхъ того требовалъ искуства въ построеніи.

Новгородскій архіепископъ жилъ уже въ каменныхъ, съ тридцатью дверями хоромахъ, построенныхъ нѣмецкими зодчими (1433 г.). Его палаты были расписаны и украшены боевыми часами. На великокняжескомъ дворѣ, за цер-

(*) Лѣтопис. Нестора, воскресенская и новгородская. Замѣчательно, что соборная церковь въ Суздалѣ, была выстроена нашими художниками. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій Милонѣгъ Петръ, который построилъ каменную стѣну на берегу Днѣпра, подъ Выдубецкимъ монастыремъ, и наши современники говорили объ ней, какъ о великомъ чудѣ.— Воскр. лѣт. ч. II. с. 118.

(**) Кар. И. Г. Р. ч. 4 с. 225 прим. 322.

ковью Благовѣщенія, были выставлены еще въ 1404 г., боевые часы, стоившіе около 30 ф. серебра (*).

(*) Монахъ Лазарь, пришедшій съ аѳонской горы, родомъ Сербинъ, снабдилъ часами церковь Благовѣщенія,—въ Москвѣ. См. троицк. лѣт., въ коей сказано, что Лазарь самъ ихъ дѣлалъ: «мастеръ же и художникъ сему бѣяше..... цѣна же сему бѣяше вящъше полувтораста рублевъ.». — Князь Великій замысли часникъ и постави на своемъ дворѣ, за церковью за Св. Благовѣщеніемъ. Сій же часникъ, наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвоно и самодвижно, странолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизличтано и преухищрено.»—Каменныя зданія строились изъ кирпича, и конечно, способъ обдѣлыванія его былъ извѣстенъ давно. Нѣкоторые думаютъ, что зодчій болонскій, Амуроль Аристотель, который научилъ насъ лить пушки, во второй пол. XV в., устроилъ кирпичный заводъ и научилъ дѣлать кирпичи. Лѣтоп. русск. ч. III. с. 43; Кратк. церк. росс. истор. ч. I. с. 330; Успен. Оп. пов. о древ. русск. ч. 1. с. 29. — Развѣ до него не строили изъ кирпича?—Нѣтъ, скажутъ нѣкоторые, тогда строили изъ камня. —Но это невозможно! По своей рѣдкости камень былъ дорогъ. Тогда въ Россіи нигдѣ не знали его и теперь не строютъ изъ камня, а изъ кирпича, называя таковыя зданія каменными. Одна Финляндія доставляетъ въ избыткѣ превосходной гранитъ, который идетъ на дворцы, великолѣпные храмы и палаты богачей. Кромѣ Петербурга, нигдѣ не строятъ собственно каменныхъ зданій: т. е. изъ мрамора или гранита. Самыя улицы мостятъ здѣсь булыжникомъ, (овальными кусками гранита); нигдѣ болѣе, по ощутительному въ немъ недостатку. — Должно думать, что Аристотель, устроивъ кирпичный заводъ, научилъ русскихъ лучше обдѣлывать его. При построеніи же деревянныхъ домовъ, знали пилить доски, но собственно пильныя устройства, появляются у насъ въ XVII. в. Въ юж-

Митрополитъ Іона построилъ для себя, въ Москвѣ, каменныя палаты съ домовымъ храмомъ Положенія ризъ (1449 г.)

Простота въ построеніи.

Среди самой столицы находились тогда рощи и луга, стояли мельницы и сады; домы боярскіе отличались отъ простолюдиновъ высотою и глубокими погребами, наполненными медомъ. (*) Если въ это время господствовала въ столицѣ городская простота, то нельзя удивляться, что она по городамъ и деревнямъ была общею. Самыя деревни, состоявшія тогда изъ немногихъ избъ, и получившихъ свое названіе отъ построенія ихъ среди деревьевъ или лѣсовъ, какъ селеніе отъ села или заселенія мѣстъ пустопорожихъ, представляли повсюду единообразіе: вокругъ сѣяли хлѣбъ и косили траву, какъ и нынѣ. Домы горожанъ въ XV в., строились почти по прежнему: съ большими сѣнями, низкими дверями, такъ что входившій, чтобы не удариться головою объ верхній косякъ, долженъ былъ наклоняться. (**)

ной же Россіи, съ поселеніемъ въ ней слободскихъ пришельцевъ, перенесено искуство пилить бревна и дѣлать для кровлей гонтъ (досчатую покрышу). Усп.: Оп. повѣст. о др. рус. ч. 1. с. 33.

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Paul. Iov. de Legat. Moscov; Petrejus: Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkow, etc., с. 8 и 9., изд. Лейпц., 1620 г.

(**) Herb. Rer. Moscov. com.

Украшеніе комнатъ.

Стѣны комнатъ были голыя, столы и лавки дубовыя, только у богатыхъ; онѣ стояли вокругъ стѣнъ; часто покрывались коврами. Тогда не знали ни стульевъ, ни креселъ. (*) Великіе Князья при пріемѣ пословъ, садились на возвышенномъ кругломъ сѣдалищѣ, замѣнявшемъ тронъ; во время обѣдовъ на обыкновенныхъ лавкахъ, застланныхъ пышными матеріями, шелкомъ и бархатомъ. Украшеніе комнатъ составляло повсюду изображенія Св. мученниковъ и угодниковъ, особенно чудотворца Николая, вставленныя въ кіоты въ углу; предъ ними теплилась лампада, а въ праздникъ освѣщали

(*) Нѣкоторые изъ нашихъ писателей упоминаютъ о стульяхъ, бывшихъ будтобы еще въ 1158 г., а о креслахъ въ 1602 г., но тѣ и другія дѣлаются извѣстными не ранѣе XVIII. в. Быть можетъ, что наши писатели называли стульями и креслами, круглыя одномѣстныя скамейки, которыя у иностранцевъ именовались безъ разбора. О стульяхъ см. Татищ. ист. рос. кн. III. с. 75.; о креслахъ Щерб. рос. истор. т. VII. ч. 1. с. 174. — О перемѣшанныхъ названіяхъ стульевъ и креселъ, см. Herb. Rer. Moscov. com.; Paul. Jovii: De legat.; Reutenfeld: De reb. Moschoviticis; Tanner. Leg. — Отъ нихъ прочіе писатели заимствовали свѣдѣнія. Египетскіе стулья дѣлались табуретами, кресла съ высокими ручками безъ ножекъ, столы же изъ длинной доски, укрѣпленной на четвереугольномъ столбѣ. Grohman: Uebersicht der Egyptische Baukunst. — Названіе стульевъ встрѣчается въ XVI. в.; но какая ихъ была форма, неизвѣстно. Должно думать, что наши стулья были безъ спинокъ, ибо таковые стулья ставили во храмѣ при коронованіи Великихъ Князей и Царей, и они служили вмѣсто троновъ.

еще образа восковыми свѣчами; подъ иконами было почетное мѣсто; тутъ же стоялъ крытой, бѣлою тканью столъ.

Появленіе каменныхъ домовъ.

Зодчество начало распространяться только въ XV. в. Иностранные художники укрѣпляли города, строили церкви каменныя, и они построили грановитую палату (1491 г.), которая въ теченіи 320 л., сохраняла прежнюю свою красоту, и дворецъ теремный (въ нач. XII. в.). Знатные люди такъ же начали строить каменные домы. Митр. Зосима поставилъ на своемъ дворѣ, три келліи каменныя съ подклѣтами. Голова Дм. Вл. Ховринъ и Вас. Ѳеод. Образецъ, построили каменные домы (1485 г.) (*) Тогда многіе явно чувствовали превосходство европейцевъ, въ гражданскомъ искуствѣ; старались заимствовать отъ нихъ все полезное, — кромѣ обычаевъ, къ коимъ оставались вѣрными. Нельзя оставить безъ вниманія, что построеніе и укрѣпленіе многихъ пограничныхъ городовъ, было производимо знаніемъ Русскихъ, познакомившихся уже съ искуствомъ военнымъ.—Правда, стѣны воздвигались деревянныя, за то внутри ихъ была землянная насыпь, смѣшанная съ пескомъ, или крѣпко сплетались изъ хворосту стѣны, (**) огражденныя земляннымъ валомъ.

(*) Никон. лѣт. с. 119. 122. 129.

(**) Поссев. Moscov.

Жилые покои въ XV и XVI в.

Въ XV в. домы дворянъ и горожанъ, были по большей части небольшіе, и крытые соломою; въ нихъ ставили хлѣбныя печи, гдѣ варили и пекли, отъ чего покои наполнялись дымомъ. Въ тѣхъ же избахъ нерѣдко толпились телята и другія домашнія животныя, какъ доселѣ.—По недостатку въ стеклѣ для оконъ, обтягивали ихъ говяжьими пузырями или намазанной масломъ холстиною, которую замѣнили въ послѣдствіи слюдою (*). Въ концѣ XVI ст. столица величалась прочными зданіями: каменными лавками и домами, но нашлись злодѣи: кн. Вас. Щепинъ, дворяне: Вас. Лебедевъ и два Байковы, отецъ и сынъ, которые сговорились зажечь Москву въ разныхъ мѣстахъ; однако умыселъ ихъ открылся заблаговременно: виновниковъ схватили и казнили (1597 г.) (**).

(*) Paul. Joy. De legat. Moscov.; Herb. Rer. Moscovit. com.; Certaine letters by Furbeville, пом. въ Гаклюйт.; Успен. Оп. пов. о древ. русск. ч. I. с. 32 и 33.

(**) Никон. лѣт. ч. VIII с. 29. Врагъ вложи въ мысль въ человѣцы, въ князь Вас. Щепина да въ Вас. Лебедева и въ ихъ совѣтниковъ, чтобъ зажечь Москву,—и пр.—Москва, по свидѣтельству Ченслера, была въ его время обширнѣе Лондона. См. путешеств. Рих. Ченслера въ 1553 г. т. 1. с. 364 и 276, пом. въ соб. Гакл. изд. 1809 г.—Въ 1520 г. было 41,500 домовъ, а жителей, какъ полагаютъ, за 100,000.—см. Кар. И. Г. Р. т. VII. с. 210—211.—Franc. da Collo: Trattamento di pace 1518 г. л. 51., говоритъ: «Москва,

Успѣхи гражданскаго образованія, сколько ни были важны для удобства жизни, но повсюду еще строились домы изъ сосноваго лѣса, въ два или три жилья, съ большими крыльцами и дощатыми свислыми кровлями, а на дворахъ особо лѣтнія спальни и кладовыя. Печи дѣлались изращатыя, стѣны комнатъ расписывались изображеніями изъ церковной исторіи. Въ свѣтлицахъ были печи съ лежанками, на коихъ любили покоиться ночью, или сиживали днемъ въ зимнее время. Въ печныхъ стѣнкахъ дѣлались печурки, въ коихъ нагрѣвали кушанье и что было надобно для хозяйства, или держали домашную посуду, и такія печурки замѣняли часто шкафы. Петръ В., построивъ для себя небольшой деревянной домикъ, изъ трехъ комнатъ (на петербургской сторонѣ), имѣлъ таковую же печъ съ печурками, въ коихъ онъ ставилъ свой чайный приборъ, разныя домашнія вещи и тамъ нагрѣвалъ воду. Его домикъ, обращенный нынѣ въ часовню, не имѣетъ прежней печи.—Въ холодныхъ мѣстахъ, понынѣ дѣлаютъ у насъ печи съ лежанками. — Высота дома и обширность двора, означала богатство и важность

Построеніе высокихъ деревянныхъ домовъ, ихъ внутренность и важность высокихъ хоромовъ.

состроенная большей частію на болотахъ, имѣетъ въ окружности три мили, и судоходную рѣку Москву. — А теперь рѣка Москва!

Избы и простота сельской жизни, въ самой столицѣ.

хозяина. Недостаточные и простолюдины жили, даже въ столицѣ, въ дымныхъ избахъ, часто безъ трубъ или съ деревянными трубами. По изготовленіи кушанья гасили огонь, за чемъ смотрѣли нарочные пристава. Картина сельской жизни, не измѣнялась долгое время въ Москвѣ: вокругъ домовъ зеленѣлись рощи, луга, огороды и сады; у кремлевскаго дворца косили сѣно, и въ немъ красовались три большихъ царскихъ сада; мельницы на рѣкахъ: Яузѣ и Неглиной, довершали деревенскіе нравы: (*)

Распространеніе каменныхъ домовъ.

Борисъ Годуновъ, любя пышность, ослѣпляя богатствомъ народъ и чужеземныхъ пословъ, воздвигалъ каменныя палаты и хотѣлъ распространить вкусъ и изьященство; но его желаніе не исполнилось: оно начало распространяться не ранѣе царствованія Импер. Елисаветы, которая, съ благополучнымъ своимъ правленіемъ, умѣла поселить вкусъ къ изьящному, — съ открытіемъ академіи художествъ (1758 г.) Вообще должно сказать, что до полов. XVIII в. царствовало однообразное направленіе въ постройкахъ, не только въ простомъ сословіи; но и въ боярскомъ. Ближніе люди и бояры, жили въ деревянныхъ домахъ, безъ

(*) Muscov. Reise, пом. въ магазинѣ Бишинга, ч. VII. с. 265; Petrejus: Histor. und Berichte vom Großfürstenthumb Muſchkow, с. 9., изд. Лейпциг., 1,620 г.

украшеній. Въ полов. XVII в. былъ уже отведенъ для царскихъ пословъ каменный домъ. (*). У знатныхъ людей находились на дворахъ, лѣтніе домы и церквы. Домы дѣлались уже просторнѣе; но въ окнахъ вставляли, вмѣсто стеколъ, слюду, которую получали изъ Карелiи (нынѣшней части Финляндiи) (**).

Достовѣрно неизвѣстно, что вошло прежде въ употребленіе въ Россіи: стекло или слюда? Хотя никакихъ не имѣемъ свѣдѣній изъ нашей старины, однако мы думаемъ, что стекло, бывъ вывозимо изъ Царьграда,

---

(*) Relatio legationis in Moscoviam, Aug. de Meyern et Guil. Calvucci, въ 1661—1663 г., ч. I. с. 218., помѣщ. въ собр. Вихмана.

(**) Котихинъ: о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. XIII. с. 118. La relat. des trois embassades de Charles II., vers Alexey Michailoviczz, etc. par Miege. — Amst. 1762 г. с. 324, Petrejus: Hiſtor. und Bericht vom Großfürſtenthumb Muſchkow, с. 9. изд. Лейпц. 1620 г. — Слюда была не безизвѣстна Мьежю, но онъ называетъ ее талькомъ, что не все равно. — Онъ такъ описываетъ: du talc, dont les peintres en mignature se servent aussi fort frequement pour mettre devant leurs portraits. On tire cela du rocher, qui se fend de soi—même en plaques minces et unies, de sorte qu'il est pour le moins aussi transparent que le verre., mais il ne se casse point.—Ясно видно, что онъ говоритъ о нынѣшней слюдѣ, но неправильно то, что онъ смѣшалъ ее съ талькомъ, которой никакъ не отдѣляется пластами и никакой не имѣетъ прозрачности. — Древніе приписывали тальку чудесную силу: полученнымъ изъ него масломъ, думали возвратить старости молодость.

употреблялось богатыми, и въ княжескихъ палатахъ; что недостаточные закрывали окна ставнями или залѣпливали пузырной кожею, какъ это дѣлалось въ Германіи и Франціи, въ полуобразованномъ ихъ состояніи; что пріобрѣтеніе слюды и ея доставленіе, бывъ сопряжено съ великими трудностями, по отдаленности мѣста, сдѣлалось извѣстнымъ у насъ не ранѣе XVI в., и то въ сѣверо-восточной Россіи, а въ юго-западную не заходила тогда, — въ ней она понынѣ составляетъ предметъ рѣдкости.

Строеніе домовъ и избъ въ пол. XVII в.

Домы поселянъ и городскихъ жителей, не улучшились и въ полов. XVII в.; строились, какъ и прежде съ высокими крышами; не сдѣлались ни обширнѣе, ни красивѣе, и плотники наши, при строеніи своихъ избъ съ маленькими окнами, не употребляли другихъ орудій кромѣ топора, пилы и скобеля. Домы богачей и знатныхъ особъ, были обширнѣе и выше обыкновенныхъ. Разсположеніе комнатъ, было почти повсюду одинаковое. На одной половинѣ находилась большая комната, которая раздѣлялась на двѣ или три части, и вся эта часть называлась *свѣтлицею*. Въ ней окна были гораздо большія, нежели въ другихъ покояхъ и по большей части выкрашенныя, отъ чего онѣ получили названіе *красныхъ оконъ*, въ противуположность *волоковымъ* или обыкновеннымъ.

Волоковыя окна находились въ четвероугольныхъ отверстіяхъ, въ кои вкладывались рамы со стеклами, или тѣ отверстія задвигались на ночъ, вдѣланною въ стѣну доскою,—это доселѣ въ употребленіи по деревнямъ. Въ свѣтлицахъ дѣлывались деревянныя трубы, и эти свѣтлицы топились изъ сѣней. Противу свѣтлицы находилась простая комната, называвшаяся избою; между свѣтлицею и избою были устроены теплыя сѣни, въ коихъ иногда находилась кладовая, именовавшаяся *чуланомъ*. Въ сѣняхъ жили горничныя дѣвушки, называвшіяся тогда *сѣнными*; печи дѣлались изъ битой глины или муравленныя, поды были кирпичные; подъ жилыми покоями дѣлались подклѣти. Въ дальнемъ разстояніи отъ хоромъ, стояли конюшни, клѣти, спальни, *теремы*, *чердаки и бани*. —

Украшеніе покоевъ, сады и рыбные пруды.

Внутренность каменныхъ покоевъ обшивали досками, въ томъ мнѣніи, что отъ этого въ комнатахъ воздухъ здоровѣе, суше и теплѣе; стѣны ни чемъ не окрашивали. У нѣкоторыхъ онѣ были расписаны, или обиты голландскою позолоченой кожею. Комнаты Царицы Ирины, супруги Ѳеодора, были расписаны великолѣпно: стѣны были изукрашены мусіею, съ изображеніемъ на ней Спасителя, Божіей Матери, Ангеловъ, іерарховъ и мучениковъ; на потолкѣ лежалъ прикрѣпленной къ своду левъ, которой

держалъ въ зубахъ змѣю, съ висячими на ней роскошными подсвѣчниками.—Двѣ царскія палаты: большая грановитая и золотая грановитая, были расписаны событіями изъ священной и русской исторій, аллегорическими изображеніями добродѣтели и порока, временъ года и явленій природы (*). Картины, портреты и эстампы появились въ это время, и первый сталъ употреблять бояр. Арт. Серг. Матвѣевъ, украшая ими внутренность своего дворца, который однако былъ деревянный.—Почти при каждомъ домѣ находился садъ, но найлучше украшеніе домовъ составляли рыбные пруды. Дворъ обводился частоколомъ или плетнемъ, называвшійся тыномъ; ворота были вальящатые, вереи дубовыя, подворотина изъ доски или бревна.

Появленіе ягодъ, плодовъ и махровыхъ розъ.

До XV в. были у насъ овощи сладкіе; въ XVI в. встрѣчаются во множествѣ орѣхи, малина, смородина, яблоки и вышня. — Груши, сливы, дыни и арбузы, только что разводились. Дыни славились отличнымъ своимъ вкусомъ. Многіе иностранцы утверждали, что за Сама-

(*) Arsenii: Decrip. itineris in Moscoviam, пом. въ собр. Вихмана; Petrejus: Histor. und Bericht. vom Großfürst. Muschkow; Muskow Reise. 1602 г., пом. въ Башинг. магаз. Ч. VII; Olear. Offt begehrte Beschr. d. neuen. Oriental. Reise, с. 116, изд. 1647. г. Mayerberg: Voyage en Moscovie, с. 105. 106, изд. Leide, 1688 г.

рою, между р. Волгою и Дономъ, растутъ дыни удивительныя: онѣ наружнымъ видомъ похожи на ягненка и со всѣми членами этого четвероногаго животнаго, потому называются *баранцами*. Эти барашки, по созрѣніи, перекатываются съ мѣста на мѣсто въ длину своего стебля, выходящаго изъ пупа къ корню, и пожираютъ растущую вокругъ нихъ траву. На баранцахъ образуется курчавая кожа, какъ на ягненкѣ, изъ коей можно приготовлять зимнюю одежду. Олеарій даже пишетъ, что въ Москвѣ ему показывали нѣсколько небольшихъ лоскутковъ одѣяла, сошитого изъ баранцевъ: шерсть изъ нихъ была легкая и курчавая.—Иностранцы долго вѣрили, что у насъ находятся животныя изъ растительнаго царства, называемыя естествоиспытателями *зоофитомъ*, пока ученый Кемпферъ, жившій въ XVIII в., не объяснилъ, что овчины получаются не изъ растѣній а изъ овецъ. (*)—Изъ яблокъ особенно славились наливныя, потому что онѣ были нѣжныя и прозрачныя.—Въ пол. XVII в. появились садовыя

(*) Olearii: Offt begehrte. Beschr. der neuen Orientalisch. Reise, и пр. с. 117., изд. Шлейзв. 1647 г., Margeret: E'stat de l'empire de Russie, на обор. л. 1. изд. Париж. 1607 г. Petrejum: Histor. und Berich. von. dem Großfürstent. Muschkow, с. 124—125, изд. Лейпц. 1620 г., The voyages of Struys through Moscovia, с. 180 изд. 1683 г.—Кто первый распро-

и махровыя розы; въ нач. XVIII в. появились въ садахъ оранжереи; сады и дворы обводились уже досчатыми заборами. (*)

Къ особенной чести нашихъ предковъ, должно сказать, что они были хорошіе домохозяевы, начиная отъ селянина до Великаго Князя. Владиміръ Мономахъ, въ духовной къ своимъ дѣтямъ, наставляетъ ихъ между прочимъ: «въ хозяйствѣ сами смотрите за всѣмъ внимательно, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего.»

Пышность хоромовъ, превозносимая пѣснями.

Въ старинныхъ пѣсняхъ, начала XVIII. в., превозносятся роскошныя украшенія домовъ, наприм. въ разсказѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ.

Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.—
Съ вечера позднимъ поздно
Будто дятлы въ дерево прощолкивали,

странилъ молву объ нашихъ зоофитахъ?—Маржаретъ.—У него перваго встрѣчается описаніе баранцевъ.—Witsen. Noosrd en oost Tartaryen eene Beschryving, etc. Amst. 1785 г. in f. т. I. с. 288, говоритъ, что Энгельбертъ Кемпферъ прежде всѣхъ объяснилъ значеніе баранца.

(*) Olear. и Le-Brun, см. ихъ Voyages; Herberst. Rer. Moscov. com., Korb: Diarium; Lyseck. de legat. с. 75 и 76.

Работала его дружина хоробрая;
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ.
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя.—
Хорошо въ теремѣ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря.—
И вся красота поднебесная.

Изображеніе богатаго дома, новгородскаго купца Терентьева.

Въ стольномъ Новѣгородѣ
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской.
А и жилъ былъ богатой гость,
А по имени Терентьище.
У него дворъ на цѣлой на верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ.
Вороты были вальящатыя,
Вереи хрустальныя.
Подворотина рыбій зубъ.
Среди двора гридня стоитъ,
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
И иматица то валженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная.
А по середи кроватька стоитъ,

Да кровать слоновыхъ костей;
На кровати перина лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена,
Авдотья Ивановна.—

Изъ удалой жизни Дюка Степановича,— его домъ

Ой ты, ой еси, Владиміръ Князь! (*)
Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
Печки у тебя биты глиняны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное;
Въ лахань обмакиваютъ.
А у меня Дюка Степановича,
А у моей сударыни матушки:
Печки биты муравлены,
А подики мѣдные,
Пометелечко шелковое.—
Въ сыту медвяную обмакиваютъ,
Калачикъ съѣшь, больше хочется.

Описаніе богатства у Ставра боярина:

Что это за крѣпость
У Великаго Князя Владиміра?
У меня—де, Ставра боярина,
Широкой дворъ не хуже города Кіева;
А дворъ у меня на семи верстахъ,
А гридни, свѣтлицы бѣло-дубовы,
Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей;

(*) Это говорится про В. К. Владиміра 1., а Дюкъ Степановичъ его витязь.

Полъ середа, одного серебра;
Крюки да пробои, по булату злачены.

Богатство Чурилы Пленковича, витязя Владиміра 1.

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ
А и есть по жемчужинкѣ.
Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица то валженая;
Полъ середа, одного серебра;
Крюки да пробои, по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота оловьянные. (*)

(*) Древн. русск. стихотв. собр. Кирш. Даниловымъ изд. 1818 г. с. 6, 13, 27, 424 и 159. Упоминаемыя здѣсь въ отрывкахъ богатства витязей, конечно суть прикрасы стихотворца; но они по крайней мѣрѣ изображаютъ нравы его времени, смѣшанные съ преданіями старины.

Говоря о витязяхъ Владиміра, мы не можемъ пропустить безъ вниманія, что В. К. Владиміръ былъ женатъ не на сестрѣ греческихъ императоровъ: Василія и Константина, но на ихъ племянницѣ Аннѣ. У нихъ была одна сестра Ѳеофанія, которая была выдана замужъ за германскаго императора Оттона II. Marq. de Gastelhau: Ess. sur l'hist. anc. et moderne de la nouvelle Russie, т. I. с. 116—Par. 1820 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что прадѣды наши завидовали роскошной жизнѣ своихъ предковъ, а мы завидуемъ ихъ простотѣ.

Истребленіе деревянныхъ домовъ отъ пожаровъ.

Домы, сады и дворовыя мѣста, огораживались плетнемъ или досками, а мостовыя дѣлались изъ брусчатого дерева, отъ чего, во время пожаровъ, истреблялись нерѣдко цѣлыя города. — Приведемъ замѣчательные пожары. Въ 1124 г. іюн. 23 и 24., сгорѣло въ Кіевѣ однихъ церквей около 600; 1185 г. апр. 13., во Владимірѣ на Клязьмѣ, 32 церкви; 1192 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, тамъ же истреблено 14. церквей и болѣе 1000 домовъ; 1194 г. горѣли города: Русь, Ладога и Новгородъ, и жители со дня Всѣхъ святыхъ до Успенія Богородицы, должны были жить на открытомъ полѣ; 1199 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ сгорѣло во Владимірѣ на Клязьмѣ 16 церквей и около половины города; 1212 г. въ Новгородѣ, 25 цер. и 4,300. домовъ, а 1217 г. въ маѣ мѣсяцѣ, 15 цер.; 1227 г. во Владимірѣ на Клязьмѣ обращено въ пепелъ 27 цер., въ томъ числѣ дворецъ В. К. Константина Всеволодовича съ его церковью и рѣдкимъ книгохранилищемъ; 1231 г. истреблена въ Новгородѣ вся славянская часть; 1267 г. въ маѣ мѣсяцѣ вся неревская часть превращена въ груду пепла; 1299 г. таже часть вновь опустошена, и тогда сгорѣло великое множество домовъ и 22 цер.;

1340 г. истреблена пожаромъ большая часть Новгорода; 1355 г. тоже случилось съ Москвою, при чемъ весь Кремль и 13 цер. обращены въ пепелъ; 1349 г. сильный пожаръ въ Новгородѣ поглотилъ множество домовъ, восемь каменныхъ и двѣ деревянныя церкви; 1412 г. сгорѣли въ Твери, на Волгѣ: крѣпость Городень, съ церковью Пресвятыя Богородицы и княжескимъ дворцемъ; 1445 г. іюл. 14, почти вся Москва превращена въ пепелъ. Нетолько истреблены тогда пламенемъ деревянныя строенія; но и каменныя, пали даже городскія стѣны. Множество жителей погибло въ огнѣ. Семейство великокняжеское должно было переѣхать въ Ростовъ, до построенія дворца. Никогда огонь не свирѣпствовалъ такъ ужасно въ Москвѣ, какъ въ 1547 г.—Апрѣля 12. сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами, гостинные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ, отъ ильинскихъ воротъ до Кремля и рѣки Москвы. — Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ большей частію городской стѣны и рѣку запрудило кирпичами; апр. 20 обратились въ пепелъ за Яузою всѣ домы, въ коихъ жили гончары и кожевники; іюня 21 вспыхнулъ пожаръ за Неглинною, въ страшную бурю: огонь разлился рѣкою и вскорѣ запылалъ Кремль, Китай и большой посадъ. Вся

Москва представила зрѣлище необъятнаго пылающаго костра; вверху носились черныя тучи густого дыма. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей, заглушались взрывами пороха, хранившагося въ разныхъ частяхъ города. Царскія палаты, сокровища, оружіе, древнія хартіи, книги и иконы, все сгорѣло. Изъ Успенскаго собора едва успѣли вынесть образъ Св. Маріи, писаный Св. Петромъ митрополитомъ и правила церковныя, привезенныя Кипріяномъ изъ Царьграда. — Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли; деревья обратились въ уголь, трава въ золу; сгорѣло 1700 челов., кромѣ младенцевъ. — Въ три часа ночи угасло пламя, но развалины дымились нѣсколько дней. Нельзя, по сказанію современниковъ, изобразить этого бѣдствія. Люди бродили какъ тѣни, среди ужасовъ обширнаго пепелища; искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія, не находили, и вопили въ отчаяніи! — «Счастливъ» говоритъ лѣтописецъ, «кто смирясь душею, могъ смотрѣть на небо и плакать!» Утѣшителей не было.—Царь Іоаннъ IV. удалился съ вельможами въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать народнаго вопля. — Приближенные объявили Царю, что Москва сгорѣла отъ чародѣйной силы злодѣевъ, и чрезъ два дни онъ пріѣхалъ въ Кремль. Собрали гражданъ на площадѣ и спрашивали: кто жегъ

столицу? Злоумышленники отвѣчали: «Глинскіе!—Ихъ родна я мать, княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, разъѣзжая по Москвѣ.»—Государь съ трепетомъ услыхалъ обвиненіе на свою бабку. Онъ не вѣрилъ, но видя ярость черни, спѣшилъ укрыться въ церквѣ Успенія; народъ вломился за нимъ; убилъ предъ его глазами роднаго дядю, извлекли тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ. Никто не унималъ! Царь дрожалъ, добродѣтельная Анастасія молилась. Тогда явился Сильверстъ, и Москва успокоилась. — (*)

Прекращая симъ исчисленіе опустошительнѣйшихъ пожаровъ, нельзя пройтти безъ вниманія извѣстій двухъ иноземцевъ: Олеарія и Таннера. Первый говоритъ, что въ бытность его въ Москвѣ, рѣдкая недѣля проходила безъ пожаровъ; иногда ночью загорались домы въ двухъ и трехъ разныхъ мѣстахъ, и цѣлыя улицы выгорали. (**) Вторый говоритъ, что въ его время шесть разъ горѣла Москва и всякій разъ

(*) О сихъ пожарахъ см. отечественныя лѣтописи, подъ 1547. годомъ, а именно: Нестора, никоновскую, воскресенскую, царственныя книги, и Кар. И. Г. Р. т. VIII, о пожарѣ. 1547 г., которой описанъ имъ живо.

(**) Олерій: Offt begehrte Beschr. der Neuen. Oriental. Reise, c. 116. изд. 1647 г. Чилли: Hist. della sollevationi notabili in Polonia, gl'anni 1606. 1607 и 1608. Тамъ описанъ страшный пожаръ, опустошившій Вильну, которая сгорѣла, по его словамъ, отъ приготовленія въ домѣ вишневаго меду и водки.

обращалось въ пепелъ болѣе 1000 домовъ. (*) Ихъ извѣстія правдоподобны: тогда домы строились близко; дерево было сухое, и пламя, обхвативъ одинъ домъ, распространялось быстро по прочимъ, такъ, что не было возможности тушить. —

Пожары, оставляя по себѣ слѣды печальныхъ опустошеній, были тогда ужасные. Въ наше время, когда столько придумано спасительныхъ мѣръ, часто деревни и города дѣлались добычей огня. — Но, ни въ какомъ году не было столько бѣдствій отъ огня, какъ въ 1842 г. Во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, происходили тогда неслыханные пожары, поглощавшіе многолюдные города. Въ Россіи такъже погорѣло множество селеній, деревень и городовъ; но самой большой пожаръ, истребившій 1.375 домовъ, былъ въ Казанѣ (августа 29). — 1842 годъ, можетъ назваться пожарнымъ годомъ.— Въ этотъ бѣдственной годъ, огненныя искры какъ будтобы вылетали изъ небесныхъ сводовъ, и зажигали обреченные въ жертву города. Народъ трепеталъ и молился. —

Мѣры для предупрежденія пожаровъ.

О внутреннемъ устройствѣ городовъ, порядкѣ и безопасности жилищъ, мы никакихъ

(*) Lyseck. Relatio eorum quae circa Sacr. Cæsar. Majest. ad Magn. Moscov. Czarum ablegatos de Bottoni et de Gusman, etc. — Лизекъ былъ очевидцемъ пожара.

не имѣемъ свѣдѣній. Назначеніе же чиновниковъ, которые надзирали за всеобщимъ спокойствіемъ обывателей, появляется не ранѣе XV. в.—Намѣстники и воеводы, были блюстителями ввѣренныхъ имъ городовъ: они собирали подать, судили и рѣшали спорныя дѣла, и наказывали нарушителей спокойствія. Іоаннъ III. первый учредилъ для безопасности жителей, разъѣзды въ Москвѣ, довѣряя ихъ знатнымъ людямъ. Въ 1504 г. устроены рогатки по улицамъ; каждая часть города была обведена рѣшетками; никому не позволялось ночью ходить, безъ надобности по городу, безъ огня, и смотрѣніе за внутреннею безопасностію возложено было на городскую стражу, избираемую самими жителями. (*) Въ XVII. ст. находились, по разнымъ мѣстамъ улицъ, часовые, которые производили окликъ, давали знать о пожарѣ, и били въ деревянныя доски, равномѣрно о пробитіи часовъ, съ котораго времени никто не долженъ былъ ходить по городу. (**) Въ пол. XVII. ст. изданъ уже *наказъ для городскаго благочинія*, которой касался одной Москвы.—Назначенные тогда для объѣзда по городу, Ив. Новиковъ

(*) Herber. Rer. Moscov. com.; Paul Jovii: de legat. Moscov. c. 172.

(*) Olear. Oft begehrte Beſchr. d. neuen Orientaliſchen Reiſe, c. 134.—

и подьячій Викула Пановъ, имѣли обязанностію прекращать воровство и смотрѣть за огнемъ. Во время разъѣзда они имѣли при себѣ пять рѣшеточныхъ прикащиковъ, и съ каждыхъ десяти дворовъ, по человѣку съ рогатинами, топорами и водоливными трубами; наблюдали еще, чтобы въ жаркіе дни не топили избъ и баней, и къ нимъ прикладывали печати,—и чтобы не сидѣли поздно съ огнемъ. Для приготовленія кушанья и печенія хлѣбовъ, велѣно дѣлать русскія печи въ поварняхъ; у кого не было отдѣльныхъ, тѣмъ приказывалось устроивать на огородахъ или полыхъ мѣстахъ, вдали отъ хоромовъ, и прикрывать ихъ отъ вѣтра щитами.

Служители, кои непосредственно наблюдали за городскою чистотой и гасили огонь, назывались земскими ярышками и огневщиками. Земскіе ярышки носили въ Москвѣ красное и зеленое платье, а въ другихъ городахъ иного цвѣта; на груди нашивались буквы *З. Я.*, означавшіе ихъ званіе. При крестныхъ ходахъ и выѣздѣ Царя, стояло готовыхъ нѣсколько человѣкъ съ метлами и лопатами, которые, находясь впереди, мели улицу и не допускали тѣсниться народу. Сорившихся или дравшихся, они брали немедленно, и отводили въ го-

родскую избу.—Огневщики же были пожарные служители.

Заведеніе собственно полицейскаго порядка, принадлежитъ Петру I. Онъ учредилъ въ Петербургѣ (1718 г.) главную полицію, и генералъ-адьютанта Девіера назначилъ генералъ-полицмейстеромъ; потомъ учредилъ ее въ Москвѣ (1722 г. мая 19), далъ полицмейстерскую инструкцію (въ томъ же году дек. 10), и московскаго оберъ-полицмейстера подчинилъ генералъ-полицмейстеру. Съ утвержденіемъ полиціи, на нее возложено непосредственное попеченіе о спокойствіи и безопасности горожанъ. Таковыя мѣры распространены въ послѣдствіи на всѣ города въ Россіи, и полиція дотолѣ неизвѣстная, заняла почетное мѣсто въ области государственныхъ постановленій. Въ наше время, для содѣйствія городской полиціи, учрежденъ еще корпусъ жандармовъ.

При появленіи гдѣ либо пожара, опредѣлено было особымъ градскимъ чинамъ, а потомъ стрѣльцамъ, давать знать жителямъ: битьемъ въ доски и трещотки, и звономъ колоколовъ; приказано разламливать смежные домы или покрывать ихъ мокрыми кожами, поливая безпрестанно водою. Въ половинѣ XVII в. (1649 г. въ апр.) постановлено въ Москвѣ имѣть, при каждыхъ пяти дворахъ, по одной мѣдной во-

доливной трубѣ, а при каждомъ дворѣ по одному деревянному ведру. Въ послѣдствіи времени (въ нач. XVIII в.) заведены со стороны городской стражи пожарныя трубы, постановивъ жителямъ въ обязанность содѣйствовать къ потушенію пожара. По улучшеніи пожарной стражи, возложена на нее обязанность гасить пожаръ. — Въ нач. XIX в. подтверждено, чтобы не только въ городахъ; но въ селахъ и деревняхъ, имѣть каждому дому по запасному ведру, а богатымъ людямъ готовую бочку съ водою, и чтобы всѣ содѣйствовали къ прекращенію огня. Эта мѣра принята въ такихъ лишъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ пожарная стража.

Ни одна изъ пожарныхъ стражей, быть можетъ во всей Европѣ, сколько мнѣ не случалось ее тамъ видѣть, не поступаетъ съ такимъ самоотверженіемъ, какъ петербургская. Ужасъ обнимаетъ, когда смотришъ на дѣйствующихъ во время пожара. Сквозь пламень и адъ огня, пожарный служитель взлетаетъ безстрашно на крайнюю высоту здавія: онъ — горитъ! — но онъ не заботится объ этомъ: ему надобно спасать несчастныхъ. Испепеляющій жаръ, дымъ столбомъ, огненное облако искръ, обхвачиваютъ его — онъ погибъ! нѣтъ, онъ спасаетъ: на своихъ плечахъ онъ выноситъ ребенка,

или дряхлаго старца, передаетъ другому, и вновь летитъ спасать, не думая ни о себѣ, ни о своемъ семействѣ! Товарищи его, обожженные и обгорѣлые, отуманенные удушливыми облаками дыма и обхвачиваемые огнемъ, — носятъ смерть въ своей груди, но они ничего не видятъ, кромѣ своей обязанности. — Иные, держась одной рукою на лѣстницѣ и часто вися на воздухѣ, схватываютъ другою остатки имущества несчастнаго; другіе, не зная смерти, кромѣ смерти другихъ, устремляются на огненный костеръ и вырываютъ изъ его вулканическихъ челюстей вопіющихъ о спасеніи! Вотъ уже валятся бревна, разсыпается домъ съ ужаснымъ громомъ, ничто не сопротивляется сокрушительной силѣ. Но одинъ противится Русской! Онъ дѣйствуетъ безтрепетно, идетъ на встрѣчу смерти, и если падаетъ подъ грудою развалинъ; то умираетъ съ благороднѣйшимъ самопожертвованіемъ, свойственнымъ Русскому.

Строеніе по плану.

Не смотря на предосторожности противу пожаровъ, сильные огни безпрестанно опустошали города. Это происходило отъ множества деревянныхъ домовъ, строенныхъ безъ плана, почти кучей; отъ неправильныхъ, кривыхъ и узкихъ улицъ, въ коихъ никому нельзя было дѣйствовать съ успѣхомъ: мгновенно обхватывались цѣлыя части города, и все обращалось

въ пепелъ. Каменные домы появлялись изрѣдка, даже въ большихъ городахъ. При построеніи новой столицы, Петербурга, ей стоило великихъ трудовъ выстроиться изъ кирпича, — по недостатку въ немъ. Изобиліе лѣса и удобство въ доставленіи его, предпочиталось прочности каменнымъ зданіямъ. Москва же до 1812 г. строилась большею частію изъ дерева, — пожаръ этого года заставилъ ее строиться по плану и изъ кирпича, — хотя она издревле слыла бѣлокаменною. О другихъ городахъ нечего говорить,—все изъ дерева. Правда, есть города, какъ напримѣръ: Харьковъ, Одесса, Тверь, Новгородъ, Нижненовгородъ, Казань, Ярославъ, Тула, и еще нѣкоторые, гдѣ распространяются каменныя зданія; но онѣ составляютъ тамъ роскошъ, а не потребность.—Много разъ подтверждалось городскимъ жителямъ строиться по плану и изъ кирпича, для безопасности отъ огня; но эти мѣры не были приводимы въ исполненіе самыми жителями, по причинѣ не состоянія и не распланировки города. Въ концѣ XVII ст. предписано уже было, чтобы строющимся въ Москвѣ выдавать пособіе, изъ приказа большаго дворца. Указомъ 1681 г. окт. 23 повелѣвалось, чтобы всѣ строющіеся крыли домы тесомъ, а поверхъ тесу засыпали землею и укладывали дерномъ. Кто не могъ это-

го сдѣлать, тотъ долженъ былъ крыть дранью на подставахъ, дабы во время пожара, легче было снимать кровлю. На палатномъ дворѣ воспрещалось строить деревянные хоромы. Жившимъ на большей улицѣ, и погорѣвшимъ недавно, велѣно отпустить кирпичу въ долгъ, изъ приказа большаго дворца, по указной цѣнѣ: по полтора рубля за тысячу, разсрочивъ платежъ на десять лѣтъ (*). — Эти мѣры не измѣнили образа постройки. Петръ I. повелѣлъ, при построеніи Петербурга, всѣмъ строиться по плану, и ежели не изъ камня, то по-крайней мѣрѣ на каменномъ основаніи, и чтобы домы ставились окнами на улицу, а конюшни, сараи и другія зданія,—внутри двора. Въ 1718 г. указано тоже самое въ Москвѣ; въ 1722 г. повелѣно крыть домы желѣзомъ; въ селеніяхъ же и деревняхъ обзаводиться чистыми домиками, и запрещены въ Москвѣ черныя избы безъ трубъ и съ одними деревянными трубами; подтверждено имѣть заливныя пожарныя и росписано каждому изъ обывателей: кому съ чемъ являться для потушенія пожара.—Съ этого времени несравненно рѣже случались опустошительные пожары.

(*) Такой указъ повторенъ еще въ 1685 г. сентяб. 1.

Улучшеніе домовъ, содѣйствовало перемѣнѣ образа жизни.

Екатерина II, распространивъ полезныя учрежденія, доставила городскимъ и сельскимъ жителямъ еще большую безопасность. Правительственныя мѣры приводились въ исполненіе повсюду, и нынѣ большая часть городовъ, можно сказать, щеголяетъ правильностію постройки домовъ и улицъ, чистотою города и вкусомъ. Даже по отдаленнымъ деревнямъ, хоромы отличаются изьяществомъ, убранствомъ и нѣкоторымъ образомъ роскошью. Жизнь содѣлалась вездѣ, если не блестящею, то расточительною: съ нею соединилась прихоть и подражаніе столичному вкусу. Картины, обои, отборная мебель и фортепіано, почти не разлучны въ помѣщичьемъ быту. Самыя избы сельскія, дѣлаются гораздо чище и содержатся опрятнѣе. Уже выходитъ изъ употребленія, во многихъ мѣстахъ, держать въ жилыхъ покояхъ домашнихъ животныхъ; для нихъ дѣлаютъ особыя теплыя на зиму отдѣленія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, особенно въ расположенныхъ по большимъ проѣзжимъ дорогамъ, встрѣчаются каменныя избы, выстроенныя по плану, и улицы прямыя и широкія, или домы съ высокими кровлями и широкимъ навѣсомъ. Внутренность раздѣлена уже на жилые покои и на пріемные для гостей; окна довольно достаточной величины, до $1^1/_2$ арш:; у другихъ быва-

ютъ такія же, какъ у городскихъ жителей. Оконицы и ставни расписаны голубою, или зеленою краской, съ разноцвѣтными изображеніями. Богатые и достаточные, познакомившись съ выгодами гражданской жизни, живутъ уже въ хорошихъ избахъ; недостаточные и земледѣльцы живутъ вмѣстѣ съ семействомъ, часто въ тѣснотѣ, — какъ бываетъ вездѣ съ бѣдными; полъ досчатой, но встрѣчается и земляной. Наши земледѣльцы, въ сравненіи съ прежними годами, измѣнили устройство самыхъ избъ: дѣлаютъ ихъ просторными, съ перегородками, палатами, нарами и примостками, и заботятся о чистотѣ. За всѣмъ тѣмъ, доселѣ въ обыкновеніи дѣлать хижины изъ срубовъ. Это подало поводъ многимъ иностранцамъ, бывшимъ у насъ изъ любопытства или по дѣламъ службы, съ XVI по XIX в., писать и разглашать нелѣпости, что на торгахъ продаютъ подвижные и перевозные домы, не разсудивъ о невозможности и не вникнувъ въ сущность самаго дѣла. Читавшіе таковыя описанія, разумѣются вѣрили, и быть можетъ, еще думали, что у насъ продаютъ на рынкахъ готовыя палаты и дворцы! — Дѣланіе избъ изъ срубовъ, происходитъ въ лѣсныхъ и прирѣчныхъ мѣстахъ, въ промежуткѣ земледѣльческихъ работъ. Составляютъ четве-

Избы изъ срубовъ.

реугольникъ изъ четырехъ бревенъ, и связываютъ ихъ въ концахъ зарубками, называемыми *вѣнцомъ*. Таковыхъ вѣнцевъ складываютъ въ нѣсколько рядовъ, плотно другъ на друга, пока вышина будетъ соотвѣтствовать требуемой ширинѣ и сбору матеріала для постройки. Сложеный съ вѣнцами костеръ, называется срубомъ, который сплавливаютъ потомъ на плотахъ въ безлѣсныя мѣста и продаютъ. По перемѣченнымъ вѣнцамъ разбираютъ срубъ и перевозятъ, куда надобно для постройки; его могутъ поставить четыре человѣка въ недѣлю; изъ него дѣлаютъ, кромѣ избъ, хлѣвы, анбары, овины и клѣти. —

Курени. Во всѣхъ безлѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ, существовали еще курени (землянки), которыя были привольныя жилища украинскихъ казаковъ, когда удальство и наѣздничество составляло стихію разгульной ихъ жизни. — Съ устройствомъ бездомныхъ казаковъ (въ XIV в.), жившихъ подъ особымъ предводительствомъ атамана или кошеваго, они ни въ какія не вступали семейственныя связи, жили въ куреняхъ холостыми, внѣ селеній; служили вѣрными защитниками окрестнымъ городамъ, славились отчаянной храбростію и постоянной воинственностію. —

Въ землѣ выкапывались широкія и глубокія ямы, въ коихъ помѣщались отъ 5 до 10 человѣкъ; внутри обмазывались стѣны, которыя укрѣплялись на подпорахъ, вмѣстѣ съ кровлею, состоявшею изъ земляной насыпи, и поверхъ ее покрывали соломою, очеретомъ, травою, или дѣлали прежде верхъ изъ плетеннаго хвороста, а поверхъ его насыпали землю; кровля обрастала травою и самая кровля дѣлалась въ уровень съ землею. Только были видны торчавшія деревянныя трубы а часто одни диры, чрезъ кои проходилъ дымъ и обкуривалъ верхъ, отъ чего произошло названіе куреней. Въ курень входили по земляным ступенямъ; двери дѣлались довольно крѣпкія, хотя маленькія; внутри затворялись деревянною задвижкой или просто притворялись; посреди куреня стояла кирпичная печь, а иногда просто разкладывали огонь, которой выходилъ черезъ двери; окна рѣдко бывали, и если бывали, то курень дѣлался повыше земли. — Курени занимали пространство многолюднаго города, и отличались отъ него своими невидимыми жилищами. Предводители невидимыхъ обитателей, именовались куренными атаманами. Малороссійскіе казаки, бывъ преслѣдуемы польскимъ правительствомъ, за неприсоединеніе ихъ къ Уніи, часто спасались въ своихъ куреняхъ,

которые, по описанію иностранцевъ того времени, трудно было разорить, потому что все находилось въ землѣ, и что непріятелю, нападавшему на нихъ, неменуемо предстояла собственная погибель; ибо, набѣгая на курени, онъ проваливался въ нихъ и гибнулъ. Другіе пишутъ, что ногайскіе и крымскіе татары, враждовавъ безпрестанно съ казаками, гонялись за ними въ ихъ землѣ, и не находили ихъ тамъ, потому что они таились въ своихъ зарытыхъ норахъ, и когда непріятель проходилъ мимо, тогда они, какъ подземные духи, вылетали изъ куреней, нападали на врага въ тылъ и истребляли его. — Курени, не стоившіе никакихъ расходовъ для постройки, существовали по селеніямъ еще во время Императрицы Екатерины II. Въ началѣ XIX в. стали строиться повсюду. Въ великой-россіи и во всей юго-западной ея части, дѣлаютъ понынѣ землянки; но онѣ безъ трубъ и притомъ это лѣтнее жилище, выкапываемое разными промышленниками, на примѣръ: рыболовами, судовщиками, надзирающими за продажею вина и пр. —

Не у однихъ малороссійскихъ казаковъ существовали курени, но у волгскихъ, донскихъ, уральскихъ, гребенскихъ, однимъ словомъ у всѣхъ тѣхъ, которые проводили воинственную

жизнь и безпрестанно были подвергаемы неожиданнымъ нападеніямъ враждебныхъ имъ непріятелей, или должны были сами нападать на нихъ; посему если враги, вторгаясь въ ихъ куренскія селенія, истребляли огнемъ; то они легко выкапывали новыя подземныя жилища и снова поселялись. Сокровища, скопленныя ими на войнѣ или на грабежахъ, прятали въ потаенныхъ ямахъ и въ лѣсу, и потому въ куреняхъ ничего не находили. Скопленное богатство часто прятали на кладбищахъ, между гробами.

Между куренями возвышались насыпи, или курганы, которые ничто иное были, какъ сторожевые: по нимъ давали знать о движеніи непріятелей или хищническихъ набѣгахъ, — но въ ихъ курганахъ никакихъ не открывали сокровищъ, потому что они служили маяками.

Мазанки.

Въ юго-западной Россіи строились, съ самыхъ древнихъ временъ, мазанки, которыя въ послѣдствіи переименовались въ хаты (избы); но между ними есть различіе. Мазанки дѣлались, какъ и нынѣ у горскихъ и всѣхъ полудикихъ и степныхъ жителей Кавказа, довольно незатѣйливо. Предназначенное мѣсто для жилья, огораживали плетнемъ; раздѣливъ внутренность на части или покои, разгораживали ихъ другимъ плетнемъ, который состоялъ изъ хворосту или

тростника, называемаго въ Малороссіи очеретомъ. Плетень облѣпливали землею, смѣшанной съ глиною, или просто одною глиной; потомъ смазывали нагладко глиною, и отъ мазанія произошло названіе мазанокъ. Посреди мазанки ставилась кирпичная печь, которая топилась изъ сѣней: очеретомъ, кизяками (засушеннымъ навозомъ), или валежникомъ; полъ бывалъ земляной, иногда онъ укрывался травою или соломою, но болѣе всего онъ смазывался желтой глиною. Стѣны внутри и снаружи, обѣливали или завохривали (красили желтой глиною). По верхъ земляной насыпи, часто выводили соломенныя крыши. Въ стѣнѣ прорѣзывали небольшія окошка; со стороны наружныхъ дверей придѣлывали по бокамъ призьбы (*); домъ обгораживали тыномъ (плетнемъ); во дворѣ находились устройства для домашнихъ животныхъ и храненія хозяйственныхъ вещей.

Хаты. Хаты строятся, какъ строились прежде, изъ лѣсу; обмазываются глиной съ обѣихъ сторонъ; внутреннее расположеніе удобное и широкое; оно раздѣляется на двѣ половины: въ одной живутъ и готовятъ кушанье, а въ другой принимаютъ гостей,—и это называется

(*) Завалины при избѣ.

свитилкою (свѣтлицею); полъ вымазываютъ глиною; печи бѣлятъ, а у богатыхъ онѣ дѣлаются изъ кахли разноцвѣтной (израсцовъ); окна довольно большія; покои очень свѣтлые, чистые и опрятные; внутреннія и наружныя стѣны обѣливаются, отъ чего всѣ избы въ малороссійскихъ мѣстахъ, представляютъ издали бѣлой городъ; стрихи (кровли) покрываются соломою и очеретомъ, у богатыхъ же дранью или тесомъ; вокругъ хаты дѣлаются тѣже присьбы, какъ у мазанокъ; трубы бывали деревянныя, нынѣ большей частію кирпичныя.—Дворы обводятъ плетнемъ или заборомъ; домашнія устройства: хлѣвы, анбары, конюшни и другія службы, дѣлаются мазанками. Хаты и мазанки, бываютъ значительно высокія; зимою онѣ очень теплыя, и замѣчательно, что въ нихъ не заводятся тараканы, прусаки и другія нечистыя насѣкомыя, отъ того что лѣтомъ и зимою чистятъ и бѣлятъ избы. При каждомъ хорошемъ дворѣ находится садъ, состоящій изъ яблонь, грушъ, сливъ, вышень, дуль, чернослив, баргамотъ, черешни, смородины, малины, разныхъ цвѣтовъ и душистой зелени: рути (резеда), любистку, пижму, кануферу, божьяго дерева, пивоніи, мяты, гвоздикъ, зирокъ (звѣздочекъ), барвинку, васильковъ, незабудокъ, нагитокъ, колокольчиковъ,

бузку (сирени), бузины, калины и пр. За садомъ обыкновенно огородъ изъ поваренныхъ растѣній, а далѣе *левада* (усадьба), засѣянная коноплемъ, огурцами, дынями и арбузами. Если сѣются одни огурцы, дыни и арбузы, то это мѣсто называется *бакчою* и *бакштаномъ* (*), которыя бываютъ и при нивахъ на поляхъ. Въ иныхъ мѣстахъ левадою называютъ сѣнокосной лугъ, и домашнее пастьбище для скота и гусей. Мѣста внѣ города, для пастьбища лошадей овецъ, коровъ, свиней и пр. называются выгонами. Въ сторонѣ отъ дома устроены гумно и токъ. Тутъ же стоятъ въ скирдахъ: хлѣбъ и сѣно, въ продолженіи всей зимы.

Построеніе богатыхъ зданій, поселило расточительность.

Съ половины XVIII в. распространились вкусъ и изъящество, не только въ построеніи дворцевъ, но частныхъ домовъ.—Палаты богачей и вельможъ, изумляли иностранцевъ уже въ царствованіе Императрицы Елисаветы: пышностію, великолѣпіемъ и привлекательно-

---

(*) Бакча, отъ него бакштанъ, происходитъ отъ турецкаго слова *бахче*,— садъ. Въ ново-греческомъ яз. такъ же употребляется *бакче* (μπαχτσέ).—Татары можетъ быть позаимствовали это названіе отъ Турокъ, однако у Татаръ *бекчагъ* по нынѣ значитъ огородъ, а *бегъ* садъ. — Мы переняли отъ Татаръ, и у насъ бакча, бакштанъ означаютъ уже мѣста для посѣва арбузовъ, дынь и другихъ плодовъ.—Бакчисарай значитъ собственно дворецъ въ саду.

стію. Петербургъ осыпаемъ былъ похвалами и въ то время, отъ всѣхъ иноземцевъ, и содѣлавшись нынѣ единственною столицей въ мірѣ, по своей красотѣ, правильности и просторности улицъ, щеголеватости и роскоши зданій, обширности и величественности дворцевъ, и по многимъ памятникамъ вѣка и искуствъ, по справедливости можетъ быть *названъ красавцемъ.* (*)

Изъ первыхъ столичныхъ городовъ въ Европѣ, видѣнныхъ мною, я могу сказать безпристрастно, что Петербургъ по своей обширности, правильности и изысканной чистотѣ, — въ главѣ первыхъ городовъ, за нимъ Дрез-

(*) Нельзя не замѣтить, что наши каменныя зданія, почти всѣ снаружи обѣливаются бѣлой краскою, а это весьма вредно не только для слабыхъ, но и здоровыхъ глазъ. При яркомъ сіяніи солнца, бѣлизна усиливается и поражаетъ зрѣніе своимъ блескомъ. Гибельное дѣйствіе солнечныхъ лучей, еще болѣе проявляется въ зимніе дни. Солнце, разбрасывая лучи по снѣгу, ослѣпляетъ глазъ разнообразно бесчисленными яркими звѣздочками. Тогда увеличивается бѣлизна стѣнъ, отъ нихъ происходитъ судорожное трепетаніе въ зрѣніи, съ постояннымъ измѣненіемъ цвѣтовъ. Глазъ, отъ чрезмѣрно невыносимаго свѣта, чувствуетъ сначала тягость отъ разсыпающихся искръ, и такъ сказать, вертящихся на его зрачкѣ; потомъ мало по малу глазъ притупляется и страдаетъ. — Весьма было бы полезно, чтобы всѣ зданія красились темно-желтыми или дикими цвѣтами, какъ зимній дворецъ и т. п. Во многихъ государствахъ строго воспрещено бѣлить домы, напримѣръ: въ Баваріи, Саксоніи, Франціи и пр., подъ законнымъ взысканіемъ.

денъ, Минхенъ, Вѣна, Москва, Брюссель, Лондонъ, Парижъ, потомъ Берлинъ, — который во многихъ мѣстахъ, отъ незакрытія водопроводныхъ каналъ, довольно смрадный; за нимъ Варшава, Бреславъ, Львовъ и т. д.

Домы наши стали украшаться со всею изысканностію: богатые персидскіе ковры, превосходныя произведенія живописи, зеркальныя стѣны, роскошъ въ мебели и столовыхъ вещахъ, содѣлались теперь необходимостію свѣтской общежительности. Кто только малѣйше имѣетъ средство блистать, истощается въ безконечно утонченой прихотями жизни.

Едва протекло у насъ столѣтіе, отъ распространенія каменныхъ домовъ и ознакомленія съ общежительной роскошью, какъ уже, не говорю Петербургъ; но вся Россія заразилась пышностію и расточительностію: каждой только думаетъ о томъ, чтобы блистать, а не о томъ, чтобы жить и думать о будущемъ. Все живетъ настоящимъ, для себя, а какъ будутъ жить дѣти и внуки, — нѣтъ надобности никому! Непомѣрное увеличиваніе роскоши, дурная примѣта для всякаго государственнаго благосостоянія.

О числѣ домовъ во всей Россіи.

Число домовъ во всѣхъ городахъ европейской и азіятской Россіи, составляетъ 513,370. Въ томъ числѣ каменныхъ: 78,170., деревянныхъ 435,200. Отношеніе между сими послѣдни-

ми, какъ 1. къ 5¼. Въ Санктпетербургѣ каменныхъ домовъ 3,265, деревянныхъ 5,096; въ Москвѣ каменныхъ 3,765, а деревянныхъ 9,047.— На одинъ домъ приходится въ городахъ 9. жителей, но эта пропорція совсѣмъ другая по губерніямъ, — а именно: въ петербургской губерніи: 43 жител. обоего пола на 1 домъ, въ московской 21, курляндской 19., виленской 18., волынской 13., гродненской, лифляндской и эстляндской 12., но самую меньшую пропорцію составляютъ: енисейская, костромская, олонецкая, тверская, тобольская, томская, херсонская, земля донскаго войска, кавказская область, камчатское приморское управленіе, —по 6. жителей на одинъ домъ; грузино-имеретинская, пермская и смоленская губ. и каспійская область по 5., а якутская область по 4 души обоего пола. (*)

Улучшеніе городовъ.

Если въ прочихъ европейскихъ владѣніяхъ, все строится изъ кирпича; то этому тамъ причиной недостатокъ въ лѣсѣ. У насъ же, пока не будутъ нуждаться въ лѣсѣ; дотолѣ каменное строеніе не можетъ содѣлаться повсемѣстнымъ. Наши города то имѣютъ преимущество предъ многими европейскими, что они строятся безъ стѣсненія: улицы въ нихъ широкія и прямыя, площади и рынки вмѣститель-

(*) Статист. табл. о состоян. гор. рос. имп., и пр., составл. въ статист. отд. сов. мин. внут. д., С. П. Б. 1842 г.

ные, и содержатся въ большой чистотѣ; мостовыя хорошія и прочныя, устилаются булыжникомъ или другимъ крѣпкимъ камнемъ; освѣщеніе находится во всѣхъ большихъ и торговыхъ городахъ, — однимъ словомъ, городское благоустройство соединено у насъ съ полезной дѣятельностію, и если присоединить промышленную производительность, разлитую во всѣхъ состояніяхъ, и фабричныя заведенія, занимающія многія сословія, которыя нетолько питаются отъ фабрикъ, но богатѣютъ; то нѣтъ сомнѣнія, что города наши скоро улучшаются. — Самое число фабрикъ и заводовъ, замѣтно распространилось въ короткое время, не болѣе въ 20 л., и нынѣ считается:

	число фабр.	рабочихъ.	на 1. фабрик. раб.
въ европейской и азіятской Россіи	7,486.	117,376.	17.
въ В. К. финляндскомъ	59.	452.	16.
въ царствѣ польскомъ	1,675.	12,940.	77.
	9,220.	130,768.	.

	число лавокъ.	на 1. городъ.	число трактир.	питейныхъ домовъ.
въ европ. и азіят. Россіи	80,300.	115.	2,852.	11,406.
въ В. К. финляндскомъ . .	518.	16.	71.	165.
въ царствѣ польскомъ .	3,068.	36.	210.	2,681.
	83,886.	167.	3,133.	13,952. (*)

Хотя числа рабочихъ и фабрикъ, ясно доказываютъ, что государство наше болѣе зе-

(*) Стат. табл. о состоян. гор. рос. имп., составл. въ статист. отд. сов. мин. внут. д., С. П. Б. 1842 г.

мледѣльческое, нежели промышленное; однако нельзя не согласиться, что Россія весьма въ недавнее время стала заниматься фабричными и заводскими устройствами, и что едва прошло четверть столѣтія, какъ многіе города до того измѣнили самой наружной видъ, что ихъ совершенно узнать нельзя: промышленность и торговая дѣятельность этому причиной. — Но что будетъ по истеченіи ста лѣтъ?

—

III. ДОМОВОДСТВО.

Древнѣйшая пища.

Предки наши, живя въ простотѣ патріархальной, довольствовались весьма немногимъ: полусырая пища, мясо, коренья, и шкуры дикихъ или домашнихъ звѣрей, удовлетворяли ихъ нужды. Наши предки долго не знали роскоши. Въ XI ст. они питались еще просомъ, гречихою и молокомъ; потомъ выучились готовить яства. Для гостей ничего не жалѣли, обнаруживая къ нимъ свое радушіе изобильными кушаньями.

Медъ.

За столомъ кипѣлъ медъ, — любимый напитокъ всѣхъ нашихъ славянскихъ племенъ, коего введеніе современно первоначальной исторіи Славянъ. Сѣверные Нѣмцы такъ же употребляли медъ, если не прежде нашихъ единоплеменниковъ; то и не позже ихъ, и онъ въ такомъ былъ у нихъ изобиліи, что въ IX в. самые бѣдные пили медъ, а богатые кобылье молоко (*). Эдда называетъ медъ, божественнымъ питьемъ. Жители Даніи употребляли его въ V в., вмѣсто вина. (**)

(*) Кар. И. Г. Р. пр. 147; Форстеръ: Entdeckungen in Norden, с. 99.

(**) Mem. popul. ч. I. с. 504.—Медъ не есть славянское названіе, но древнее греческое, на коемъ μεθυ означаетъ

Медъ былъ первымъ нашимъ напиткомъ, и онъ дѣлался столь крѣпкимъ, что отъ него упивались, какъ отъ самой водки. (*) В. К. Ольга, будучи у Древлянъ (945 г.), повелѣла жителямъ Искоростеня (нынѣ Коростень, волынской губ.), приготовить для нея меду, коимъ она хотѣла угостить ихъ самыхъ. (**)

Разведеніемъ пчелъ не занимались тогда, онѣ сами водились въ лѣсахъ. Иностранный писатель XVI в. (***) пишетъ, что ему разсказывалъ въ Римѣ, нашъ посолъ Дмитрій, что дикаго меду было у насъ въ такомъ множествѣ по лѣсамъ, что не было возможности проходить отъ пчелъ. Однажды, говоритъ онъ, мужикъ отправился въ лѣсъ и попалъ нечаянно на бортъ (улей съ медомъ), и потонулъ въ меду: два дни онъ си-

---

опьяненіе, μεθυσις, — бахусъ. Въ X в. Русскіе вывозили къ Казарамъ медъ и вино, въ великомъ множествѣ. Oriental Geography of. Ebn-Haukal, transladet by W. Ousely.

(*) Контарини, бывшій въ Москвѣ въ кон. XV в., говоритъ, что Татары, которые его сопровождали въ пути, упивались на ночь особымъ напиткомъ, дѣлаемымъ изъ меду, и что такого напитка никому не позволялось дѣлать безъ согласія Великаго Князя. Contareni: Voyage de Perse en 1473, c. 8, 44 и 53, помѣщ. въ собр. Бержер. изд. 1735 г.

(**) Нест. по кенигсб. сп. — Это показываетъ, что медъ былъ въ изобиліи и варили его во всякое время, при первой надобности.

(***) Paul. Jov. de leg. Moscov.

дѣлъ тамъ, не могши вылѣзть. Къ счастію его, что въ туже бортъ полезъ медвѣдь, задними ногами; мужикъ схватилъ его за хвостъ и крикнулъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ его съ собою. Этотъ разсказъ конечно преувеличенный, однако онъ потверждаетъ преданіе, что у насъ долгое время не занимались разведеніемъ пчелъ, которыя сами снабжали медомъ.—Другой иноземецъ, Франциск да Колло, увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ лѣса на сто миль, въ коихъ водились пчелы безъ всякого раченія людей; что только стоило пойти въ лѣсъ, набрать меду и сварить напитокъ, который, бывъ приготовленъ на ягодахъ, былъ самой вкуснѣйшій и превосходнѣйшій (*). И нынѣ во многихъ лѣсахъ сами водятся пчелы.

(*) Francesco da Collo: Tratamente di pace tra rè de Polonia e gran Principe di Moscovia, 1518 г. л. 53.; печ. Padoa 1603 г., пом. у Чилли: Hist. delle solevationi di Polonia gl'anni 1606. 1607. и 1608., ed. Pistoria, 1627 г.— Barbaro: Il viaggio dalla Tana, въ 1436 г., пом. въ собр. Рамузіо; Contareni: Voyage de Perse, въ 1473 г.; Francesco da Collo: Trattam. di pace tra rè di Polon. e. gran princip. di Moscovia, 1518 г., л. 52, пом. у Чилли: Hist. delle solevationi notabili in Polonia gl'anni 1606. 1607. 1608; Paul. Jovii: de leg. Moscoviæ: medonem ac birram per aestatem infrigidare, infusa poculis glacie voluptatis gratia solent. Nam ingentia glaciei frusta nobilium in cellis subtareneis singulari studio reconduntur.—Turini: Costumi, leggi, riti e usi antichi, e moderni de popoli d'Europa, ed. Veneti 1656 г. c. 65: bevono costoro acqua, e quella dolce bevanda, che essi chiama

Искуству приготовленія медовъ, ихъ крѣпости, многимъ цвѣтамъ и названіямъ, удивлялись вообще всѣ иностранцы. Виды медовъ были: вишневый, смородиный, мозжевельный, обарный, приварный, красный, бѣлый, бѣлый паточный, малиновый, черемховый, старый, вешній, медъ съ гвоздикой, княжій и боярскій. — Для лучшаго вкуса и цвѣта, выжимали изъ свѣжихъ вышень сокъ, и подливали въ медъ. — Всѣ отзывались съ великою похвалою о красномъ и бѣломъ медѣ, но отдавали преимущество красному. — Въ жаркое время хранили въ ледникахъ: медъ, пиво и брагу. Для прохлажденія клали въ покалы ледъ. — Во многихъ уѣздахъ саратовской губ., особенно въ новоузенскомъ и царевскомъ, дѣлаютъ арбузной медъ, который даже не составляетъ тамъ лакомства. Берутъ арбузъ, изрѣзываютъ его на ломти, складываютъ въ чугунный съ водою котелъ и кипятятъ долго на сильномъ огнѣ, пока все

---

medo . . . . . Usano contra il freddo varie maniere di scalfatori, e di aromati fanno un'acqua ardente, ól solimato di avena, e di mele e ancho di latte, cosi gagliarda, e potente, che spesso ne divengono ebrii, non hanno nè vino, nè oglio. E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita. — Margeret: Éstat de l'empire de Russie, на обор. л. 10, изд. Париж. 1607 г. in 12; Olearii: Offt begehrte Beſchr. der Neuen Oriental. Reiſe, с. 123, изд. 1647 г. — Тутъ же о брагѣ, с. 511.

не раскипитъ и не превратится въ темнокрасную жидкость; потомъ процѣживаютъ ее сквозь сито, сливаютъ въ посуду и хранятъ для употребленія. (*)

Хлѣбъ и квасъ.

Узнавъ выгоды гражданской жизни, мы стали заниматься разведеніемъ хлѣбнаго зерна, и тогда же стали печь хлѣбы и дѣлать квасъ. Въ X ст. это было уже во всеобщемъ употребленіи, и даже обливались квасомъ въ баняхъ (**). Нифонтъ, епископъ новгородскій, дозволилъ пить монахамъ въ праздничные дни, во время поста, квасъ и медъ, а свѣтскимъ людямъ употреблять, сверхъ квасу и меду, икру и рыбу (***). Въ пол. XVII ст. иностранцы находили у насъ въ употребленіи яблочной квасъ (****). — Въ олонецкой губ. дѣлаютъ квасъ изъ рѣпы, который, какъ говорятъ, весьма пріятный и вкусный.

Времени введенія кваса намъ неизвѣстно.—Хлѣбное зерно росло у насъ въ изобиліи;

(*) Арбузный медъ имѣетъ видъ и вкусъ нашей патоки. Его продаютъ на вѣсъ: за фунтъ платятъ отъ 1½ до 5 к. сер. — Простой народъ употребляетъ его съ хлѣбомъ и квасомъ. — Я его отвѣдывалъ, и онъ очень сладокъ.

(**) Русск. лѣт. по воскр. сп. *и обмоются квасомъ кислымъ*, ч. I. с. 62—63.

(***) Вопрошеніе Кирика къ еписк. Нифонту, и Герберштейн. Rer. Moscov. com., ed. Antv. 1557, с. 38.

(****) Olearii: Off. begehrt. Beschr. der Neuen Oriental. Reise, с. 224 изд. 1647 г.

но почва земли юго-западной Россіи, славящаяся нынѣ хлѣбомъ, не была тогда превозносима иностранцами.—На пространствѣ отъ Астрахани до Москвы, говоритъ Контарини, путешественникъ конца XV. в., мы не находили ни лѣсу, ни дровъ, чтобы сготовить для себя кушанье, и употребляли вмѣсто дровъ, сухой коровій навозъ (*). Въ сѣверо-западной Россіи водилось тогда много пушныхъ звѣрей, особенно бобровъ (**).

(*) Contareni: Voyage de Perse en. 1473 г., пом. въ собр. Бержер. т. 2.; Paul. Jovii: de leg. Moscov. с. 170 и 173; Herber. Rer. Moscov. com. с. 67, изд. 1571 г.—Турбевиль: Certaine letters in verse, пом. въ собр. Гаклюйта т. 1. с. 432, говоритъ, что квасъ на вкусъ терпкій и употребляется простымъ народомъ.

(**) Въ Россіи находилось тогда въ великомъ множествѣ хищныхъ и пушныхъ звѣрей, всякаго рода. Бобры водились повсюду, и правдою русской строго воспрещалось ловить ихъ на чужой землѣ. Съ таковыхъ велѣно взыскивать, за ловлю каждаго бобра по 12 гривень серебра. — Гривна значила, въ то время, полъ фунта серебра. — Чацкій свидѣтельствуетъ, что въ XIII в. ловили бобровъ около Нивы и Нарвы. — Еще въ XVI в. Русскіе ловили ихъ около сѣверной и западной Двины, посредствомъ сѣтей и собакъ, особенно къ тому пріученныхъ.—Melet. de Russor relig. et ritib., 1581 г., ed. Spirae. Хорошія соболи цѣнились весьма дорого, и если вѣрить да Колло, то одинъ соболь продавался по 100 черв.— Fran. da Collo: Trattam. di pace tra rè di Pol. e gran principe di Moscovia, л. 52, помѣщ. у Чилли: Histor. delle solevationi notabili, и пр.

Пиво называлось прежде олуй (*). Оно дѣлалось крѣпкимъ и было разныхъ названій и цвѣтовъ, и обыкновенное черное и бѣлое.—Каждой зажиточный самъ приготовлялъ для себя. *Пиво и переваръ.*

Переваръ, древнее русское горячее, упоминается въ отечественныхъ извѣстіяхъ въ нач. XII в. (1128 г.). В. К. Всеволодъ, пируя съ боярами, приказалъ выставить для народа по улицамъ: вина, меду, перевару, овощей и всякого кушанья (**). Переваръ тоже самое, что сбитень, назывался еще *взваромъ*. Онъ приготовлялся изъ меду на звѣробоѣ, шалфеѣ, лавровомъ листѣ, инбирѣ и стручковомъ перцѣ. Нынѣ употребляется сбитень между простыми людьми. Продавцы разносятъ его въ саклахъ, (мѣдныхъ чайникахъ), имѣющихъ форму самовара и обернутыхъ въ холстъ. — Другіе кипятятъ его въ самоварахъ, выставленныхъ предъ лавочками, или на рынкахъ, и продаютъ маленькими стаканами. При кипяченіи сбитня въ сосудахъ, Русскіе выдумали *самоваръ*, но время введенія его неизвѣстно.

Въ великокняженіе Владиміра I, не было недостатка ни въ плодахъ, ни въ кусныхъ яс- *Изобиліе въ съѣстныхъ произведеніяхъ.*

(*) Степ. кн. ч. I. с. 134. — Скандинавы, изображая счастливую жизнь на томъ свѣтѣ, представляли себѣ блаженство въ кушаніи жаренаго вепря и питіи изъ рога пива.

(**) Царств. лѣт. кн. 1 с. 25. изд. С. П. Б. 1772 г.

ствахъ: рыба, дичь и мясо, были въ изобилiи. Однажды на пиру его находилось триста варъ (бочекъ) меду, и онъ велѣлъ развозить еще по городу, въ телѣгахъ: хлѣбы, мясо, дичь, рыбу, овощи; медъ и квасъ въ бочкахъ, и угощать всѣхъ (*). Слѣдовательно: въ концѣ X в. мы имѣли уже, въ юго-западной Россiи, плодоносныя деревья.

Пиры были тогда въ обыкновенiи, и не было праздникомъ для богатыхъ, безъ угощенiя бѣдныхъ. Самые Великiе Князья подчивали гостей; ѣли и пили вмѣстѣ съ ними. Вельможи и знаменитыя духовныя особы, мѣшались съ толпами гостей всякаго сословiя; духъ братства сближалъ сердца. Это сближенiе поддерживалось благоразумно нашими Государями, долгое время, — до угнетенiя Россiи Татарами. — Азiятская гордость и недоступность, испортили древнiе похвальные наши обычаи.

Несторъ и его современники, съ изумленiемъ говорятъ объ размноженiи всякаго рода дичи и домашнихъ животныхъ.

Пряности. Перецъ шелъ къ намъ изъ Царьграда и Болгарiи.—Оттудаже мы получали миндаль, коріандеръ, анисъ, инбирь, корицу, лавровый листъ, гвоздику, кардамонъ и другiя пряныя ко-

(*) Нест. по кенигсб. сп. с. 88, 89; Русск. лѣт. съ воскрес. сп. ч. I. с. 156—158.

ренья, которыя давно служили приправою нашимъ кушаньямъ.

Говоря о печеніи хлѣбовъ, должно сказать, что муку приготовляли на мельницахъ, которыя давно были у насъ извѣстны, какъ видно изъ устава Ярослава, гораздо прежде XI в. До того же времени мололи хлѣбъ въ жерновахъ руками. Мельницы распространились у насъ не прежде XIV в. *Мельницы.*

Простой народъ питался довольно умѣренно: хлѣбъ, квасъ, соль, чеснокъ и лукъ, составляли обыкновенную его пищу. Голодъ и холодъ, онъ переносилъ терпѣливо (*). Идя на войну, онъ несъ въ своей сумкѣ сухари и овсянную муку, которую замѣшивалъ на водѣ ложкою, и дѣлалъ толокно. Щи, каша и кисель овсянный, готовились повсюду *Пища простолюдиновъ.*

(*) Herb. Rer. Moscov. com: ad haec, si dominus vult lautius epulari, tum addit parvam particulam carnis suillæ. — Греки древніе любили ѣсть лукъ съ медомъ и ячменной мукою, а козій сыръ присыпали одной ячменной мукою. — Гнѣд. Иліад. Гомер. п. XI ст. 630 - 644 изд. 1839 г. - Египтяне и Евреи употребляли издревле лукъ, чеснокъ, огурцы и дыни. Числа, 4 кн. Моисея. гл. 11 с. 5—6. Olear. Offt begehr. Beſchr. der Reis. Orient. Reiſe, с. 122. 8 изд. 1647 г.; Maerb. Voyage en Moscovie с. 60 изд. Leid. 1688 г.; Meletii: de Russor. religione et ritib. ed. 1581 г.; Relatio legationis in Moscoviam de Aug. Meyern et Guil. Calvuccii, an. 1661 — 1663 г. ч. I. с. 350 – 351, помѣщ. въ собран. Вихм.; Нест. по кенигсб. сп. с. 92.

дома. Щи приготовлялись съ кускомъ свинна-го сала, или говядины. Они были любимымъ кушаньевъ и при дворѣ. Царь Іоаннъ IV., обѣдая однажды съ кн. Ос. Гвоздевымъ, разсердился на него за какое-то дѣло, и въ гнѣвѣ своемъ велѣлъ вылить на него мису горячихъ щей.

Хорошій хлѣбъ, рыба свѣжая и соленая, яйца, огородныя овощи: капуста, огурцы соленые, на уксусѣ и свѣжіе, рѣпа, лукъ и чеснокъ, считались лучшими кушаньями, и только въ XVI в. мы узнали отъ Англичанъ и Голландцевъ салатъ, который считали прежде за траву.—Масло и творогъ, не хорошо выдѣлывали у насъ (*).

Въ правдѣ русской говорится о солѣ, — но мы не знаемъ, какую тогда употребляли у насъ: вываренную или озерную? Въ Бохніи и Величкѣ копали соль въ царствованіе Казиміра справедливаго, между 1178 и 1198 г. (**) Въ Червонной Россіи, Волыніи и Украйнѣ, долгое время употреблялась вываренная соль и она выдѣлывалась формами, на подобіе сахарныхъ головъ, которыя называются у По-

(*) Miege. La relat. des trois embassades de Carlisle c. 336. 337, изд. 1772 г. Mach: A relation of three embassies, by Earle of Carlill; Tanner. legat Moscoviæ, c. 71.

(**) Нарушев. Histor. narodu Polskiego, т. IV. с. 282.

ляковъ slupkami, glówkami и gąskami, а Русскіе называютъ ихъ гусаками (*).

(*) Накѣльскій in Miechovia, говоритъ: salis nativi vel fossilis, qualem nunc Wieliczka et Bochnia suppedidat, rarus tunc, apud incolos illius provinciæ (cracoviensis) usus fuit.

Всѣ славянскія племена любятъ кашу, пироги, клёцки, горохъ, кисель, капусту, лапшу, густую кашицу и на все это сохранились у нихъ причитанія. Напр. у венгерскихъ Славянъ.

На кашу:

Лала семъ му три гроше,
Миле мужу: купъ каше!
А онъ купилъ табаку,
Сафрамешки гапаку.

На кашу съ молокомъ:

Нѣмцомъ зѣлина,
Угромъ сланина;
А Словакомъ
Каша съ млекомъ.

А та наша Катаринка,
А та наша Ганка,
Наварилы каши съ млекомъ
Накрисилы янка.

Недобре есть вино дѣтомъ,
Лепша есть имъ каша съ млекомъ.

На кашу съ медомъ:

Гостя наша, гостя, що вамъ предложити?
Каши наварыме, медомъ осладиме.

На мучную кашу или хамулю:

Шла варити мучницу
Преврела си повницу,
Мать вареху хытила,
Дёвку варить учыла.

Хамулю варила, а гричокъ забила;
И масло зожрала, на мачку рептала.

На свадебную кашу:

Отварайте руку вашу
Кухарка проси за кашу

На кашу и куляшъ (густую кашицу):

Нехцела каше,
А ни куляше
Съ олеёмъ:
Побрала гандры,
Та шла на вандры
Съ Ондреемъ.

---

*

Ввозъ винъ и плодовъ.

Олегъ, по возвращеніи его изъ похода константинопольскаго (907 г.), привезъ съ собою

На остуживаніе каши:

Ѣзъ кашу, не духай,
Подъ облочкомъ не бухай;
Якъ же бы самъ не бухавъ,
Кедь сомъ дѣвча занухавъ.

На кашу съ жиромъ:

Научи тѣ жена моресъ,
Будемъ глады мретъ, яко песъ.
Сама буде есть бѣлуше,
А тебѣ да съ лоемъ каше.
Упражи ее праженицу,
Ты будешъ хлептать жентицу.
Она буде курецину
Ты даку запаренину
Собе упече печену,
Тобе да звару смудѣню.
Она буде есть пироги,
Ты бухты жебракъ убогы.
Она буде пить паленку,
А ты си ходь на студѣнку.

На кашу съ свѣжимъ мосломъ:

Мамичка! кде са бола? —Во млынѣ.
Чосъ тамъ робила? — Мучку сомъ млела.
На чо ти е та мука? — Кашичку варити.
Пре кого? — Пре тебе. —
Чимъ ю осолишъ? Бѣлой осолишкой.
Чимъ ю омастишъ? —Младымъ масѣльцомъ.

На кашицу:

Въ паклину пенязе,
Не бойме се нузе,
ницъ?
Дамъ грошъ на кашичку,
Ахъ Боже въ покличку.
ницъ?

На неупрѣвшую кашу:

Нагнѣвай са стары на свою жену,
Же му дала кашу недоварену

На упрѣвшую:

Радъ сей бы си жены кашу доварили.
Яко небозятка девки овравали.

На пироги:

Панъ патеръ са дива, чи со дожне нива?
Дожне, акъ да женцомъ пироговъ а пива.
Дожне ай повяже, ай сносы до крыжовъ,
Акъ слюбы вязачомъ винечка а слижовъ.

въ Кіевъ: золото, ткани, овощи и вина (*); слѣ-довательно, мы уже были тогда знакомы съ *изъ Царьграда.*

На маковыя галушки (клецки)

Едла бы я, едла,
Перемажане едла,
Акове, таковѣ,
Галушки маковѣ.
Кебы мы донесли
Хланцы суседове.

Галушки са не гнѣваю
Кедь ихъ масломъ облѣваю,
А зузаки небожятка
Лежя въ маку, якъ просятка.

На горохъ:

Не ведѣла чо ма робить одъ страху.
Насыпала шошовиче да граху.

На чечевицу и кисель:

Яко будемъ господарить,
Такъ ти будешъ ести варить:
На полудня шошовицу,
А на вечеръ кыселицу.
Кыселица кысела,
Чтыри роки висела,
А въ пяты ю долъ зала,
Висецци за ной плакали.

На кисель:

На рыбнику заказали,
А бы кысель не варили.

Ленъ голушки пытлованѣ,
Пре тѣ дёвки цифрованѣ.

На капусту:

Яздина, яздина, зле са яздовала.
Капуста ти згнила, кедьсъ ги не змывала.

На лапшу:

На вляносе опеканце, па новы рокъ локше:
Ужъ та дёвча занеховамъ,
Нехъ та везме кдо хце.

На рѣпу:

Рядкомъ хлопцы, рядкомъ,
долу нашимъ садкомъ,
Тамъ е мила гладка, ако репа сладка.

На печеніе хлѣба:

Поведавъ ми еданъ хлопецъ,
Же я не вѣмъ хлѣба напечь.
Злигавъ хлопецъ, ако шелма,
Напечѣмъ го ако земла.

Полевыя занятія, уборка, молоченіе хлѣба, сѣнокосъ, жатва, шитье, пряжа, бѣленіе холста, однимъ словомъ всѣ домашнія работы, имѣютъ свои особыя причитанія — Kollar Narod. zpiew. Ч. I. с. 313 — 318. —

(*) Нест. по кенигсб. сп. с. 26: и прійде Олегъ къ Кіеву, неся злато и паволока и овощи и вина.

винами греческими. Какія же именно вывозили? — неизвѣстно. Въ концѣ XV ст. упоминается бѣлое и красное. Новгородскій архіепископъ Ѳеофилъ, при прощаніи съ В. К. Іоанномъ III. (1476 г.), подарилъ ему три бочки вина бѣлаго, двѣ краснаго и двѣ меду стараго (*). Нѣтъ сомнѣнія, что эти вина были извѣстны гораздо прежде. — Въ началѣ XVI вѣка мы узнали бургонское, называвшееся романеею; его привозили нѣмецкіе купцы. — Романеею, по словамъ Карамзина, называется еще въ питейныхъ домахъ красная наливка, настоянная на водкѣ съ медомъ, такъже на черникѣ и клюквѣ. — Канарское вино или бастръ, и мальвазію (**), пили за столомъ одни богатые, и этими винами подчивали отличныхъ гостей, — особенно мальвазіею: ее давали понемного, и принимали вмѣсто лѣкарства. — Красное греческое вино, называемое иначе церковнымъ, отъ употребленія при богослуженіи, такъже давалось больнымъ вмѣсто лѣкарства (***).

Хлѣбное вино или водка.

Упоминаемое вино въ нач. XII вѣка, которымъ В. К. Всеволодъ угощалъ народъ, не было хлѣбное. — Водка есть собственно аравійское

(*) Русск. лѣт. по никонов. сп. ч. VI. с. 67 изд. 1789.

(**) Olear. Offt begehr. Beſchr. der. Neuen Orietal. Reiſe, с. 251, изд. 1647 г.

(***) Paul. Jovii de Leg. Moscoviæ.

произведеніе; въ Европу перешла не ранѣе конца XIII, а къ намъ въ концѣ XIV вѣка. — Раймундъ Луллій, находясь на островѣ Маіоркѣ, бывшей тогда въ рукахъ Аравитянъ, узналъ тамъ отъ одного ученаго мужа способъ приготовленія водки, именовавшейся жизненной водою (aqua vitæ), и привезъ ее въ Европу (1290 г.). — Весь свѣтъ считалъ эту воду, за извлеченіе изъ философскаго камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила цѣлебное дѣйствіе. Генуэзскіе купцы, узнавъ способъ приготовленія этого напитка, отъ Арнольда де Виллана, который вывѣдалъ отъ Луллія, продавали въ склянкахъ за дорогую цѣну, какъ цѣлительный бальзамъ, подъ именемъ жизненной воды. Они производили ее посредствомъ взгонки изъ винныхъ дрождей, сочныхъ плодовъ и хлѣбнаго зерна. — Послѣ паденія генуэзской торговли, въ XV вѣкѣ, тайна выдѣлыванія сдѣлалась всѣмъ извѣстною, за всѣмъ тѣмъ водка долго еще продавалась въ аптекахъ, какъ лѣкарство. — Весьма вѣроятно, что по найденіи способа Генуэзцами, курить вино, оно вскорѣ перешло на югъ Россіи, а тогда Генуэзцы, владѣя приморскими мѣстами таврическаго полуострова, имѣли съ нами сношеніе по торговлѣ. Правдоподобнѣе полагать можно, что водка появи-

лась у насъ не ранѣе 1398 года: тогда уже Генуэзцы доставляли водку въ Литву (*), и ознакомили насъ съ пагубнымъ напиткомъ.

Продажа горячаго вина и всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ, была у насъ сперва вольная; но какъ излишнее ихъ употребленіе, причиняло бѣдность и разореніе бесчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ Князей, ограничить неумѣренное потребленіе. В. К. Іоаннъ III, совершенно запретилъ приготовлять крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла бар. Герберштейна (нач. XVI вѣка), позволялось народу пить крѣпкіе напитки, только въ нѣкоторые праздничные дни. Царь Іоаннъ IV, построивъ первый для своей опричнины *кабакъ*, въ Москвѣ на Балгучѣ, дозволилъ имъ пить сколько угодно. За всѣмъ тѣмъ онъ не любилъ пьянствующихъ; онъ позволилъ народу веселиться въ кабакахъ только: на святой недѣлѣ, Рождество Христово и въ дмитріевскую субботу; во всякое другое время велѣлъ сажать въ тюрьму (**).

(*) Успен. Оп. повѣств. о древ. русск. ч. I. с. 78.

(**) Въ пермско-устюгской грам. 1553 г., сказано: Пермичъ пожаловалъ, далъ есми имъ въ году три недѣли питья варити и пити: недѣля великоденная, другая въ осень дмитріевская, третья въ зимѣ рожественская, и тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣта безъ явки. — E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita. Turrini: Costumi, leggi, riti, etc. de popoli d'Europa, ed. Ven. 1656. r. c. 65.

Царь Ѳедоръ приказалъ разломать кабакъ, но Борисъ Годуновъ, думая о доходахъ а не о сохраненіи нравственности, приказалъ вновь выстроить, и отдалъ всѣ крѣпкіе напитки *на откупъ*. Въ началѣ XVII в. находились во всѣхъ городахъ и селеніяхъ кабаки, называвшіеся *кружечными дворами*, отъ слова *кружка*, коею мѣрилось и продавалось вино. Въ Сибирѣ такіе же дворы заведены въ 1617 г., со стороны казны; но какъ многіе перестали заниматься работами, проводя жизнь въ пьянствѣ и приходя въ нищету; то Царь Михаилъ, уничтоживъ всѣ кабаки, учредилъ одни питейные домы, въ коихъ продавалось вино только въ большемъ количествѣ. Царь Алексѣй отдалъ опять на откупъ, и повелѣлъ завесть кабаки во всѣхъ городахъ по одному, а въ Москвѣ три; въ послѣдствіи ихъ размножилось до чрезмѣрности (*).

Мѣсто, въ коемъ нынѣ производится мелочная продажа водки, называется питейнымъ домомъ, а въ Малороссіи, Литвѣ и Бѣлоруссіи *шин-*

(*) Отзывы иностранцевъ о кабакахъ, см. между прочимъ: Флечера: Common Wealth. c. 44, пом. въ собр. Гакл.; Sebast. Glavinich: de rebus Moschorum ч. I. c. 351 — 352, въ собр. Вихмана; Tanner. Leg. in Moscov.; Lyseck. Relat. Sacr. Caes. Maest. ablegatos de Bottoni et de Guzman etc.; Korb. Diar. itineris in Moscov., ed Vien. in f.; Mach. A relat. of three embas. etc.; Meletii: de russor. religion, ed. Spir. 1581 г. Margeret. Estat de l' empire de Russie, изд. Париж.

комъ (*), *корчмою* и постоялымъ дворомъ съ шинкомъ, коихъ содержатели преимущественно жиды.

Водка дѣлалась у насъ прежде, по свидѣтельству иностранцевъ, столь крѣпкою, что подобной ни у какого народа не бывало. Крѣпость ея усиливали еще посредствомъ различныхъ пряностей, кореньевъ и травъ. Приправленное этимъ способомъ вино, называлось *настойкою*, *наливкою*, *травникомъ* и *ерофѣичемъ*. Послѣдній сдѣлался извѣстнымъ во второй половинѣ XVIII в. Онъ вошелъ въ употребленіе около 1768 г., но прежде всего въ Петербургѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, былъ боленъ; врачи истощили все знаніе для его излеченія. Тогда славился своимъ искуствомъ цирюльникъ Ерофѣй. Графъ прибѣгнулъ къ его помощи. Посредствомъ настоянныхъ травъ на водкѣ, которая проименовалась въ послѣдствіи *ерофѣичемъ*, онъ совершенно выпользовалъ его, за что отъ него и Императрицы получилъ великое награжденіе. Ерофѣй не имѣлъ никакихъ познаній въ врачеваніи, но онъ зналъ свойство травъ, коимъ изучился, находясь еще въ Китаѣ, у тамошняго врача.

Ерофѣичъ.

Старинныя попойки.

До временъ Петра I, знатные люди проводили праздное время въ пирушкахъ, на ко-

(*) Отъ нѣмецкаго Schenke, означающее лавочку, въ коей продаются вещи мелочныя, или иначе мелочная лавка.

ихъ самыя попойки не считались порокомъ. Это было тогда общимъ, по всей Европѣ. Хозяинъ, не уподчивавшій своихъ гостей, почитался не ласковымъ, и съ нимъ не хотѣли знаться; но чтобы къ наполненію головы винными парами, имѣть благовидную причину, то попойку начинали кубками, сначала: за здоровье Государя, потомъ Государыни, тамъ за каждое Царственное лице, патріарха, знаменитыхъ сановниковъ, побѣдоносное оружіе и наконецъ за каждаго изъ присутствующихъ. Не опорожнить за здоровье каждаго, цѣлой кубокъ, значило имѣть неуваженіе къ дому, не желать ему добра, и тому, за чіе здоровье пили. Хозяинъ начиналъ первый, и неотступной просьбою заставлялъ выпивать до капли. Въ половинѣ XVIII в. попойки происходили только въ дружескихъ обществахъ, на именинахъ, крестинахъ и свадьбахъ, и никогда не расходились не упившись, даже первостепенныя особы. — По деревнямъ и городамъ, не было веселости безъ вина. (*). Тамъ, съѣзжаясь

(*) Отъ неумѣреннаго потребленія водки, произошли поговорки:

Чару пить, здраву быть;
Вторую пить, пьяну быть;
Третью пить, безумну быть.

другъ къ другу, проводили время въ попойкѣ, иногда цѣлыя недѣли, и по миованіи разгулья, начинали похмѣляться, столькоже времени. Надлежало пить, чтобы не быть въ презрѣніи отъ товарищей. Женской полъ нерѣдко хлебалъ зеленое, а чаще бѣлый крѣпкій медъ. Въ концѣ XVIII в. значительно измѣнилось неотступное подчиваніе; стали пить умѣренно, и стыдились безпокоить гостей частыми подносами хмѣльныхъ напитковъ. Прекрасный полъ изгналъ ихъ изъ своего круга: вкусъ и утонченность приличій, распространенныя Екатериною Великой, совершенно истребили этотъ порокъ между ними. Нынѣ наши дамы, образецъ для мущинъ.

Страсть къ вину, впрочемъ виноградному, была въ Европѣ всеобщею. Людовикъ XI. постоянно пилъ съ своими приближенными, и

Пить до дна, не видать добра. — Другіе, не смотря на поученіе, приговариваютъ, когда пьютъ:

А ты чарочка катокъ,
Въ одинъ тоненькой глотокъ:
Лейся прямо въ ротокъ,
Чарочка моя, серебряная!

Въ Малороссіи, когда женщины подчуютъ другъ друга варенухою, тогда, подавая чарку, поютъ протяжно и уныво, и если сходятся хорошіе голоса, то производятъ тоску на сердце:

Выпьемъ по повній!
Викъ нашъ не довгый!
Не довгый, не довгый, не довгый!

тѣхъ изъ нихъ отличалъ, кои пили и умѣли веселить его похотливыми разсказами о женскомъ полѣ. Римлянки и Француженки, пили наповалъ. У древнихъ Грековъ это считалось добродѣтелью (заслугою). Киръ, между прочими качествами, коими онъ хвалился, говорилъ, что онъ лучше пьетъ своего брата, царя Артаксеркса, и потому достойнѣе его сидѣть на престолѣ. Александръ македонскій и Марій, померли отъ пьянства, и многіе другіе. Въ Европѣ всѣ университеты отличались разгульной жизнію. Вновь поступавшихъ въ университетъ, товарищи записывали въ число пьяницъ, обязывая ихъ торжественными обрядами и клятвой, во имя Стефана лѣсного, что они будутъ пропивать всѣ свои деньги, какія получатъ отъ родителей. Если же товарищи замѣчали, что кто нибудь изъ нихъ болѣе слушался ректора; то немедленно сами выгоняли его изъ училища, или приколачивали. — Такой обычай долгое время, почти до нашихъ дней, господствовалъ въ разныхъ заведеніяхъ, — гдѣ пили не вино, но водку. — Ближе къ цѣли.

Дѣйствіе водки на умственныя способности.

Между простымъ народомъ водка до такой степени въ употребленіи, что объ ней заботятся едва ли не болѣе, нежели о самой пищѣ, — даже послѣднее несутъ въ питейный домъ. Есть особо записныя пьяницы, которые всю

свою жизнь проводятъ въ кабакахъ. Цѣловальники нарочно заманиваютъ таковыхъ, и поютъ ихъ ежедневно безденежно. Обязанность записныхъ пьяницъ состоитъ въ томъ, чтобы завлекать сюда всѣхъ проходящихъ, и поселять въ нихъ страсть къ невоздержной жизни. Получая даромъ каждодневно, четыре чарки водки, они являются поутру, предъ обѣдомъ, предъ полудникомъ и ввечеру, и стараются заводить ссору или драку съ гуляющими. Цѣловальникъ же, пользуясь этимъ случаемъ, грозитъ имъ полицейскимъ усмиреніемъ. Тогда поссорившіеся прибѣгаютъ къ мировой: требуютъ штофъ водки, за этимъ другой и т. д. Вмѣсто того, чтобы поссорившійся выпилъ самъ себѣ, двѣ или три чарки, онъ выпиваетъ уже нѣсколько штофовъ, и поитъ записнаго пьяницу, который гуляетъ въ чужомъ похмѣльи, — а цѣловальникъ тогда безжалостно обманываетъ пьющихъ: общитываетъ и нащитываетъ на нихъ.—Если записной пьяница, не можетъ поссорить кого-либо; то онъ пьетъ изъ десятой чарки. Пьющіе, допивая девятую чарку, подносятъ десятую записному пьяницѣ, который сторожитъ свою добычу, — какъ сѣрый котъ. Еслибы пьющіе не поднесли ему десятой чарки, то онъ самъ вырываетъ изъ ихъ рукъ.

Удовольствіе отъ опьяненія такъ сильное, что оно губитъ каждаго. Сначала оно пріятно возбуждающее, потомъ производитъ ослабленіе тѣла а наконецъ умственныхъ силъ, и пьяница обращается тогда въ полусумашедшаго: онъ пьетъ до нельзя, и разсудокъ его помрачается. Такой человѣкъ, или такое пьющее общество, на что не можетъ рѣшиться? Благосостояніе гражданъ ему непонятно; онъ считаетъ ихъ своими врагами, потому что благоразумные граждане, чуждаются его. Чѣмъ болѣе пьющихъ, тѣмъ они вреднѣе; сердце у нихъ черствѣетъ и развращается, совѣсть не пробуждается. Нѣтъ на землѣ тяготительнѣе рабства, какое налагаетъ на людей пьянство. Надобно имѣть необыкновенную силу собственнаго убѣжденія, чтобы вырваться изъ оковъ продолжительнаго безъумія: потому что вліяніе винныхъ спиртовъ, стольже враждебное, сколько злоба адскаго духа, противу счастія смертныхъ (*). Большую часть преступленій, должно приписать пьянству. — Вредъ отъ него неизъяснимый: поля остаются не засѣянными, домы въ развалинахъ, семейства съ обна-

(*) Предающіеся пьянству не могутъ быть нравственными, потому Апостолъ Павелъ сказалъ, что пьяницы не наслѣдятъ царствія небеснаго. — Первое послан. къ Коринѳ. гл. 6, с. 10.

женными дѣтьми: онѣ скитаются по міру, выпрашиваютъ подаяніе и пропиваютъ выпрошенное. Если что удерживаетъ ихъ отъ разбоя, то этому причиной чувство Религіи, которое въ нихъ не погасло еще. Мысль, что они будутъ грабить своихъ единоземцевъ, будутъ лить ихъ кровь,—еще ужасаетъ ихъ.—Сколько открывали разбойничьихъ шаекъ, въ коихъ Русской лилъ кровь своего собрата, въ буйномъ пьянствѣ? — Эта шайка, и предводитель ея, бѣжавъ изъ тюрьмы или ссылки, уже грабили не изъ одной ненависти и мщенію къ правосудію; но по иступленію въ пьянствѣ. Въ то время каждый изъ нихъ ознаменовывалъ себя смертоубійствомъ, истребленіемъ городовъ, и рѣзалъ съ восторженной радостію.

Пьянство производитъ другое еще страшное дѣйствіе: оно мертвитъ просвѣщеніе и загребаетъ его заживо въ могилу,—оно подрывъ всему обществу. — Ядъ скоро прививается, но исцѣленіе отъ него необыкновенно медленное, и часто бываетъ невозможное. Противу разбоя принимаются открытыя мѣры: поиски и оружіе, но противу яда застарѣлаго? — Могутъ быть только скрытныя и гадательныя мѣры!

Въ 29 великороссійскихъ губерніяхъ (*), продано въ 1836 г. на 140,230.479 р. ас.; питейныхъ домовъ находилось 10,525. — Если принять въ соображеніе не показанныя здѣсь 56 губ., области, градоначальства и управленія, числомъ 14, и высокія цѣны виннаго откупа въ 1843, то можно полагать, что продажа во всей имперіи едва ли менѣе 240 мил. р. ас. Присоединивъ къ этому многочисленныя погреба съ виноградными винами и иностранными водками, то выходитъ чрезвычайный итогъ израсходованія горячительныхъ напитковъ. Губерніи, въ коихъ болѣе всего израсходуется водка, это суть: петербургская, московская, орловская, тульская, курская, воронежская, тамбовская, саратовская и пермская. Въ курской губ. находилось питейныхъ домовъ, въ 1836 г., 1004; въ орловской 644, воронежской 641, тамбовской 553, московской 458, пермской 428, а въ петербургской 343.

Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ, что главная причина бѣдности и не устройства крестьянскаго хозяйства, и даже равнодушія крестьянъ къ своему положенію, — это есть страсть къ горячимъ напиткамъ. Изъ достовѣрныхъ свѣдѣній,

(*) Матеріалы для статистики росс. импер., издаваемыя съ Высочайшаго соизволенія при статистическ. отдѣленіи сов. мин. внут. д. С. П. Б. 1841 г. см. отдѣл. IV, с. 26.

собранныхъ на мѣстѣ, видно, что потребленіе горячихъ напитковъ государственными поселянами въ питейныхъ заведеніяхъ, существующихъ въ казенныхъ селеніяхъ, простирается въ курской губ. до 4 р. 59 к. ас., а въ харьковской до 28 р. ас. на душу. Среднее потребленіе вина во всѣхъ губерніяхъ, составляетъ 13 р. 60 к. ас. Если принять въ расчетъ, что эти крестьяне пьютъ еще въ питейныхъ домахъ, находящихся внѣ казенныхъ селеній, то можно положить пропиваемую сумму въ годъ на душу, по 15 р. ас. Взявъ за основаніе, что крестьянинъ пьетъ въ продолженіи 33 л. средней своей жизни, и пропиваетъ ежегодно по 15 р. ас.; то если бы онъ не пилъ, и пускалъ ихъ въ оборотъ, которые по среднему расчету принесли бы ему, по меньшей мѣрѣ по $10\frac{0}{0}$, онъ могъ бы получить процентовъ на эту сумму, въ первой годъ 150 к. — всего 16 р. 50 к.; во второй уже 34 р. 65 к.; въ третій 54 р. 61 к. и т. д., а въ 33 года 3,666 руб. 30 коп. Оцѣняя еще на деньги время, въ которое крестьянинъ могъ бы заработать, но вмѣсто того проводитъ въ пьянствѣ и опохмѣленіи, выходитъ, что его потеря простирается до 60 р. въ годъ, слѣдовательно вся потеря 75 руб. на душу. Сосчитавъ съ этой суммы проценты, то расходъ каждаго крестьянина простирается

въ 33 года, до 18,332 р. 27 к. — Если помножить это количество, на общее число государственныхъ крестьянъ, то выходитъ, что одно ихъ поколѣніе въ 33 г. теряетъ 25,176,132,328 р. ас., а со временемъ, проведеннымъ въ пьянствѣ: 139,019,340,861, всего же 154,186,473,189 руб. — Выводя такой расчетъ для всѣхъ прочихъ классовъ крестьянъ, мѣщанъ, казаковъ и военныхъ поселенцевъ, то они израсходуютъ деньгами и временемъ, въ одно поколѣніе, 91,569,150,000 р. И такъ, въ продолженіи существованія цѣлаго поколѣнія, теряется во всемъ государствѣ отъ пьянства, деньгами и временемъ, 245,755,623,189 р. Если бы нашъ народъ не тратилъ заработанныхъ денегъ на покупку вина, и не губилъ лучшихъ дней своей жизни на пьянство; то общее благосостояніе производительнаго класса въ имперіи, увеличивалось бы ежегодно на 188 м. р., а по минованіи поколѣнія въ 33 г., слѣдующее поколѣніе получило бы въ наслѣдіе 245,755,000,000 р.; сверхъ того, что при обыкновенномъ порядкѣ вещей, можетъ поступить отъ отцевъ къ ихъ дѣтямъ.

Вліяніе пьянства на рабочій класъ народа, и проистекающія отсюда вредныя послѣдствія, стѣсняютъ сердце грустью.—Министерство государственныхъ имуществъ уже успѣло, въ не-

*

давнее время своего существованія, сдѣлать много полезнаго, улучшивъ нравственность крестьянъ, ввѣренныхъ его попеченію. Не говоря о разныхъ полицейскихъ мѣрахъ, къ воздержанію крестьянъ отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, министерство госуд. имущ. старается достигнуть этого самымъ вѣрнымъ и благонадежнымъ путемъ: оно стремится возвысить благосостояніе казенныхъ поселянъ, распространеніемъ между ними учебныхъ заведеній, чтобы, просвѣтивъ ихъ, сдѣлать пьянство, въ собственныхъ ихъ глазахъ, постыднымъ порокомъ (*).

Буза. При порабощеніи насъ Татарзми, мы позаимствовали отъ нихъ напитокъ *бузу*: онъ дѣлался изъ проса, и пили его холоднымъ; нынѣ онъ не въ употребленіи (**).

(*) Шопенъ: О страсти простаго народа въ Россіи къ горячимъ напиткамъ, и о вліяніи пьянства на хозяйственное и нравственное состояніе крестьянъ, — помѣщено въ трудахъ Императ. вольнаго экономическаго общества за 1842 г., треть вторая.

(**) Jos. Borbaro: Il viaggio dalla Tana, въ 1436 г. Онъ говоритъ о бузѣ: fassi etiandio *bossa*, che vuol dir cervosa,—но *cervosa* собственно значитъ пиво. — Нынѣшніе Татары разумѣютъ подъ именемъ *бузы* брагу, но есть однозначущее ему *бузг*, означающее собственно ледъ. Буза есть аравійскій напитокъ. Ксенофонтъ говоритъ, что таковый напитокъ былъ имъ найденъ въ Арменіи, въ зарытыхъ въ землѣ сосудахъ. Въ Арменіи долгое время зарывали сосуды

Предки наши съ самыхъ древнихъ временъ не употребляли телятины, зайцевъ, голубей, раковъ и тѣхъ животныхъ, которыя были закаливаемы или зарѣзываемы руками женщины, почитая осквернеными. Это обыкновеніе еврейское, зашло къ намъ по преданіямъ.

Не употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ, особенно зарѣзанныхъ рукою женщины.

За приготовленіемъ кушанья смотрѣла домашная прислуга. Но если бы женщинѣ случилось зарѣзать какую нибудь птицу для стола, и тогда никого бы изъ мущинъ не было въ домѣ; то она выходила за ворота съ ножемъ и просила перваго проходящаго, чтобы ей зарѣзали (*). Вареная и жареная рыба, икра волжская и балыкъ, составляли любимое кушанье (**). Къ столу подавали уху скором-

Кушанье, преимущественно рыбное; батвинье, окрошка, блины и оладьи.

съ бузою. Guthrie: Sur les antiquités de Russie, c. 149. ed. S. Petersb.

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Daniel Prinz a Buchau: de Moscoviae ortu et progressu; —Melet: de Russor. relig et riib.—Въ книгахъ ветхаго завѣта запрещено Евреямъ употреблять въ пищу, тѣхъ четвероногихъ животныхъ, которыя не отрыгаютъ жвачку; изъ птицъ же: грифа, орла, ворону, лебедя, сову, ястреба, воробья, и пр. см. подробное исчисленіе въ 3 кн. Мойсея, Левитъ гл. 11, кн. 5; Второзаконія гл. 14.— Теленковъ онъ не запретилъ ѣсть, но простолюдины наши не ѣдятъ потому, что ихъ откармливаютъ для развода, и нѣтъ сомнѣнія, что эта самая причина удерживала нашихъ предковъ.

(**) Балыкъ татарское слово и собственно значитъ рыбу живую. У насъ же балыкъ есть копченная рыба, которая въ приволжскихъ и другихъ рыбныхъ мѣстахъ, закапчивается или вялится на солнцѣ.

ную и постную, какъ то: *юрму*, уху съ курицею на шафранѣ; уху черную, бѣлую съ *умачемъ* и *манты*, готовленныя съ курицею; *калью* съ лимонами, огурцами и лапшею; уху рыбную съ пряными кореньями.—Домашнюю птицу и дичь, кушали не такъ охотно (*). Въ лѣтнее время подавали къ столу батвинье, которое приготовлялось на квасѣ съ рыбою и щавлемъ (**). Окрошку дѣлали во всякое время, изъ жаркого и огурцевъ, и часто подливали къ ней квасъ или кислые щи.—Блины, давно употребляемые при поминовеніи, готовились по праздникамъ. Оладьи пеклись съ сыромъ и на яйцахъ, и составляли лакомое кушанье. Были еще оладьи съ сахаромъ, блины красные и тонкіе, и сырники на яйцахъ.

Курицы, утки и прочія домашнія птицы, продавались въ XVI ст. по копѣйкѣ серебряной (***). Простое сословіе чаще употребляло: толокно, щи, квасъ и ржаной хлѣбъ; но всѣ страстно любили приправлять кушанье лукомъ

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Melet. de Russor. relig. et ritib.

(**) Maerb. Voyage c. 19.; Richter Geschichte der Medicin in Rußland ч. I. c. 57; Olear.: Offt. begehrte Beschr. der Neuen Orientalische Reisen c. 123, изд. 1647 г. — Онъ же описываетъ окрошку.

(***) Paul. Jovii: de legat. Moscov., въ 1525 г.

и чеснокомъ. Бѣдные пили за обѣдомъ квасъ, а богатые вино и медъ.

Одинъ иностранецъ расказываетъ: кто шелъ въ гости, тотъ непремѣнно носилъ съ собою медъ и угощалъ имъ, хвалясь превосходствомъ своего приготовленія (*).

Изобиліе въ сытныхъ припасахъ.

Изобиліе во всѣхъ родахъ жизненныхъ припасовъ и чрезвычайная во всемъ дешевизна, конечно весьма много содѣйствовали къ довольству жизни и гостепріимству.—Фазаны, куропатки, дрозды сѣрые и черные, перепелки, жаворонки и бекасы, наполняли лѣса. Журавли, аисты, лебеди, дикія гуси и утки, летали безпрепятственно стадами. Зайцевъ бѣлыхъ и сѣрыхъ, встрѣчали повсюду; голубей до того было много, что ихъ ловили руками. Стерлядь, бѣлуга, осетры, бѣлая рыбица, семга, форель и пр. наполняли рѣки.—Всего этого было вдоволь и дешево, еще въ концѣ XV в.—Тогда ягненокъ продавался по 10 к., курица по 7 полушекъ (**).

(*) Melet. de Russor. relig. et ritib, изд. 1581 г.

(**) Herber. Rer. Moscov. com., Paul. Jovii: de legat.; Franc. da Callo: Trattam. di pace etc. л. 52 и 53; Чилли: Hist. della solevationi notabili etc., c. 99.; Barbarro: Jl viagio dalla Tana, въ 1436 г.: la fertilità delle biade e della carne, che è in questo luogo, si puo comprender da questo, che non vendono carne à peso, ma ne danno tanta ad occhio, che certa se ne ha quatro libre ad marchetto; la galline s'hanno settanta al ducato, l'oche tre marchetti l'una. —

Хлѣба и мяса было такъ же въ изобиліи; мясо не продавали на вѣсъ, но глазомѣромъ; 4 ф. мяса можно было купить за одинъ маркъ (около 15 к.), 70 куриц за одинъ червонецъ, а гусь за три марка (*).

Margeret: Estat de l'empire de Russie, etc. л. 2 — 4, изд. Париж. 1607 г.; Miege: La relat. des trois embas. de Carlisle, с. 326, изд. 1762 г.

(*) И нынѣ во многихъ мѣстахъ Россіи всего въ такомъ изобиліи, что невольно приходишь въ изумленіе. Доселѣ въ хлѣбѣ, жизненныхъ припасахъ, овощахъ, домашней птицы и скотѣ, нѣтъ недостатка. Въ юго-восточныя страны столько прилетаетъ весною дикой птицы и разнаго рода дичи, что покрываетъ собою поля и рѣки. Въ саратовской и астраханской губ. все пространство по теченію Волги, на разстояніи 400 вер., бываетъ усѣяно дикими гусями, утками, куропатками, перепелками, бакланами, бабами, лебедями, журавлями, дрохвами, тетерями, бекасами, дупелями и другими птицами. Гусей и утокъ такое налетаетъ множество что онѣ пожираютъ хлѣбные стоги и приводятъ въ крайнее разореніе поселянъ. Тамъ дикія птицы, истребляя запасы, обращаются въ хищныхъ. Надобно бы вмѣнить въ обязанность, гдѣ перелетныя птицы дѣлаются зловредными, — истреблять ихъ. Къ счастію обитателей низьменной части Волги и луговой ея стороны, что рѣка, во время своихъ разливовъ, потопляетъ птенцевъ въ камышѣ и уноситъ съ своимъ теченіемъ милліоны яицъ —зародышей.— Бакланы, бабы и журавли доставляютъ сдѣшнему краю, покрайней мѣрѣ ту пользу, что они по сбытіи воды, пожираютъ остающихся въ рѣчкахъ, протокахъ, оврагахъ, озерахъ и болотистыхъ мѣстахъ: рыбу, лягушекъ и разныхъ насѣкомыхъ, которыя гніютъ и заражаютъ зловоніемъ воздухъ. Безъ нихъ, въ этихъ мѣстахъ, непремѣнно свирѣпствовала бы зараза, которая и безъ того бываетъ, но не такъ опасная. Воздухъ въ то время бываетъ пресыщенъ ядовитой гнилью;

Сказанія иностранныхъ писателей XV, XVI и XVII в., о богатствѣ и изобиліи нашей Россіи: хлѣбомъ, рыбою, овощами, домашнею

появляются перемежающіяся лихорадки и *чума*, иначе называемая *сибирка*, которая начинается прыщемъ на тѣлѣ: сначала дѣлается свербежъ, потомъ опухоль, послѣ открывается чирейная рана, которая обволакивается гноевой плевою и жжетъ тѣло; человѣкъ распухаетъ, горитъ и въ два дни умираетъ. — Сибирка обнаруживаетъ всѣ слѣды антонова огня, который, при скорыхъ средствахъ, уничтожается выжиганіемъ раны, помощію раскаленнаго желѣза или примочкою всякой кислоты, напр. изъ выжатаго лимона, уксусу и т. п. Суевѣры употребляютъ окуриваніе изъ бросаемыхъ на землю кожанныхъ подошевъ, гніющихъ остововъ и костей, и прибѣгаютъ къ совѣту знахарей, которые своими нашептываніями и заговорами, вводятъ простолюдиновъ въ однѣ заблужденія. Вотъ заговоръ отъ чумы: «Уроки-зволоки! Помолимся напередъ Господу Богу и Божіей Матери и недильницы святый и пятницы, и Миколаю и Пресвятый Богородици. Уроки, урочищи! мужицки, жиноцки, паробоцки, хлопячи, дивчачи. И подумати и погадати: витряны и водяны, пидзорни, пидстретни. Летивъ воронъ зъ чорными кигтями, зъ чорными великими кигтями. Изними зъ раба Божіего Осипа чорныя крови, жовтыя кости; раздвои чорныя кигти и чорныя прокигти; понеси по метламъ, по очеретамъ, по болотамъ; розтаскай, розволочи, — вовики вѣковъ, — аминь.» — Заговоръ отъ бишихи (рожи). Ворожея окуриваетъ первоначально больнаго ремезинымъ гнѣздомъ, потомъ читаетъ надъ нимъ молитвы: Царю Небесный, Пресвятую Троицу и Отче нашъ; по прочтеніи этихъ молитвъ, она давитъ опухоль крестообразно, среднимъ пальцемъ, и произноситъ: «зъ нарожденнаго, зъ молитвеннаго, зъ крещеннаго Ивана, прогоняю святымъ крестомъ бишиху. Пиды ты, на пустыя степи, на гнилыи колоды, на дикіи воды, — аминь.»

птицей и дичью, оправдываются нынѣ только въ отдаленныхъ краяхъ нашего отечества; но эти мѣста изобилія, дотолѣ будутъ малоцѣнны,

---

Эти заговоры списаны со словъ простолюдиновъ, въ г. Царевъ, саратов. губ.

При изобилій въ естественныхъ произведеніяхъ и животныхъ, все тамъ обходится дорого проѣзжему, въ самыхъ дешевыхъ мѣстахъ. Отъ чего жъ бы это? Жители, занимаясь скотоводствомъ и земледѣліемъ, заготовляютъ для одного домашняго своего потребленія жизненные запасы, и ни мало не заботятся для приготовленія на продажу. Дичи не стрѣляютъ, по неупотребленію и отвращенію къ ней. Если постороннему предстоитъ надобность въ сельскихъ произведеніяхъ, какъ-то: въ молокѣ, маслѣ, творогу, домашней птицѣ, или въ дичѣ; то онъ долженъ заранѣе заказать, иначе ничего не получитъ, хотя бы хотѣлъ заплатить то, что съ него запросятъ. — Захотѣлось бы ему имѣть кусокъ говядины, надобно купить цѣлую корову для одного супа. Захотѣлось бы имѣть кусокъ жаркаго изъ телятины, — надобно купить цѣлаго теленка. — Хотя всего у насъ много, однако оно находится въ рукахъ таковыхъ людей, которые не понимаютъ выгодъ отъ общежительности, и запасаясь грубыми произведеніями, для своего употребленія, полагаютъ, что этимъ обезпеченъ уже каждый человѣкъ. Что же доставляетъ природа весной и лѣтомъ: птицы и овощи разнообразныя, то они не считаютъ для себя полезнымъ промышлять ими, потому что занимаются обработываніемъ однихъ полей, и снимая хлѣбъ, употребляютъ его частію для своихъ надобностей, а частію отвозятъ на продажу оптомъ. Отъ того не найдете въ продажѣ хорошей даже муки. — Надобно для двухъ или трехъ фунтовъ хлѣба, заготовить пудъ муки и приказать спечь; но къ этому горю, нѣтъ пекарей. — Дѣлается женщинами попросту, безъ всякаго вниманія къ улучшенію или къ удовлетворенію собственной прихотливости и лакомства. Тамъ все довольствуется тѣмъ, чтобы только набить желудокъ.

доколѣ не проникнетъ сюда городская жизнь и не распространится потребность вкуса къ лучшей пищѣ—между дѣтьми природы. — Тогда появятся лакомыя кушанья, и пропадетъ охота жить по природѣ. —

Соблюденіе постовъ.

Столы нашихъ предковъ были тогда приготовляемы сообразно вкусу, и состоянію повареннаго искуства. Наши предки строго соблюдали посты: по понедѣльникамъ, середамъ, пятницамъ и даже субботамъ. Самые безнадежные больные, не смѣли употреблять мясного. Великіе Князья и Цари, не измѣняли общепринятыхъ правилъ (*); нарушавшіе ихъ почитались *католиками*, *поганными* и *бусурманами* (**).

(*) Herb. Rer. Moscov. com. ed. Antv. 1557; Paul. Jovii: de leg. Moscov.; Meletti: de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г. Whitworth. An acount of Russia, as it was in the year 1710; Philips: The Russian Catechism, 1723 г.

(**) Бусурманъ, отъ татарскаго слова бесерменъ, значитъ правовѣрующій; но ненависть нашихъ предковъ къ дѣйствіямъ поработителей, угнетавшихъ свободу, благосостояніе и христіянство, содѣлала это имя укорительнымъ, которое перешло въ послѣдствіи въ бранное. —Католики же сдѣлались ненавистными въ простонародіи, по причинѣ происковъ Іезутовъ, желавшихъ водворить у насъ свое вѣроисповѣданіе, особенно съ тѣхъ поръ, когда родилась Унія.—Послѣдовали страшныя гоненія и мстительное истребленіе, ожесточившее православный народъ; тому примѣръ малороссійскіе казаки. Польское католическое духовенство, притѣсняло ихъ до такого изувѣрства, что накладывало на храмы печати, или отдавало церкви на откупъ жидамъ, которые отворяли, для самаго священнодѣйствія, за чрезмѣрную денежную плату. Крестины, свадь-

Не соблюдавшихъ постовъ, не принимали въ обществѣ. — Въ филиповку, петровъ и великій постъ, не только не ѣли мяснаго, но и рыбнаго; послѣднее допускалось только по воскресеньямъ. Нарушителей подвергали эпитиміи, или налагали на нихъ покаяніе.

Время кушанья и отдыха.

Въ день ѣли по нѣсколько разъ, но обыкновенно: завтракали, обѣдали, полудничали и ужинали. Всѣ отдыхали послѣ обѣда, по нѣсколько часовъ, ибо изобиліе трапезы усыпляло за столомъ. Малое движеніе раждало тучность, особенно у знатныхъ и богачей. На дородность смотрѣли съ почтеніемъ, какъ на

бы и похороны, не освобождались отъ платежа жидамъ; имъ же отдавали пасочный сборъ, которой состоялъ въ томъ, что они одни имѣли право печь и продавать пасхальные хлѣбы, къ Свѣтлому Воскресенью. Если откупщикъ находилъ при освященіи хлѣбовъ, испеченные христіянами; то онъ взыскивалъ съ нихъ тройною цѣной. — Откупщики требовали еще, чтобы семейство покупало у нихъ хлѣбы по числу душъ въ домѣ, не изключая младенцевъ.—Неслыханныя жестокости, совершенныя Поляками надъ самыми предводителями казаковъ, защищавшихъ Православіе, воспламенили между ними негодованіе, которое перешло потомъ въ природную ненависть къ католикамъ.—Наливайко былъ жжаренъ въ Варшавѣ, въ мѣдномъ быкѣ (1599 г.); Павлюка сначала мучили, потомъ содрали съ живаго кожу (1638 г.).; Остраницу съ товарищами колесовали живыхъ, и многіе другіе примѣры—Враги славились и тогда еще просвѣщеніемъ, и кротостію католической вѣры.

нѣкоторое достоинство. Думали, быть дородонымъ,—значило имѣть право на уваженіе (*).

Отдыхъ послѣ обѣда, есть самое древнее обыкновеніе. Владиміръ мономахъ, говоря въ поученіи къ своимъ дѣтямъ, о томъ, какъ онъ проводилъ жизнь, продолжаетъ: «потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту, а въ полдень спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ и птицамъ, Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный» (**). По свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, все въ городѣ было пусто послѣ обѣда: лавки и домы были заперты; иные спали дома а другіе предъ своими лавками, не менѣе трехъ часовъ (***). Народъ нашъ, осуждая перваго самозванца за несоблюденіе отечественныхъ обрядовъ, ставилъ ему въ вину, что онъ никогда не ложился спать послѣ обѣда.

Завтракъ бывалъ по утру рано, обѣдъ около полудня, полудничаніе около четырехъ

(*) Margeret: Estat de l'emp. de Russie, на об. 15 л., изд. Пар. 1607 г.: tiennent en honneur ceux qui sont les plus ventrus, les appellans: *dorotney schalovec.* (дородный человѣкъ).

(**) Владиміръ моном. великокняжилъ съ 1113—1125 г. —См. его поученіе.

(***) Herber. Rev. Moscov. com.; Olearii-Offt: begehrte Beſchr. der neune. Orient. Reiſe, c. 11. изд. 1647 г., — тамъ же объ дородности с. 122.

или пяти часовъ, а ужинъ послѣ захожденія солнца; потомъ, спустя часъ, молились Богу и ложились спать.—Не садились за столъ и не вставали изъ за него, не помолившись. Одинъ иностранный писатель, бывшій у насъ въ началѣ XVI вѣка (*), говоритъ, что Русскіе не знаютъ ужиновъ; но это извѣстіе ошибочное. Кн. Василько, шедшій воевать Поляковъ (въ концѣ XI вѣка), остановился около Кіева съ своимъ войскомъ, чтобы отправиться въ монастырь Св. Михаила, помолиться Богу, и потомъ, по совершеніи молитвы, ужиналъ съ монахами. В. К. Святополкъ обидѣлся, когда онъ пригласилъ Василька къ себѣ на ужинъ, и тотъ не былъ у него.

Вообще всѣ вставали у насъ до солнечнаго восхода. Служившіе при дворѣ и состоявшіе на жалованьи, вставали еще ранѣе: ибо они отправлялись ежедневно во дворецъ и сопровождали Государя въ церковь; послѣ обѣдни разсуждали бояры съ Царемъ о дѣлахъ. Потомъ каждый обѣдалъ и отдыхалъ, два и три часа. По вечернему звону колокола, сходились снова въ церковь, и отслушавъ съ Государемъ вечерню, расходились по своимъ домамъ; тамъ ужинали и ложились спать.

(*) Бар. Гербер. Rer. Moscov. com.

Состоявшіе на службѣ получали отъ двора содержаніе, которое опредѣлялось степенью должности и ея важностію. Изъ извѣстій конца XVI в. видно, что члены думы получали отъ 500—1200 р. Самой большой окладъ имѣлъ одинъ только кн. Ѳеод. Ив. Мстиславскій, занимавшій всегда первое мѣсто.—Окольничіе получали отъ 200 — 400 р. и земли на посѣвъ хлѣба отъ 1000—2000 четвертей; думные дьяки отъ 100—200 р. и земли отъ 800 до 1200 четв., московскіе дворяне отъ 20 — 100 р. и земли отъ 500—1000 четв.; выборные дворяне отъ 8 — 15 р.; городовые отъ 5—12 р. и земли до 500 четв.—Жалованье выдавалось ежегодно, но земли назначались имъ въ потомство, съ тѣмъ, что они обязаны были выставлять по первому требованію, съ каждыхъ ста четвертей, по 2 челов.— Дѣти и сыновья боярскіе получали отъ 4 — 6 р., однажды въ теченіи шести и семи лѣтъ, но за то ихъ награждали пожизненно землею на посѣвъ хлѣба, отъ 100—300. четв. (*). *Содержаніе по службѣ.*

Приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ занимались хозяйки дома; богатыя изъ нихъ возлагали попеченіе на слугъ. — Съ печеніемъ хлѣбовъ соединялось знаніе домоводства, и та пренебрегалась хозяйка, которая не умѣла *Печеніе разнаго хлѣба.*

* Margeret. Estat de l'empire de Russie, л. 25 — 26, изд. Париж. 1607 г.

хорошо спечь ихъ: ибо думали, въ чьемъ домѣ хорошій хлѣбъ, въ томъ хорошая хозяйка.

Хлѣбы пшеничные и крупитчатые пеклись на сладостяхъ, съ разными изображеніями (*).

За трехугольнымъ серебрянымъ столомъ В. К. Василія, подавали калачи и хлѣбы на подобіе хомута (**).

(*) Отвѣтъ монаха Зиновія на посланіе старца Вассіана, въ нач. XVI в.: «не изволи брашна симоновского ясти», т. е, что самъ Вассіанъ не употреблялъ пищу симоновской братіи.—«Яде приносимое ему отъ трапезы Великаго Князя: хлѣбы пшеничны, крупитчаты, брашна заслажаемо и многопестротнѣ застроляемая. Піяше романію, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино. Брашно же (въ монастырѣ) хлѣбъ овсянъ, не вѣянъ, или классы ржаные толчены, и таковые хлѣбы сухи безъ соли; питіе же вода и вареніе имѣющихъ капустное листвіе; преимѣющіе же въ нихъ, аще зеліе, имѣютъ свеклу и рѣпу; овощи же имъ рябина и калина» Ист. россійской іерархіи т. II. с. XXX.

(**) . . . formam helcii equini habentes.—Herb. Rer. Mosc. com. с. 136 и 137. ed Antv. 1557 г.—Хлѣбы, на подобіе хомута, вѣроятно позаимствованы отъ Татаръ, и видъ этихъ хлѣбовъ напоминаютъ намъ продолжительное порабощеніе.—Paul. Jovius. leg. Moscov. говоритъ, что предъ В. К. Василіемъ ставили два трехугольныхъ серебрянно-озолоченныхъ стола, за коими онъ обѣдалъ съ родственниками и послами.

Англичанинъ Берровъ, искавшій пути по ледовитому морю въ Америку, былъ занесенъ бурею въ Бѣлое море, и потому нечаянно прибылъ въ неизвѣстную ему страну,—Московію,—въ пол. XVI. в. Однако жители неизвѣстной ему страны, Русскіе, встрѣтили его съ почестію, какъ посла, и поднесли ему въ знакъ дружелюбія: хлѣбъ, шесть калачей, четыре сушенныхъ щукъ и мѣру овсянныхъ крупъ. — The navigation and discoverie toward the river of Ob, made by M. St. Burrough, пом. въ собр. Гакл. т. I. с. 308, изд. 1809 г. in 4°.

Пироги пекли съ разною начинкой: изъ яйцъ, капусты, рыбы, грибовъ, рису, гороху и пр. Должно думать, что пироги съ начинкой,

---

Крупчатые и пшеничные хлѣбы, были ничто иное, какъ сайки. Онѣ доселѣ въ славѣ, и лучшія изъ нихъ можно имѣть въ Москвѣ на красной площадѣ, не далеко отъ царского амвона, у пекаря Румянцова, который здѣсь продаетъ ихъ и онѣ слывутъ *румянцовскими сайками*. Нельзя не подивиться: отъ чего умѣющіе печь такъ превосходно свои хлѣбы, дозволили нѣмцамъ овладѣть булошной частію? —Московскія сайки, какъ равно: вяземскіе пряники, только могутъ печься на своемъ мѣстѣ. Въ другомъ же мѣстѣ, никакое искуство не сдѣлаетъ ихъ вкусными, — этому причиной вода и выдѣлка мѣстной муки. Выборгскіе крендели, какъ не пекутся хорошо пекаремъ Ивановымъ (въ Петербургѣ); но они не могутъ сравниться съ настоящими выборгскими,—по той же причинѣ.—Превосходные валдайскіе баранки, малороссійскіе бублики, калужское тѣсто, смоленскіе крендели, московскіе калачи и прочее, давно у насъ въ употребленіи. Нельзя опредѣлить времени ихъ появленія, но они появляются уже прежде XIII в., исключая калужскаго тѣста.—Дѣла цесарскія въ рук. No 1. л. 120—127; Гербер. Rer. Mosc. Com.

Въ глубокой древности не были извѣстны булошники; тогда довольствовались простою пищею и самыя хлѣбныя зерна, кушали вмѣсто плодовъ. По открытіи способа дѣлать муку, стали ее мѣсить и потомъ квасить. Въ глубокой древности пекли къ столу лепешки хлѣбныя, замѣнявшія нашъ хлѣбъ, и пекли, когда садились обѣдать. Царь самъ закалывалъ ягненка, а царица занималась кухнею. Авраамъ приказывалъ своей Сарѣ, когда онъ садился обѣдать, печь хлѣбы на угольяхъ. Римляне также поступали.—Первые булошники появились на востокѣ. Евреи, Греки, Капподикіяне, Лидіяне и Финикіяне, завели ихъ; но у Римлянъ появились онѣ за 150 л. до Р. Х. Отъ Римлянъ распространились булошники по Европѣ.—Dict. des orignies, Paris ed. 1777 г.

были тѣже кулебяки, — старинное и любимое русское кушанье, которое превосходнѣе многихъ заморскихъ выдумокъ по пирожной части. — Пироги сладкіе, приготовлявшіеся на сахарѣ, съ изюмомъ, вареньемъ и пряными кореньями, замѣняли въ то время нынѣшніе кондитерскіе, и назывались *левашниками*. Они имѣли форму трубъ. — Употребляли еще пироги подовые съ сахаромъ, мясомъ, яйцами, сыромъ, пряженые съ сахаромъ, пряженые съ сыромъ, пряженые кислые съ сыромъ (*). — Русскіе весьма любили пироги, отъ чего произошла поговорка: не красна изба углами, а красна пирогами.

Обѣды. До насъ не дошли свѣдѣнія о семейственныхъ обѣдахъ бояръ, дворянства и остальнаго сословія. Есть нѣкоторыя извѣстія о великокняжескихъ обѣдахъ, которые могутъ нѣсколько ознакомить насъ съ тогдашнимъ вкусомъ. — Въ большой комнатѣ ставились, въ нѣсколько рядовъ, длинные столы. — По поданіи на

(*) Во многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи, особенно въ тамбовской, пензенской, саратовской и астраханской губ., пирогами называютъ круглые пшеничные и французскіе хлѣбы, а калачи *пшеничникомъ* или *бѣлымъ калачемъ*. Собственно же пироги называются тамъ *пироги съ харчемъ*, т. е. съ начинкою изъ говядины, рыбы, птицы и овощей. — Харчъ въ саратовской губ. значитъ всякое мясное. — Въ этой губерніи простой народъ употребляетъ болѣе полубѣлый, нежели черный хлѣбъ, — по избытку пшеницы.

столъ кушанья, объявлялось Царю: «Государь! кушанье подано.» — Тогда онъ отправлялся въ столовую, и садился на возвышенномъ мѣстѣ; подлѣ Царя садились его братья или митрополитъ; тамъ вельможи, чиновники и простые воины, отличенные заслугами.

Во время принятія посла, бар. Герберштейна, В. К. Василій одинъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, окруженный пышнымъ дворомъ. Съ правой его стороны лежалъ колпакъ, а съ лѣвой посохъ,—тутъ же стоялъ двухгорливый сосудъ съ полотенцемъ. Подавши руку послу, онъ послѣ мылъ ее, думая, что католическій законъ нечистый. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, блестало множество золотыхъ сосудовъ, чашъ и кубковъ.—Первымъ блюдомъ всегда были жареные лебеди.—За обѣдомъ разносили кубки съ мальвазіей и другими греческими винами. Государь посылалъ со стола своего кушанье, въ знакъ особой милости, отличенному имъ гостю, который тогда вставалъ и кланялся ему. Другіе также вставали, изъ уваженія къ милостивому гостю, а онъ долженъ былъ имъ кланяться (*). Во время обѣдовъ вели разговоры, безъ принужденія.—Обѣдывали серебряными ложками, которыя сдѣла-

(*) Herb. Rer. Moscov. com. c. 137.

лись у насъ извѣстными въ концѣ X. вѣка (*).

При обѣдахъ Царскихъ находились: крайчій, чашникъ и чарошники; каждый изъ нихъ смотрѣлъ за своевременнымъ подаваніемъ кушанья и напитокъ; но сверхъ ихъ назначались еще къ столу особые чиновники, которые должны были *встолы смотрѣть и встолы всказывать*. Они подавали за столами ковши или чаши, кому Государь приказывалъ. Поднося знатному боярину ковшъ съ виномъ, именовали его съ прибавленіемъ *ста*, или *су*, напримѣръ, если имя его Василій. — *Василій-ста! Великій Государь жалуетъ тебя чашею.* Тотъ, принявъ ее, выпивалъ стоя и кланялся, а подносившій докладывалъ Царю: *Василій-ста выпилъ чашу, челомъ бьетъ.* Менѣе знатныхъ именовали: *Василій-су*, остальныхъ безъ всякаго прибавочнаго окончанія, просто Василій (**).

(*) Несторъ пишетъ, что гости Владиміра I, бывъ однажды разгорячены медомъ (996 г.), возроптали на него, что имъ давали деревянныя ложки, говоря: «зло есть нашимъ головамъ, ясти деревянными лжицами». Услышавъ объ этомъ Владиміръ, повелѣлъ сдѣлать для нихъ серебрянныя, сказавъ благоразумно: серебромъ и златомъ не добудешь дружины, но съ нею добуду много серебра и золота.

(**) Margeret: Estat de l'empire de Russie, л. 81. 32. изд. Париж. 1607 г.; Флечеръ: Common Wealth. пом. въ

Иностранцы съ изумленіемъ отзывались о пышности Царскаго стола: гости пили и ѣли изъ золоыхъ сосудовъ; слуги, во время обѣдовъ, три раза перемѣняли свое платье, и обѣдъ продолжался до ночи. Обѣды Іоанна IV продолжались по шести часовъ; отъ 600 до 700 гостей пресыщалось нетолько изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды въ кремлевскихъ палатахъ обѣдало 2,000 нагайскихъ воиновъ (*). Борисъ Годуновъ давалъ пиры въ Серпуховѣ, въ продолженіи шести недѣль, и каждый разъ угощалъ подъ шатрами по 10,000 человѣкъ.—Кушанье подавали на серебряной посудѣ (**). — Разставаясь съ войскомъ, онъ далъ роскошный

Гакл.; Olearii: Oft begehrte Beſchr. der Neuen Orientaliſchen Reiſe изд. 1647 г., с. 162; Korb: Diar. in Moscov. ed. Vien. in f. c. 190. Dum mensa Tzaram paratur, nulla tubarum officia aulios vocant ad ministeria, verum unus illorum stentoria voce clamat: Gosudar! cuschinum; Gosudar, cuschinum: т. е. Государь! къ кушанью — Корбъ вѣрно хотѣлъ сказать: Государь! кушанье подано — Именованіе сокращеннымъ именемъ отца, было общее у Грековъ древнихъ. Самъ Гомеръ это употребляетъ. Напр. *Что ты меня Пріамидъ? — Встрѣтясь съ Пелидомъ, славный Эней Анхизидъ и Пелидъ Ахиллесъ благородный* — Гнѣд. Ил. Гомер. п. XX. ст. 87, 99, 160 и т. д.

(*) Navigat. пом. въ Гакл. с. 349 и 352.

(**) Marger. Estat de l'empire de Russie, etc. — Всѣ иностранные писатели этого времени, съ любопытствомъ вели счетъ гостямъ и самой посудѣ.

обѣдъ въ полѣ 500,000 гостямъ, пировавшимъ на лугахъ р. Оки. Яства, медъ и вино, развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками (*). Иностранецъ Варбочъ, посолъ императора германскаго (**), не могъ исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой въ комнатѣ, смежной съ столовою. — При немъ подавали на столъ около ста различныхъ блюдъ.

За торжественными Царскими обѣдами служили по 200 и 300 жильцевъ, въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на груди и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Государь садился на возвышенномъ мѣстѣ; слуги низко кланялись ему, и потомъ, по два въ рядъ, отправлялись за кушаньемъ. — Между тѣмъ подавали водку; на столахъ тогда ничего не ставилось, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; тарелокъ и салфетокъ не знали. — За однимъ разомъ приносили сто блюдъ и болѣе, отвѣданныя поваромъ при стольникѣ; послѣ отвѣдывались крайчимъ, въ глазахъ Царя. — Потомъ Царь посылалъ гостямъ ломти хлѣба, яства, вина, медъ и въ концѣ стола раздавалъ самъ сушенныя венгерскія сливы. Всякій гость

(*) Кар. И. Г. Р. т. XI. с. 18, изд. 1824 г.

(**) Beschr. der Rais in die Muscow so H. Warbotsch gethan, пом. въ собр. Вихм. ч. I. с. 165.

отпускался домой съ блюдомъ мяса или пироговъ (*). — Понынѣ соблюдается обыкновеніе, что хозяйка, при отпусканіи гостей отъ обѣда или ужина, навязываетъ имъ узелки съ разными лакомствами: пряниками, орѣхами, сушеными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею было бы для нее обидою, если бы не приняли. Хлѣбъ—соль, даръ Божій, говорятъ Русскіе.— Не принять хлѣба,—значитъ прогнѣвить Бога.

За столомъ Царя Ѳеодора, были уже дорогія вина и мальвазія; обѣды его продолжалися до полуночи (**).

Богатство серебра, золота и драгоцѣнностей.

Иностранные послы всегда говорили съ удивленіемъ, о богатствѣ серебряной и золотой посуды. *Бурхардъ*, посланникъ импер. нѣмецкаго Генриха IV., увидѣвъ блескъ двора, сказалъ: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатыхъ одеждъ. — А другой посолъ императора, *Ламбертъ*, не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя кучи золота и серебра (***), и пишетъ,

(*) Флечеръ: Com. Wealth., пом. въ собр. Гакл., Margeret: Estat de l'empire de Russie.

(**) Beschr. der Rais in die Muscow, so H. Warbotsch gethan, 1593 г. Ч. I. с. 159. въ собр. Вихм. Das Getranck welches der Großfürst zu dieſem Pamkhet ſchikhet, war Mancherley als Meth, Malvaſier ündt Wein, ündt wehrete diß Pamkhet biß in die Mitternacht.

(***) Lambert. von Aschaffenburg: De reb. gest. germanor., пом. у Писторія Т. I. с. 301., изд. Ratisb. 1726 г.—Бухардъ

что столы, покрытые блестящею серебряной посудою, гнулись отъ ея тяжести.—Герберштейнъ говоритъ, что на посудномъ столѣ лежали одни серебряные и золотые сосуды, (*) и разсказываетъ за рѣдкость, что первое блюдо состояло изъ жаренаго лебедя; что послѣ обѣда подавали разные прохладительные напитки и заѣдки: сахарные, анисовые и изъ корицы.—Франциск да Колло пишетъ, что денегъ, серебра и золота столько у В. К. Василія, что онъ есть богатѣйшій и могущественнѣйшій изъ европейскихъ владѣтелей; что онъ, сверхъ богатства, хранящагося въ казначействѣ, собираетъ ежегодно огромное количество золота и дорогихъ мѣховъ, съ разныхъ мѣстъ своего царства; что Великій Князь щедро одарилъ самаго Франциска да Колло, серебренно-позолоченными сосудами и другими вещами (**).—Другіе видѣли въ кремлевскихъ палатахъ: горы жемчугу, золота и серебра (***). Маржеретъ видѣлъ въ кладовой литыя серебряныя бочки, огромные серебряные тазы,

---

и Ламбертъ были въ Россіи, въ великокняженіе Изяслава I., въ 1075 г.—Контарини: Voyage de Perse en 1473 г.,—пом. у Бержерона.

(*) Rer. Moscov. com. ed Antverp.

(**) Franc. da Collo: Trattam di pace, и пр., на обор. л. 51 и л. 52.

(***) Navig., пом. у Гакл. с. 349 и 354.

коихъ поднимали за ручки четыре человѣка. Онъ видѣлъ еще три или четыре вазы, съ большими серебряными чашами, назначенными для черпанія *меду*, которыя (т: е: вазы) были столь великія, что надобно было употребить 300 челов., чтобы наполнить какимъ бы то ни было напиткомъ. Все это дѣлано руками Русскихъ, и все изъ серебра. (*) Польской посолъ, кн. Гедроцкій, и патріархъ Іеремія, приходили въ изумленіе отъ великаго множества серебра и золота. (**)— Принятіе датскаго принца Іоанна, жениха Ксеніи, дочери Бориса Годунова, ослѣпило блескомъ и пышностію глаза иностранцевъ.—Столы трещали отъ тяжести золота и серебра. Посрединѣ столовой находился четвероугольный столъ, искусно украшеный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многія вещи были изъ чистаго золота. Кресло царское было изъ одного золота, столъ серебряный съ позолоченными ножками, который былъ покрытъ вязаной изъ золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра, съ боевыми часами. Посолъ Лжедимитрія, Афанасій Власьевъ, поднесъ въ подарокъ Маріи Мнишекъ, отъ имени ея жениха: рубиновое перо, гіацинтовую чашу, золотый корабль, осы-

(*) Marger. Estat de l'emp. de Russ. изд. Пар. 1607 г. л. 20.

(**) Richter: Gesch. der Medic. in Russl. Ч. I. с. 72.

панный драгоцѣнными каменьями; золотого быка, павлина и пеликана; часы съ флейтами и трубами, три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархату, парчи, штофу и атласа. Сверхъ того, многія подарки ея отцу и родственникамъ, всего на 200,000 червонцевъ. Иностранцы, описывая блескъ лжедимитріева двора, съ изумленіемъ говорятъ о его престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистьями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ, и покрытомъ накрестъ четырьмя богатыми щитами; надъ нимъ блестали: золотой шаръ и золотой орелъ. Самозванецъ имѣлъ колесницы и сани, окованныя серебромъ, обитыя бархатомъ и соболями; на его коняхъ: узды, сѣдла и стремена, сіяли золотомъ, изумрудами и яхонтами. Онъ заказывалъ безпрестанно драгоцѣнныя вещи и въ три мѣсяца издержалъ, на одну пышность суетную, болѣе 7 мил. руб. сер.—Народъ роптalъ, потому что онъ не любилъ расточительности государей, страшась новыхъ налоговъ.—Корбъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVII в., не могъ исчислить богатства царскихъ палатъ. (*)

(*) Petr. Hist. und Bericht von dem Großfürst. Muskow. c. 281; Гравенбрухъ с. 32, Пясецкій с. 223, Кар. И. Г. Р. Т. XI с. 242.—243. Корбъ: Diar. itiner. in Mosc. c. 188.

Герберштейнъ пишетъ, что въ Калугѣ весьма искусно дѣлали деревянные стаканы и другія домашнія вещи, для домашняго употребленія, и онѣ продавались въ Литвѣ и другихъ мѣстахъ. (*)

Сосуды, чаши и кубки, дѣлались продолговатыми, круглыми, однимъ словомъ, кому какъ хотѣлось. Въ X в. пивали изъ позолоченныхъ роговъ (**), и это продолжалось до пол. XVIII в.—Псковскіе посадники, встрѣчая (въ 1473 г.) невѣсту В. К. Іоанна III., Софію, пили за ее здоровье изъ *злащенныхъ* роговъ (***). Ханъ крымскій Менглигирей, другъ В. К. Василія, просилъ его письменно, чтобы онъ прислалъ ему въ подарокъ, между прочими вещами, *серебряную чару въ два ведра*. В. К. Іоаннъ III. прислалъ ему прежде серебряную чару съ серебрянымъ черпаломъ, но ее взялъ у него шахъ Зада, почему онъ хотѣлъ имѣть другую, за что, писалъ онъ къ Великому Князю: «я бы всегда изъ нее пилъ, а тебя, брата своего, поминалъ.»

Столовая посуда знатныхъ особъ, въ средніе вѣки, была большею частію серебряная и золотая. Серебряные ковши, обложенные жем-

(*) Herb. Rer. Moscov. com. c. 68.

(**) Русск. правда с. 31. 34.

(***) Псков. лѣтоп., подъ 1473. годомъ.

чугомъ, вѣсили по три фунта и болѣе; серебряные золоченые кубки, бывали въ 14 фунтовъ; чары серебряныя и золотыя часто по 12 ф.; мисы, кружки серебряные и позолоченые, кубки изъ строфокамиловыхъ яицъ, по нѣсколько фунтовъ. Были чарки сердоликовыя, обложенныя серебромъ; рога буйловые и воловые, оправленные въ золото и серебро; дѣлали сосуды изъ одного серебра на подобіе роговъ, отъ чего такіе сосуды часто именовали рогами, за одно съ простыми, оправленными только въ золото или серебро (*). — Арсеній, бывшій съ патріарх. Іереміею въ Москвѣ (1590 г.), удивляясь богатству и разнообразію сосудовъ, говоритъ: «я былъ пораженъ неисчислимымъ сокровищемъ; необыкновенною пышностію первостепенныхъ сановниковъ, облитыхъ въ золото. Я видѣлъ серебряные сосуды съ золотыми коронами, наполняемые критскимъ виномъ. Изъ многихъ золотыхъ чашъ, была одна, которую едва 12 человѣкъ въ состояніи были несть. — Чаши изображали львовъ, медвѣдей, волковъ, быковъ, лошадей, зайцевъ и оленей; были единороги, отлитые съ огромными рогами, и разныя четвероногія животныя; птенцы и павлины золо-

(*) Кн. Щерб. Рос. ист. т. IV. ч. II с. 102. 103. 149. 151.; Усп. Оп. пов. о др. руск. ч. 1. с. 381.

тые и золоченые; журавли, аисты, утки, гуси, пеликаны, строусы большіе и малые, фазаны, голуби, куропатки, горлицы, и все это или изъ золота или изъ серебра. Но всего искуснѣе и естественнѣе изображенъ былъ охотникъ съ силкомъ, который, закидывая свою сѣть на добычу, радовался впередъ своему успѣху. — Сверхъ исчисленныхъ мною чашъ и покаловъ, такое было множество другой посуды, что я не въ силахъ поименовать ее» (*).

Многіе изъ владѣтельныхъ князей, отказывая своимъ наслѣдникамъ имущество, именуютъ разные сосуды столовые, которые въ то время были весьма дорогіе. В. К. Іоаннъ Даниловичь, отправляясь въ Орду, раздѣлилъ свои дорогія вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну Симеону отдалъ четыре золотыя цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и три блюда серебромъ и два ковша; Ивану четыре золотыя цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и каменьями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши и три блюда серебромъ; Андрею четыре золотыя цѣпи, поясъ фряжскій, другой жемчужный съ крюкомъ (съ за-

(*) Arsenii. Descript. itineris in Moscoviam habiti a Ieremia II, patriarcha Constantinopolitano, c. 85—86., пом. у Вихман. Sammlung Schriften des Russischen Reichs, ed. Berl. 1820 г.

стежкою) на красномъ шелку, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки и три блюда серебромъ. Дочерѣ Фетиньѣ: 14 колецъ, новый *складень* (ожерелье), *чело* (головное украшеніе) и гривну. Большое серебряное блюдо, о четырехъ кольцахъ, въ храмъ владимірскія Богоматери (*) Внукъ его В. К. Іоаннъ II., завѣщалъ (въ 1359 г. ноябр. 13) дѣтямъ своимъ, — кн. Димитрію: золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, золотую саблю и шишакъ; кн. Іоанну: саблю и шишакъ, жемчужную серьгу и стаканъ цареградскій, а двумъ будущимъ зятямъ, по золотой цѣпи и поясу. (**) Когда В. К. Іоаннъ III гостилъ въ Новгородѣ (1467 г.), тогда его дарили шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбьими зубами, иностранными винами и драгоцѣнными сосудами. Владыка Ѳеофилъ подарилъ ему золотой ковшъ съ жемчугомъ, два рога окованные серебромъ, серебряную мису; Вас. Казимеръ золотой ковшъ; Яковъ Коробъ рыбій зубъ; знатная вдова Анастасія Ивановна, два рыбьихъ зуба и пр. По приведеніи Великаго Новгорода *во всю волю* Іоанна (1478 г.), ему поднесъ въ даръ на Па-

(*) Собр. госуд. грам. и дог., т. I с. 31., писано въ 1328 или 1331 г.

(**) Собран. госуд. грам. и дог. ч. I. с. 41.

озерьѣ, одинъ архіепископъ Θеофилъ: панагію, обложенную золотомъ и жемчугомъ (Князья и Цари носили ихъ на груди, на золотой цѣпѣ); строфокамилово яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка; сердоликовую чарку, кристальную бочку, серебряныя мисы, цѣпи, чары, два ковша золотые и поясъ серебряный, вѣсомъ въ 31 ф. — Если вѣрить сказанію современнаго польскаго историка Длугоша, то Іоаннъ нагрузилъ тогда 300 возовъ: серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. (*) Кн. Іоаннъ Борисовичь волоцкой, исчисляетъ въ завѣщаніи (1504 г.) 29 серебряныхъ блюдъ, 5 мисъ, 1 уксусницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малыя гладкія, чарку серебрянную, 11 ложекъ, 7 ковшовъ, 7 чарокъ гладкихъ, одну чарку съ полкою, 2 чарки большихъ, 4 чарки малыхъ, три кубка, 1 рогъ, 3 стакана, ковшъ большой, сковороду серебряную съ вѣнцемъ, серебряникъ, и посуду каменную.

При домашнихъ столахъ бояръ и дворянства, подавали яства и напитки въ простой посудѣ.—Принцъ Бухау пишетъ (**) (въ пол. XVI в.),

(*) Dlug. Hist. Polon. кн. XIII. с. 588.

(**) Daniel. Printz. von Buchau: de Moscoviæ ortu et progressu и пр.

что въ его время по большей части кушали и пили изъ деревянной посуды, коей края бывали позолочены, и она дѣлалась монахами. — Оловянныя блюда и тарелки, составляли рѣдкость; но каждый бояринъ непремѣнно имѣлъ серебрянной кубокъ, который подавался гостямъ для питья за здоровье.—Вилки были въ рѣдкости.

Тотъ же Бухау, обѣдая у Царя Іоанна IV., говоритъ, что онъ Бухау не имѣлъ ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, заимствуя отъ сидѣвшаго подлѣ него боярина. Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ нач. XVII. в., (*) пишетъ, что у богатыхъ людей рѣдко встрѣчалась оловянная посуда, и что за рѣдкость считалось, если серебряная появлялась у бояръ. — Маербергъ, бывшій въ Москвѣ въ пол. XVII. в., говоритъ, что у многихъ богачей: оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки, подавались однимъ знатнымъ или почетнымъ гостямъ.

Званые обѣды.

Чтобы показать болѣе отличій въ царскихъ милостяхъ и польстить суетности вельможей, Борисъ Годуновъ первый ввелъ званые обѣды, въ царствованіе еще Ѳеодора, который приглашалъ думныхъ сановниковъ и угощалъ ихъ въ своихъ чертогахъ, обнаруживая предъ ни-

(*) Олеар. см. его Voyage. с. 127.

ми всю гостепріимность обыкновеннаго хозяина. (*)

Хлѣбосольство, извѣстное однимъ нашимъ Русскимъ, отличалось болѣе всего въ частныхъ домахъ, гдѣ вольность въ обхожденіи, соединенная съ равенствомъ, ничьего не обижала честолюбія. Хозяинъ съ радостію принималъ гостя, не скупился предъ нимъ, ставилъ все на столъ, что имѣлъ: яства, медъ и водку, чтобы не прослыть негостепріимнымъ. Отъ этаго произошла, донынѣ употребляемая поговорка: все на столъ мечи, что есть въ печи.— Самымъ величайшимъ упрекомъ было еще, кто скажетъ: *ты забылъ мой хлѣбъ-соль.* (**)

Мясныя яства приготовляли весьма просто, — варили въ одномъ горшкѣ нѣсколько различныхъ мясъ.—Кромѣ соли, перцу и уксусу, находились на столѣ соленые огурцы, сливы и кислое молоко. Все это употребляли съ соусомъ и жаркимъ, которое приправлялось довольно много лукомъ и чеснокомъ. (***)

(*) Кар. И. Г. Р. ч. 10 с. 72.

(**) Marger. Estat de l'emp. de Russie, на об. с. 16, изд. Пар. 1607 г.

(***) Reutenfels: De reb. Moscovit.—Caeteres cibos sine ullo alio, praeterquam salis condimento valde simplices apponunt et vulgo escas etiam diversas in eadem olla elixunt,—c. 108. Herb. Rer. Mosc. com. Lac praeterea accidum in eundem

Музыка и звонъ во время обѣда.

Пышное угощеніе, какое оказывали иностранцамъ, было иногда сопровождаемо музыкою. Контарени пишетъ, что по дорогѣ къ Москвѣ, онъ былъ великолѣпно принятъ намѣстникомъ *Помартиномъ* и имъ угощаемъ; что во все время обѣда, играла музыка,—это происходило въ кон. XV. в. (*) Варбочъ, обѣдавшій у Царя Ѳеодора, говоритъ, что во все обѣденное время, звонили въ дворцовые колокола, коихъ звукъ раздавался по всѣмъ комнатамъ. По отъѣздѣ его изъ дворца, въ десять часовъ вечера, онъ проѣзжалъ сквозь ряды стрѣльцевъ, стоявшихъ съ ружьемъ въ рукахъ; 6 конныхъ москвичей освѣщали ему дорогу фонарями а 16. факелами, къ самому его дому. (**)

Столы въ XVII. в.

Бояры и богатые (XVII. в.), обѣдая у себя дома безъ гостей, имѣли столъ простой, но сытной; кушанье дѣлалось безъ приправъ, т. е. безъ ягодъ, сахару, перцу, инбиря; были малосольныя и не вкусныя. Для гостей приготовляли, какъ можно по болѣе различныхъ ку-

---

usam appositum, item cucumeres salsi, hæc pruna eadem ratione condita, prandii tempore a mense non removentur. Послѣдующіе иностранные писатели, говоря о кушаньѣ, подтверждаютъ тоже самое. —

(*) Beſchreib. der Rais in die Moſkow ſo H. Warbotſch gethan., ч. 1 с. 155, 183—185.; пом. въ собр. Вихмана.

(**) Контарени: Voyage de Perse en 1473 г., пом. въ собр. Бержерона.

шаньевъ, отъ 50 до 100 блюдъ. Ставили на столъ по одному блюду, прочія же держали слуги; гдѣ было мало соли, уксусу и перцу, тамъ прибавляли сами гости. (*) Борисъ Годуновъ, по прибытіи шведскаго принца Магнуса, жениха Ксеніи, посылалъ ему во дворецъ отъ 100 до 200 разныхъ кушаньевъ, на однихъ золотыхъ блюдахъ и золотыхъ сосудахъ, съ толстыми золотыми крышками. Во время угощеній, подавали на столъ не менѣе 200 кушаньевъ, и все на золотыхъ подносахъ. (**) При дворѣ, когда угощали посланниковъ, подавали отъ 150 до 200 блюдъ.

Для оказанія большей чести гр. Карлилю, англійскому послу, ему отослали послѣ обѣда отъ царскаго стола, одного мяснаго кушанья сто блюдъ, которыя несли въ торжественномъ порядкѣ, по большей улицѣ, съ великимъ множествомъ меду, вина и водки. Предъ посломъ стояло для пышности, на царскомъ столѣ, 12. серебряныхъ позолоченныхъ тарелокъ;—предъ окончаніемъ обѣда, пили по списку за здоровье особъ, которыя именовалъ крайчій. За другимъ обѣдомъ, даннымъ для Карлиля, который начался съ двухъ часовъ по полудни и кон-

(*) Коших. о Росс. въ царств. Алекс. Мих. гл. XIII с. 118.

(**) Petrejus: Hiſt. und Bericht von dem Großfürſtenthumb. Muſchkow, с. 278—282., изд. Лейпц. 1620 г.

чился въ десять вечера, подавали не менѣе 500 блюдъ. Первымъ кушаньемъ были: икра съ салатомъ, потомъ очень хорошіе сладкіе супы, разнообразная вареная и жареная рыба; мяснаго не подавали, потому что тогда былъ постный день. Изъ напитковъ подавали: пиво, медъ бѣлый и красный, вина испанскія, греческія и водку. За столомъ не было салфетокъ; скатерть едва прикрывала столъ. (*) Царская столовая была освѣщена. Не забывали пить за здоровьѣ, а пили преимущественно изъ покала зо-

(*) Скатерти давно были у насъ въ употребленіи, гораздо прежде XVI. в. — По возвращеніи изъ ссылки первостепеннаго боярина, знаменитаго кн. Михаила Воротынскаго (въ 1565 г.), онъ просилъ у Царя Іоанна грознаго, чтобы, между прочими вещами, необходимыми для домашняго его употребленія, какъ то: бѣлье, посуду и одежду, которыя отобрали у него при заточеніи, повелѣлъ бы снабдить его *скатертями*.—Кар. И. Г. Р. т. IX. прим. 145. Бергъ: Жизн. Цар. Алексѣя Михайловича, ошибочно говоритъ, что скатерти появились въ 1665 г. – Maerberg: Voyage en Mosesvie, с. 60 и 61 изд. Лейд. 1688, бывшій въ Москвѣ 1661 и 1662 г. подтверждаетъ, что одна скатерть покрывала столъ. — Маерберъ говоритъ еще, что тарелки, салфетки, ножи и вилки, подавали только знатнымъ особамъ; что посуда была нечистая и первое кушанье составляло отвареную говядину, потомъ холодное, приправленное уксусомъ, сыромъ и лукомъ; потомъ супы, жаркія и соусы. Уксусница, перечница, солонка, стояли на столѣ; за столомъ болѣе употребляли крѣпкіе напитки, нежели вино и пиво.— Салфетки вывезены Петромъ I изъ Голландіи, въ 1718 г. см. Круга описаніе монетъ.— Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ давно были намъ извѣстны; но Петръ I. могъ вывесть лучшей работы.

лотого, который былъ нарочно сдѣланъ въ честь короля Карла I, казненнаго на эшафотѣ, по настоянію Кромвеля, съ этой вокругъ надписью: «въ память преподобнаго мученика Карла I, претерпѣвшаго великія печали на семъ свѣтѣ. Я не сомнѣваюсь, что онъ наслаждается въ томъ мірѣ блаженствомъ.» Спустя нѣсколько времени, принесли три небольшія дерева, унизанныя съ позолоченными на концѣ пирожками (пряниками). Одно дерево было для посла, а третье для бояръ. Пирожки срывали и кушали, вмѣсто дессерта, которой заключился виномъ, поданымъ собственноручно Царемъ.

Между ружьями, пистолетами, сосудами и многими другими вещами, какія Карлилъ получилъ отъ нашего двора для врученія королю Карлу II, была серебрянная вызолоченная чаша, которую несли два человѣка (*). При угощеніи цесарскихъ пословъ: Меерна и Кальвучи, Царь Алексѣй цѣловалъ ихъ въ уста, и послѣ лобзанія мылъ ротъ и руки; за столомъ Царь сидѣлъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ, въ углу (**).

(*) Match: A relat. oft hree embassies of Carlisle, c. 291—294.—Miege: La relat. de trois embas. de com. de Carlisle, c. 102—111, изд. Amst. 1772 г.

(**) Relat legation. in Moscoviam, an. 1661 — 1663, de Aug. Meyern et Guil. Calvucei, ч. I. c. 223 228—229 и 231, пом. въ собр. Вихм.

Пряники употреблялись изстари, и какъ нѣкоторые думаютъ, что они были извѣстны еще до принятія христіянской вѣры, между сѣверными Славянами, при ихъ жертвоприношеніяхъ. Жрецы приносили богу Святовиду огромной величины хлѣбъ, замѣшаной на меду и печеный, какъ нынѣшніе пряники. На немъ вѣроятно дѣлали изображенія тѣхъ животныхъ, которыя они, можетъ быть, представляли при жертвоприношеніяхъ (*).

О способѣ приготовленія кушанья въ старину, можетъ послужить примѣромъ то кушанье, которое было заготовлено во время бракосочетанія Царя Алексѣя съ Наталіей. Государю подавали въ сѣнникъ квасъ, въ серебряной лощатой братинѣ, лебединой *папорокъ* съ шафраннымъ взваромъ, *рябъ окрошиванъ подъ лимоны*, и гусиной потрохъ. Государынѣ подавали, изъ жаркихъ: гусь, поросенка, курицу

(*) Усп. Оп. пов. о Русск. древ. ч. I. с. 72 и 73. Нынѣшніе пряники такъ же носятъ разныя изображенія животныхъ, и съ надписью: вяземскій пряникъ, который своимъ вкусомъ, превосходитъ многія чужеземныя сладости. Нужно покупать его на мѣстѣ, въ Вязьмѣ, и тамъ отличнѣйшихъ пряниковъ фунтъ, въ коемъ не бываетъ болѣе четырехъ, продается по полтора рубля серебромъ. *Ковришки* и московскіе пряники, такъ же хороши; но послѣдніе далеко уступаютъ превосходству петербургскихъ ковришекъ: душистыхъ и сахарныхъ, однако и петербургскія не могутъ поспорить съ вяземскими.

въ *кальѣ* съ лимономъ; курицу въ лапшѣ и курицу во щахъ *богатыхъ*. Изъ хлѣбнаго, Государю и Государынѣ: перепечъ крупичатую *въ три лопатки недомѣрокъ*, *четь* сытняго хлѣба, *курникъ* осыпанный яйцами, пирогъ съ бараниною, блюдо пироговъ съ яйцами, блюдо блиновъ *тонкихъ*, блюдо сырниковъ, блюдо карасей съ бараниной; пирогъ росольный, блюдо подовыхъ пироговъ, коровай на яйцахъ, куличъ недомѣрокъ и блюдо *жаренныхъ* пироговъ (*).

Въ старину постныя яства употреблялись съ разрѣшенія, или благословенія духовныхъ лицъ. Вотъ примѣръ, который не есть общій; однако онъ можетъ знакомить насъ съ старинымъ обыкновеніемъ. Патріархъ подносилъ Государю Алексѣю (1671 г.) изъ своего домаваго кушанья, въ постные дни, въ трехъ статьяхъ: 1. щуку, лещъ и стерлядь паровыя, и спину бѣлой рыбицы 2. Оладью *тельную* изъ рыбы, щучью уху, пирогъ изъ рыбы и коровай, осыпанный рыбою. 3. Щучью голову, нѣсколько осетровъ свѣжихъ, тешку бѣлужью, ренское, романею и бастръ. Въ середу первыя недѣли великаго поста, готовили для патріарха (1667 г.): *четь хлѣбца*, папошникъ сладкій, взваръ

(*) Новик. Древ. рос. вивл. ч. XIII. с. 210.

съ рысомъ, ягодами, перцемъ и шафраномъ; хрѣнъ *грѣночки*, капусту *топаную холодную*, горошекъ *зобанецъ* холодный, кисель клюквенный съ медомъ, кашку тертую съ маковымъ сочкомъ, кубокъ романеи, кубокъ мальвазіи, хлѣбецъ крупичатый, полосу арбузную, горшечекъ патоки съ инбиремъ, горшечекъ мазули съ инбиремъ и три шишки ядеръ (*).

Закуски или десертъ.

Какого рода закуски или десертъ подавались въ кругу бояръ и дворянъ, мы никакихъ не имѣемъ о томъ свѣдѣній; но закуски давно были извѣстны: ихъ приготовляли на прянностяхъ съ разными плодами, на меду и сахару, и въ XVII в. уже назывались конфетами. Какъ назывались прежде?—Неизвѣстно (**). По случаю рожденія Петра I, подавали на столъ, послѣ обѣда: коврижку сахарную на коринѣ; сахарную голову, росписанную цвѣтами, вѣсомъ 2 пуда 20 ф.; большой сахарный орелъ, литый бѣлый, а другой сахарный большой красный, съ державою, вѣсомъ 1½ пуда; лебедь

(*) Нов. Древ. рос. вивл. ч. VI. с. 301. 320 и 321.; Успен. Оп. пов. древ. русск. с. 68. 69. — Тешка не есть собственно кушанье, но названіе брюшной полости всякой большой рыбы: бѣлуги, осетра, севрюги и пр. Ее готовятъ свѣжею и соленою въ супахъ, соусахъ и студени; приготовленную такимъ образомъ тешку, подаютъ къ столу.

(**) Olear. Offt begehrt. Beſchreib. der Neuen Oriental. Reiſe. с. 249. 251. изд. 1647 г.

сахарную литую, въ 2 пуда; утку сахарную литую, полпуда; попугая сахарнаго литаго, 10 ф.; голуба сахарнаго литаго, 8 ф.; сахарный кремль съ пѣшими и конными воинами и башнями, изъ коихъ надъ большей и средней парили орлы; городъ былъ представленъ четвероугольнымъ, и окруженъ пушками; двѣ большія трубы изъ сахару, на корицѣ: одна красная а другая бѣлая, по 15 ф.; два большихъ сахарныхъ марципана: одинъ на пяти кругахъ, а другой леденцовый; двѣ спицы леденцовыя: бѣлая и красная, вѣсомъ каждая по 12 ф., 40 блюдъ сахарныхъ узорьевъ съ изображеніемъ людей пѣшихъ и конныхъ, и другихъ животныхъ, по полуфунту на блюдѣ; 30 блюдъ леденцовъ на разныхъ плодахъ, вѣсомъ по фунту безъ четверти на блюдѣ; 10 блюдъ зеренчатаго сахару съ пряностями, по фунту на блюдѣ; смоквы полъ ящика, цукату, лимоновъ, яблокъ мушкатныхъ и померанцовыхъ, шапталы, инбирю въ патокѣ, арбузы, дыни и другіе плоды, — всего было на столѣ 120 блюдъ.

Закуски, какія нынѣ подаютъ за нѣсколько часовъ до обѣда, стали входить въ употребленіе въ XVIII в.

Давность сахара.

Сахаръ давно вывозили къ намъ иноземные купцы, и его употребляли у насъ при поминовені-

яхъ, еще до XI вѣка (*). Но въ томъ видѣ, какъ нынѣ сдѣлался онъ повсюднымъ, не прежде

(*) О сахарѣ говорится въ вопрошеніи Кирика къ епископу новгор. Нифонту. Эти вопрошенія помѣщ. такъ же у Герб. Rerum Moscov. com. — Монахъ Кирикъ жилъ въ XI вѣкѣ.

Древніе писатели греческіе и римскіе, ни слова не говорятъ о сахарѣ. Теофрастъ, умершій за три столѣтія до Р. Х., упоминаетъ о немъ слегка. Плиній и Діоскоридъ, жившіе въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х., говорятъ объ одномъ леденцѣ. По словамъ Павла Эглинскаго, сахаръ еще въ VII вѣкѣ, мало былъ употребляемъ. — Отечество сахарнаго тростника, восточная Азія: онъ ростетъ въ южномъ Китаѣ, на островѣ индейскаго архипелага и въ королевствахъ сіамскомъ и кохинхинскомъ. Оттуда, кажется, перешелъ въ Индостанъ, потомъ въ Аравію, а наконецъ къ азіятскимъ и африканскимъ берегамъ средиземнаго моря: въ Эфіопію, Нубію и пр. До перенесенія этаго растѣнія, сахаръ, долженъ быть, отправлялся сначала изъ Китая въ индѣйскія пристани, оттуда въ персидской заливъ или чермное море, посредствомъ корабановъ, до береговъ средиземнаго моря. По этому чрезмѣрно трудному и продолжительному пути, сахаръ составлялъ предметъ рѣдкости и любопытства. Аравитяне, завладѣвъ въ теченіи IX ст.: Родосомъ, Кипромъ, Кандіею и Сицилією, перенесли туда сахарный тростникъ. Около XII ст. венеціанскіе торговцы закупали сахаръ въ Сициліи. Крестовые походы, породившіе дѣятельную торговлю Венеціянъ и другихъ италіянскихъ городовъ, распространили вкусъ и требованіе на сахаръ, по всей западной Европѣ. Въ нач. XV с. Испанцы и Португальцы привезли ростки сахарнаго тростника, на острова канарскіе и островъ Мадеру. Полагаютъ, что сахарный тростникъ отсюда перешелъ въ новый свѣтъ, не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ историковъ, будтобы онъ самъ по себѣ росъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки. Мадерскій сахаръ пользовался своей извѣстностію. Къ концу XV в. Венеціяне придумали

ознакомленія нашего съ кофеемъ и чаемъ. — Мы знаемъ, что и до этого времени приго-

---

способъ вывариванія и очищенія сахару, который, въ наше время, доведенъ до усовершенствованія. — Маленькій островъ св. Ѳомы, подъ экваторомъ, принадлежащій Португаліи, имѣлъ въ нач. XVI в. много сахарныхъ заводовъ (около 1520 г.). Сахарный тростникъ, привезенный въ тоже время въ Гаити, Испанцами, сдѣлалъ тамъ быстрые успѣхи. Благопріятствуемый климатомъ и почвою, онъ давалъ втрое и четверо болѣе, нежели въ самой Испаніи, и 28 прессовъ были заняты подъ сахаръ. Воздѣлываніе сахарнаго тростника, распространившееся по Америкѣ, сдѣлалось особенно важнымъ въ Бразиліи. Здѣсь-то Португальцы удержали за собою монополію снабженія Европы сахаромъ, въ концѣ XVI. и нач. XVII в., и этому самому Лисабонъ обязанъ былъ своимъ богатствомъ, какъ нынѣ Англія индѣйской торговлѣ. Англичане, завладѣвъ Ямайкою въ 1606 г., однимъ изъ антильскихъ острововъ, нашли тамъ только три сахарныхъ завода, а черезъ 30 лѣтъ торговля этого острова заняла дѣятельность 400 кораблей, подымавшихъ до 60,000 тоннъ; но какъ вся торговля антильскихъ острововъ, переходила въ руки Голландцевъ, которые съ невѣроятной дѣятельностію поспѣвали всюду, гдѣ только можно было получить какую либо выгоду, а англійская морская сила приходила въ упадокъ, то парламентъ утвердилъ билль *навигаціоннаго акта*, въ 1651 г. декабря 1, служащій понынѣ краеугольнымъ камнемъ англійской торговлѣ. Этотъ билль, направленный противу Голландіи, открылъ войну; но протекторъ Кромвель, окончивъ непріязненныя дѣйствія, оставилъ во всей силѣ навигаціонный актъ, по коему дозволено Англичанамъ свободный ввозъ въ Англію всѣхъ товаровъ, изъ трехъ частей свѣта: Азіи, Африки и Америки и англійскихъ колоній, а произведенія европейской промышленности, могли быть доставляемы въ колоніи, только на англійскихъ корабляхъ, или на корабляхъ туземныхъ, построенныхъ самыми переселенцами. — Во Франціи, постановленіями съ нач. XVII

товляли вареныя и другія сладости на сахарѣ; что первоначально мы получали его изъ

вѣка (1634 г. нояб. 25) до пол. XVIII вѣка, были отстранены всѣ сношенія колоніяльныхъ туземцевъ отъ торговли съ другими островами, даже до того, что воспрещено было учреждать новые заводы для рафиновки сахара. По мѣрѣ того, какъ острова Мадеры и св. Ѳомы, подорвали сахарное производство въ Сициліи, Египтѣ и Аравіи; потомъ Терры-Ферры и Мексики уменьшили эту отрасль промышленности въ Андалузіи, въ это время Бразилія, находившаяся подъ португальскимъ владычествомъ, сдѣлалась центромъ сахарнаго производства, и до пол. XVII в. снабжала всѣ европейскіе рынки. Развившіяся новыя колоніи, въ началѣ XVIII в., уменьшали закупъ сахара въ Бразиліи. — За сто лѣтъ предъ симъ, обращавшійся сахаръ въ европейской торговлѣ, получался изъ Бразиліи 100,000,000 ф., съ англійскихъ острововъ 100,000,000 ф., изъ Голландіи 620,00,000 ф., изъ франнузскихъ острововъ 50,000,000 ф., и того 312,000,000 ф. — Французская революція и борьба европейскихъ народовъ до 1815 г., доставили Англичанамъ случай завладѣть тѣми сахарными колоніями, которыя не были подъ ихъ владычествомъ, и по мѣрѣ того, какъ неудачи Наполеона все ближе и ближе подвигали ко Франціи войска государствъ, державшихся континентальной системы, цѣны быстро поднялись. Но миръ 1815 г., понизилъ ихъ чрезмѣрно быстро. — Въ настоящее время производимость сахара обнимаетъ, въ географическомъ отношеніи, двѣ системы: западную и восточную. Въ первую входятъ острова и материкъ Америки, равно острова Маврицій и Бурбона, а во вторую отъ Аравіи вдоль индѣйскаго моря и тихаго океана, до западныхъ береговъ Америки. По западной системѣ доставлено сахару, съ 1833 — 1834 г. изъ англійскихъ колоній 575 мил. ф., ос. Кубы 275 мил. ф., изъ французскихъ колоній 200 мил. ф., Бразиліи 187 мил. ф., Лузіяны 150 мил. ф., голландскихъ колоній 80 мил. ф., Порторико 62 мил. ф., шведскихъ и датскихъ колоній 25 мил. ф., всего 1.554,000,000 ф.

Константинополя, потомъ чрезъ Тавриду отъ Генуэзцевъ въ XV в., послѣ изъ Германіи чрезъ Польшу и Литву, въ продолженіи XVI

По восточной системѣ: изъ Явы 100 м. ф., Бенгала 50 м. ф., Манилы 32 м. ф., Китая 25 м. ф., Конхинхины, Сіама и и острововъ индѣйскаго архипелага 7 м. ф., всего 214,000,000 ф.—Замѣчательно, что отечество сахарнаго тростника: южный Китай, королевства: сіямское и конхинхинское и острова индѣйскаго архипелага, доставили въ наименьшемъ количествѣ: этому причиною стѣснительная система торговли сихъ государствъ.—Изъ двухъ системъ: восточной и западной, получено сахару: 1,768,000,000 ф., изъ этого количества употреблено для Англіи 500 м. ф. Соединенныхъ штатовъ 250 м. ф., Франціи 158 м. ф., Россіи 75 м. ф., всего 983 м. ф., для четырехъ государствъ только, а прочіе 686 м. ф. идутъ для Голландіи, Бельгіи, Германіи, Даніи, Швеціи, Италіи, Греціи, Турціи, Египта, сѣверной Америки, Гишпаніи и Португаліи.—Колоніи французскія, возвращенныя во время ресторація къ своей метрополіи, подчинились прежнему ея управленію, существовавшему до революціи; но онѣ устремили всѣ свои усилія о воспрещеніи ввоза во Францію иностраннаго сахара. Цѣны возвысились на сахаръ, и проистекли большія злоупотребленія. Это самое повело къ открытію новаго предмета, который теперь весьма много занимаетъ, не только французскихъ земледѣльцевъ, но касается до существованія колоній, распространенія торговли и важной отрасли государственнаго дохода,—этотъ предметъ, *свекловичный сахаръ*. Это открытіе, возбуждавшее сначала столько насмѣшекъ, послѣ изслѣдованій 1828 г. распространилось подъ вліяніемъ мѣръ, принятыхъ для покровительства колоніальнаго сахара. Во Франціи возникло гоненіе на свекловичный сахаръ, который не могъ бы выдержать борьбу съ колоніальнымъ ввозомъ, если бы свекловично-сахарное производство, не стало бы развиваться въ Германіи, особенно въ чертѣ, ограничиваемой прусскимъ таможеннымъ союзомъ.—Въ 1836 г. считалось въ Пруссіи 50 заводовъ, а въ другихъ государствахъ 25 заводовъ; въ

и XVII в.; а наконецъ въ XVIII столѣтіи чрезъ петербургскій портъ, изъ всѣхъ концевъ Европы, Азіи и Африки. Выдѣлываніе сахара, на-

---

1840 г. было уже въ Пруссіи 91 заводъ а въ другихъ государствахъ 50 заводовъ, изъ коихъ добыто около 750,000 пуд. сахара. — Въ Россіи первый учредилъ свекловичный заводъ въ тульской губ., генер. Бланкенагель, въ 1800 г., но отечественная война остановила это предпріятіе; потомъ Бланкенагель умеръ, заводъ перешелъ въ руки Герарда: онъ и Мальцевъ, не переставали убѣждать своимъ примѣромъ, въ пользѣ отъ этого учрежденія. До 1824 г. уже изрѣдка говорили объ этомъ предметѣ.—Когда русскіе помѣщики: Бахметьевъ, Давыдовъ, Нейдгартъ и др., увидѣли во Франціи успѣхи свекловичной промышленности, тогда они, по возвращеніи въ свое отечество, учредили у себя свекловичные заводы.—Помѣщики стали отдавать учениковъ на заводъ Герарда и Мальцева. — Въ 1840 г. считалось уже 164 завода, а именно въ тульской губ. 28, харьковской 15, воронежской 13, калужской и орловской по 12; рязанской и курской по 11; черниговской, кіевской и пензенской по 8; тамбовской 7; нижегородской 5; симбирской, саратовской и минской по 4, подольской 3, московской и витебской по 2; въ тверской, ярославской, екатеринославской, херсонской, бессарабской и гродненской по 1. —Привозный сахаръ, бѣлый гаванскій, продавался въ Петербургѣ, въ 1840 г. въ генварѣ, 8 и 14 сер. пудъ.— Эти высокія цѣны на сахаръ, сдѣланы въ пользу свекловичнаго сахара, безъ этого покровительства онъ не могъ бы выдержать соперничества съ колоніальнымъ, по той причинѣ, что по химическому разложенію содержится въ сахарномъ тростникѣ болѣе сахарныхъ частицъ, нежели въ свеклѣ:

	въ сахарномъ тростникѣ
воды	74,8 до 69,2
сахара	14,0 — 18,0
волоконъ	8,0 — 9,0

чалось у насъ еще въ XVII в.—Мы тогда уже имѣли сахарныя фабрики, однако не запрещалось ввозить иностранный сахаръ, отъ чего наши фабрики не могли притти въ хорошее состояніе. Петръ I запретилъ указ. 1718 г. мар. 14 и 1721 г. апр. 28 ввозъ сахара, кромѣ сахарнаго песку.

Въ самое древнее время, предки наши считали сахаръ скоромнымъ кушаньемъ, потому

разныхъ органическихъ веществъ	1,8 — 2,0	
кремнезему и солей	1,8 — 1,8	
	100,0 до 110,0	

въ свеклѣ

воды	88 82	до 84,0
сахару	8 12	— 10,0
древесины		2,0
бѣлковины и азотнаго вещества		1,5
другихъ разныхъ кислотъ и веществъ		2,5
		100,0

Въ настоящее время мы извлекаемъ половину сахару, заключающагося въ свекловицѣ, и когда искуство достигнетъ того, что можно будетъ получать весь сахаръ; тогда безъ сомнѣнія разовьется эта отрасль важной промышленности. Но свекловично-сахарное производство, безъ покровительства тарифа, никогда не подорветъ колоніальный сахаръ, и мысль тѣхъ, что настанетъ время, когда Россія будетъ снабжать Европу своимъ сахаромъ, — мечта! — Журн. мин. госуд. им. за 1842 г., N 4, ст. о сахарѣ колоніальномъ и свекловично-сахарномъ производствѣ въ Россіи, с. 209 — 244.

не употребляли его въ постные дни. Набожные приверженцы постовъ, тоже самое дѣлаютъ понынѣ, думая, что сахаръ дѣлается на крови.

Порядокъ подаванія кушанья.

Въ XVII в. столы при дворѣ начинались съ жаркаго и преимущественно съ жареныхъ лебедей (*). Если же ихъ не бывало за столомъ у богатыхъ; то это считалось обидою для гостей (**). Въ XVII в. начинали обѣдъ студеньемъ изъ говяжьихъ ногъ, или икрою; потомъ подавали супъ, вареное и жаркія (***). Въ XVIII в. при дворахъ и домахъ вельможей, угощали напередъ окороками, колбасами, солеными и холодными мясными кушаньями, приготовленными на деревянномъ маслѣ, луку и чесноку; послѣ подавали теплыя похлѣбки, жаркія и другія кушанья, наконецъ закуски изъ свѣжихъ и вареныхъ въ сахарѣ плодовъ, дыни и арбузы астраханскіе.

Въ наше время почти тоже самое: за нѣсколько времени до обѣда, подаютъ закуску, состоящую изъ водки, наливокъ, настоекъ и ликеровъ; рыбы копченой, балыку, икры, масла, сыру, ветчины и пр. Обѣдъ начинаютъ супомъ

(*) Herb. Rer. Moscov. com. Printz v. Buchau c. 192 Petreus c. 562. —

(**) Petreus c. 597.

(***) Maerberg. Voyage etc.

и оканчиваютъ пирожнымъ; послѣ обѣда разносятъ кофе, а тамъ, спустя нѣсколько времени, варенья, виноградъ, конфеты, дыни, арбузы, разныя ягоды и сладкіе плоды. —

Прежнее поваренное искуство всегда не нравилось иностраннымъ посламъ, которые, изъ великаго множества присылаемыхъ имъ кушаньевъ отъ Царя, почти ни чего не могли ѣсть. Найболѣе имъ посылали рыбное, и волжская рыба была дороже дичи и мяса. Чѣмъ болѣе было рыбы и огромной еще величины, тѣмъ почетнѣе было для гостя. Одинъ иностранецъ увѣряетъ, что обѣдая за царскимъ столомъ, давали такія большія рыбы, что едва три человѣка могли поднять половину рыбы.—Искуство поваровъ превращало рыбъ въ пѣтуховъ, куръ, гусей, утокъ и пр., придавая имъ видъ этихъ животныхъ. (*)

Причиною не вкусныхъ яствъ было, по увѣренію иноземцевъ, нечистота въ приготовленіи, сильный луковый и чесноковый запахъ, горькій вкусъ отъ конопляного и коровьяго масла, на коемъ готовилось кушанье, пироги и жареная рыба. — Коровье масло приготовлялось тогда въ печахъ и не солилось, отъ чего оно получало горечъ и портилось. Неудивительно, что иностранцы не были довольны нашими яст-

(*) Tanner. Leg. in Moscov. c. 57.

вами.—Въ началѣ XVIII в. стали приготовлять хорошее коровье масло, по иностранному способу, а тогда многіе вельможи и дворяны, начали вводить чужеземныя кушанья и усвоивать ихъ. Въ половинѣ того же столѣтія, уже появились нѣмецкіе и французскіе повара, которые вытѣснили поварихъ.—Нынѣ порядочный помѣщикъ, имѣетъ прекраснаго повара.—Въ концѣ XVIII в. была даже страсть у многихъ знатныхъ вельможей, выписывать изъ Парижа пироги, хлѣбы и сладкія кушанья, которыя доставлялись въ Петербургъ въ шесть дней. Другіе нарочно ѣздили туда, чтобы попить и поѣсть всего вдоволь; теперь за этимъ не отправляются туда: искуство поваренное стоитъ у насъ на высшей степени усовершенствованія.

Разведеніе нѣкоторыхъ плодовъ и овощей.

Прежде долго не знали другихъ плодовъ, кромѣ огородныхъ: капусты, чесноку, луку, гороху, моркови, рѣпы, бураковъ и рѣдьки. Въ XV в. мы имѣли хорошія вишни, орѣхи и полевыя яблоки; сѣяли огурцы и дыни (*); коимъ, по особой пріятности и вкусу, удивлялись иностранцы. Въ XVII в. находились большіе сады съ яблоками, вишнями, сливами, смороди-

(*) Barbaro: Il viaggo dalla Tana. въ 1436. г.; Contareni: Voyage de Perse en 1473 г. с. 52. 53., пом. въ собр. Бержер.; Herb. Rer. Moscov. com. Melones autem singulari cura ac industria seminant.; Franc. da Collo: Trat. di pace, etc. л. 53.—

ной, малиной, клубникой, особенно съ поваренными растѣніями. Изъ этихъ плодовъ превосходнѣе всѣхъ были наливныя яблоки, которыя, когда созрѣвали, свѣтились на сквозь (*).—Салатъ долго не сѣяли, и видя употреблявшихъ его, говорили, что они ѣдятъ траву, какъ животныя, и уговаривали другихъ не ѣсть, чтобы они не превратились въ скотовъ. (**) Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ пол. XVII в., пишетъ, что Русскіе привыкали уже къ салату; въ концѣ XVIII в. онъ сдѣлался въ большемъ употребленіи, только въ столицѣ; еще въ нач. XIX в. многіе не могли ѣсть его, по предубѣжденію къ Нѣмцамъ. Простой народъ и многіе изъ купеческаго сословія, доселѣ не научились ѣсть его.

Въ 1660 г. ноября 11 указано разводить арбузы въ Чугуевѣ (харьковскаго уѣзда), и когда они поспѣютъ, присылать ко двору. (***)

(*) Olear. Oft. begehr. Beſchr. der Neuen Orintal. Reiſe, c. 117. изд. 1647. г.

(**) Tanner: Leg. Mosc. Dum lactueis vescerer, circumstantes admirabundi Mosci, partim indignantibus, partim explodentibus verbis, a cibo illo nos dehortati sunt, monentes ne bestiarum more advorandum gramen, converteremur.

(***) Самые лучшіе и единственнѣйшіе арбузы, — это *быковскіе*, *балыклейскіе* и *пролейскіе*, царевскаго уѣзда саратовской губ. Быковъ, Балыклей и Пролейки суть хутора, заселенные государственными крестьянами; находятся въ недальнемъ разстояніи отъ Камышина, и какъ до образованія царевскаго уѣзда (1835. г.), всѣ эти хутора находились въ

*

Въ нач. XVIII в. появились: саллери, спаржа и артишоки; послѣдніе привезены изъ Голландіи въ Петербургъ, 1715 г. — Виноградныя вина мы давно получали изъ Царьграда, но разведеніе

камышенскомъ уѣздѣ, потому эти арбузы донынѣ слывутъ камышенскими. — Въ Быковѣ, Балыклеѣ и Пролейкахъ, занимаются разведеніемъ мужики; почва здѣсь песчаная, потому самая удобная для произрастанія арбузовъ, коимъ благопріятствуетъ еще солнечный зной, съ перепадающими дождями. Арбузы бываютъ въ окружности въ 1½ арш, а вѣсомъ болѣе пуда; сѣмена маленькія и не въ большомъ количествѣ; тотъ самой лучшій арбузъ, котораго кора зелено-бѣловатая, и когда его разрѣзываютъ, тогда онъ какъ будтобы крошится, отъ чрезмѣрнаго множества сахаристыхъ веществъ; вкусъ очень сладкій, а запахъ имѣетъ душистаго ананаса. Сотня арбузовъ стоитъ на мѣстѣ отъ 35 к. до 75 к. сер., и эта цѣна есть уже самая высшая. На большемъ возѣ, запряженномъ волами, не можетъ помѣститься болѣе 150 арбузовъ. — Ихъ доставляютъ, по подряду, въ ближайшія губерніи и Москву, въ которую вывозятъ каждое лѣто до 15,000 арбузовъ. Въ предмосковныхъ мѣстахъ продаютъ арбузъ, по самой высшей цѣнѣ, 62 к. сер., а въ самой Москвѣ отъ 1 — до 3 р. сер. Изъ всѣхъ этихъ арбузовъ, самыя лучшія суть быковскія. — Въ урожайные годы такое бываетъ ихъ множество, что не успѣваютъ снимать съ бакшей (арбузныхъ полей), и оставляютъ гнить на мѣстѣ, или пускаютъ скотъ и свиней, которыя пожираютъ и топчутъ ногами. — У насъ въ Петербургѣ, лучшими арбузами слывутъ астраханскіе, но это ошибочно. Астрахань похитила не принадлежащую ей честь, у хуторовъ: Быкова, Балыклеи и Пролеекъ, которые, по старому размежеванію уѣздовъ, находились въ составѣ астраханской губ., до конца XVIII в. Въ Астраханѣ ни когда не бывало превосходныхъ арбузовъ, какъ быковскіе, балыклейскіе и пролеевскіе. — Пробовали сѣять быковскія сѣмена въ Астрахани, но арбузы не выростали тамъ прекрасные, какъ на родной почвѣ. — Съ

виноградныхъ лозъ, началось не прежне XVII в. Онѣ въ первый разъ посажены въ Астрахани (1613 г.), однимъ нѣмцемъ, который былъ монахомъ изъ тамошнихъ монастырей, а онъ получилъ въ подарокъ отъ проѣзжихъ персидскихъ купцевъ. Въ пол. XVII в. уже были многіе виноградные сады, изъ коихъ доставлялось ко двору, ежегодно, по 200 бочекъ вина. Въ XVIII в. вошли въ обыкновеніе венгерскія вины, коими угощали почетныхъ людей. Петръ I, заботясь о разведеніи винограда, по разнымъ мѣстамъ Россіи, поручилъ особый присмотръ за астраханскими виноградниками, французскому садовнику (*). Со ввозомъ иностранныхъ овощей, винъ и пряностей, мы познакомились съ пуншемъ, кофеемъ, чаемъ и табакомъ.

разведеніемъ арбузовъ, появились тыквы, которыя въ восточной Россіи именуются *дураками*, въ Малороссіи *гарбузами* а арбузы *кавунами*. — Причина названія дураковъ, неизвѣстна.—Въ оренбургской губерніи такое множество родится дураковъ, что ими откармливаютъ свиней, и если вѣрить разсказамъ, то иные бываютъ до 1½ пуда вѣсомъ.—Астрахань славится дынями, кои, кромѣ ароматнаго запаха, отличаются полнотою мяса или тѣла, которое срѣзывается до корки; во внутренности мало сѣмянъ, и дыни эти лежатъ свободно, безъ всякой порчи, до октября мѣсяца. Превосходнѣйшія дыни растутъ въ дубовскомъ посадѣ, царицынскаго уѣзда, на берегу Волги, и по этому посаду онѣ усвоили названіе дубовокъ.

(*) Усп. Оп. нов. о древ. Русск. ч. I. с. 74 и 75.

Взваренъ и пуншъ.

Въ старину вмѣсто пуншу, пивали ковшами *взваръ*; онъ приготовлялся изъ пива, меду и вина на пряныхъ кореньяхъ. Въ Малороссіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *варенухи*. Пуншъ узнали въ нач. XVII в.; около половины того же вѣка мы употребляли кофей и чай.

Кофе.

Сѣмена кофею перенесены въ Европу Голландцами, изъ Меки; но свойство ихъ дознано было настоятелемъ монаховъ, Фаустомъ Нейрономъ, коему пастухи разсказывали, что когда овцы и козы наѣдались кофейныхъ зеренъ, тогда они прыгали во всю ночь. Другіе писатели говорятъ, что нѣкто Гомаледдинъ, жившій въ городѣ Аденѣ, въ пол. IX в. эджиры, или XV в., путешествуя по Персіи, нашелъ тамъ при устьѣ краснаго моря, кофе, привезъ съ собою на свою родину, и развелъ; отсюда онъ распространился по Сиріи, Мекѣ и Египту (*). Но это извѣстіе несправедливое, потому что настоящая его родина есть Эмень, въ счастливой Аравіи. Онъ растетъ на горахъ и называется тамъ *буина*. — Турки, Персіяне, Армяне и другіе азіятскіе народы, до ознакомленія ихъ съ кофеемъ, — дѣлали напитокъ изъ растѣнія *каушъ*, имѣвшій вкусъ кофея (**).

(*) Diction. des origines.

(**) Жюлье: Recueil de l' academie des sciences, изд. 1713 г.

Сначала кофе употребляли вмѣсто лѣкарства; на востокѣ пили, и теперь пьютъ, одну гущу и безъ сахара, а въ Европѣ вываренную жидкость, съ сахаромъ и сливками. Мы узнали кофій, едва ли не прежде чаю, потому что Голландцы, имѣя съ нами, еще въ концѣ XVI в. непосредственныя торговыя сношенія, и безъ сомнѣнія, между многими плодами и произведеніями роскоши, привозили кофе.

За границей менѣе его пьютъ, нежели у насъ, и напрасно думаютъ, что нѣмки страстныя охотницы. Я видѣлъ, что онѣ пьютъ мало и не крѣпкій, по причинѣ пламенныхъ воодушевленій къ нѣжностямъ (*).

Чай.

Соотечественникъ нашъ Василій Старковъ, первый упоминаетъ о чаѣ. Будучи отправленъ посломъ къ хану Алтыну, въ 1636 году, онъ тамъ увидѣлъ чай и говоритъ какъ

(*) Извѣстно, что многія пряныя коренья: гвоздика, корица, имбирь, перецъ, кардамонъ, особенно ваниль, производятъ сильное стремленіе къ чувственности; но питье крѣпкаго кофея, безъ привычки, и въ большемъ количествѣ, производитъ сильное волненіе крови. Частое его употребленіе и большими пріемами, ослабляетъ органы: дѣлаетъ ихъ нечувствительными; потому у таковыхъ людей всегда раждается лѣность, бездѣятельность и слабость тѣла; цвѣтъ лица мертвѣетъ и бѣлые зубы, краса дѣвицъ, обращаются въ уголь. Это дознано многими наблюденіями. — Здѣсь говорится только о тѣхъ, которыя много употребляютъ кофе; но пить одну чашку, какъ средство для ускоренія пищеваренія, весьма полезно. —

о вещѣ доселѣ неслыханной, и не знаетъ: считать ли за дерево, или за траву? Онъ только знаетъ, что чай варятъ въ водѣ, прибавляютъ къ нему молока и пьютъ горячій (*).

(*) Употребленіе чая въ Китаѣ и Японіи, незапамятно. Индо-голландская ком., учрежденная въ 1602 г., въ первый разъ вывезла чай въ Европу, въ нач. XVII в. Голланды, зная по слухамъ, что Китайцы и Японцы, извлекали питье изъ какого-то деревца, растущаго въ ихъ странахъ, отправили къ нимъ нѣкоторое количество шалфея, за одинъ фунтъ коего вымѣняли три фунта чая. Салернская школа предлагала тогда шалфей, какъ специфическое средство противу многихъ болѣзней. — Привезенный чай въ Парижъ, былъ проданъ отъ 30—100 фр. за фунтъ. Шалфей не имѣлъ успѣха въ Китаѣ.—Употребленіе чая быстро распространилось въ Европѣ, такъ, что уже въ 1655 г. онъ былъ въ чрезвычайномъ употребленіи, въ высшемъ кругѣ парижскаго общества.

Какъ скоро чай распространился въ Европѣ, онъ сдѣлался предметомъ изслѣдованія науки. — Голландскій врачъ Николай Тюльпіусъ описалъ, въ 1640 г., медицинскія свойства чая; потомъ вскорѣ за нимъ, два врача французскіе: Марине и Жонке, сдѣлали тоже; послѣдній назвалъ чай *божественной травою* и сравнилъ его съ амброзіею. — Наконецъ въ 1678 г., Голландецъ Корнелій Бентоке написалъ прекрасное сочиненіе о чаѣ, имѣвшее такой успѣхъ, что послѣ трехъ изданій, раскупленныхъ тотъ часъ по напечатаніи, оно было переведено на всѣ языки: это сочиненіе окончательно утвердило успѣхъ чая.

Вскорѣ Англія начала соперничать въ возѣ чая: первый грузъ чая ость-индской компаніи, пришелъ въ Европу 1669 г. Директоры компаніи поднесли 22 ф. чая англійской королевѣ, супругѣ Карла II, въ день ея рожденія. Исчислено, что 1652 г. по 1700, количество ввоза чая не привышало 90,000 килогр.; въ настоящее время Англія употребляетъ 18 мил. килогр. въ годъ.

У насъ первоначально употребляли его вмѣсто лѣкарства, какъ предохранительное

Гуссей разсказываетъ о безполезныхъ попыткахъ всѣхъ мореплавателей, пересадить это деревцо въ Америку и Европу, и заключаетъ не утѣшительною истиною, что мы Европейцы, можемъ его разводить неиначе, какъ въ теплицахъ.— La monographie du the, par Houssaye, Par. un vol. in 8.—

Чай играетъ столь важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ и внутреннемъ потребленіи многихъ государствъ, что невольно изумляешься недостаточности химическихъ изслѣдованій, надъ составомъ этого произведенія. Анализы, сдѣланые Франкомъ, Брандомъ, Мейльдеромъ и Штейнгузомъ, суть единственные, но недостаточные, посему докт. Пелиго охотно воспользовался предложеніемъ просвѣщеннаго негоціанта Гуссея, доставившаго ему различные образцы чернаго и зеленаго чаевъ. Въ запискѣ о чаѣ, читанной имъ въ парижской академіи наукъ (17 іюля н. с., 1843 г.), онъ нашелъ въ чаѣ слѣдующія вещества: 1 дубильное начало (tannin),—2 летучее масло, отъ котораго зависитъ ароматъ чая. 3 вещество, содержащее въ себѣ много азота,—чаинъ (théine), которое встрѣчается въ кофе и лекарственномъ веществѣ guarana, дорого цѣнимого Бразильцами. Пелиго нашелъ, что въ листьяхъ чая содержится азота отъ 6,15 до 6,62. на 100. Ни въ одномъ растѣніи не найдено столь богатаго содержанія азота. Это начало въ чаѣ, соединенное съ другими началами, составляютъ азотистыя вещества,—такихъ веществъ содержится отъ 20—30 на 100. Если листья настоять въ тепломъ и слабомъ растворѣ поташа, то получится буроватая жидкость, и потомъ если прилить какой либо кислоты, то получится осадокъ, содержащій въ себѣ азотъ. Пелиго считаетъ этотъ осадокъ тождественнымъ съ *творожиною* молока (caséine). Зная, что чай содержитъ много азота, и что въ немъ есть творожина, нельзя сомнѣваться, что онъ есть питательное вещество.—Въ Индіи приготовляютъ чай съ молокомъ, масломъ, повареной солью, и съ какой то щелочной солью, горькою на вкусъ. Точно такимъ образомъ приготовляютъ Киргизцы,

средство отъ простудъ, вліяній на здоровье воздуха и дурныхъ послѣдствій отъ пьянства. Ввозъ его въ полов. XVII в., былъ уже столь великъ, что иностранецъ Кальбургеръ, въ бытность его въ Москвѣ (1674 г.), покупалъ по

Калмыки и многіе жители Сибири, прибавляя иногда сало или масло и луку.—Этотъ чай извѣстенъ въ торговлѣ подъ именемъ кирпичнаго. Въ Канаверѣ приготовляютъ его другимъ образомъ: листья кипятятъ часъ или два, потомъ воду сливаютъ и листья приготовляютъ съ масломъ, мукою и мѣлко изрубленнымъ козлинымъ мясомъ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ употребленіе горькой соли, имѣетъ цѣлію раствореніе творожины въ жидкость, а во второмъ творожина остается въ листьяхъ и съ ними вмѣстѣ потребляется.—У образованныхъ народовъ чай употребляется иначе.—Слѣдуетъ ли допустить, что настой изъ малаго количества чая и большаго количества воды, дѣйствуетъ возбудительно на нервную систему, а тѣмъ какъ бы замѣняетъ пищу? Или: имѣетъ ли онъ такія же питательныя свойства, какъ молоко и бульонъ? Не разрѣшая положительно этихъ вопросовъ, Пелиго опредѣляетъ только вѣсъ и свойство началъ, входящихъ въ составъ чайнаго настоя, обыкновенно у насъ приготовляемаго для питья. Въ такомъ случаѣ листья чая, съ котораго нѣсколько разъ сливался настой, все еще содержитъ въ себѣ около $\frac{1}{6}$ части растворенныхъ веществъ.—Желательно, чтобы физіологическими опытами было изслѣдовано: какую силу воспроизводитъ чай въ питаніи, особенно въ соединеніи съ сахаромъ? Вообще, если чай, разсматриваемый какъ вещество питательное, содержитъ азота болѣе, нежели всякое другое растѣніе; то его воздѣлываніе представляетъ чрезвычайныя выгоды, потому что большая часть азота заимствуется не изъ удобренія, а изъ атмосферы. Пелиго заключаетъ, что во Франціи нельзя желать чрезвычайнаго распространенія чая, ибо тогда должно уменьшиться потребленіе виноградна вина, къ ущербу французскаго винодѣлія. Если это можетъ быть

30 к. фунтъ. Въ 1702 г. открытъ первый кофейный домъ въ Петербургѣ. Съ пол. XVIII в. кофе и чай вошли во всеобщее употребленіе, и образовали двухпольный напитокъ: женскій полъ пристрастился къ кофе, а мужскій къ чаю. Но что пьютъ болѣе: кофе или чай?—Кофе, утвердительно кофе! Нѣтъ дома, который бы не пилъ его; нѣтъ женщины, которая бы отказалась отъ кофею. Особенно пьютъ много купеческія жены, прислуга и кухарки, по нѣсколько разъ въ день, и въ Петербургѣ совершенная кофеманія. — Горничная дѣвушка, кухарка или другая женщина, поступающая въ услуженіе, выговариваетъ себѣ ежемѣсячно по фунту кофею, сверхъ того, который отпускается имъ отъ господъ. Этого мало, переваривaютъ остающуюся кофейную гущу и пьютъ его снова, находя ее лучше самого кофею. Не даромъ говоритъ пословица: остатки сладки.—Къ чаю въ особенности охотники купцы и все рабочее сословіе; имъ какъ то бываетъ не весе-

---

справедливо для Франціи, то для государствъ, гдѣ собственно виноделіе никогда не можетъ быть значительной отраслію государства, напр: у насъ въ Россіи, должно желать возможно большаго потребленія чая, съ одной стороны для уменьшенія хлѣбнаго вина, а съ другой для распространенія сахара, съ чемъ тѣсно сопряжена единственная надежда къ улучшенію земледѣлія.—Журн. мин. гос. им. 1843 г. No 5 въ смѣс. с. 89—92.

ло, или чего то не достаетъ имъ, если не напьются чаю. Нѣтъ трактира, въ которомъ бы не пили чай. На сѣверѣ Россіи онъ замѣняетъ пріятное препровожденіе времени: тамъ, сидя за чаемъ, разговариваютъ и пьютъ въ прикуску съ такимъ искуствомъ, что небольшой кусочекъ сахара, достаетъ для полдюжины стакановъ. Съ мужика льется потъ градомъ: онъ пьетъ, не переводя духу; оботрется полой и снова за чашечку. Еще существуетъ обыкновеніе во многихъ мѣстахъ, что ктобы ни пришелъ въ гости, и въ которомъ бы часу ни было: въ полдень ли, или до полудня, или послѣ обѣда, непремѣнно угостятъ чаемъ, а тамъ закуской или обѣдомъ. Хотя бы сами хозяева не давно пили чай, но пришелъ гость, для него настаиваютъ и сами пьютъ съ нимъ. Случается, что нѣсколько разъ въ день ставятъ самоваръ, а у зажиточныхъ, особенно въ праздники, не сходитъ со стола самоваръ. Точно такъ поступаютъ съ кофеемъ женщины, угощая имъ другъ друга, и пьютъ такъ много, что отъ неумѣреннаго употребленія сгущается у нихъ кровь: онѣ получаютъ головные припадки и лишаются сна. Другія же получаютъ удары, лишаются зубовъ еще въ молодости,—которые преждевременно чернѣютъ и крошатся. Весьма непріятно видѣть хорошенькихъ съ черны-

ми зубами, коихъ уже никакъ нельзя вычистить,—а этому причиной кофе.

Въ Сибири пьютъ чай съ прикуской, и тамъ нѣтъ деревни, гдѣ бы не было сомовара. Между отдаленными ея обитателями, чай весьма дорогъ, и сюда привозятъ, какъ напримѣръ: въ Якутскъ или Охотскъ, кирпичный. Его приготовляютъ въ формахъ и столь жесткимъ и плотнымъ, что своимъ цвѣтомъ похожъ на кирпичь, отъ чего получилъ названіе кирпичнаго. Разбивъ на куски, кладутъ въ горшокъ и варятъ, какъ кушанье, съ жиромъ, саломъ, преимущественно съ ворваннымъ саломъ, и потомъ, когда уварится, пьютъ его съ хлѣбомъ, безъ сахара. Самовидцы разсказывали, что это есть одно изъ лакомыхъ напитковъ Якута, который сверхъ того пьетъ, съ особой жадностію, растопленное масло или жиръ. — Нѣтъ для него пищи, усладительнѣе этой.—О вкусѣ и цвѣтахъ, нельзя спорить.

Однако есть мѣста въ Россіи, гдѣ кофе, чай, картофель и табакъ, доселѣ не употребляются.—Это между старовѣрами и раскольниками. Во многихъ уѣздахъ астраханской губ. простолюдины думаютъ: кто пьетъ чай, тотъ не виндетъ въ царствіе небесное; кто пьетъ кофе, того Богъ не допуститъ на страшный

судъ. Картофель, какъ они думаютъ, есть дьявольское порожденіе табака, по этому ѣсть его, великій грѣхъ, а табакъ, треклятая трава, выросла на могилѣ блудной дѣвицы, и кто его куритъ, тотъ дышетъ блуднымъ грѣхомъ.

Табакъ. Наши предки причисляли табакъ къ вреднымъ напиткамъ, по причинѣ производимаго опьяненія (*). Древнимъ народамъ онъ не былъ извѣстенъ, и привезенъ Испанцами изъ Америки въ XVI. в.—Объ отечествѣ табака спорятъ донынѣ Китай и Японія, какъ о родинѣ Гомера.—Утверждаютъ, что Китай и Японія употребляли съ незапамятныхъ временъ *дамбагу*.—Гернандезъ, спутникъ Колумба, первый узналъ (въ 1496 г.) употребленіе табака, на островѣ Сенъ-Доминго, и назвалъ его *табакко*, отъ области Табаго, гдѣ онъ росъ; но тамъ онъ назывался *панацей*, *пиціельтъ;* у Бразильцевъ *петумъ*, у островитянъ Испаніолы *перебецекукъ*. (**) По другимъ извѣстіямъ табакъ найденъ на одномъ изъ антильскихъ острововъ

(*) Уложеніе гл. XXV. ст. 11—26.

(**) Epistolæ et judicia claris. aliquot medicorum de tabacco ed. Ultraject. 1644 г. с. 150.—De herba panacea, Everarto, ed. Ultraject. 1644 г. См. его статью de tabaco herba commentariolus с. 12—15. Нѣкоторые туземцы Испаніолы называютъ еще *козоба*, Neandri tabacologia с. 68. изд. Ultrajecti, 1644 г.

Табаго, находящемся близь области Каракасъ.— Европейцы однако скоро выучились употреблять его; ибо миссіонеръ Романъ Ганъ, отправленный Колумбомъ, во вторую его поѣздку въ Америку, на островъ Сенъ-Доминго, для распространенія христіянства, уже нашелъ тамъ (1496 г.) Европейцевъ, употреблявшихъ табакъ. Отецъ Романъ вывезъ отсюда сѣмена табаку въ Испанію, и онѣ быстро принялись. Отъ этихъ сѣмянъ развелся табакъ въ лиссабонскомъ саду (1550 г.), потомъ распространился съ неимовѣрной быстротою по Европѣ и содѣлался страстью.

Посолъ французскій при португальскомъ дворѣ, Ив. Никоціанъ де Вильменъ, привезъ табакъ въ Парижъ, въ 1560 г., гдѣ онъ сталъ быть извѣстенъ подъ его именемъ т. е. *никоціаны*, и вскорѣ вошелъ въ большое употребленіе при дворѣ Маріи Медичи. Королева Марія до того пристрастилась къ нему, что его прозвали, въ честь ея, королевскимъ порошкомъ (poudre à la reine), королевской травою (herbe à la reine). — Въ Англію, около этого самаго времени, завезли моряки знаменитаго мореплавателя Драка. При дворѣ онъ введенъ въ употребленіе щеголемъ Ралей-

гомъ (*). Сначала онъ курилъ по тихоньку, запершись въ своей комнатѣ, но человѣкъ его, вошедши къ нему неожиданно, подумалъ, что внутренность барина загорѣлась, и началъ отъ всего усердія обливать его водою. — Въ Италію привезъ табакъ кардиналъ Санта-Круче, бывшій въ Испаніи нунціемъ. Здѣсь табакъ былъ принятъ съ восторгомъ. — Въ скоромъ времени онъ распространился въ Азіи. Въ Индію привезенъ въ нач. XVII. в., подъ именемъ святой травы; въ Африку въ 1610 г. Сначала употребляли его вмѣсто лѣкарства и называли: *святою божественною травой* и, *травою противу всѣхъ немочей* (**). При Людовикѣ XIII. моряки являлись съ трубками,

(*) Ралейгъ (Ralegh) былъ близкой любимецъ англійской королевы Елисаветы. —Куреніе табаку введено прежде всѣхъ въ Лондонѣ, и составляло принадлежность человѣка свѣтскаго и съ тономъ.—Дикари Виргиніи, приписывая тысячу достоинствъ табаку, относили произрастѣніе это къ *высшему дару небесъ, ниспосланнаго для утѣшенія человѣчества.* Roberts: Hist. of Americ. кн. IX. с. 286—287. изд. 1829 г.

(**) Herba divina sancta, Heilekraut, heiliges Wundkraut, herbe propre à tous les maux. —Для любопытныхъ указываемъ статьи Neandri tabacologia изд. Ultraject. 1644. г. с. 65—70, гдѣ встрѣчаются названія: herba legati, herba reginæ, Catharinaria ac Mediccæ, Uppovvos, herba magni prioris, Tornabonam, отъ имени посла при Французск. дворѣ; herba St. Crucі, отъ имени папскаго легата и др. Въ честь табаку написана похвала въ двухъ книгахъ и въ стихахъ, см. Raph. Thori: Hymnus tabaci ed. Ultrajecti, 1644. г. и начинается:

даже въ народныя собранія.—Трубка богатая, щеголя Жанъ-Бара, была предметомъ общихъ разговоровъ, болѣе нежели его платье изъ серебряной парчи.—Французское правительство раздало, около этого времени, своимъ солдатамъ табакъ, заставляя каждаго имѣть свою трубку и огниво. Этого еще мало: правительство вздумало, чтобы вмѣсто выдачи по 6 унцій хлѣба на человѣка въ день, отпускать по 3 унціи хлѣба и 3 унціи табаку. Министръ Лувуа, во время войны голландской, увеличилъ солдатамъ отпускъ табаку болѣе противу хлѣба, на томъ основаніи, что табакъ отнимаетъ аппетитъ. Распространившееся куреніе и нюханіе, навлекло на табакъ гоненіе. Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, первый возсталъ противу него. Людовикъ XIV. дозволилъ произносить въ церквахъ проклятія, противу куренія и нюханія. Докторъ его, знаменитый Фагонъ, утверждая

Innocuos calices et amicam vatibus herbam,
Vimque datam folio: et lacti miracula fumi
Aggredior. Tuqui censu decoratus equestri,
Virtutem titulis, titulos virtutibus ornas,
Antiquum et Phaebi nato promitis honorem. etc. etc.

При всѣхъ похвалахъ, расточаемыхъ табаку отъ излѣчиванія застарѣлыхъ болѣзней, грудныхъ и даже заразительныхъ (см. любопытныя средства, которыя составлялись изъ табаку противу этихъ болѣзней, *de herba panacea*, с. 20—58. ed Ultrajecti 1644 г.), однако въ тоже самое время Неандеръ см. его Tabacologia, с. 82 и слѣд., указалъ, что табакъ дѣйствуетъ отравительно.

повсюду о смертоносномъ дѣйствіи табака на здоровье, до того забывался, что въ жару краснорѣчивыхъ своихъ доводовъ, безпрестанно нюхалъ. Папа Иннокентій торжественно проклялъ табачниковъ, въ 1690 г.—Папа Урбанъ VIII., грозилъ нюхающимъ отлученіемъ отъ церкви.

Англійсская королева Елизавета, строго воспретила куреніе табаку, а король Іаковъ I. убѣждалъ своихъ подданныхъ оставить дурную привычку курить, говоря, что «эта привычка, отвратительная для глазъ и обонянія, вредна для груди и опасна для мозга. Запахъ отъ курящаго исходитъ заразительный и смертоносный, и кажется, что онъ исходитъ изъ ада». Въ Швейцаріи стали наказывать курителей и нюхателей, какъ за прелюбодѣяніе и убійство. Въ 1675 г. учреждена была тамъ особая судебная палата, для преслѣдованія и осужденія табачниковъ. Въ Венгріи запрещено было, въ 1670 г., курить, подъ взысканіемъ денежной пени до 200 сер.—Мусульмане преслѣдовали съ фанатизмомъ, между тѣмъ какъ нынѣ, табакъ замѣняетъ тамъ нерѣдко самую пищу. Султанъ Амуратъ IV. водилъ табачниковъ по улицѣ съ петлею на шеѣ, выставлялъ отрубленныя головы предъ народомъ, съ трубкою во рту. Персидскій шахъ Аббасъ жегъ курителей, вмѣстѣ съ трубками и табакомъ.

Что же было причиною проклятій и гоненій на табакъ? Нововведеніе, которое всякій разъ пугаетъ старое поколѣніе; предразсудки и фанатизмъ, кои представляли курящаго дьяволомъ, который, сидя въ аду на огнѣ, испускаетъ изъ рта дымъ, — охаетъ и реветъ. Удивительно еще, какъ инквизиція, которая по малѣйшимъ доносамъ сожигала невинныхъ на кострѣ, терпѣла куреніе и нюханіе табака,— никого не сожгла, и даже не преслѣдовала.

Въ Россіи весьма рано появился табакъ; не протекло полъ столѣтія отъ перваго ввоза въ Европу, какъ Англичане привезли его къ намъ, въ 1553 г., чрезъ архангельскій портъ: они привезли вмѣстѣ съ солью, виномъ и французкой бумагою. Іоаннъ грозный не воспрещалъ, а Русскіе охотно мѣняли за табакъ свои товары. Ни правительство, ни духовенство не обращали на него вниманія, до Царя Михаила Ѳеодоровича, при коемъ послѣдовало гоненіе и жестокія наказанія. Отсюда начинается рядъ многочисленныхъ указовъ,—о воспрещеніи употреблять *зеліе табачище*: «а кто русскіе люди и иноземцы табакъ учнуть держати, или табакомъ учнуть торговати, и тѣхъ людей и торговцовъ и купцовъ велѣно имати и присылати въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинити наказанье большое, подъ смертною ка-

знію, и дворы ихъ и животы ихъ имая, продовати.» Табачниковъ, или у кого находили табакъ, сѣкли, пытали и наказывали смертію: «а которые стрѣльцы и гуляющіе и всякіе люди, съ табакомъ будутъ въ приводѣ двожды, или трожды: и тѣхъ людей пытать, и неодинокова бити кнутомъ на козлѣ или по торгамъ; а за многіе приводы у таковыхъ людей пороти ноздри и носы рѣзати» (*).

Нюхательный табакъ, вошелъ въ употребленіе подъ именемъ табачнаго порошка.—Вѣроятно нюханіе не скоро бы распространилось, если бы не послѣдовали запрещенія и преслѣдованія. Запрещеніе послѣдовало по суевѣрному преданію, принесенному въ Россію нѣкоторыми греческими монахами, что табакъ есть адское зеліе, и кто его употребляетъ, тотъ знается съ нечистой силою. Есть даже книга, подъ заглавіемъ: *миръ съ Богомъ*, въ коей между прочимъ сказано, что употребляющій табакъ, лишается благословенія Божіего. Это растѣніе тамъ названо, проклятымъ и богомерзскимъ. Раскольники, слѣдуя суевѣрнымъ преданіямъ, понынѣ гнушаются табаку, и въ подпору своего имѣнія, приводятъ слова изъ посланія къ Евреямъ, Апостола Павла, гл. XII.

(*) Улож. гл. XXV., пом. въ полн. соб. законовъ.

с. 15. *да нѣкій горести корень выспрь прозябаяй, пакость сотворитъ и тѣмъ осквернятся мнози.* Пустосвяты не поняли, что Апостолъ не говоритъ о табакѣ, который въ его время былъ неизвѣстенъ, но о горькомъ корнѣ.—Происхожденіе табаку, приписываютъ еще раскольники сверхъестественному дѣйствію: на могилѣ одной распутнѣйшей женщинѣ, какая только была въ мірѣ, выросла чортова трава, табакъ, а потому всѣ нюхающіе и курящіе, суть товарищи распутнѣйшей женщины. — По невѣжеству времени, вѣрили прежде всѣмъ бреднямъ. Патріархъ запретилъ нюханіе табаку, и это утверждено указомъ (въ 1634 г.), и потомъ самымъ уложеніемъ: кто будетъ нюхать табакъ, продавать или держать въ своемъ домѣ, тѣхъ велѣно бить кнутомъ, рвать ноздри, рѣзать носы и посылать въ дальніе города на поселеніе,—такимъ считали важнымъ преступленіемъ,—вложить въ носъ щепотку истертой травы.—Петръ В., истребляя суевѣрія и пустосвятство, позволилъ иностранцамъ ввозить табакъ вмѣстѣ съ чубуками, трубками, коробочками и другими вещами, принадлежащими къ куренію, и все это продавать свободно. Съ того времени распространилось нюханіе и куреніе. При Императрицѣ Елисаветѣ запрещалось только нюхать въ церквахъ, а въ

придворной церквѣ приказывалось лакеямъ и гайдукамъ, если увидятъ въ рукахъ табакерку, взять ее, не смотря ни на какую особу, ни на цѣнность вещи (*). — Теперь нюхаютъ табакъ въ церквахъ,—время измѣняетъ мнѣнія,—но справедливо ли?—Для нюхательнаго табаку дѣлаютъ драгоцѣнныя табакерки, осыпаемыя брилліантами, и съ изображеніями знаменитыхъ государственныхъ людей или владѣтельныхъ особъ. —

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе, что куреніе и нюханіе табаку, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье, особенно на умственныя способности.—Разсмотримъ. — Табакъ принадлежитъ къ породѣ вонючихъ травъ и производитъ отравительное дѣйствіе, подобно опіуму, красавицѣ, дурману, бѣленѣ и мандрагору. — При приготовленіи табака, подвергаютъ его многимъ измѣненіямъ, чтобы очистить отъ непріятнаго и ѣдкаго запаха. Работники лишаются аппетита, страдаютъ головной болью, тошнотою, часто рвотою и безпрестаннымъ чиханіемъ, потому что при приготовленіи поднимается тонкая, ѣдкая пыль. Сосѣды фабрикъ страдаютъ отъ нея. Лошади, употребляемыя при вертѣ-

(*) Болтинъ: Примѣч. на истор. Леклерка ч. I, с. 476. 507—510. Усп. Оп. пов. о древ. русск. ч. I, с. 85. Татищ., его Исторія.

ній жернововъ, киваютъ головами, задыхаются и одуряютъ (*). Упорные поборники табака скажутъ, что работники со временемъ привыкаютъ къ вреднымъ испареніямъ и ѣдкой пыли, и что потомъ все оканчивается благополучно. Но это не значитъ еще, что они наслаждаются здоровьемъ; что удушливый запахъ не тяготитъ еще ихъ; что самой зараженный воздухъ не дѣйствовалъ бы на мозговые органы. Нѣтъ ни одного яда, который, будучи принимаемъ въ малыхъ пріемахъ, производилъ бы мгновенное пораженіе. Одно послѣдствіе оказываетъ губительное дѣйствіе,—точно такъ и табакъ. —Степень ѣдкости его очень значительная. По химическому разложенію доказано, что табакъ содержитъ въ себѣ большое количество бѣлковатаго вещества, которое весьма ядовитое; зеленую камедь, начало древесное, уксусную кислоту, селитрокислую соль, окись желѣза, кремнеземъ и множество другихъ веществъ (**). При перегонкѣ листьевъ табаку, отдѣляется масло, которое такую имѣетъ остроту, что капля его, положенная на языкъ собаки, производитъ въ ней судороги и наноситъ смерть.—Табакъ, причисляемый къ одуряюще-

(*) Ramasini: Maladies des artisants, trad. de Fourcroy, с. 189.

(**) Annal. de Chim. т. LXXI. с. 139.

му свойству, причиняетъ сильное головокруженіе—до обмороковъ, опьяненіе, тошноту, рвоту и наконецъ поврежденіе зрѣнія. Настойка, порошокъ, декохтъ и извлеченіе табачнаго сока, дѣйствуютъ отравительнымъ способомъ. Въ этомъ случаѣ дѣлали опыты надъ собаками, кроликами и кошками, и всякой разъ оканчивалось для нихъ смертію (*). Что же до поврежденія зрѣнія, то это подтвердилось и подтверждается многими несчастными свидѣтельствами. Изъ многихъ тысячей одинъ мой знакомый, курившій болѣе 25 л., до того пристрастился къ табаку, что онъ замѣнялъ ему часто пищу; но одно было его горе: ослабѣлъ глазами и даже со временемъ не сталъ хорошо видѣть предметы. Принимали средства, чтобы помочь, и все было напраснымъ. Между тѣмъ никому не приходило въ голову, спросить: не ослабѣло ли зрѣніе отъ сильнаго куренія цыгаръ? — Самъ больной — страдалецъ, забылъ объ этомъ, и только вспомнилъ, когда ему случилось пожить болѣе полгода въ степи, гдѣ не было ему возможности

(*) Orphila: Loxologie générale т. II, с. 246. I. edition. За два столѣтія до Орфилы, уже доказалъ отравительное дѣйствіе табаку Неандеръ см. его сочин. Tabacologia, edit. Ultrajecti, 1644 г. с. 89—139.—Онъ разсказываетъ, что Каннибалы намазывали стрѣлы свои сокомъ табачнымъ; что этимъ сокомъ испытывали надъ животными,—и всегда было слѣдствіемъ смерть.

достать цыгаръ. Это случайное лишеніе, было его спасеніемъ. Онъ почувствовалъ, что зрѣніе его нѣсколько укрѣпилось, и когда вовсе бросилъ курить, тогда удостовѣрился, что всему зло: табакъ и цыгары.—Теперь онъ не страдаетъ глазами, но въ нихъ остались слѣды боли: дрожаніе глазъ, тупозрѣніе, слабость и пораженіе зрачковъ, которые часто приходятъ въ содраганіе отъ яркихъ цвѣтовъ, сильнаго свѣта и солнечныхъ лучей.—

Табачный дымъ портитъ вкусъ, наводитъ сонъ, притупляетъ чувства, затемняетъ намять, разслабляетъ лехкія, сушитъ грудь и возраждаетъ сухотку. Вскрытіемъ труповъ удостовѣрено, что табачный дымъ наноситъ язвы въ легкихъ и мозгѣ, отъ этого нерѣдко случаются смертные апоплексическіе удары.— Злодѣи часто давали табачный ядъ, для совершенія своихъ преступленій. Такъ былъ отравленъ знаменитый поэтъ Сантель, коему подали табакъ въ винѣ (*). Одно семейство умерло, когда по злому умыслу положили въ сосудъ, въ коемъ варились черносливы, нѣсколько табаку (**). Было бы излишне приводить примѣры многочисленные, однимъ словомъ: без-

(*) Merat. Dict. des sciences medic.

(**) Merat. Ephemerides d'Allemagne. 2 dec. ann. 8. obs. 106.

пристрастныя наблюденія врачей, вполнѣ подтверждаютъ губительное дѣйствіе табаку, обнаруживаемое по смерти воспаленіемъ въ желудкѣ и кишкахъ.

Нюхательный табакъ, хотя не отравляетъ въ такой степени, какъ курительный; однако онъ весьма вреденъ: лишаетъ обонянія, вредитъ вкусу, производитъ раздраженіе въ волосныхъ сосудахъ, образуетъ носовое теченіе, умножаетъ отдѣленіе слизи и причиняетъ частые насморки. Отъ неумѣреннаго нюханія, приходитъ въ воспаленіе мокротная перепонка, и она покрывается язвами, которыя часто превращаются въ ракъ. Если бы охотники нюхательнаго табаку знали, что лице скорѣе покрывается морщинами, губы изсушиваются, носъ и верхняя губа пухнутъ и самая жизненная дѣятельность мертвѣетъ; то конечно отказались бы отъ нюханія. Нѣтъ досаднѣе смотрѣть, какъ женщины предаются нюханію, особенно если видишъ красавицу, окруженную роемъ поклонниковъ, и созданную для однихъ поцѣлуевъ. Буало хорошо выразился на этотъ счетъ:

Et fait à ses amants, trop faibles d'estomac,
Redouter ses baisers, plein d'ail et de tabac.

Нѣтъ непріятнѣе смотрѣть на пожилую женщину, когда ноздри ея покрыты табакомъ;

но нѣтъ отвратительнѣе видѣть старика, когда онъ поминутно набиваетъ свой носъ, пачкаетъ вокругъ себя и самаго себя: свою одежду, свой ротъ и къ довершенію течетъ изъ носа по губамъ въ ротъ,—часто капаетъ еще. Одинъ этотъ гнусный видъ, не убѣждаетъ ли, что это происходитъ отъ разстроенныхъ уже нервовъ, поэтому нюхать табакъ: не вредно ли?

Въ повсемѣстномъ употребленіи всякаго рода табакъ, но цыгары, вошедшія въ употребленіе въ нач. XIX вѣка, вытѣсняютъ курительный. Доселѣ щеголяютъ драгоцѣнными табакерками, серебренно-пеньковыми и золоченными трубками, черешневыми, бисерными чубуками,—длиною въ два съ половиною аршина, съ бархатнымъ подчубушникомъ, усѣяннымъ золотыми и серебрянными блестками, яхонтами, изумрудами, алмазами, жемчугомъ, аметистами,—и съ янтарнымъ перомъ. Есть такіе охотники до куренія, что скорѣе лишатъ себя пищи, нежели табаку. Эта страсть господствуетъ между молодыми людьми, израсходующими почти все свое жалованье на одинъ табакъ. — Цыгары курятъ съ неменьшею страстью; въ столицахъ пристрастились къ нимъ даже извощики и кучера.

Названія табаку и цыгаръ, великое множество; простой табакъ, дѣлаемый въ Малороссіи, Крыму и другихъ частяхъ югозападной

Россіи, весьма крѣпкій и называатся *тютюнъ*, *мохорка*, *корешекъ*, *венгерка*. Почетный состовляютъ: жуковскій, турецкій и вакштабъ. Цыгары и табакъ выдѣлываются у насъ, и носятъ только иностранныя названія. Изъ цыгаръ лучшія суть: манильскія, королевскія, гаванскія, съ короной, — коихъ сотня продается до 25 р. сер. Замѣчательно, что продажа табаку и водки, сдѣлались гораздо прибыльнѣе для торговли, нежели полезныя произведенія, особенно ума.

Разведеніе табаку появилось первоначально въ Малороссіи, въ бытность ея подъ игомъ Польши. Кромѣ Малороссіи, табакъ шелъ къ намъ изъ разныхъ концевъ пограничныхъ мѣстъ, не смотря на строгіе указы и наказанія. Въ отдаленной Сибири уже занимались около 1690 г., засѣвомъ табачнымъ. Петръ I, запрещавшій первоначально употребленіе табаку, по возвращеніи своемъ изъ-за границы уничтожилъ преслѣдованіе, и табакъ сдѣлался свободнымъ въ продажѣ и употребленіи, съ 1697 г. На табакъ, разводимый внутри государства, была наложена *десятинная* пошлина, доставлявшая казнѣ $\frac{1}{10}$ часть произведеній. — Графъ Пемброкъ, въ бытность Государя въ Голландіи, просилъ его дозволенія ввозить табакъ въ Россію, предлагая за то значительную сумму,

а лордъ Кармартенъ возобновилъ это предложеніе въ 1698 г.—Кармартенъ обязался платить 200.000 ф. ст. за право ввоза табака, и далъ задатокъ 12.000 ф. ст.—Это казалось Государю выгоднымъ, и на эти деньги онъ накупилъ въ Лондонѣ разныхъ припасовъ, рѣдкостей, инструментовъ и нанялъ въ службу русскую многихъ иностранцевъ: математика Фергерсона, инженери Перри, мастера Джона Дина и пр.—Хотя большое количество денегъ, въ коихъ нуждался Царь, было съ перваго раза выгоднымъ; однако самый договоръ не былъ выгоденъ, потому уполномоченные: генералъ-адмиралъ Лефортъ и военный кригсъ-коммиссаръ Головкинъ, ограничили ввозъ на 7 лѣтъ, по 16,000 бочекъ ежегодно, въ каждой по 500 ф. табаку. За двѣ бочки, которыя Кармартенъ обязался доставлять собственно въ казну, дозволено ему привозить трубки, табакерки и прочія вещи табачныя. Въ послѣдствіи и этотъ договоръ оказался не выгоднымъ, потому что пошлина была слишкомъ ничтожная, въ сравненіи съ тою, которую казна могла получить за провозъ изъ другихъ государствъ, потому договоръ соблюдался не строго, контрабанда производилась съ дозволенія правительства. По истеченіи семилѣтняго договора, учреждена была торговля табакомъ съ откупу.

Между тѣмъ разведеніе табаку въ Малороссіи, изъ американскихъ сѣменъ, обѣщало большія выгоды, и мануфактуръ-коллегія, получивъ листья малороссійскаго табаку, объявила, что онъ далеко превосходитъ черкаскій,—въ Черкаскѣ такъ же разводили его,—потому Государь употреблялъ всѣ средства для поощренія этого промысла: выписывалъ сѣмена и мастеровъ, строилъ мельницы по образцу голландскому: для крошенія, толченія и витья.

Первая табачная фабрика заведена въ Ахтыркѣ, (харьковской губер.), около 1714 г.; но со смертію Царя, она рушилась и до временъ Екатерины II не было другой.

Доходъ съ продажи табаку, былъ весьма незначителенъ. При Императрицѣ Елизаветѣ, купецъ Матвѣевъ взялъ табакъ на откупъ, съ 1749 г. генв. 1, съ обязательствомъ платить по 42,891 р. 60 к.; по окончаніи срока новый откупщикъ давалъ по 63,662; потомъ, въ 1753 г. откупъ взялъ санктпетербургскій купецъ Гордылевъ за 70,000 р., срокомъ на 6 л., но послѣдній откупъ снятъ генералъ-фельдмаршаломъ граф. Шуваловымъ, по 70,000 р. ежегодно, на 20 л. Участіе вельможи въ дѣлахъ торговли, едва не истребило табачный промыслъ. Шуваловъ не заботился о томъ, чтобы сдѣлать табакъ лучшимъ, и еще примѣшивалъ къ нему посто-

роннія вещества, для приданія тяжести. Русскій табакъ не стали покупать, не только иностранцы для вывоза за границу, но самые Русскіе; цѣна на него такъ упала, что перестали заниматься разведеніемъ, и довольствовались ввозомъ заграничнымъ. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, уничтоженъ откупъ въ 1762 г., — и съ этого времени началась новая эпоха табачной промышленности. Дѣйств. стат. сов. Теплову поручено было, 1763 г. февр. 11, заняться усовершенствованіемъ табаку, и новыя плантаціи начались въ Малороссіи. Въ Ромнахъ (полтавской губ.) была учреждена главная контора; табакъ произрасталъ здѣсь самой лучшій, славный понынѣ. — Чрезъ нѣсколько лѣтъ доброта русскаго табака доведена была до того, что фунтъ продавали по 2 р., на ровнѣ съ получаемымъ французскимъ, и что сами Французы, предубѣжденные противу нашего табаку, остались довольными нашею выдѣлкой. Съ 1763 г. было дозволено свободно торговать китайскимъ табакомъ, называвшійся маръ, по этому составились двѣ компаніи: одна въ Петербургѣ, а другая въ Ромнахъ. Для лучшей отдѣлки выписывали мастеровъ изъ за границы, и посылали ихъ въ Ромны. Въ 1768 г. явилась въ Петербургѣ первая табачная фабрика, и съ того времени,

число этихъ фабрикъ возрастало значительно. Раздача земель въ южномъ краѣ Россіи, въ 1803 г., для разведенія красильныхъ и торговыхъ растѣній, принесло большую пользу табачной промышленности. Годъ отъ году появлялись новыя плантаціи, и въ теченіи пяти лѣтъ учетверилось число фабрикъ. До 1812 г. было шесть, а въ 1816 г. уже 24.—Крымъ, Кавказъ, Бессарабія, Новороссійскій край и саратовская губ., покрылись нынѣ обширными посѣвами табаку, который получали первоначально изъ одной Малороссіи. Крымъ до 1820 г. получалъ чрезмѣрное количество изъ Турціи, а теперь онъ, изъ своихъ табачныхъ заведеній, удовлетворяетъ нетолько свой край, но снабжаетъ съ избыткомъ сосѣднія губерніи. Съ основаніемъ Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, въ 1819 г., табачная промышленность еще болѣе усилилась. Сильное участіе этого общества: распространеніемъ познаній, раздачею лучшихъ сѣменъ, наградъ и поощреній, подняло въ короткое время наше табаководство, до весьма хорошаго состоянія, и размножило фабрики: доказательствомъ этого служитъ, что съ 1840 г. продажа табаку обложена акцизомъ. Если еще доселѣ привозится иностранный табакъ въ листахъ, то онъ уже обдѣлывается на нашихъ фабрикахъ, и есть надежда, что

искуство воздѣлывать и обработывать табакъ, сравнится съ голландскимъ; что русскій листъ, сравнится достоинствомъ съ иностраннымъ, и большое количество его, вывозимое изъ за границы, безъ сомнѣнія значительно уменьшится (*).

Лучшія фабрики считаются въ Петербургѣ: Жукова, Колобова, Тулинова, Головкина, Фалера и Гишара.

Картофель.

Къ числу полезнѣйшихъ произведеній, должно причислить картофель. Родина его есть Перу, и здѣсь онъ называется *папасъ*. Изъ Перу перевезли его въ сосѣднія страны южной Америки. Спустя 50 л. послѣ открытія Америки, онъ былъ вывезенъ въ Европу, первоначально изъ Санта-фе (южной Америки) въ Ирландію, 1565 г. — Англинскій адмиралъ Францъ Драке, познакомилъ Виргинію съ картофелемъ въ 1585 г., а по-

(*) Привозъ всего иностраннаго табаку цѣнится на 3.943,663 р.; всего болѣе ввозится въ Петербургъ: на 2.970,657 р.—Самое большое число фабрикъ въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, но за то здѣсь производство въ трое болѣе противу Москвы. — Въ московской губ. считается 42 фабр., на нихъ выдѣлывается курительнаго до 24,800 пудъ, нюхательнаго 10,248 п., сигаръ 496 п., всего на 950,127 р. Въ петербургской губ. выдѣлывается курительнаго 43,773 п., нюхательнаго 6,585 п., сигаръ 5,000 ящ., всего на 3.266,875 р. На петербургскихъ фабрикахъ обдѣлывается, большей частію, русскій табакъ. Въ прочихъ губерніяхъ считается 36 фабр. — Число табачныхъ и табакерочныхъ фабрикъ, значительно увеличивается: въ 1812 г. было 6, въ 1816 г. 24, въ 1825 г. 35, въ 1840 г. 103 — Отеч. зап. 1843 г. № 6. Табач. пром. въ Россіи с. 40—43.

томъ Англію въ 1586 г. Это обстоятельство заставило думать, что родина картофеля есть Виргинія. Драке снабдилъ англинскаго знаменитаго ботаника, Іона Горарда, нѣсколькими сѣменами шишекъ, которыя онъ посадилъ въ своемъ саду. Растѣніе вскорѣ взошло, отцвѣло и принесло много зеленныхъ сѣменныхъ яблочковъ. Ботаникъ, принимая ихъ за самый плодъ, сорвалъ и отвѣдалъ; но найдя непріятнымъ, бросилъ съ досадою и сказалъ: всѣ мои труды пропали!—Потомъ онъ принесъ нѣсколько яблочковъ адмир. Драке, и сказалъ съ насмѣшкой: *это-то хваленой драгоцѣнный плодъ изъ Америки!* Адмиралъ отвѣчалъ: если это растѣніе негодное, то выдерни его сейчасъ вмѣстѣ съ корнемъ, и истреби.—Садовникъ, приводя въ исполненіе замѣчаніе адмирала, нашелъ къ удивленію своему, подъ каждымъ кустомъ, много кортофелинъ, какія онъ посадилъ весною. Между тѣмъ по приказанію адмирала сварили вырванныя картофелины, и дали отвѣдать садовнику.—Нѣтъ! сказалъ онъ съ изумленіемъ, такое драгоцѣнное растѣніе нельзя истребить.

Въ 1589 г. появился картофель у нидерландскаго ботаника Клузіуса, который развелъ его въ Бургундіи и Голландіи, и здѣсь картофель сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ prodromus. Въ Ирландіи снова появился карто-

фель, который былъ уже вывезенъ изъ Виргиніи адмираломъ Ралейгомъ (между 1616 и 1623 г.). Въ Парижѣ подавали на королевскомъ столѣ, въ 1616 г., какъ рѣдкость. Въ Германіи узнали въ 1650 г.—Но изъ многихъ извѣстій видно, что картофель проникъ въ разныя мѣста Германіи, въ тридцатилѣтнюю войну. Его разводили въ садахъ.—Въ Витембергъ вывезенъ 1710 г., въ Саксонію 1717 г. Сюда привезъ генералъ-лейтенантъ Милькау, какъ единственный трофей отъ пагубной брабантской войны.—Въ Пруссію доставленъ 1720 г.

Картофель хвалили многіе, но боялись употреблять его: думали, что онъ для здоровья очень вреденъ. Его причисляли къ роду *псинка* (solanum), который почитали ядовитымъ, и полагали еще, что картофель причиняетъ одурь. Семилѣтняя война истребила этотъ предразсудокъ; тогда начали приготовлять его разными способами, и къ удивленію нашли, что онъ ко многому способенъ и замѣняетъ хлѣбъ. Во всѣхъ періодическихъ сочиненіяхъ стали объявлять, какъ дѣлать изъ картофеля супъ, клёцки, аладьи и другія кушанья. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, узнали важность картофеля, безъ коего погибла бы половина Германіи отъ голоду, и это было эпохой славы драгоцѣннаго

плода. Предразсудки тогда уничтожились и стали разводить картофель повсюду.

Туземное названіе картофеля *папасъ*, потеряло свое имя. Въ Виргиніи проименовали его *операнкъ*, Англичане potatoes, Французы pomme de terre, Италіянцы tartaffoli, Голландцы ardappeln, но болѣе всего пострадалъ папасъ въ Германіи. Сдѣсь его прозвали Grübling, отъ находящихся ямочекъ на картофелѣ; helianthus tuberosus, Erdäpfel, земляными яблоками; Erdbirnen земляными грушами, по австрійскому нарѣчію Grundbirnen, по швабскому Grumbirnen. Иные называли Toffeln, Töffelchchen, Artoffeln, Ertffeln, Erduffeln, Kartoffeln, Kartuffeln. Въ нѣкоторыхъ странахъ называютъ еще Knollen и Nudeln, и оба эти слова соединили въ Knollnudeln. Многіе называли patateп и batateп. Этимъ именемъ собственно называется въ Индіи растѣніе колокольчикъ. — Изъ всѣхъ названій сдѣлалось общимъ картофель, коего породъ считается 46, изъ нихъ 23 лѣтняго а 23 озимаго. По происхожденію суть: перуанскій, американскій, суринамскій, англинскій, ирландскій, доннерсборгскій и гейсбергскій. По внутреннему свойству: сухій, водяный, мучистый, тѣстоватый, крѣпкій, мягкій, бѣломясистый, бѣломясный съ пурпуровымъ кругомъ, бѣломясный съ красными пятнами, бѣломясный съ синими пятнами.—Самый луч-

шій картофель, это сахарный, который не бываетъ величиною болѣе греческаго орѣха, иногда съ вишню, и только въ мокрое время бываетъ величиною съ куринное яйцо. Вкусъ его пріятный миндальный. Его употребляютъ вмѣсто каштановъ: съ капустою, сорочинскимъ пшеномъ и въ разныхъ супахъ. За нимъ борсдорфскій, который величиною съ яблочко; бываетъ съ голубиное яйцо, пулю и орѣхъ. Потомъ весьма замѣчателенъ голландскій, имѣющій отличіе сахарнаго.

Кромѣ питательнаго свойства, картофель съ пользою дѣйствуетъ противу цынги. Мореходцы берутъ его съ собою въ дальній путь. — Нигдѣ не было столько предразсудковъ противу картофеля, какъ въ Германіи, и теперь нѣтъ тамъ ни одного мѣста, ни одного дома, гдѣ бы онъ не составлялъ пищу. Есть тамъ цѣлыя области, которыя болѣе употребляютъ картофель, нежели хлѣбъ.—Между Нѣмцами варятъ съ ранняго утра картофель, и имъ кормятъ дѣтей и служителей; съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда подастся лакомая пища и не могутъ дождаться, когда еще созрѣетъ картофель!

Картофель весьма много поправляетъ землю, и нѣтъ ни одного плода, который дѣлалъ бы ее столь рыхлою, такъ умножалъ бы глу-

бину чернозёма и хорошо приготовлялъ бы къ послѣдующему урожаю. — Картофелемъ откармливаютъ не только домашнихъ животныхъ и птицу, но даже рыбу. — Изъ картофеля приготовляютъ: масло, сыръ, крахмалъ, муку, крупу, саго, уксусъ, пиво, водку, патоку и сахаръ. — Нѣмецкія прачки употребляютъ картофельный составъ, вмѣсто мыла; мѣдники удачно лудятъ жесть. Изъ картофельной кожи можно дѣлать бумагу, стольже прозрачную, какъ Японцы дѣлаютъ для своихъ искуственныхъ цвѣтовъ. — Сѣменныя картофельныя яблочки, съ великой выгодою употребляются у ткачей вмѣсто клея. (*)

Наши предки долго не знали картофель и онъ перенесенъ въ Россію въ концѣ XVIII в. Это перуанское произведеніе, удобно усвоилось съ нашимъ климатомъ. Но простой народъ не вездѣ охотно употребляетъ въ пищу, считая *чортовымъ яблокомъ*. Есть уѣзды въ восточчасти Россіи, гдѣ крестьяне даже боятся садить его, думая навлечь на свои поля неблагословеніе Божіе. Они увѣрены еще, что кар-

(*) Путшъ: Описаніе картофеля, изд. С.-Петерб. 1821 г. in 4, с. 1—3, 7, 16, 13, 14—15, 27, 53, 126, 128 и 138—138—181, 182 и 183. Совѣтуемъ домохозяевамъ запастись прекраснымъ сочиненіемъ Путша, который очень умно излагаетъ разныя породы картофеля, способы его разведенія и употребленія въ хозяйствѣ.

тофель предназначенъ для потребленія одной нечистой силы; что картофель родится съ головою и глазами, на подобіе человѣка, а потому кто ѣстъ картофель, тотъ ѣстъ души человѣческія. — Старообрядцы утверждаютъ, что картофель есть тотъ запрещеный плодъ, который вкусили первые два человѣка, по этому кто ѣстъ его, тотъ не слушается Бога, нарушаетъ Его святыя заповѣди и никогда не наслѣдуетъ царствія небеснаго. Были примѣры, что правительственныя мѣры не могли убѣдить земледѣльцевъ къ разведенію картофеля, и этому причиной раскольники и суевѣры, поселившіе въ нихъ отвращеніе и страхъ. — Время лучшій учитель, и по этому нѣтъ сомнѣнія, что предубѣжденіе къ полезнѣйшему произведенію, замѣняющему хлѣбъ, истребится само собою.

—

IV. НАРЯДЫ.

Древнѣйшая одежда Славянъ.

Славяне прибалтійскіе, по свидѣтельству Тацита, не отличались одеждою отъ германскихъ народовъ, — они едва закрывали наготу свою. Славяне дунайскіе сражались, еще въ VI в., почти полунагіе, прикрывая только нижнюю часть тѣла споднимъ платьемъ; шкуры звѣрей лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинныя одежды, украшались бисеромъ и металлами, отнятыми на войнѣ или вымѣненными у иностранныхъ купцевъ (*).

Древняя одежда Русскихъ.

Аравійскій посолъ Ахметъ, будучи у волгскихъ Болгаръ, въ нач. X в., видѣлъ многихъ Славянъ и описываетъ ихъ нарядъ, довольно грубымъ. Мущины, пишетъ онъ, не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ; но набрасываютъ на себя съ боку толстую одежду, оставляя другую руку всегда свободною. Они никогда не ходятъ безъ оружія; у каждаго большой ножъ, мечъ и топоръ, и всякая женщина носитъ ножъ, а на шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя; главное же ихъ украшеніе зеленый бисеръ (**). При описаніи погребенія одного изъ стар-

(*) Strit. Mem. popul. т. II. с. 29.

(**) Этотъ посолъ былъ отправленъ багдадскимъ калифомъ Муктедиромъ къ королю Болгаръ въ 922 г. Ibn

шинъ, онъ говоритъ, что покойникъ былъ одѣтъ въ два исподнія платья, сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами, и парчевую шапку, опушенную соболемъ (*).

Счастливыя войны и торговыя сношенія Русскихъ съ Константинополемъ и Болгарами, въ продолженіи двухъ столѣтій, измѣнили образъ жизни: поселили изобиліе и роскошъ. Великіе Князья, сановники и войны, ознакомившись съ пышностію царьградскою, стали носить длинныя, широкія по восточному вкусу платья; отъ нихъ перенимало все прочее сословіе, потому всѣ одежды наши были подражательныя греческимъ. Нерѣдко послы наши требовали, отъ греческихъ императоровъ, именемъ своихъ Князей, и царской одежды и вѣнца. Императоры отговаривались отъ нихъ тѣмъ, что порфира и короны, дѣланы руками ангеловъ, и должны быть хранимы въ Софійской церквѣ.

Женщины, одѣваясь въ длинныя платья, убирали грудь монистами, ожерельями и золотыми цѣпями; пальцы колцами и перстнями; волоса заплетали въ косу, а головный нарядъ блесталъ жемчугомъ и золотомъ (**).

Fotzlans und anderer Araber Berechte über die Russen älterer Zeit. С. П. Б. 1823 г.; перев. акад. Френемъ, с. 5.

(*) Frähn: Über Fotzlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. с. 15.

(**) Египтяне почитаются изобрѣтателями колецъ; они

Богатые люди носили шелковое платье, драгоцѣнные поясы и сафьянные сапоги (*). Въ XI и даже въ XVI в., мы встрѣчаемъ сапоги съ загнутымй къ верху носами; подошвы подбивались гвоздями; голенищы были до икоръ круглые. Въ XIV в. голенищы шились подъ

не носили ихъ на пальцахъ, но на хребтѣ ладони, почему дѣлались широкими обручами. Евреи давно носили ихъ. Мойсей, по возвращеніи изъ горы Синайской, нашелъ золотого тельца, вылитого изъ колецъ, перстней и сергъ. Лакедемоняне, слѣдуя Ликурговымъ законамъ, носили желѣзныя. Римляне украшали пальцы статуй: Нумы Помпилія и Сервія Туллы. — Въ Римѣ былъ обычай, что женихъ посылалъ невѣстѣ желѣзное кольцо. Кай Марій, первый надѣлъ золотое кольцо. Северъ дозволилъ простымъ воинамъ носить кольца, а Августъ отпущеннымъ на волю. Послѣ этого стали носить всѣ безъ разбора, отъ чего Тиверій запретилъ особымъ закономъ. Карфагеняне награждали кольцами воинскія заслуги, подобно нынѣшнимъ крестамъ; въ послѣдствіи Римляне стали отличать всадниковъ и заслуженныхъ воиновъ особыми кольцами. Евреи ввели обручальное кольцо, которое отъ нихъ позаимствовано христіянами, для утвержденія брачныхъ союзовъ.—Ожерелья и серги ввели Египтяне, отъ нихъ же распространялись по прочимъ частямъ свѣта. Diction. des origines. Par. 1777 г.

(*) Mem. popul..... т. II. с. 1008, т. III. с. 986 именуетъ σπανδια, родъ поясовъ; Баеръ: com. acad. т. x. с. 410.—Карамзинъ пишетъ, И. Г. Р. т. I. с. 246, что сафьяны употреблялись на одну обувь. Какую же? Историографъ объясняетъ въ послѣдствіи, что эта обувь были сапоги. — Въ древности не одни мущины, но и женщины носили ихъ. Этому доказательствомъ Малороссіянки, которыя доселѣ носятъ по праздникамъ, изъ краснаго или желтаго сафьяна. Въ будніе дни надѣваютъ онѣ смазанные сапоги, которые встрѣчаются и между великороссіянками, по деревнямъ и городамъ.

самыя колѣна и здѣсь стягивали ихъ ремнемъ и тесьмою. Знатные люди и Великіе Князья, носили по большей части голенищы короткіе, унизывали ихъ золотыми и серебряными прошвами, галунами, жемчугомъ и каменьями. Впрочемъ, таковая роскошъ появилась, какъ кажется, не раньше XVI. в., что увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Споднее платье называлось *портами* или *порты*; они шились изъ полотна. (*)

Рубашки, называвшіяся *сорочками*, а по славянски *срачицами*, шились изъ холста, длинными до колѣнъ, съ разрѣзнымъ напереди воротомъ, и подпоясывались шнуркомъ поверхъ сподняго платья. — По завладѣніи Россіи Татарами, измѣнились многія наши одежды. Самыя сорочки и споднее платье, приняли другой покрой, и едва ли не тогда вошли въ употребленіе штаны и шаравары. Сорочки и тогда шились не длиннѣе колѣнъ; воротъ разрѣ-

(*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ порты принимаются нашими лѣтописцами за одежду, безъ обозначенія: верхняя ли это была, или нижняя? В. К. Ростиславъ велѣлъ, послѣ смерти дяди своего (1155 г.): *снесть предъ ся порты и злато и серебро, и все что ни есь.* — Русск. лѣт. съ воскр. сп. 4. II с. 33. изд. 1793 г.

Можно полагать, что отъ порты произошло названіе *портной*. — А порты? — отъ толстаго посконнаго холста, называемаго въ простонародіи *портъ*, изъ коего они шьютъ споднее себѣ платье.

зывали на лѣвой сторонѣ. Для украшенія же дѣлали на груди и спинѣ *подоплекъ*, вышитый красными нитками и шелкомъ. Подъ пазухою нашивали красныя и синія *ластовки*, или ластовицы. Воротникъ и края рукавовъ вышивали красными нитками, шелкомъ, серебромъ и золотомъ, смотря по состоянію и званію. — Воротникъ застегивали металлической пуговкою.— Споднее платье шилось весьма просторнымъ: изъ холста, бумажной и шелковой матерій, и подвязывали на шнурѣ подъ рубашкою; концы сподняго платья засовывали въ сапоги. Богатые и знатные, носили шелковые и парчевые штаны, которые были холодные и теплые.

В. К. Святославъ 1., гроза восточной имперіи, ни чемъ не отличался одеждою отъ простаго ратника; — тогда воины и мирные граждане одѣвались одинаково. Когда онъ увидѣлся съ Іоанномъ Цимискіемъ, на берегу Дуная подъ Доростелемъ (Силистріею); тогда Греки смотрѣли на него съ изумленіемъ. Императоръ, окруженный облитыми въ золото всадниками, сидѣлъ на конѣ, а Святославъ въ лодкѣ: въ простой бѣлой одеждѣ, съ длинными усами, рѣденькой бородой и съ клокомъ волосъ на головѣ; въ ухѣ его висѣла

золотая серьга, украшенная жемчуженой и рубинами (*).

Ношеніе серьгъ между мущинами, было во всеобщемъ употребленіи до нач. XV в. Въ завѣщаніи В. К. Іоанна, отца Дмитрія донскаго, видно, что онъ отказалъ сыновьямъ своимъ по жемчужной серьгѣ (**). По извѣстію иностранныхъ писателей XVI и нач. XVII в., они видѣли многихъ бояръ, купцовъ и про-

---

(*) Малороссійскіе казаки долго носили, и теперь нѣкоторые носятъ, длинный клокъ волосъ на головѣ, называемый *хохолъ*, а чумаки (извощики, занимающіеся перевозкою тяжестей, соли и рыбы) носятъ *чуприны*, — тоже самое. Клокъ волосъ, выходя изъ темя головы, обвивался за правое ухо, и висѣвшій его конецъ назывался оселедцемъ (сельдеею), потому что онъ былъ похожъ на сельдь. Русскіе, насмѣхаясь надъ клокомъ волосъ, прозвали Малороссіянъ *хахлами*, и это слово обратилось въ послѣдствіи въ укорительное. Невѣжи, подъ именемъ хохловъ, разумѣютъ людей грубыхъ и необразованныхъ. Имъ простительно такъ думать, но случается слышать, что весьма образованные укоряютъ хохломъ, и эти хохлы весьма благоразумно отвѣчаютъ имъ: *нехай соби каже, на то у его языкъ щобъ брехаты.*—Ношеніе чубовъ или хохловъ, было извѣстно многимъ древнимъ народамъ. Самъ Тацитъ, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х., говоритъ, что у Свевовъ былъ обычай закручивать и пучкомъ связывать себѣ волосы; что самые старики носятъ *страшный чубъ и часто завязываютъ его на самой макушкѣ* (horrentem capillum retro sequuntur ac sæpe in ipso solo vertice religant). Tacit: German. гл. XXXVIII.

(**) Собр. госуд. грам. и догов., см. духовную грам. В. К. Іоанна подъ 1356 г.

столюдиновъ со серьгами. И нынѣ нѣкоторые изъ простаго сословія носятъ ихъ.

Бороды.

Должно думать, что кіевскіе Славяне издревле брили головы, оставляя на головѣ одинъ клокъ волосъ; но въ послѣдствіи, когда мы узнали греческіе наряды, тогда стали ходить по восточному: съ длинными волосами на головѣ и длинной бородою. Аравійскій писатель X в. говоритъ, что Русскіе не брѣютъ бородъ. (*) Въ русской правдѣ опредѣлена денежная пеня за поврежденіе бороды и зуба, именно 12 гривенъ. Гривна означала въ то время, полъ фунта серебра.—Ношеніе бородъ было повсемѣстнымъ у насъ до нач. XVIII в., съ этихъ поръ все дворянство стало брить, оставивъ ихъ носить духовенству и простому народу. Старовѣры думаютъ, что человѣкъ съ бородою, есть только образъ и подобіе Божіе. (**)

О древнѣйшемъ нашемъ одѣяніи можно сказать только то, что долгое платье считалось почетнымъ и подпоясывали его кушакомъ, а короткое носило одно простое сословіе, какъ это

(*) The oriental geography of Ebn Haukal., c. 191. Евреямъ запрещено было брить бороды и остригать голову въ кружокъ.—Кн. 3. Левитъ, гл. 19, с. 26.—Во время сѣтованій остригали голову и бороду, и сидѣли во храмѣ съ непокритой головою.—Плачъ Іереміи, его посланіе, ст. 30.

(**) Чулковъ: Абев. русск. суевѣрій, см. подъ словомъ борода.

было во всей Европѣ до пол. XVII. в.; тоже самое было съ бородами. Генрихъ IV., король французскій, носилъ еще бороду и длинное платье; императоры германскіе любили одѣваться въ пестрыя, разноцвѣтно-длинныя одежды и гордились бородой,—и неранѣе пол. XVII в. стали измѣнять древніе обычаи. О гишпанскихъ государствахъ нечего упоминать, потому что они, познакомившись съ нравами Аравитянъ, позаимствовали ихъ одежду и образъ жизни восточной. Колумбъ знаменитый и весь дворъ Изабелы и Фердинанда католика, блистали одеждою шелковой и длинною. Еще Филиппъ II., Елизавета англійская, Кромвель и другіе, ходили въ азіятскихъ одеждахъ.— Наружный блескъ прежнихъ временъ, составлялъ общій вкусъ одѣяній.

Серьги, ожерелье, монисты, кольца и перстни.

Хотя серьги носили мущины, однако ожерелья и монисты были собственно украшеніемъ женскаго пола; употреблялись же у насъ съ самыхъ древнихъ вѣковъ, со временъ набѣговъ нашихъ предковъ на восточную имперію. Въ послѣдствіи серьги, ожерелья и монисты образовали необходимую принадлежность нашихъ красавицъ, и распространились между всѣми сословіями: чѣмъ богаче были эти наряды, тѣмъ болѣе выказывалась чрезъ нихъ знатность рода. Въ старину судили о знатности по богатству, и

нынѣ встрѣчаютъ по головѣ, а провожаютъ по одеждѣ. До XIII ст. носили, даже боярскія жены, серебряныя кольца (*); съ этаго же времени появляются уже гораздо чаще, золотыя, и перстни съ драгоцѣнными каменьями. При порабощеніи насъ Татарами, исчезла роскошъ; однако Великіе Князья и ихъ дворъ, носили заповѣдныя кольца и перстни, въ томъ мнѣніи, что они имѣли тайную силу противудѣйствовать всякому яду и чародѣйству. Ханы Золотой Орды употребляли ихъ съ тойже самой цѣлью. — Наши князья, отправляясь въ Орду, запасались такими перстнями (**).

Въ вѣка общаго невѣжества, вѣрили въ волшебное дѣйствіе перстней, точно какъ въ амулеты. Этимъ мнѣніемъ былъ зараженъ самъ Іоаннъ III, великій государь,—и великіе часто

(*) Воскресен. лѣт. ч. I. с. 69.

(**) Одинъ изъ употреблявшихся перстней, противу чаръ и яду, я имѣлъ случай видѣть (1843 г.) въ Саратовѣ. Онъ былъ найденъ на царевскихъ курганахъ, — на мѣстѣ бывшей столицы Золотой Орды: величина его съ обыкновенный перстень, сдѣланъ изъ чистаго арабскаго золота, съ камнемъ на верху и изломанной внизу пружинкою. На немъ были видны слѣды изображенія какого-то животнаго. — Другой найденный перстень былъ такъ же золотой, но безъ камня, и внизу находилась остроконечная шпилька. Оба они служили отравленіемъ, — что нерѣдко случалось при Ордѣ, гдѣ угощая лицемѣрно, въ тоже время пожимали руку съ злобной улыбкой и сжимали наполненную ядомъ пружину. — Должно сказать, что этотъ обычай умерщвленія, изобрѣтенъ въ Италіи, и тутъ онъ сильно господствовалъ до конца XVI в.

платятъ дань предразсудкамъ. — Ханъ крымскій Менгли-гирей, другъ Іоаннъ III, отправляя къ нему однажды подарки, писалъ: «посылаю тебѣ перстень изъ рога качерденева, индѣйскаго однорога. Тайная сила этого перстня уничтожаетъ ядъ въ кушаньѣ и всякое лихое зеліе; носи на рукѣ, и помни мою дружбу» (*). Къ чести Россіи, у насъ не носили ядовитыхъ перстней и колецъ.—Въ концѣ XVIII и нач. XIX ст., господствовала страсть носить драгоцѣнные перстни и кольца. Купечество и мѣщанство столичныхъ городовъ, щеголяетъ еще ими, но въ благородномъ сословіи почти вышло изъ обыкновенія.

Серьги и монисты, изящное украшеніе женскихъ прелестей, издавна были во всеобщемъ употребленіи, и ихъ было у насъ въ такомъ множествѣ, что во время государственныхъ нещастій, выкупали себя цѣнностію украшеній.

Удѣльный князь дорогобужскій, Владиміръ Мстиславичъ, осадивъ Галичъ, требовалъ отъ жителей серебра. «Если же не дадите, то подниму всѣхъ васъ на щиты.» Они, не зная откуда взять, сняли съ своихъ ушей серьги а съ шей мониста, слили и принесли ему. (**)

(*) Кар. И. Г. Р. т. VI. изд. 1817 г. прим. 534. Дѣла крымскія, хран. въ москов. государ. арх. с. 1029, 1030.

(**) Русск. лѣт. съ воскр. сп. ч. 11. с. 8. изд. 1793 г. Монисты называются въ Малоросіи намисто и крали; то и

Живя въ простотѣ нравовъ, всѣ довольствовались произведеніями своей страны, которая въ избыткѣ снабжала нашихъ предковъ дорогими мѣхами, полотномъ и шкурами, для разныхъ одеждъ; но однако простой народъ предпочиталъ сапогамъ лапти, по чрезвычайной легкой работѣ и изобилію матеріала. — Древность ихъ превышаетъ введеніе сапогъ.—Владиміръ 1, заставивъ Болгаръ своими побѣдами платить ему дань, возвратился въ Кіевъ со многими плѣн- *Лапти.*

другое носятъ дѣвушки на шеяхъ. Монисты очень сходны съ латинскимъ словомъ monille. Въ превращеніяхъ гл. X. говоритъ Овидій: dat digitas gemmas, dat longa monilla collo. Надѣвать на пальцы перстни съ драгоцѣнными каменьями, а на шеи длинныя монисты, почиталось у Римлянъ отличіемъ. Перстни и кольца, давались мущинамъ за особенныя подвиги,—какъ нынѣшніе орденскіе знаки. Времена измѣняютъ понятіе объ отличіяхъ.—Объ римскихъ отличіяхъ см. Thesaurus eruditionis scholasticae, Frankf. ed. 1652 r. De omnibus mulierum ornamentis eruditam indicationem, Andr. Tiraquelli, in expositione: Legum connubialium.—Серьги носили съ незапамятныхъ временъ оба пола.—Египтяне, Евреи и всѣ восточные народы дѣлали золотыя, серебренныя и изъ драгоцѣнныхъ камней. Греки и Римляне, украшали еще жемчугомъ и алмазами. Дѣвицы и мальчики, носили по одной серьгѣ, а мущины и женщины по двѣ. У Индѣйцевъ мущины и женщины дѣлали ушы нарочно длинными, и привѣшивали широкія дощечки, усыпанныя драгоцѣнностями. Калькутскія царицы и придворныя дамы, тщеславились ушами, висѣвшими на грудяхъ и унизанными бисеромъ,—это почиталось особой красотой. Европейскія дамы не доходили до этой утонченности.—Но кто знаетъ будущее? Многіе восточные обычаи начинаютъ возобновляться, недалеко примѣры: длинныя женскія платья, тянущіяся по землѣ.

никами (985 г.). Добрыня, осмотрѣвъ приведенныхъ, которые были въ сапогахъ, сказалъ Князю: *симъ дани намъ не давати, но пойдемъ искать лапотниковъ.* (*) Имъ не быть нашими данниками, потому что такіе люди, доказывая свой избытокъ, имѣютъ болѣе средствъ къ защищенію себя.—Лапотники, о коихъ говоритъ Добрыня, суть племена сѣверо-восточной Россіи, гдѣ народъ былъ бѣднѣе. (**)

(*) Нест. по кенигсб. сп. ст. 73.

(**) Наши лапти весьма похожи на римскіе *спарганъ* и греческіе *карватины*. Тѣ и другіе плелись изъ прозябаемаго вещества. Образецъ таковыхъ лаптей, найденъ въ геркуланскихъ развалинахъ. Плиній говоритъ, что растѣніе *спарганъ* (sparganium), употреблялось для плетенія башмаковъ, которые отъ самаго растѣнія получили названіе спарганъ и спаргамъ. Guthrie: Sur les antiq. de Russ. c. III. — Отъ чего произошло названіе лаптей, кои тѣже спарганъ? — Неизвѣстно. Всѣ знаютъ, что лапти обыкновенная обувь нашихъ поселянъ, потому что она самая дешевая. Ихъ плетутъ изъ липовыхъ лыкъ не только взрослые, но и дѣти; носятъ довольно долго и выгодны для земледѣльческихъ работъ, потому что если рвутся скоро, то потеря нечувствительная; новыя дѣлаютъ съ чрезвычайной скоростью: понѣсколько паръ въ день.—Многіе доказываютъ грубость нашего народа тѣмъ, что онъ носитъ лапти? Поселянинъ, занятый работами, можетъ ли думать объ убранствѣ? Мужикъ, неусыпно работающій въ полѣ, среди снѣговъ и дождей, въ состояніи ли запастись такимъ количествомъ сапогъ, какъ лаптями? Что ему стоитъ одна пара сапогъ, которые онъ изобьетъ въ короткое время на полевыхъ занятіяхъ; то вѣрно не стоютъ полъсотни лаптей, коихъ не сноситъ въ четыре или пять лѣтъ. Женщины и дѣвушки деревенскія, не стыдятся носить лапти,

Мужикъ надѣваетъ свои лапти на обернутую имъ онучь или портянку, и обматываетъ потомъ лыкомъ, веревочкой или ремнями. (*)

слѣдуя благоразумному правилу: чужимъ умомъ не будешь уменъ. Онѣ трудятся, не засыпаютъ ночей отъ работы, и думаютъ не о приличіи: носить ли имъ лапти или нѣтъ? но о томъ, какъ бы имъ покончить скорѣй работу. Во время трудовъ, все сельское живетъ посельски; въ праздники же надѣваютъ мущины сапоги, а женскій полъ башмаки. —Въ этомъ ли грубость нашихъ добрыхъ и трудолюбивыхъ поселянъ.— Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, поклонниковъ чужеземщины, удивятся, если я имъ скажу, что я самъ видѣлъ въ Германіи, и даже въ столичныхъ ея городахъ, что мущины, женщины и дѣвушки носятъ деревянные башмаки: мягче ли это для ихъ ногъ? Въ Берлинѣ многія порядочныя семейства, для сбереженія башмаковъ и сапогъ, носятъ въ комнатѣ деревянные башмаки.—Что доказываетъ это? грубость или образованность?—а нашъ мужикъ не знаетъ этой мучительной обуви.—Одежда его простая и теплая, обувь дешевая и удобная, весьма естественныя съ образомъ его жизни и занятіями постоянными.

(*) Особой торговли лаптями, нигдѣ не существуетъ. На нижегородскую ярмонку привозятъ по нѣсколько тысячъ. Тутъ покупается сотня около 2 р. сер., а продается врознь по 3 к. с.—Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, костромской губерніи, есть казенное село Семеновское, которое, съ окружающими его деревнями, преимущественно занимается выдѣлкою лаптей. Они во множествѣ вывозятся на тамошніе базары, почему и самое это село извѣстно въ народѣ подъ именемъ Лапотного. Здѣсь и въ помѣщичьемъ селеніи Молвитинѣ, на каждый зимній базаръ доставляется до 100,000 паръ лаптей. Продающіеся въ Молвитинѣ, считаются самыми лучшими. Женскій лапоть отличается отъ мужскаго тѣмъ, что онъ дѣлается по меньше. Посредственный работникъ можетъ изготовлять въ день пять паръ.—Ихъ плетутъ слѣдующимъ образомъ: начинивъ лыко, дѣлаютъ заплетку, потомъ надѣваютъ

Одежда XI вѣка.

Памятникомъ одеждъ XI в., можетъ служитъ рисунокъ черниговскаго князя Святослава съ его семействомъ. (*)

Изображеніе одежды сына его Глѣба, изглажено временемъ; все княжеское семейство представлено въ ростъ. Олегъ въ высокой синей шапкѣ, на подобіе колпака, съ палевой опушкою; на шеѣ золотой парчи платокъ, съ развѣвающимися концами на груди; кафтанъ

ланоть на колодку, оправляютъ и ковыряютъ. — См. Журн. мин. госуд. имущ. за 1841 г. N 3., статья Кеппена: о мочальномъ промыслѣ, с. 25. — Тверскій помѣщикъ г. Эгерштромъ, нашелъ способъ дѣлать лапти: соломенные, изъ болотной травы осоки (corex uliginosa) или явора, камышевые и моховые, подковыренные пеньковыми бичевками. Опытъ подтвердилъ удобство и дешевизну этихъ лаптей, и многіе помѣщики высылали мальчиковъ къ г. Егерштрому, для обученія.—Бар. Боде предлагалъ ввесть въ употребленіе, вмѣсто лыковыхъ, пеньковые лапти, а г. Колычевъ совѣтывалъ дѣлать изъ льняного изгребья.—см. Землед. газ., 1838 г. с. 105. 585. 784.; 1839 г. с. 448.; Землед. жур. 1838 г. N 5. с. 287., 1839 г. N 4. с. 135.; Земл. газ. 1839 г. с. 81. Земл. жур. 1839 г. N 3. с. 486.

(*) Этотъ рисунокъ находится въ сборникѣ Іоанна дьяка, который собственноручно писалъ въ 1073 г., для чери. кн. Святослава, въ л. на перг., въ два столбца, уставомъ. Изображенія рисованы красками, съ позолотой; надъ головами сыновей, супруги и князя, позолоченныя имена: Глѣбъ, Олегъ, Давыдъ, Романъ, Ярославъ, княгиня, Святославъ. Вверху золотая надпись: «желанія сердца моего, Господи, не пріимы ны вся и помилуй ны.» Снимокъ этого сборника хранится въ Румянцовскомъ музеумѣ, а подлинникъ въ Императорской библіотекѣ.

багряный, обложенъ алою бахрамой; подпоясанъ золотымъ поясомъ и въ желтыхъ сапогахъ. Давидъ и Романъ одинаково одѣты, только въ алыхъ кафтанахъ. Княгиня въ синей высокой шапкѣ, съ алымъ покрываломъ; платье красное съ золотою бахрамой, подпоясано золотымъ поясомъ; на рукавѣ золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотомъ.—Она держитъ за руку юнаго Ярослава, который представленъ въ багрянномъ кафтанѣ, съ золотой бахрамою; подпоясанъ золотымъ кушакомъ съ бантомъ, сапоги красные. Кн. Святославъ, съ усами и бородой, стоитъ въ круглой низенькой желтаго цвѣта шапкѣ, съ красной опушкою и въ синихъ сапогахъ; кафтанъ на немъ синій съ красною бахрамой, по верхъ кафтана золотая княжеская мантія; въ рукахъ его книга, окованная золотомъ и покрыта малиновымъ бархатомъ.

Вся роскошъ одежды, какъ мы видимъ изъ этаго рисунка, состоитъ въ блескѣ золота и разноцвѣтной парчи. (*)

(*) Въ историческомъ описаніи одеждъ и вооруженій россійскихъ войскъ, составлен. г. Висковатымъ, ч. 1. с. 7. сказано, что черниговскій кн. Святославъ одѣтъ въ зеленоватое платье, въ родѣ подризника съ красною по подолу обшивкою, съ длинными рукавами и съ золотыми зарукавьями; съ верху накинутъ плащъ синяго цвѣта, застегнутый на правомъ плечѣ

Великіе Князья имѣли частыя сношенія съ Византіею, получали оттуда богатыя тканья и узорья; а купцы, производя значительную торговлю съ Греціею, вывозили ихъ для богатыхъ и вельможъ.—Великіе Князья и бояры, отличались пышностію одеждъ, а заслуженные бояры отличались еще отъ незаслуженныхъ, ношеніемъ на груди золотой цѣпи съ золотой гривною. Въ послѣдствіи времени тысяцкіе новгородскіе, носили золотую цѣпь на шеѣ,—въ ознаменованіе ихъ власти.—Великіе Князья и удѣльные, Цари и патріархи, носили на золотыхъ цѣпяхъ кресты и панагіи, осыпанныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ.

Простой народъ одѣвался въ толстыя одежды: мущины въ *зипуны*, а женщины въ *поневы*, это самое древнее одѣяніе. — Мантія называлась въ древности *корзнемъ*, *коцемъ и кочемъ*.— Вѣроятно и мантія Святослава была тоже корзно,—т. е. верхняя одежда. Кн. Владиміръ, желая защитить Игоря отъ убійства Кіевлянъ, соскочилъ съ лошади и покрылъ его *корзнемъ* (*). В. К. Андрей боголюбскій, женатый на дочерѣ боярина Кучки, былъ убитъ приверженцами Кучки, и тѣло его бросили въ огородъ.

золотыми петлицами и съ красной застежкою или запономъ, имѣющій красную покладку и общитый золотымъ гасомъ.

(*) Лѣтоп. Нестора с. 96 и 204.

Кіевлянинъ Козьма, усердный слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ трупомъ и плакалъ, и потомъ отнесъ въ церковъ, положилъ въ притворѣ и прикрылъ *корзномъ* (*). Черниговскій князь Михаилъ, прибывъ въ станъ Батыя, не хотѣлъ поклониться священному огню и кумирамъ. Ему объявили, что должно исполнить ханскую волю, или умереть. «Для васъ не погублю своей души», сказалъ онъ, снялъ съ себя *кочъ*, и бросилъ убійцамъ. «Возьмите славу этого міра, хочу небесной». (**) В. К. Іоаннъ калита, въ завѣщаніи своемъ отказалъ сыну Симеону, между прочими одеждами, *кочъ* съ бармами. (***) Это доказываетъ, что корзно, кочъ или коць, была великокняжеская одежда. — Со временъ Владиміра I или съ конца X по XIII вѣкъ, великокняжеская одежда хранилась въ софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ, и во храмѣ Божіей матери во Владимірѣ на Клязьмѣ. Половцы, опустошивъ Кіевъ (въ 1201 генв. 4), не оставили въ церквахъ ни одного сосуда, ни иконы, и похитили драгоцѣнныя одежды нашихъ князей, которыя

(*) Кіевск. лѣтоп. — Андрей боголюбскій умерщвленъ въ 1174 г. — И тако положивъ его въ притворѣ у божницы, и прикрывъ его *корзномъ*, и лежа ту дни и ночь.

(**) Воскрес. лѣт. ч. 11 с. 223. *Сымя съ себе кочъ свой.* Въ другихъ лѣтописяхъ употребляется *коць, и връже къ нимъ коць.* — *Кос'* по-польски значитъ полсть, а *кось* коляска.

(***) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1 с. 32.

вѣшались во храмѣ на память потомству. Татары, взявъ Владиміръ (въ 1238 г.), ворвались въ святый храмъ, сняли всѣ украшенія съ иконъ, книгъ и унесли древнія одежды.

Корзно обратилось въ послѣдствіи времени въ *приволоку*, т: е: короткій плащъ, который носили князья, бояры и дворяне до Петра I (*).

Поясы и кушаки, и война за поясъ.

Поясы золотые, усыпанные камнями, украшали мужскій уборъ и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживали расточительнось. Они никогда не складывались, а надѣвались гладко и ровно. Были поясы шелковые и плетенные золотомъ съ серебромъ; бархатные и кожаные: ихъ усаживали золотыми и серебренными бляхами, жемчугомъ и каменьями; при поясѣ висѣли капторги (застежки), тузлуки и калита.

За одинъ изъ поясовъ возгорѣлась война. Князья: Василій косой и Дмитрій Шемяка, пировали однажды на свадьбѣ у родного своего дяди, В. К. Василія (въ 1433 г.); всѣ были веселы и всѣ изумлялись драгоцѣнному поя-

(*) Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, говорится, когда В. К. Дмитрій осматривалъ свое войско въ полѣ: «утвердивъ же полки русскія и паки приде подъ свое черное знаменіе и сниде съ коня на иный конь, совлагая съ себя приволоку царскую и во иную облечеся.» Въ Древ. рос. вивл. ч. 8. с. 113., сказано, что при встрѣчѣ грузинскаго царя Теймуразы, стольники и комнатные стольники, стряпчіе и московскіе дворяны, были одѣты въ приволоки.

су Василія косого. Между тѣмъ намѣстникъ ростовскій, Петръ Константиновичъ, узналъ поясъ и сказалъ о томъ Софіи, матерѣ В. К. Василія, которая, обрадовавшись своей находкѣ и забывъ пристойность, сняла поясъ съ косого. Произошла ссора. Косой и Шемяка, оставили дворецъ съ гнѣвомъ, отправились въ Галичъ, собрали войско и начали непріятельскія дѣйствія.—Этотъ золотый поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями, первоначально былъ подаренъ кн. суздальскимъ, Дмитріемъ Константиновичемъ, нареченному его зятю, кн. Дмитрію, въ послѣдствіи донскому; тысяцкій Василій, во время свадьбы этого князя (1367 г.), тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и отдалъ сыну своему Николаю, женившемуся на Маріи, старшей дочерѣ князя суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки, этотъ поясъ достался Василію косому.

Кушаки складывались въ нѣсколько разъ: они были шерстянные, шелковые, а иногда переплетались золотомъ и серебромъ. Концы кушака висѣли впереди. За поясами и кушаками висѣли, по азіятскому обычаю, кинжалы и ножи. (*)

Нарядъ въ XIII вѣкѣ.

Почти такой же нарядъ былъ въ XIII в.; но здѣсь встрѣчаемъ гораздо болѣе описаній

(*) Собр. государ. гр. и догов. ч. I. с. 32.

о женскомъ одѣяніи и ихъ уборѣ. Замужнія носили, по словамъ Карпинія, длинныя и широкія платья, безъ застежекъ напереди; голову покрывали кокошникомъ, придававшимъ величественность всякой женщинѣ. Дѣвушки лелѣяли этотъ уборъ, возвышавшій ихъ прелесть.— Низъ кокошника былъ узкій и оканчивался вверху широкимъ четвероугольникомъ, который обводили серебрянымъ или золотымъ прутикомъ; весь кокошникъ обшивали багряной или темнокрасной матеріею. Дѣвушки и молодыя женщины, изъ простого сословія, одѣвались совершенно какъ мущины, и никто изъ постороннихъ, кромѣ родныхъ, не могъ различить ихъ. Оба пола въ молодомъ возрастѣ, носили длинныя красныя и алыя платья, опоясываясь, повыше живота, одной лентою съ лѣвой стороны, и тремя съ правой, оставляя лѣвой бокъ открытымъ. Дѣвицы носили косы до пядей. (*)

Рубриквисъ, другой путешественникъ того же столѣтія, разсказываетъ, что женскій полъ дѣлалъ на платьяхъ опушку снизу полы до колѣна, изъ разныхъ мѣховъ и горностаевъ. Мущины носили епанчи, подобно нѣмецкимъ; головы покрывали высокими остроконечными

(*) Voyage de Carpine en Tartar., 1246 г., помѣщ. въ собр. Бержер. ч. I. с. 28—29, изд. 1735 г.

шапками, которыя дѣлались изъ войлока. (*) Рубриквисъ, говоря объ уголовномъ нарядѣ женщинъ, не находитъ никакого различія въ одеждѣ нашей, между западными народами, потому что по всей Европѣ было тогда однообразное платье.

Отзывы путешественниковъ о наружности Русскихъ.

Путешественникъ кон. XV в., Контарени, хвалитъ мущинъ и женщинъ. Они, говоритъ онъ, весьма красивые. (**)

Павелъ Іовій, писавшій въ нач. XVI в., такъ отзывается: Русскіе вообще средняго роста, статные и какъ бы четвероугольные, но мусколоватые (***); глаза во всѣхъ голубые. Нѣжныя шеи женскаго пола, обвиваются самыми тончайшими соболями. (****)

Олеарій пишетъ, что Русскіе во всемъ похожи на Нѣмцевъ, отличаются же отъ нихъ одной дородностію и крѣпостію. Бояры весьма спесивые; ходятъ съ большими отвислыми брюхами, означающими важность и знаменитость. Женскій полъ по большей части стройный, лица ихъ нѣжныя и бѣлыя, груди небольшія, но правильныя; глаза черныя, руки полныя и мягкія, пальцы неболь-

(*) Voyage de Rubriquis en Tartar., пом. въ собр. Берж. с. 29, изд. 1735. Описанныя имъ войлоковыя шапки, вѣроятно тѣ самыя, какія носятъ бѣлорусцы.

(**) Voyage de Contareni, c. 53.

(***) Sed quadrata statura et valde torosa.

(****) Paul. Jovii: Leg. Moscov.

шіе, но всю свою очаровательность изуродываютъ окрашиваніемъ лица, рукъ и шеи: бѣлою, голубою, красною и черною красками, особенно когда идутъ въ гости или въ церковь. (*)

Маербергъ говоритъ: женщины средняго роста, по большей части весьма хорошенькія и сложены правильно; но лица свои, отъ природы румянныя, портятъ натираніями бѣлилъ, думая, что безъ нихъ онѣ не красивыя. (**)

Мечъ пишетъ, что мущины и женщины носятъ весьма длинные волосы. Послѣ смерти матери, дочери срѣзываютъ съ головы покойницъ пучокъ волосъ и заплетаютъ ихъ въ свою косу. (***)—Корбъ говоритъ, что женщины вообще статныя и хорошія, но губы ихъ прелесть; красоту свою безобразятъ румянами. (****)

Наряды начал. XVI вѣка.

Баронъ Герберштейнъ, посолъ импер. германского Максимиліана, бывшій у насъ въ нач.

(*) Olear. Oft begehrte Beschr. der Neuen Orient. Reise, с. 137, изд. 1647 г., Petrejum: Historien und Berichte vom Großfürstenthumb Muschkow, с. 595.

(**) Маерб. Voyage en Mose. с. 149 изд. Leid. — Mach. A relation of three embas. of Carlisle, с. 39. — О волосахъ Царя Алексѣя Михайловича, онъ пишетъ: thoagh his hair was so short, that one of our company took occasion to say, he wondered so great a Monarch should want hair to cover his ears.

(***) Mach. A relat. of. three embas., и т. д.

(****) Korb. Diar. itiner. in Moscov. edit. Vien. in f. c. 208.

XVI вѣка два раза, есть одинъ изъ лучшихъ и вѣрныхъ наблюдателей нашихъ нравовъ, того времени. Между многими любопытными свѣдѣніями, онъ сохранилъ въ точности названія носимыхъ тогда одеждъ, а именно: терлика, однорядки, охабня, ферезеи, кунтуша, доломана и кафтана. Эти одежды давно употреблялись у насъ, но мы доселѣ нигдѣ не встрѣчали имъ описанія.— Терликъ было верхнее широкое платье съ рукавами, но безъ воротника. Однорядка верхнее платье безъ воротника: длинное, широкое и съ опушкой; охабень совершенно похожъ на однорядку, только что съ воротникомъ; ферезея длинное платье, съ пуговицами съ верху до низу. Если дѣлали ферезею съ нашивками, то она называлась кунтушомъ, и пуговицы ставили на немъ до пояса. Доломаны и кафтаны, были короткія платья, съ пуговицами и прорѣхами на бокахъ; полукафтаны дѣлались съ козыремъ. Головы накрывали колпаками, которые у дворянъ были остроконечные, и дѣлались изъ шерсти. (*) Всѣ подпоясывались пониже живота, отъ чего всегда висѣло брюхо, какъ у Италіанцевъ, Гишпанцевъ и Нѣмцевъ. — Сапоги почти во всѣхъ были изъ красной кожи.— Поверхъ платья набрасывали еще епанчу съ

(*) Герберштейнъ ясно говоритъ о колпакѣ, и ни слова о шапкѣ: colpack dextra tenentem.

капишономъ. (*) Другой иностранецъ пол. XVI вѣка, говоритъ, что одежды наши во всемъ сходны съ венгерскими, исключая шапокъ, которыя рѣшительно бѣлыя (**). Таковыя одежды носили бояры, дворяне и купцы. Богатый отецъ передавалъ свое платье сыну, и въ праздникъ давалъ ему надѣвать свое. Тогда для всѣхъ шили одинаково, и потому, что было прилично матерѣ, то шло и дочерѣ. — Рубашки носили разноцвѣтныя; воротники были вышитые, и съ серебряной пуговицею; сапоги изъ цвѣтнаго сафьяна, болѣе красные, съ желѣзными подковами; волосы остригали въ кружокъ (***). По свидѣтельству Гванина, строго было запрещено царскимъ указомъ, во второй половинѣ XVI вѣка, чтобы люди безъ состоянія, не одѣвались въ пышныя одежды. Этимъ доказывается, что роскошъ, давно знакомая нашимъ предкамъ,

(*) Herber. Rer. Moscov. com. c. 49 и 55 и д. edit. Antver. 1557 г.; Alex. Guagnianus тоже говоритъ, что носили колпаки, называя ихъ *pileolum*., см. de Relig. Moscovit. omnium que Ruthenorum, въ ст. in tractata de Sarmatia c. 228, пом. въ собр. de Russor. Moscov. Tartar. ritus, edit. Spir. 1582 г. in 4°; Meletii de Russor. relig. et ritib. edit. 1581 г.

(**) Tiepolo: Relazione di Moscovia, 1560 an. in tutto simile a quelli degli Ungari fuor che nei capelli que da tutti si usano bianchie puntali. — Это извѣстіе рукописное, хранится въ Румянцовскомъ музеумѣ, списано въ Римѣ изъ библ. Барберини.

(***) Herber. Rer. Moscov. com. c. 36 — 40 и 56 edit. 1557 г.

недостаточные часто жертвовали послѣднимъ изъ своего имущества, для того только, чтобы своимъ блескомъ дать почувствовать гордымъ боярамъ, что они имѣютъ равное право на уваженіе народа, преклонявшагося предъ дорогими одеждами первостепенныхъ сановниковъ. Общее было тогда мнѣніе, что эти сановники, рожденные въ знатности и воспитанные въ нѣгѣ, имѣли неоспоримое право на почтеніе; но народъ, узнавъ въ послѣдствіи, что уваженіе пріобрѣтается дѣлами, сталъ ихъ чтить по заслугамъ. Когда встрѣчали бѣднаго, но пышно одѣтаго, тогда останавливали его и говорили ему съ укоромъ: ты нарядился паномъ! вѣрно собрался бѣжать въ Литву—Измѣнникъ! откуда ты взялъ эту одежду? не продалъ ли себя Ляхамъ?— Такъ думали тогда, и часто не безъ причины.— Литовскіе князья, враждуя безпрестанно съ Россіею, сыпали золото вѣроломнымъ, которые, служа орудіемъ для ихъ умысловъ, жили богато, роскошно и ходили въ блестящихъ одеждахъ. Часто видѣли въ этихъ одеждахъ бѣдныхъ людей, посему считали ихъ за измѣнниковъ.

Одежды: терликъ, ферезея, кафтанъ и колпакъ, позаимствованы нами частію отъ востока, а частію изъ Литвы; доломанъ и кунтушъ собственно венгерскія, и перешли къ намъ изъ Польши.

Тогда же носили кожухи и шубы, о коихъ хотя не говоритъ Герберштейнъ, однако они весьма старинныя одежды и суть русскія.— Кожухи (отъ слова кожа, мѣхъ) и шубы, подбивались дорогими мѣхами; шубы преимущественно дѣлались изъ лисьяго мѣха. Употреблялись такъ же бостроги (татарскія шубы), крытыя цвѣтной матеріею. Простой народъ носилъ полушубки, изъ бараньихъ и овечьихъ мѣховъ, которые доселѣ во всеобщемъ между ними употребленіи. (*)

Мы имѣемъ другія свѣдѣнія о старинной нашей одеждѣ, которой во многомъ противурѣчатъ сказанія очевидца Герберштейна. Жаль, что сочинитель не указалъ источниковъ: откуда онъ почерпнулъ любопытныя извѣстія о кафтанѣ, ферезѣ, однорядкѣ, русской и турецкой шубахъ, терликѣ, турскомъ кафтанѣ, становомъ кафтанѣ, зипунѣ, платнѣ, опашенѣ и кожухѣ. Мы не могли оставить безъ вниманія эти извѣстія, если бы не видѣли большого разногласія съ описаніемъ Герберштейна, и не жела-

(*) Нашъ народъ такъ привыкнулъ къ нагольнымъ тулупамъ, что онъ не желаетъ имѣть лучшихъ, потому что они хорошо грѣютъ. По этому предмету сохранилась народная поговорка:

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчинную шубу носимъ,
И лучшей не просимъ.

ли бы другимъ доставить случай повѣрить: тѣмъ болѣе что въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ поясненія этимъ одеждамъ, кромѣ названій. Кто имѣлъ случай видѣть древнѣйшіе рисунки нашихъ одеждъ, тотъ конечно знаетъ, что другихъ нѣтъ источниковъ. Сочинитель (*) видѣлъ самыя древнія одежды, но трудно положить, чтобы онѣ уцѣлѣли съ глубокой древности. Самое военное платье, которое съ недавняго времени стало храниться въ Москвѣ: въ арсеналѣ и оружейной палатѣ, шилось уже по образу старинному, когда оно портилось.

Вотъ занимательное описаніе.—Кафтанъ было узкое платье, съ рукавами узкими, длинными и со сборами. Длина его не заходила далѣе колѣнъ; воротникъ дѣлался высокій и стоячій, закрывавшій весь затылокъ, и назывался козыремъ. Кафтанъ шился изъ легкой и тонкой матеріи, рѣдко изъ сукна; полы обивали золотымъ и серебреннымъ голуномъ и цвѣтной матеріею. На переди застегивался петлями на пуговицахъ, съ длинными кисточками; у запястій связывались рукава тесьмянными, металлическими и ременными за-

(*) Г. Висковатовъ: Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ, ч. I. с. 14—20. С. П. Б. 1841 г. Это прекрасное сочиненіе украшенно богатѣйшими рисунками, каковыхъ еще не бывало при изданіи нашихъ книгъ. Описаніе одеждъ и вооруженій, составлено по Высочайшему повелѣнію.

рукавьями. Богатые украшали жемчугомъ и камнями.—Козырь или стоячій воротникъ, предметъ щегольства и роскоши, дѣлался атласный, бархатный и парчевый: онъ вышивался серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Выраженіе, употребляемое доселѣ: *онъ ходитъ козыремъ*, *онъ смотритъ козыремъ*, означаетъ чваннаго и тщеславнаго блескомъ своей одежды. Изъ дому не выходили въ кафтанѣ, а надѣвали на него ферезь: длинное платье, почти до лодыжекъ, съ таковыми же длинными рукавами, безъ перехвата и воротника; она застегивалась на переди длинными петлицами съ пуговицами; шилась изъ бумажныхъ матерій, сукна, бархата и парчи.—Простолюдины надѣвали ферезь на рубашку, и предпочитали бѣлый и синій цвѣты. На ферезь надѣвали охабень или охобень: это длинное платье до самыхъ пятъ, но гораздо шире, съ прорѣхами подъ рукавами и съ откиднымъ четвероугольнымъ воротникомъ, который висѣлъ почти до половины спины, иногда ниже, и вышивался подобно козырю. Охабни шились изъ обьяри, атласа и бархата.—Однорядки во всемъ похожи на охабень; были безъ воротника и шились изъ сукна, каразеи и другихъ шерстяныхъ матерій.—Въ зимнее время носили русскія и турскія шубы, на разномъ мѣху; ихъ покрывали сукномъ, камкою, атла-

сомъ, бархатомъ и парчею. Русскія шубы были похожи на охабень, но съ рукавами и отложнымъ мѣховымъ воротникомъ. На переди застегивались пуговицами или завязывались шнурами, съ длинными висячими кистями.—Турскія шубы имѣли покрой русскій, но широкіе и длинные рукава, до кистей рукъ. Иные дѣлали двойные рукава: одни надѣвались на руки, а другіе закидывались сзади для украшенія.

Одежды: терликъ, турскій кафтанъ, становый кафтанъ, зипунъ, платно, опашень и кожухъ, исключительно употреблялись при дворѣ. Терликъ во всемъ похожъ на ферезь, но былъ съ перехватомъ; на переди дѣлались короткія петли; отъ шеи вдоль обѣихъ полъ, по подолу и рукавамъ, обшивали серебреннымъ и золотымъ гасомъ, унизывали жемчугомъ и каменьями. Рукава шили короче ферези и безъ сборовъ.— Турскій кафтанъ, длинное платье безъ воротника и петлей; правую полу закидывали за лѣвую, застегивали у шеи и на лѣвомъ боку.— Становый кафтанъ былъ во всемъ подобенъ турскому, съ широкими и не длинными рукавами; вверху застегивали запонкой, и полы забирали за полы, шили преимущественно изъ шелковыхъ матерій. Его носили Государи поверхъ зипуна. Такого покроя кафтаны доселѣ носятъ купцы, съ тою разницею, что рукава у нихъ въ обхватъ.—

Зипунъ тоже что кафтанъ, но съ короткими петлями и безъ козыря. Зипуны подбивались мѣхомъ и украшались стоячимъ ожерельемъ вокругъ шеи, осыпаннымъ жемчугомъ и каменьями.—Платно во многомъ сходствовало съ ферезью; оно имѣло короткіе рукава и застегивалось короткими петлями; надѣвали на становый кафтанъ и носили одни Государи, потому шили только изъ бархата и парчи; вокругъ унизывали кружевами изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ.—Опашень, похожій на платно, шился съ короткими рукавами.—Кожухъ былъ тоже, что опашень, но подбивался мѣхомъ. Становый кафтанъ, платно, опашень и кожухъ, носили Государи и Царевичи. Кафтанъ, зипунъ и кафтанъ турскій, подпоясывались кушаками и поясами.—Вообще старинныя наши одежды имѣли, внизу боковыхъ полъ, прорѣзы, которыя застегивались петлицами.

Въ старинныхъ нашихъ бумагахъ встрѣчаются еще названія одеждъ: бугай, портище, ментеня и чюга, и какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, они были дорогія, носились Великими Князьями и знатными боярами.—Бугай подбивался собольимъ или другимъ дорогимъ мѣхомъ, и имѣлъ наплечники, усаженные жемчугомъ и каменьями. Портище вѣроятно носили на плечахъ, ибо было съ бармами, и шили изъ дорогой матеріи. Ментеня, верхняя одежда, шилась изъ

бархата и атласа, подбивалась мѣхомъ и унизывалась жемчужными кружевами. Чюга шилась изъ камки, бархата и сукна; подбивалась тафтою и опушку имѣла атласную, или подбивалась соболями и другими мѣхами; впереди застегивалась на пуговицахъ; пуговицы были золоченныя, петли серебренныя, а концы петель затканы золотомъ. (*)

Люди всѣхъ сословій носили рукавицы, и смотря по состоянію, онѣ были кожанныя, суконныя и бархатныя, съ серебренными и золотыми узорами; дѣлались однако холодныя, теплыя и перчцатыя. Должно думать, что отъ послѣднихъ произошло названіе перчатокъ. Рукавицы крестьянскія были таковой же формы, какъ нынѣшнія, и такъ же тесненныя по краямъ. Для зажиточныхъ же купцовъ, дворянъ, бояръ и Великихъ Князей, онѣ шились изъ сукна и бархата, подбивались мѣхомъ съ собольей опушкою; рукавицы перчцатыя были атласныя, суконныя, оленьи, лосиныя и вязанныя изъ шелку. Ихъ иногда подбивали мѣхами и атласомъ; при нихъ носили дорогія запястья, низанныя жемчугомъ и шитыя *волоченнымъ* золотомъ съ шелками; по краямъ нашивалась бахрама. Нѣтъ сомнѣнія, *Рукавицы.*

(*) О бугаѣ и портищѣ см. собр. госуд. гр. и дог. ч. 1 с. 34 подъ 1328 г.; о ментенѣ, — собр. госуд. гр. и догов. ч. 1 с. 417., о чугѣ г. Висковат.: Истор. описаніе одеждъ и вооруженій ч. 1 прим. 43.

что женскій полъ носилъ щегольскія рукавицы и перчцатыя рукавицы.

Не только драгоцѣнныя украшенія, золотые и серебренные сосуды; но и одежды завѣщивали Великіе Князья своимъ дѣтямъ. В. К. Іоаннъ калита пишетъ въ духовной: изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону: червленную шубу съ жемчугомъ и шапку золотую; Ивану обьяринную шубу съ жемчугомъ и коць великій съ бармами; Андрею бугай соболій (шубу) съ наплечниками; Маріи и Ѳеодосьи: два кожуха съ *аламы* (наплечники съ застежками), унизанныя жемчугомъ. (*)

Извѣстія объ нарядахъ полов. XVI вѣка.

По извѣстію Англичанина Турбевиля, половины XVI вѣка, Русскіе носили весьма длинныя рубашки съ отложными воротниками, которые у богатыхъ унизывались жемчугомъ, а рукава обшивались шелкомъ. Поверхъ сподняго платья, надѣвали полукафтанъ (**), а на него однорядку. Одна пара льняного платья достаточна была для каждаго Русскаго, который носилъ ее и зимою. Поверхъ однорядки надѣвалась мѣховая шуба, и смотря по состоянію, она вышивалась шелкомъ и серебромъ. Бѣдные носили армякъ на бараньемъ мѣху, азямы и сермяги. Армяки шились

(*) Собр. госуд. грам. и догов. т. 1 с. 31, писано завѣщаніе въ 1318 или 1331 г.

(**) A germent jacket.

изъ холста, а азямы и сермяги изъ толстаго сѣраго сукна, отъ чего послѣдніе получили названіе сермягъ. Азямы и рмяги шились съ узкими рукавами въ длину до колѣнъ, застегивались на переди петлями и пуговицами, и подпоясывались поясомъ (*). Сапоги съ заостренными носками, дѣлались на подковахъ, волосы стригли, и тотъ считался въ опалѣ, кто ихъ отращивалъ.

Было величайшимъ наказаніемъ для сановниковъ, когда были обязаны носить длинные волосы. По нѣсколько мѣсяцевъ тужили, что прогнѣвили Царя. — Такая кара, подкрѣпляемая общимъ презрѣніемъ къ опальнымъ, дѣйствовала на нихъ сильнѣе пеней.

Мущины и женщины наряжались въ разноцвѣтныя платья.

Бородъ мущины не стригли, исключая одного случая, когда В. К. Василій, желая казаться моложавымъ для своей супруги Елены, обрилъ свою бороду (1526 г), и всегда заботился, чтобы нравиться молодой женѣ.

(*) Въ словарѣ россійской академіи такъ опредѣлены азямъ и рмяги. Азямъ родъ одежды, подобной покроемъ русскому кафтану, употребляемый въ нѣкоторыхъ областяхъ простымъ народомъ, вмѣсто лѣтняго платья. Сермяга толстое и грубое сукно, изъ котораго поселяне шьютъ себѣ одежду. — Между Франками былъ въ употребленіи азямъ: *acesmes*, *achesmes*, — см. La combe: Diction. du vieux langage François, изд. 1762 г.

Страсть къ румянамъ.

Женскій полъ страстно любилъ румянить-ся, и тотъ мужъ, который не покупалъ для своей жены бѣлилъ, значило, что онъ не любилъ ее. Женщины красили щеки, губы, подбородокъ и брови, и намазывались до того, что отвратительно было смотрѣть на нихъ. Гостю позволялось румяниться въ присутствіи женщины, ибо этимъ онъ доказывалъ къ ней свое уваженіе (*). Другія бѣлили и румянили дорогія головныя повязки (вѣнчики), украшенныя золотыми и серебряными звѣздочками.

(*) Turbeville: Certaine letters in verse,—писано имъ къ его другу, пом. въ собр. Гаклюйта, т. I. с. 432 in 4°, изд. 1809 г. Mach: A relat. of three embas. of Carlisle, с. 40.; Окрашиваніе головныхъ повязокъ см. Tanner: Leg. Moscov. с. 49.; Olear: Offt begehr. Beſchr. der Neu. Orient. Reiße, с. 137. ed. 1647 г.; Маерб. Voyage en Moscov. с. 149. ed. Leid.

Если румянились мущины, то это они дѣлали изъ угожденія къ прекрасному полу: на все была мода, а мода страшный тиранъ. — Но чемъ можетъ оправдаться нынѣшняя молодежъ? Пусть это дѣлаютъ кокетки, беззубыя воздыхательницы и старые волокиты, а нецвѣтущая молодость, всегда плѣнительная — Шекспиръ хорошо сказалъ о пристрастныхъ къ румянамъ: Jhave heard of your painting too, wellenough. — God has given you one face and you make yourselves another. You jig, you amble and you lisp and nickname God's creaturres and make your wantoness your ignorance.—Hamlet, act. III. scen. II.—На многихъ старинныхъ иконахъ сохранились надписи, грозящія адскимъ мученіемъ тому, кто колдуетъ, бѣлится, украшаетъ себя богатыми одеждами и дѣлаетъ соблазнъ. Вотъ одна надпись: *женскій полъ за чары и безчинное убѣленіе лицъ, за прелестное украшеніе ризъ и за прочая соблазнъ, идутъ въ муку вѣчную.*

Продолженіе извѣстій о нарядахъ.

Свѣдѣнія Англичанина Флечера, бывшаго въ Москвѣ въ концѣ XVI в., гораздо полнѣе.— Недостаточные носили зимою, поверхъ овечьихъ шубъ, широкіе, длинные по икры, изъ толстаго сѣраго или бѣлаго сукна зипуны. (*) Изъ такого же сукна дѣлали споднее платье, шапки и рукавицы; бѣдные носили жупаны или зипуны, приготовленные изъ коровьей шерсти, а въ лѣтнее время довольствовались: рубахою съ косымъ воротникомъ и споднимъ платьемъ изъ холстины или пестряди.—Богатые отличались всегда роскошью и изысканностію: они носили рубашки съ шитыми воротниками, дѣлавшимися около шеи безъ складокъ; лѣтомъ хаживали у себя въ домѣ, когда не было постороннихъ, въ однѣхъ рубашкахъ; шеи покрывали унизаннымъ жемчужнымъ козыремъ или стоячимъ воротникомъ, толщиною въ три или четыре пальца; поверхъ рубашки надѣвали легкій шелковый жупанъ, который былъ до колѣна; сверхъ жупана надѣвали узкій парчевый кафтанъ съ персидскимъ кушакомъ, за который затыкали кинжалъ и ножъ; поверхъ кафтана была шелковая и широкая ферезь, подбитая мѣхомъ. Это была самая почетная и торжественная одежда бояръ и всѣхъ чиновниковъ. Она употре-

(*) Между Франками употреблялся зипунъ (gipan), см. La Combe: Diction. du vieux langage François, изд. 1762 г.

блялась для придворныхъ выходовъ, и шилась по бархату золотомъ; была и обьяринная.

При пріемѣ иностранныхъ пословъ, перемѣняли по нѣсколько разъ кафтаны. Недостаточные получали изъ казны: золотыя, серебряныя, парчевыя и изъ персидской ткани одежды, и высокія шапки изъ чернаго лисьяго мѣха. Это великолѣпіе изумляло иноземцевъ; они говорили единогласно, что Царскій дворъ былъ облитъ въ золото. Иные представлялись ко двору въ цвѣтномъ платьѣ, шитомъ изъ обьяри, камлота или тонкого сукна съ золотыми нашивками; голову покрывали черной шапкою.

Придворная одежда.

Указомъ 1680 г. дек. 19 предписывалось являться ко двору въ ферезяхъ, только однимъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и дьякамъ. На ферезь набрасывали охабень, длинное платье съ рукавами и воротникомъ.—Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, въ концѣ XVII вѣка, не велѣно никого впускать во дворецъ, одѣтаго въ охабень.—Во время выѣздовъ надѣвали, поверхъ охабня, однорядку, длинную одежду изъ сукна или камлота, дѣланную безъ воротника; въ военное время употребляли корзнь, родъ епанчи. Сапоги носили сафьянные и часто обшивали жемчугомъ; нижнее платье было атласное или парчевое. Головы покрывали

высокими собольими, горлатными и лисьими шапками (*). Названіе горлатныхъ шапокъ произошло отъ употребленія мѣха отъ душекъ, или горла пушистыхъ животныхъ. Онѣ дѣлались вышиною почти въ аршинъ: вверху ширѣ, а къ головѣ уже. Къ этой шапкѣ иные прикрѣпляли пушистое высокое перо, на дорогомъ запонѣ или застежкѣ, усыпанное камнями. У другихъ шапокъ верхъ былъ парчевый или бархатный, а сподъ соболій или рысій. Иные унизывали жемчугомъ, и къ верху привязывали кисти съ дорогими каменьями, и таковыя шапки назывались *мурманками или мурманкою.* Борисъ Годуновъ, при пріемѣ константинопольскаго патріарха Іереміи II., стоялъ у трона Царя Ѳеодора *въ шапкѣ мурманкѣ и золотой одеждѣ на опашку.*—Мурманки были высокія, съ плоскою тульею и къ головѣ ширѣ; дѣлались безъ бархата и парчи, и вмѣсто мѣховаго околыша, имѣли мѣховую съ отворотами лопасть, которая въ двухъ мѣстахъ у тульи пристегивалась пуговицами на петляхъ. Къ нимъ прикрѣпляли иногда дорогое или жемчужное перо.

Боярская одежда.

Обыкновенное же платье бояръ, какъ самое старинное, это было: черное бархатное, иногда

(*) Названіе шапокъ въ первый разъ встрѣчаемъ между иноземцами у Олеарія: Offt begehr. Beſchr. der. Neuen Oriental. Reiſe, с. 136 ed. Шлезв. 1647 г.

унизанное по краямъ дорогими камнями и жемчугомъ, и употреблялось почти до половины XVIII вѣка. Носили еще фофудіи, — самая древняя одежда мущинъ и женщинъ, а подпоясывались малиновыми или красными поясами. — Волоса стригли, опальные отращивали ихъ весьма длинно, такъ что они закрывали лице и лежали разбросанными по плечамъ (*). Остриженную голову закрывали маленькою скуфьею, плетенною изъ золотыхъ или серебряныхъ нитокъ, и унизанною жемчугомъ и дорогими каменьями. Поверхъ скуфьи надѣвали тафію,—высокія шапки изъ черныхъ лисицъ или другихъ мѣховъ, которыя не снимали въ присутствіи самаго Государя.

При Царѣ Іоаннѣ IV было запрещено соборомъ носить тафіи, особенно входить съ ними въ церковь, вѣроятно потому, что онѣ были собственно татарскія шапки. Не смотря на запрещеніе, многіе носили: Царевичъ Дмитрій носилъ суконную, которая нынѣ хранится въ ризницѣ московскаго архангельскаго собора, и убрана яхонтами и жемчугомъ.

Государи и бояры носили еще шубы, называвшіяся: бостроги, кожухи и терлики. Онѣ

(*) Опала, судя по достоинству людей и важности преступленій, была различная: 1. Запрещалось ѣздить ко двору. 2. Выѣзжать изъ своего дома. 3. Повелѣвалось жить въ деревнѣ. 4. Снимали чины и писали въ дворяны по городу и 5. Сажали въ тюрьму.

были, по большей части, бархатныя съ золотыми шнурами и кисточками, на дорогихъ собольихъ или лисьихъ мѣхахъ. Были еще и лѣтніе терлики.—Сапоги подбивали гвоздями и подковами серебрянными; иные унизывали: по швамъ, носкамъ и каблукамъ жемчугомъ; иногда драгоцѣнными каменьями.—Великокняжескій домъ носилъ боярскую одежду, которая отличалась однимъ блескомъ и пышностію.

Богатство Царской одежды.

Богатство Царской одежды было ослѣпительное, особенно когда наши Государи являлись въ торжественные дни къ выходу или короновались. Царь Ѳеодоръ, по сказанію очевидцевъ, превосходилъ великолѣпіемъ всѣ предшествовавшія коронованія. Одинъ скипетръ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, былъ длинною въ 3½ фута, и стоившій нѣсколько милліоновъ на наши деньги; одежда Царя вѣсила не менѣе 200 фунтовъ; шесть князей держали хвостъ мантіи; вельможи сіяли брилліантами, яхонтами и жемчугомъ удивительной величины, цѣнимые на милліоны. (*)

О нарядѣ Царя Михаила, бывшемъ во время его бракосочетанія, сказано, что онъ былъ въ кожухѣ золотномъ аксамитномъ, на соболяхъ, и въ шубѣ русской собольей, крытой бархатомъ золотнымъ, замотавъ полы за плеча.

(*) Горсей: Coronation, въ собр. Гакл. с. 527 и 528.

Награда одеждой за заслуги.

Францискъ да Коло пишетъ, что Великіе Князья жаловали храбрыхъ и любимыхъ воиновъ одеждами: шелковыми, суконными, парчевыми и шубами. Этой одежды всегда лежало въ великомъ множествѣ въ кладовыхъ, занимавшихъ въ Москвѣ цѣлую улицу.

Контарени получилъ отъ Іоанна III въ подарокъ 1000 червонцевъ и богатую кунью шубу, и приказалъ ему, чтобы онъ, одѣвшись въ нее, явился во дворецъ. (*)

(*) Frances. da Collo: Trat. di pace tra re di Polon. e gran prenc. di Moscovia, на обор. 53. л. до 54., пом. у Чилли; Contarini Voyag. de Perse en 1473 г., с. 55. пом. въ собр. Бержер. ed. 1735 г. in 4°.

Объ одеждѣ, хранившейся въ великомъ множествѣ въ царскихъ кладовыхъ, подтверждаетъ сказаніе Франц. да Коло Гваньинъ: Kronika Sarmacyey Europskiey, с. 514, изд. 1611 г. — Гваньинъ, родомъ Италіянецъ изъ Верона, служилъ въ польской службѣ въ концѣ XVII в., и былъ комендантомъ въ Витебскѣ. Онъ пишетъ между прочимъ: въ кладовой Великаго Царя хранится весьма много дорогихъ одеждъ, сошитыхъ единственно для торжественныхъ случаевъ. Когда пріѣзжаетъ посолъ отъ короля или цезаря, тогда выдаются одежды дворянамъ, по приказанію Царя, а потомъ возвращаются въ кладовую.—Недостаточные изъ дворянъ, отправляясь въ гости къ своимъ знакомымъ, или на крестины или на какое нибудь празднество, берутъ въ займы одежду изъ царской кладовой, обязываясь заплатить, по условію, за ношеніе платья. Если оно запачкается, или окажется малѣйшее на немъ пятно; то онъ долженъ заплатить, во что оно будетъ оцѣнено. Если же въ другой разъ испортитъ платье, то для напоминанія о бережливости, наказываютъ его кнутомъ.

Іоаннъ IV, по покоренiи казанскаго царства, жаловалъ отличныхъ воиновъ шубами золотыми и бархатными на собольихъ мѣхахъ; ковшами золотыми и кубками. (*)

По изгнанiи Кази-Гирея, хана крымского, изъ предѣловъ Москвы, Царь Ѳеодоръ украсилъ кн. Мстиславскаго и Бориса Годунова, золотыми португальскими червонцами, а прочихъ воеводъ корабельниками и венгерскими червонцами; потомъ надѣлъ на Бориса Годунова, съ своихъ плечъ, русскую шубу съ золотыми пуговицами и драгоцѣнную цѣпь; на кн. Мстиславскаго таковую же шубу, и подарилъ ему кубокъ съ золотою чаркой.

Нарядъ боярынь.

Боярскiя жены, знатныя и богатыя покрывали волосы шелковой сѣткою, обвязывая голову бѣлой повязкою, или носили тафтяную шапочку, обыкновенно изъ краснаго цвѣта, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шлыкомъ. Для наряда надѣвали большую парчевую шапку, опушенную мѣхомъ и унизанную жемчугомъ и дорогими каменьями; не замужнiя и бездѣтныя отличались черными лисьими шапочками.—Нѣкоторыя знатныя перестали было украшать шапки жемчугомъ, по той причинѣ, что таковыя же стали носить купеческiя и

(*) Царствен. лѣтоп., кн. 2. с. 329 — 330. изд. СПБ. 1793 года.

подъяческія жены. — Въ уши вдѣвали золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, длиною иногда въ два дюйма; шею покрывали жемчужными монистами, головы повязывали богато вышитыми платками. Платья ихъ были изъ тонкого краснаго сукна и разноцвѣтной матеріи; носили широкія, длинныя съ висячими рукавами и застегивались дюжиною золотыхъ пуговицъ; другія боярыни носили серебряныя парчевыя и золотыя. Воротники дѣлали откидные до половины спины, и часто собольевые. Боярыни и ихъ дочери, шили иногда широкое платье, застегнутое спереди, безъ рукавовъ, и это называлось ферезея или ферезь, которая во многомъ сходна съ сарафаномъ. Тогда носили сарафаны не только простыя, но и боярскія жены, съ тою разницею, что у недостаточныхъ и простаго сословія, дѣлались изъ крашенины, китайки, кумачные и суконные; у знатныхъ и богатыхъ изъ дорогой матеріи. Шили еще тѣлогрѣи, на кои надѣвали теплыя и холодныя душегрѣйки. Онѣ были совершенно сходны съ сарафанами, только гораздо короче, безъ пуговицъ и на груди съ выемкой. Поверхъ ферези надѣвали опашень изъ кармазинаго цвѣта, съ рукавами до самой земли. Это одѣяніе сьузивалось спереди, и усаживалось большими золотыми, или по крайней мѣрѣ серебрянными позолоченными пуговицами, величиною съ грец-

скій орѣхъ. Позади привѣшивался подбитый дорогимъ мѣхомъ капишонъ, висѣвшій до половины спины.—Рубашки носили длинныя, ихъ рукава были отъ 6 до 10 локтей, и складки сбирали искусно на руки.

Зимой носили картели (шубы): изъ соболье-выхъ, горностаевыхъ и другихъ дорогихъ мѣховъ; крыли ихъ бархатомъ и золотистой матеріею. Лѣтомъ надѣвали лѣтники: атласныя платья съ рукавами, или изъ другой легкой матеріи; до локтя обшивали ихъ парчею, или дѣлали складки со швами изъ матеріи другаго цвѣта. Носили еще кокошники, выдававшіеся впередъ, которые были различнаго вида и величины. Тулья кокошниковъ дѣлались изъ цвѣтной шелковой ткани, парчи и штофу. Передняя сторона вышивалась шелками, унизывалась бисеромъ и жемчугомъ а по мѣстамъ цвѣтными каменьями. Иныя дѣлали ихъ круглыми, шириною въ пять или шесть вершковъ, и довольно низкими. Другія дѣлали высокими, иногда въ полъ-аршина, съ торчащимъ вверхъ клиномъ. На рукава платья надѣвали широкія запястья изъ золота, усаженныя жемчугомъ и драгоцѣнностями; пальцы украшали кольцами и перстнями; сапожки носили сафьяные: желтые, малиновые и голубые, шитые золотомъ, жемчугомъ, но на высокихъ каблукахъ. Марина Мнишекъ,

*

въ день своей свадьбы (1606 г. мая 8), была въ русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ, съ широкими рукавами и въ сафьяныхъ сапожкахъ; весь ея нарядъ былъ усыпанъ алмазами, яхонтами и жемчугомъ; вѣнецъ на ея головѣ, ослѣплялъ сіяніемъ. Самъ высокомѣрный Лжедимитрій былъ усыпанъ, съ ногъ до головы, алмазами и драгоцѣнными каменьями. (*)

Женскій полъ очень любилъ бѣлиться и румяниться и считалъ за нарушеніе приличія, если не слѣдовалъ обще принятому обычаю (**). По извѣстію Посевина богатыя и знатныя жен-

(*) Petrejum: Hiſtor. und Berichte vom Großfürſtent. Muſchkow, et. c. 337—339, изд. 1620 г.

(**) Сиряне, Вавилоняне и Арабы, красили глаза. Гречанки и Римлянки, желая всегда имѣть живый цвѣтъ лица, придумали румяны, а именно: бѣлилы и румяную краску. Римскіе поэты, восхваляя своихъ красавицъ, говорятъ, что дочь Юноны, похитивъ у своей матери ящикъ съ румянами, подарила его дочерѣ Агенора. Искуство бѣлиться и румяниться перешло отъ Гречанокъ къ Римлянкамъ, и покрываться ложными красками отнюдь не было стыдно, потому что самыя богини любили краситься, — вѣрно онѣ были дурныя! — Италіянцы, находившіеся при дворѣ Екатерины Медицисъ, ввели во Францію румяна; оттуда они распространились повсюду, и къ намъ зашли не ранѣе конца XV в. — Француженки, натиравшія рѣсницы сурмою, еще растягивали ихъ, чтобы глаза были большіе. На востокѣ вообще любили большіе и черные глаза, — и эта краса перешла въ Европу.—Донынѣ многіе народы Азіи, Африки и Америки красятся черною, желтою и красною красками; руки, грудь, щеки, губы и лобъ натираютъ разными красками, по наколенному узору.

щины имѣли обыкновеніе носить по три платья, надѣвая одно на другое. Если бы которая одѣлась въ одно, то это приписывали къ ея неблагопристойности и безчестію.

Описанный женскій уборъ былъ общій для Царицъ и Царевень, которыя распознавались только по особо оказываемому имъ почтенію, или чрезвычайному блеску одѣянія.

Уборъ Царицы Ирины.

Арсеній, пріѣзжавшій съ патріархомъ Іереміемъ въ Москву (1590 г.), и видѣвшій блестательныя украшенія Царицы Ирины, говоритъ: нельзя постигнуть разуму человѣческому, какими драгоцѣнностями была унизана голова Царицы! Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на ея корону, тѣмъ болѣе изумлялся. Корона ея, обведенная двѣнадцатью столбами, представляющими Іисуса Христа и Его Апостоловъ, вся составлена изъ одного жемчугу и весьма искусно усѣяна рубинами, алмазами, топазами, аметистами, сапфирами и другими драгоцѣнностями (*).

Одежда женская, духовнаго сословія.

Женщины и дѣвушки изъ духовнаго сословія, одѣвались точно такъ же, какъ свѣтскія. Замѣчательно что между рисунками старинныхъ одеждъ, бар. Маерберга, представленъ священникъ въ ферези теплой.

Нарядъ дѣвичій.

Дѣвицы заплетали волоса въ косу, голову

(*) Arsenii: Descriptio itineris in Moscoviam, c. 99—100, пом. въ собр. Вихм. ч. I.

повязывали широкою повязкой, называемой лентою, потому что она была или изъ однихъ лентъ, или широкаго позумента; богатыя накладывали жемчужныя *поднизья*, оставляя верхъ головы открытымъ. Изъ подъ повязки ниспадала по спинѣ коса, къ концу коей привѣшивался косникъ, который ничто иное былъ, какъ изъ картузной бумаги трехъугольникъ, шириною въ два или три вершка: обшитый шелковою тканей, унизаный разноцвѣтнымъ бисернымъ узоромъ или жемчугомъ и каменьями. Косу заплетали, какъ можно слабѣе и пошире, раздѣливъ волосы на множество прядей и перевивъ ихъ золотыми нитками, а богатыя переплетали нитки жемчугомъ.

Заплетаніе косы составляло большее искуство. Надобно было, чтобы коса закрывала всю шею широкой рѣшеткою, которая постепенно съузивалась бы до самого косника. Дѣвицы, отправлявшіяся подъ вѣнецъ, не заплетали волоса въ косу; но распускали по плечамъ, и въ этомъ положеніи вѣнчались. По совершеніи бракосочетанія, свахи выводили новобрачную въ трапезную или на паперть, снимали съ головы ея дѣвичій уборъ, и раздѣливъ волосы на двое, заплетали въ двѣ косы; потомъ, обвертѣвъ ими голову, надѣвали кокошникъ, наконецъ покрывали фатою и подводили къ но-

вобрачному, который, во все это время, ожидалъ ее на своемъ мѣстѣ въ церквѣ (*).

Единообразіе одежды обоихъ половъ.

Платье обоего пола было почти одинаковое; женскій полъ высшаго сословія и богачей, распознавался нѣжностію сложенія, но въ простомъ сословіи: женщины и дѣвушки, не могли быть различены отъ мущинъ, по причинѣ одинаковой съ ними одежды. Десятилѣтнія дѣвушки и мальчики, ходили въ однѣхъ длинныхъ рубашенкахъ; всѣмъ имъ стригли одинаково волоса на головѣ, оставляя висячими по

(*) Флечеръ: Com. wealth; Jenkinson: The first voyage from the citee of London toward the land of Russia, begun the 12 of may 1557, с. 351. Такъ же Флечера: The embassage from her Majestie to Theodor the Emperor of Russia,—все это пом. въ собр.: Гакл. Collection of the early voyage, travels and discoveries of the englisch nation, ч. I. с. 1809 г.; Гваньинъ: Kronika Sarmacyey Europskiey, изд. 1611 года, с. 514; Petrejum: Hiſtor. und Ber. vom Großfürſtenthumb Muſcow, с. 593, 595, 596 и 613; Maerberg: Voyage en Moscov, с. 100—101 ed. Leid. 1638. г. Въ рисункахъ къ путешествію его по Россіи, издан. въ 1827 году на счетъ государствен. канцлера графа Н. П. Румянцова, изображены тамъ старинныя одежды нѣсколько сбивчиво, за всѣмъ тѣмъ онѣ во многомъ согласны съ описанной одеждою. См. рисунки XXVII—XXXIX.—Новик. Древ. рос. вивл. ч. II с. 222; Болтинъ: Примѣч. на истор. Леклерка т. I. с. 437—441; Mach. A relat. of three embass. of Carlisle, с. 42—46.—О платьяхъ при пріемѣословъ, см. Marger. Ėstat da l'emp. de Russie, л. 15, 16 и 19, изд. Париж. 1607 г.; Лѣт. съ воскрес. сп. ч. I. с. 69. изд. 1793 г.; Korb: Diar. itin. in Moscov. ed. Vien. in f. с. 208—209.

два локона, и дѣвушекъ можно было узнать по однимъ длиннымъ волосамъ (*).

Ношеніе иностранцами русской одежды.

Всѣ упомянутые наряды и одежда, болѣе или менѣе употреблялись до конца XVII в.—Иностранцы, жившіе у насъ по торговымъ дѣламъ и находившіеся въ служеніи, должны были носить наше платье: если не хотѣли подвергать себя посмѣянію и презрѣнію. Въ послѣдствіи имъ было запрещено носить русскую одежду.

Запрещеніе иностранцамъ носить русскую одежду.

Во время одного крестнаго хода патріархъ осѣнялъ крестомъ народъ, который, по своему обычаю, дѣлалъ земные поклоны, но какъ находившіеся тутъ иностранцы, одѣтые по русски, не слѣдовали нашему обряду; то патріархъ, за неуваженіе къ святынѣ, прогнѣвался на нихъ и запретилъ имъ носить русскую одежду (**).

Запрещеніе о введеніи иноземныхъ обычаевъ.

Подъ конецъ Царствованія Алексѣя, запрещено было (1675 г. авг. 6): стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ, перенимать нѣмецкіе обычаи, носить ихъ платья, шапки и стричь волосы по иноземному. Кто же

(*) Olear: Offt begehrte Beſchr. der Neuen Oriental. Reiſe, c. 136 и 137. ed. 1647 г. — Тамъ же c. 15 . . . . . alle ſo wohl Megden als Jungen mit abgeſchnittiene Haaren auff beyden ſeiten hangenden Locken, und in langen Hembden giengen, daß man die Megden von den Jungen nicht unterſchieden kunte. Wolte unſer Medicus deßen gleichwol Wißenſchaft haben, grieff einen von ſehs Jahren nach dem Hembde, troff aber ein Knäblein an, dieſer ſagte lachende: *devke niet*, нѣтъ не дѣвка.

(**) Olear. Voyage en Moscovie, c. 200.

ослушивался, тотъ подвергался опалѣ, а изъ высшихъ чиновъ переписывали въ низшіе.

Одежда въ полов. XVII вка и пристрастіе къ румянамъ.

Въ бытность въ Москвѣ англинскаго посла Карлиля, во второй половинѣ XVII в., одѣвались такъ же какъ и прежде: въ широкія и длинныя платья, коихъ рукава ниспадали до пядей, но ихъ подбирали въ многочисленныя складки, съ большимъ искуствомъ; носили полукафтаны, длинные по икры, съ большими висячими воротниками. Знатныя особы одѣвались въ кафтаны до колѣнъ, съ стоящими воротниками, кои сзади были шире и выше, нежели спереди; ихъ покрывали бархатомъ и парчевой матерією. Споднее платье было узкое. Головы покрывали высокими колпаками, съ однимъ отверстіемъ впереди и другимъ сзади: богатые носили кармазиновые и бархатные, и унизанные жемчугомъ; купцы дѣлали суконные, а бѣдные войлоковые, кои пестрили разноцвѣтными кусочками сукна. На зиму подбивали мѣхами. Рубашки, составляя щегольство, вышевались шелкомъ; воротникъ, нарукавники и грудь, блестали золотою вышивкой и жемчугомъ. Носили полусапоги остроконечные, съ весьма высокими каблуками; подборы подбивали гвоздями.— Большая часть дворянства, носила уже тогда башмаки и шелковые чулки или вязаные шерстяные; поселяне и рабочіе обворачивали ноги вой-

локомъ или толстымъ сукномъ; бороды отращивали длинныя, а волоса на головѣ имѣли короткіе. Должно отдать справедливость, говоритъ Мьежъ, что Русскіе, не говоря о прекрасной ихъ наружности и хорошемъ сложеніи, гораздо еще важнѣе въ своихъ длинныхъ одеждахъ, высокихъ колпакахъ, съ своими короткими волосами и длинными бородами, нежели большая часть Европейцовъ въ ихъ одѣяніяхъ.— Платье простаго народа, въ отношеніи покроя, было тоже что у знатныхъ, отличавшихся отъ нихъ бархатами, атласами и парчею; горожане носили суконное: темнокрасное, темнозеленое и фіолетокрасное, а бѣдные изъ толстаго сукна, дѣлаемаго ими самими. На зиму подбивали платье, смотря по состоянію и важности, дорогими мѣхами: соболѣвыми, лисьими, горностаевыми, бѣличьими, зайечьими и пр.; простолюдины носили овечьи полушубки. Женскій нарядъ отличался отъ мужскаго, шириной и длинными рукавами. Рукава ихъ рубашекъ были довольно узкіе, но отъ трехъ до четырехъ аршинъ длины, почему собирали въ складки, которыя покрывали сгибы самыхъ пальцевъ. Полусапоги носили такіе же, какіе мущины. Волоса заплетали дѣвушки въ двѣ плетенки, которыя ниспадали по спинѣ; женщины подбирали ихъ подъ чепецъ. Надобно замѣтить, продолжаетъ Мьежъ, что

женщины вообще имѣютъ правильныя черты лица и прекрасно сложены; но такъ преданы бѣлиламъ, что едва можно ихъ увѣрить, что онѣ безъ румянъ хороши (*).

Страсть бѣлиться и румяниться, продолжалась до нашихъ временъ. И теперь, многія купеческія жены имѣщанки, не покидаютъ этой дурной привычки. Въ этомъ однако нельзя обвинять ихъ однихъ. Очень многіе изъ другаго сословія прибѣгаютъ къ постыдному средству краситься и румяниться, думая привлечь воздыхателей поддѣльной красотою, или обмануть глаза другихъ, натираясь румянами. (**)

Слѣдующая простонародная пѣснь, явно показываетъ, что для того только бѣлятся и сурмятся, чтобы нравиться:

Ахъ! на чтожъ было, | По горамъ ходить,
Да къ чемужъ было, | По крутымъ бродить!

(*) Miege: La relat. de trois embass. de com. Carlisle, с. 329—334, ed. Amsterd. 1672 г.

(**) Дикари, стараясь казаться красавцами, намазывали тѣло красками, выводя по нему узорами. При открытіи Америки Испанцы видѣли нетолько женщинъ, но мущинъ, проводившихъ цѣлый день за уборнымъ украшеніемъ, состоявшимъ въ натираніи масломъ и краскою, — это составляло ихъ одежду. Они не прежде могли выйтти къ нимъ, пока не покроютъ себя мастикою, извиняясь предъ ними, что они еще голыя (не одѣтыя): by saying that they cannot appear, because they are naked.—Roberts: Hist. of America, кн. 4, с. 120 и с. 348 прим. 78 изд. 1828 г.

Ахъ! на чтожъ было,
Да къ чемужъ было,
Мнѣ младёшинькѣ,
Соловья ловить!
У соловушки
У младенькова,
Бѣдной пташечки,
Одна пѣсенька.
У меня младой,
У меня младой:
Одинъ дряхлый мужъ,
Одинъ дряхлый чортъ.
Да и тотъ со мной,
Да и тотъ съ младой
Не въ ладу живетъ,
И не любится.
Не бѣлись мое,
Не бѣлись мое,
Лице бѣлое,
Лице полное!
Не румяньтеся,
Не румяньтеся,
Щеки алыя,
Щеки алыя!
Не сурмитеся,
Не сурмитеся,
Брови чорныя,
Брови чорныя!
Не носись мое,
Не носись мое,
Платье цвѣтное,
Платье цвѣтное!

Мнѣ на чтожъ было,
Мнѣ къ чемужъ было,
По горамъ ходить,
По крутымъ бродить!
Мнѣ на чтожъ было,
Мнѣ къ чемужъ было,
Соловья манить,
Соловья ловить!
У соловушки
У младенькова,
Одна пѣсенька,
Одна пѣсенька.
У меня младой
У меня младой,
Одинъ милой другъ,
Милъ сердешненькой.
Да и онъ со мной,
Да и онъ со мной,
По любви живетъ
Вѣрно любится.
Ты бѣлись мое,
Ты бѣлись мое,
Лице бѣлое,
Лице полное!
Вы румяньтеся,
Вы румяньтеся,
Щеки алыя,
Щеки алыя.
Вы сурмитеся,
Вы сурмитеся,
Брови чорныя
Соболиныя!

Ты носись мое, | Платье цвѣтное
Ты носись мое, | И нарядное!

Постепенное введеніе иностраннаго.

Іоаннъ III, дозволивъ полезнымъ иностранцамъ селиться въ Москвѣ, покровительствовалъ имъ и не препятствовалъ введенію иноземныхъ обычаевъ. Внукъ его Іоаннъ грозный, имѣлъ намѣреніе ввести нѣмецкіе обычаи и законы. (*) Борисъ Годуновъ не воспрещалъ перенимать нѣмецкіе обычаи, замышляя совершить преобразованіе; но преждевремянная смерть прекратила его предначертанія. Первый самозванецъ презиралъ уже наши обычаи, и вводилъ польско-нѣмецкое. Цари: Михаилъ и Алексѣй, постепенно вводили науки, не воспрещали иноземцамъ жить по своему обычаю, а Русскимъ заимствовать отъ нихъ не одно просвѣщеніе, но образъ жизни и одежды. Напрасно думаютъ, что Петръ В. первый началъ вводить иностранное, и что онъ первый ввелъ науки: до него уже были посѣяны начатки, ему оставалось докончить важное дѣло преобразованія.

При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ уже запрещалось носить драгоцѣнныя платья, шитыя на татарскій покрой, а повелѣвалось ходить въ польскомъ или древнемъ русскомъ. Бояринъ Ни-

(*) Львовъ: Подробная лѣтопись; Кар. И. Г. Р. т. IX прим. 34.

кита Ивановичъ Романовъ, давно носилъ польскія и французскія одежды, но только у себя въ деревнѣ (*).

Введеніе иностранной одежды и запрещеніе носить русскую.

Въ концѣ XVII вѣка повелѣвалось всѣмъ (1699 г.), исключая земледѣльцевъ и духовенства, носить венгерское платье; потомъ предписано было (въ нач. XVIII ст.), чтобы мужскій и женскій полъ, носили опредѣленное для нихъ платье. Мущинамъ опредѣлялось: верхнее саксонское, камзолы и споднее платье; сапоги и башмаки нѣмецкіе.—Тогда появились у насъ польскія шубы: безъ отложнаго воротника, петлицъ и пуговицъ; онѣ шились съ просторными рукавами и мѣховой опушкой; вверху застегивались запонкою.—Такія точно и по нынѣ носятъ. Предоставлялось на произволъ носить зимою кафтаны саксонскіе, или французскіе, но лѣтомъ одно французское. Всѣмъ женщинамъ, безъ исключенія, предписывалось носить: кунтуши, юбки, нѣмецкіе башмаки и нѣмецкія шапки (шляпки). Черкесскіе кафтаны, русское платье и вообще все русское, какъ-то: тулупы, штаны, сапоги, башмаки, строго запрещалось носить; даже не ѣздить на русскихъ сѣдлахъ, не дѣлать и не торговать ими. На ослушниковъ полагалось денежное взысканіе: съ пѣ-

(*) Olear. Voyage en Moscovie c. 201.; Korb.: Diar. itiner. in Moscov. c. 191. ed Vien. in f.

шеходцевъ по 30 алт. и 2 деньги, съ коннаго 2 р. Портныхъ, башмашниковъ и сѣдельщиковъ велѣно подвергать жестокому наказанію, за дѣланіе старинныхъ одеждъ и вещей (*).

Съ основанія нашего государства до конца XVII вѣка, всѣ носили единообразное платье: и мирные граждане и воины.

Съ учрежденіемъ регулярной арміи Петромъ I, въ началѣ XVIII вѣка, одежда гражданская совершенно отдѣлилась отъ военной, и съ этихъ поръ старинная наша одежда не только стала измѣняться; но терять прежнюю свою важность и величивость, блескъ и роскошъ, хотя она находила еще приверженцевъ старины, однако уже была оставлена при дворѣ, потомъ дворянами, а наконецъ даже стала быть пренебрегаема. Иноземные обычаи и одежды совсѣмъ вытѣснили ее изъ круга русскаго.

Гражданская, военная и простонародная одежда.

Одежду нашу безошибочно раздѣлить можно: 1. на гражданскую, называемую въ простонародіи штатскою, 2. военную и 3. простонародную. Первая не имѣетъ и тѣни русской: въ ней смѣсь иностранныхъ модъ. Вторая употребляется въ полкахъ, военно-учеб-

(*) Грамота о ношеніи нѣмецкаго платья, 1705 г. марта 8 и апрѣля 28., пом. въ собран. записокъ Туманскаго: О жизни Петра I ч. 2 с. 251—252.

ныхъ заведеніяхъ, между свитскими, инженерами, при разныхъ военныхъ учрежденіяхъ, между служащими по военнымъ вѣдомствамъ, и тѣми, коимъ присвоена военная форма. Третья сохранилась въ простомъ народѣ, и хотя она понесла ощутительныя измѣненія; однако все еще сохраняетъ наружность русской одежды. Нельзя не замѣтить, что очень многіе между купеческимъ и мѣщанскимъ сословіемъ, даже между зажиточными простолюдинами, бросаютъ уже свое народное платье. — Что будетъ чрезъ сто лѣтъ?

Введеніе новыхъ нарядовъ и благовоній.

Съ постепеннымъ распространеніемъ иностранной одежды, мущины стали носить галстухи и манжеты, а женщины кофты, корсеты, шнуровки, локоны, гребенки, башмаки съ пряжками, перчатки, кружева, платья длинныя и широкія: на фижмахъ, робронахъ и съ шлейфами (*). На бѣлыя лица наклеивали черныя атласныя мушки, затягивались крѣпко въ корсеты, надѣвали еще предлинныя платья: фуро и полонезы, которые шились съ косыми полами. Женскіе наряды приготовлялись изъ крѣпкаго гродентуру, тафты, штофа, блестящаго атласа и пушистаго бархата.

(*) Галстухи появились первоначально въ Германіи, и первые ввели ихъ Кроаты, въ 1636 г., почему таковые платки называютъ Французы доселѣ cravates. Dict. des origines, Par. 1777 г.

Голову убирали огромными со шпильками шиньенами, и булавками разной величины и вида. Булавки были топазовыя, яхонтовыя, жемчужныя и брильянтовыя: въ видѣ звѣздочекъ, розъ, незабудочекъ, мухъ и т. п. Пальцы унизывались кольцами и перстнями; безъ перчатокъ и вѣера, ни одна дама не смѣла появиться въ гостиную; лица румянили, почти всѣ безъ исключенія. Входя въ комнату и держа въ правой рукѣ надушеный платокъ, дѣлали реверансы и книксы очень почтительно, — присѣвъ всѣмъ туловищемъ на колѣна,—а мущины, шаркая и размахивая платкомъ со всевозможной осторожностію, раскланивались и потомъ подходили цѣловать ручку. На рождественскіе святки и въ пасху, позволялось имъ цѣловать дамъ въ губы. — Женскіе башмаки шились съ высокими каблуками и на ripахъ. — Мущины щеголяли въ французскихъ кафтанахъ съ мѣдными, стальными и стразовыми пуговицами; жилеты носили глазетовые и шелковые, съ кружевными манжетами; нарукавныя манжеты были такъ длинныя, что онѣ закрывали пальцы; голову покрывали трехугольной шляпой, башмаки были тупоносые съ серебряными большими пряжками; а сапоги по икры, лощенные ваксою, съ шелковыми кисточками и ripами; въ рукахъ носили

бамбуковыя трости съ костяными или металлическими набалдашниками. Такой нарядъ употреблялся, съ небольшими измѣненіями, до конца XVIII в.; но въ царствованіе Императрицы Елисаветы появились пукли и тупеи съ длинными косами, вкладываемыми въ кошелекъ съ большимъ бантомъ; голову осыпали душистой и самой лучшей пудрою. Во время Суворова наше войско носило косы и пукли, и поэтому онъ сказалъ однажды: *пукля не пуля, коса не тесакъ.*—Екатерина II, по открытіи намѣстничествъ, назначила для гражданскихъ чиновниковъ и дворянства губернскіе мундиры.

При Императрицѣ Аннѣ стали пудриться и дѣлать прическу волосъ, примазывая розовымъ масломъ, или помадились и наприскивались духами, — все это получали изъ Германіи и Франціи (*). Благовонное мыло, зубные по-

(*) Розовое масло вѣроятно получали изъ Румеліи, въ коей дѣлалось самое лучшее, извѣстное подъ именемъ *казанликскаго*. Казанликъ городъ въ Румеліи, древней Ѳракіи, у подошвы горы Гемусъ (Балкана); онъ расположенъ на живописномъ мѣстѣ: обнесенъ розовыми садами, составляющими главный промыселъ жителей, и тутъ выдѣлывалось розовое масло, единственное во всемъ свѣтѣ—Априловъ: Денница новоболгарскаго образованія, прим. 50. с. 113. — Богини любили благовонное масло и духи: богиня Гера *умастилася масломъ чистѣйшимъ, сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нее благовоній.*—Гнѣд. Иліада Гомер. пѣснь XIV. ст. 171—172.

рошки и изысканные румяны, не выходившіе тогда изъ употребленія, были распространяемы ввозами иностранныхъ торговцевъ. — Парики, круглыя шляпы и фуражки, замѣнили старинные колпаки и мѣховыя шапки. Широкія и длинныя шинели, долгополые сюртуки, жилеты длинные съ свѣтлыми пуговицами, манишки съ манжетами, трости толстыя камышевыя съ дорогими набалдашниками, часы карманные, коихъ носили по двое, съ длинными золотыми цѣпочками и печатями изъ дорогихъ каменьевъ, составляли щегольской уборъ мущинъ; но время все это, такъ измѣнило въ послѣдствіи, что нынѣ только вспоминаютъ и хвалятъ старину.

Мы теперь по одеждѣ совершенно ничемъ не отличаемся отъ иностранцевъ, и нигдѣ нѣтъ такой роскоши на платья, какъ у насъ. Для уборовъ и нарядовъ ничего не жалѣютъ; охотнѣе согласятся голодать, чѣмъ отказать прихотямъ моды, особенно женскій полъ, который рѣшительно поглощаетъ состояніе своихъ мужей. (*)

(*) Безсмертныя красавицы — богини, не поглощали столько состоянія своихъ мужей — боговъ, какъ наши смертныя красавицы — богини. Вотъ описаніе наряда Геры, державной богини, супруги верховнаго бога:

*

Измѣненіе платья не простиралось на духовенство и простой народъ. Первое носило, и теперь носитъ, греческую одежду: длинныя рясы съ широкими рукавами, посохъ въ рукѣ и черную круглую шляпу съ широкими полями.—Народъ остался вѣрнымъ старинным армякамъ, кафтанамъ, только замѣнилъ колпаки круглыми низенькими шляпами, съ короткими полями, и круглыми шапками, подбиваемыми теплою подкладкой. Оба эти сословія удержали свои бороды. Доселѣ купцы, хотя многіе уже изъ нихъ стригутъ бороды и носятъ иностранныя платья, величаются окладистой бородою и усами. (*)

. . . . Умастивши прекрасное тѣло, власы разчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небеснодушистыхъ съ безсмертной главы низпустила.

Тою душистой одѣлася ризой, какую Аѳина
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ узоровъ.
Ризу златыми застежками выше грудей застигнула.
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнымъ.
Въ уши прекрасныя серги, съ тройными подвѣсями, вдѣла.
Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, которой какъ солнце сіялъ бѣлизною. — Гнѣд. Иліада Гомер. пѣснь XIV. ст. 175—185. изд. 1839 г.

(*) О приверженности къ старинным обычаямъ, см. Бергія: De stato eccles. et relig. Moscov., въ статьѣ: De Russor. relig. et ritib., 1710 г., ed. Lubeck.; Fabri: Relig. Moscov. edit. Tubing. 1523 г.; Philips: The Russian Catechism, compos'd and publis'd by order of the Czar., Lond. 1725 г.: Whitw. ed. 1710 г.

Стриженіе бородъ и усовъ.

При введеніи иноземныхъ обычаевъ, многіе стали брить бороды. Еще во время владычества Татаръ, нѣкоторые брили, изъ подраженія къ нимъ и это продолжалось почти до Іоанна III. Однако ни кому не воспрещалось носить ихъ. Псковитяне, по свидѣтельству Герберштейна, стригли волосы, и тѣмъ отличались отъ прочихъ Русскихъ.—В. К. Василій, желая казаться молодымъ для своей супруги Елены, обстригъ свою бороду, и во время одного обѣда, даннаго имъ для цесарскихъ пословъ, онъ подозвавъ къ себѣ барона Герберштейна, спросилъ у него: брѣетъ ли онъ бороду? «Брѣю» отвѣчалъ посолъ. — «Это по нашему» сказалъ Великій Князь, улыбнувшись съ самодовольствіемъ. (*)—Стоглавомъ воспрещалось брить бороды, подстригать усы и носить иноземныя одежды. Царь Борисъ Годуновъ, вводя чужеземныя одежды, приказалъ, между прочимъ, брить бороды. Поборники старины упрекали его въ порчѣ нравственности, ставили ему въ вину самыя смуты; однако благоразумные люди стриглись и моложавились (**). Преждевременная кончина его была причиной, что намѣреніе его не исполнилось, чтобы истребить нѣкоторые ста-

(*) Herber. Rer. Moscov. com. c. 89—101.

(**) Келарь Аврам. Палицынъ: Истор. троицк. лавр. с. 17., Кар. И. Г. Р. Т. XI. с. 110.

ринные странные обычаи. Петръ I почелъ за нужное измѣнить застарѣлыя понятія о платьяхъ и бородѣ: онъ началъ съ себя. Его примѣръ долженствовалъ бы произвесть перемѣну между знатными и всѣми гражданами, однако почти всѣ упорствовали. Это побудило его указать (1699 г.) о повсемѣстномъ стриженіи бородъ, исключая духовенства. Упорство снова оказалось между многими столь сильное, что Государь оставилъ принужденіе, потому что оно произвело разные расколы, а недовольные его нововведеніями, волновали умы; но по прошествіи шести лѣтъ онъ повелѣлъ, новымъ указомъ (1705 г. іюл. 25), брить бороды и усы; не желающихъ же брить, обложилъ пошлиною. Съ царедворцевъ, дворцовыхъ, городскихъ жителей, служащихъ и приказныхъ, велѣно взыскивать ежегодно по 60 р.; съ гостей и гостиной сотни первой статьи, по 100 р.; средней и меньшей статьи, торговыхъ и посадскихъ, по 60 р.; съ посадскихъ, боярскихъ людей, ямщиковъ, извощиковъ, кромѣ духовенства, по 30 р. и всѣмъ имъ выдавать изъ приказа мѣдные знаки, вмѣсто квитанцій, которые должны были носить на себѣ. Съ крестьянъ же велѣно взимать пошлины по двѣ деньги, всякій разъ какъ только они отправятся въ городъ и за городъ, по своимъ дѣламъ, и безъ этихъ знаковъ не пропускать

ихъ (*). Собираніе пошлины съ бородъ и усовъ, отмѣчалось на мѣдномъ кружкѣ, величиною съ обыкновенную мѣдную копѣйку и съ надписью: *деньги взяты;* подъ этими словами висѣлъ носъ съ губами, длинными усами и бородой; на другой сторонѣ изображалась кружка и государственный гербъ, съ означеніемъ подъ нимъ года.

Должно замѣтить, что усы составляли отличительную черту жителей Малороссіи и всѣхъ казаковъ. Малороссіяне и казаки малороссійскіе не носили бородъ, но за то величались длинными усами. Донскіе и волжскіе казаки до того величались ими, что отращивать самые большіе усы, могъ одинъ только ихъ атаманъ, и въ пѣсняхъ онъ прославлялся *усищемъ*.

Собирались усы на царевъ кабакъ,
А садилися молодцы во единой кругъ.
Большой усище и всѣмъ атаманъ,
Самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ:
А братцы усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходитъ, зима настаётъ,
А и надо чѣмъ усамъ, голову кормить,
На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть.
Ахъ! нутёжъ-ко усы, за свои промыслы!

Въ послѣдствіи, кто носилъ большіе усы, тотъ въ общемъ мнѣніи былъ храбрый чело-

(*) Указъ 1705 г. іюля 25, пом. въ собр. записокъ Туманскаго о жизни Петра В., ч. II. с. 282 — 286. Тамъ же указъ 1705 г. іюня 12, о флагахъ на торговыхъ судахъ.

вѣкъ. Ежели о комъ говорили: вотъ усатый,— то это значило: вотъ храбрецъ! Въ старинные годы борода у Испанцевъ занимала почетное мѣсто, какъ въ прежніе годы у нашихъ предковъ: длинная, окладистая и чорнолоснящаяся борода, и на нее смотрѣли съ особымъ уваженіемъ. Если говорили: онъ съ длинной бородою, то подъ этимъ разумѣли, — онъ умный человѣкъ.—Испанцы говорили: es hombre de barba, — вотъ бородатый мужъ,—это значило вотъ умный! (*)

Въ половинѣ XVIII вѣка усы обозначали мужество и удальство военныхъ, а нынѣ щегольство.

Носили ли въ самой глубокой древности бороды и усы?—Всѣ народы не только носили, но отпускали еще предлинныя бороды и усы. Языческіе боги были изображаемы съ бородами и усами; философы, мудрецы, государи и весь народъ, просвѣщенный и непросвѣщенный, носили бороды и усы. Александръ македонскій, повелѣлъ всѣмъ своимъ воинамъ, предъ арбельскимъ сраженіемъ (332 г. до Р. Х.), остричь бороды, чтобы во время сраженія не хватали другъ друга за бороды.—Персидскіе цари переплетали бороду золотыми нитка-

(*) Diction. des origines. Par. 1777 г. см. подъ слов. *barbe*.

ми; французскіе короли, перевязавъ ее золотомъ, застегивали. Испанцы долго смотрѣли на бороду съ почтеніемъ, приписывая ей особое достоинство мужества и ума, и выражались объ умномъ человѣкѣ: *вотъ бородатый мужъ.*—Усы же у нихъ означали символъ *свободы* и *братства*. Происхожденіе этому значенію слѣдующее: когда Мавры завоевали Испанію, въ половинѣ VII вѣка, тогда Христіяне такъ сходствовали съ ними по однообразному ношенію платья и волосъ, что трудно было отличить магометанъ отъ католиковъ. Надобно было придумать какой нибудь знакъ, по коему христіяне могли бы узнавать и немедленно подавать другъ другу помощъ, потому начали отпускать подъ носомъ горизонтальную линію волосъ, а подъ нижней губою перпендикулярный клочокъ волосъ. — По этому самому усы содѣлались символомъ свободы и братства, и этотъ знакъ вскорѣ усвоили другіе народы, въ томъ же значеніи; но нынѣ, какъ мы уже сказали, они выражаютъ отличительный знакъ военнослужащихъ.

Всѣ азіатскіе народы чрезмѣрно любятъ бороды и усы, и должно сказать, что древній бородато-усатый міръ, уже непротивенъ новому европейскому.

Предметы, охранявшіе здоровье отъ вліянія непогодъ, были намъ извѣстны еще въ *Произведенія рус-*

ской выдѣлки, съ самыхъ древнихъ временъ.

отдаленныя времена. Составлявшіе же собственно утонченную и роскошную работу, мы пріобрѣтали по торговлѣ, вывозя ихъ сначала изъ восточной имперіи, потомъ изъ западной Европы. Холстъ, толстое сукно и нестрядь, выработывали мы сами.—Въ первой половинѣ XV вѣка, уже были устроены въ Москвѣ суконныя фабрики. Въ 1364 г. заведены въ Псковѣ соловарни; вскорѣ явилась въ продажѣ селитра, но гдѣ въ первый разъ она выдѣлывалась?—неизвѣстно. Желѣзныя, стальныя и мѣдныя вещи, изъ коихъ иныя служили для домашняго употребленія, ножи, топоры, висячіе замки, мечи, сѣкиры, дротики, копья и ружья, давно выдѣлывались у насъ; улучшеніемъ же обязаны распространенію художествъ, что не прежде началось XVIII вѣка.

Въ концѣ XIV столѣтія намъ были извѣстны пушки, ибо въ 1420 г. уже лили ихъ въ Москвѣ.—Пушки привезены къ намъ Нѣмцами еще въ 1389 г.—В. К. литовскій Витовтъ, подступивъ подъ Порховъ (1428 г.), встрѣтилъ здѣсь *стрѣльницу русскую* (пушку), и самъ Витовтъ шелъ сюда съ пушками, *тюфяками* и пищалями. Одна пушка его, по имени *галка*, была везена въ день тремя смѣнами: съ утра до обѣда на 40 лошадяхъ, съ обѣда до полудни на другихъ 40 лошадяхъ, а съ полудня до вечера

на третьихъ 40 лошадяхъ. Галка во время осады была направлена на церковь Св. Николая, которая за однимъ выстрѣломъ оторвала переднюю и заднюю стѣну въ олтарѣ (*). Тульскій оружейный заводъ уже славился въ половинѣ XVII вѣка. — Аравитяне изобрѣли карабинъ, Италіянцы пистолетъ, Французы ружье въ XV вѣкѣ, Русскіе самопалъ, родъ пищали (старинное ружье, которое зажигалось фителемъ), а Голландцы духовое ружье въ началѣ XVII в. — Копья, дротики, лукъ и мечь принадлежатъ восточнымъ народамъ; въ Европѣ ихъ улучшили, и ввели еще въ употребленіе шпаги.

Греки и Римляне запрещали ходить въ мирное время при шпагахъ и съ оружіемъ, ибо они думали, что таковые люди могутъ нарушить спокойствіе. Многіе европейскіе государи тоже запрещали, и они никому не дозволяли входить въ церковь съ мечемъ, считая противнымъ святости (**).

Обработка рукоятокъ для кинжаловъ и украшеніе ихъ серебряной чернью, не уступали въ превосходствѣ восточнымъ народамъ, и иностранцы всегда смотрѣли на эти издѣлія съ изумленіемъ. Въ XVI в. добивались Англичане, въ Волог-

(*) Царств. лѣт. ч. I. с. 162.

(**) Diction. des origines. Par. 1777 г. см. статьи подъ слов. мечъ и шпага.

дѣ, открыть эту тайну. Іоаннъ III и Борисъ Годуновъ, заботившіеся особенно объ улучшеніи многихъ полезныхъ издѣлій, приглашали искусныхъ иностранцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же завели въ Москвѣ, Вологдѣ и Устюгѣ полотняныя и шелковыя фабрики, и обучали Русскихъ, которые довольно хорошо выдѣлывали сукно, порохъ и металлическія вещи (*). Посредствомъ мѣноваго сбыта и продажи своихъ туземныхъ произведеній, какъ-то: икры, рыбы соленой и копченой всѣхъ родовъ, балыковъ (**), рыбьяго клея, вор-

(*) Reutenfels: Reb. Moscovit; онъ былъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.

(**) Хотя рыбныя произведенія доставлялись изъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, превозносимой тогда богатствомъ рыбъ лучшихъ породъ; однако южныя части ея, находившіяся во владѣніи кочующихъ и крымскихъ ордъ, еще болѣе изобиловали рыбной промышленностію. За двадцать три съ половиною вѣка до нашего времени, устья Днѣпра, Дона и Буга славились рыбными промыслами, и Греки вывозили отсюда осетры (accipenser sturio), стерляды (accipenser cyclostomes) и сельди, называвшіяся у нихъ *маландріонъ*: онѣ употреблялись соленыя, съ уксусомъ, масломъ и лукомъ. Сельди были въ такой славѣ въ Римѣ, что Катонъ горько жаловался на расточительность соотечественниковъ, платившихъ за глиняную кадочку сельдей 300 драхмъ (270 р). —Эти кадочки назывались у Грековъ *амфорами*, и ихъ по нынѣ находятъ въ Ольвійскомъ городищѣ. — Ольвійскіе осетры такъ цѣнились въ Греціи и Римѣ, что ихъ подавали къ столу увѣнчанные цвѣтами невольники, на украшенныхъ цвѣтами блюдахъ и при звукѣ флейтъ.—Древніе гастрономы употребляли свѣжую и просоленую рыбу, доставляемую преимущественно изъ устьевъ Дона, эйскаго и агуевскаго лимановъ, находящихся на

вани, смолы, дегтя, поташа, сала, мыла, цыновокъ, сырыхъ и выдѣланныхъ кожъ, войлоковъ, особенно выгоднаго сбыта богатыхъ и дорогихъ мѣховъ, мы получали тонкія издѣлія суконъ, парчи, бархата и атласа.

Выдѣлка кожъ была у насъ извѣстна, еще въ первые вѣки политическаго бытія нашего отечества, и кожевники назывались тогда *усмарями*.

земляхъ черноморскаго войска.—Никифоръ Григорасъ, византійскій лѣтописецъ половины XIV вѣка, говоритъ, что въ Константинополѣ не только въ древности, но и въ его время вывозили изъ устьевъ Азова цѣлые грузы хлѣба и соленой рыбы, и что медленное ихъ доставленіе производило иногда голодъ въ столицѣ.—На таврическомъ полуостровѣ Пантикапея (Керчъ), столица и главный портъ босфорскаго царства, славилась рыболовными промыслами, особенно балыками. Знаменитые эллинскіе поэты: Гезіодъ, Антифанъ и Аристархъ, говоря, что Пантикапея была славна своими осетрами, описывали, что ихъ ловили зимою въ прорубяхъ, сдѣланныхъ на льду. Аѳиняне и Римляне не вѣрили имъ и считали это за сказку, потому что не имѣли понятія ни о зимѣ, ни о льдахъ. Демосѳенъ, въ одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ филипикъ, описываетъ съ восторгомъ о нагруженной на кораблѣ соленой рыбы въ Пантикапеѣ. Эллинская Ѳеодосія, на развалинахъ коей Генуэзцы основали въ XIII в. знаменитую Кафу, была извѣстна торговлею рыбы. Тилигульскій лиманъ (одесскаго уѣзда), одно изъ большихъ здѣшнихъ озеръ, былъ извѣстенъ Грекамъ и Римлянамъ своей рыбной торговлею.—Рыба, ловимая древними промышленниками для соленія, икры, визиги и балыковъ, была почти тѣхъ же родовъ, какъ и нынѣ, а именно: осетръ, стерлядь, кефаль (mugil cephalus), составлявшая особую роскошъ у римскихъ гастрономовъ, скумбрія (scumbrus), бычокъ (gobius), сельди, анчоусы и сардели.—Переходя отъ столь глубокой древности къ позднѣйшимъ временамъ,

Бумагу и стекло ввозили иноземные купцы. Бумага появилась у насъ при В. К. Симеонѣ, около половины XIV в.—До этого времени у насъ писали на пергаменѣ, но доселѣ не доказано: въ Италіи ли, или въ Германіи изобрѣтена бумага? Извѣстно только, что она появилась не ранѣе XIII в. (*). Въ началѣ XVIII столѣтія была заведена въ Москвѣ игольная фабрика (въ 1718 г.). Около половины XVII вѣка Италіянецъ Миньетъ первый завелъ въ селѣ Измайловѣ, близь Москвы, стекляный на казенномъ иждивеніи заводъ, на

мы находимъ частыя упоминанія о нашихъ рыболовныхъ промыслахъ, у многихъ писателей съ XIII—XVI. в. При владычествѣ Генуэзцевъ на берегахъ чернаго и азовскаго морей въ XIV вѣкѣ, они продавали рыбу не только по всей Тавридѣ и нынѣшнему новороссійскому краю, но въ Польшѣ и Литвѣ, и въ эти страны доставляли чрезъ Кіевъ.—По занятіи Русскими нынѣшнихъ мѣстъ новороссійскаго края и таврическаго полуострова, занялись рыбнымъ промысломъ степные жители, донскіе казаки и переселенцы Малороссіяне, а потомъ нахлынули сюда толпы разныхъ торговцевъ.—А. А. Скальковскій: Древнее и нынѣшнее рыболовство въ новороссійскомъ краѣ, помѣщ. въ журн. мин. вн. дѣлъ 1846 г. N 9. с. 412 — 426. Ταριχος oder recherche sur l'histoire et les antiquités des pécheries de la Russie méridionale, par Koehler, помѣщ. въ Mémoir. de l'academ. imper. des sciences de St. Petersbourg, 1832 года vol. IV—V. Изъ древнихъ писателей см. Геродота кн. IV гл. III., Страбона кн. I. гл. IV., Полибія: Histor. reip. LXXXI. с. 24, Никифора Григораса: Hist. Byzant. кн. IX. гл. V., Арріана Периплъ понта эвксинскаго, пер. Фабрія.

(*) Essai sur l'origine de la gravure, т. I, с. 332; Wehr vom Papier, т. I. с. 173—320.

коемъ приготовлялись весьма чистыя стекла. Нѣсколько лѣтъ спустя былъ устроенъ Юліемъ Кожетомъ другой стеклянный заводъ, въ Духанинѣ, въ 40 вер. отъ Москвы, на собственномъ его иждивеніи. Матеріалы для стекла онъ получалъ изъ Германіи, пока не открылъ ихъ въ Россіи. Съ его фабрики доставлялось въ Москву ежегодно стеклянной посуды и бутылокъ, отъ 80 до 90,000 штукъ (*).

Кристальная посуда въ прежнія времена была столь рѣдкая, что завѣщивали ее послѣ смерти. В. К. Василій отказалъ сыну своему Василію (1455 г.) кристальный кубокъ, который ему подарилъ польскій король. Англинскій посолъ представилъ отъ своего короля Іакова, въ 1604 г., Царю Борису Годунову кристальный сосудъ, обдѣланный золотомъ (**). Фаянсовая посуда получалась, еще въ XVII в., отъ Китайцевъ, но первая частная фаянсовая фабрика заведена въ Москвѣ 1724 г.; потомъ первая казенная въ 1756 г., въ восьми верстахъ отъ Петербурга (***); другая въ 1765 г. близь гор. Дмит-

(*) Шторхъ: Gemälde des Russisch. Reichs, ч. III. с. 290.

(**) Нов. Древ. рос. вивл. ч. I, с. 15; кн. Щербатовъ: Рос. ист. ч. VII, с. 183, 194. Посолъ, пріѣзжавшій къ Борису Годунову, былъ англичанинъ Шмидъ.

(***) Нынѣ эта фабрика за шлиссельбургской заставой, гдѣ доселѣ выдѣлаютъ стеклянныя и кристальныя произведенія, отлично превосходной и высокой работы.

рова (московской губ.) англинскимъ купцемъ Гарнеромъ (*).

Украшеніе внутренности покоевъ зеркалами, долго не было извѣстно нашимъ предкамъ; но нѣтъ сомнѣнія, что женскій полъ давно употреблялъ ихъ. Если не ставили ихъ въ покояхъ, то этому было причиной суевѣрное мнѣніе, будтобы зеркала изобрѣтены дьяволомъ, и что зеркала представляютъ образъ человѣка двуличнымъ. (**) Суевѣры не знали, что двуличныхъ всегда много и безъ зеркалъ.

Предубѣжденіе къ зеркаламъ начало искореняться, мало по малу, заведеніемъ зеркальной фабрики, которую первый учредилъ кн. Меньшиковъ около Петербурга, въ 1716 г.

Говорятъ, что въ древности стояло на александрійской башнѣ зеркало, которое отражало свѣтъ по плоскости морской на 500 миль, и плывшіе корабли изъ Греціи и западныхъ частей свѣта, были предостерегаемы отъ подвод-

(*) Шторхъ: Gemälde des Russisch. Reichs. ч. IV, с. 344.

(**) На востокѣ первоначально употребляли металлическія зеркала: изъ мѣди, стали и серебра. Предъ ними убирались и паряжались. Въ храмѣ, построенномъ Вездѣсущему Соломономъ, стѣны были украшены стальными зеркалами. Богатыя Римлянки употребляли серебряныя зеркала, которыя были нечто иное, какъ плоскія выполированныя доски, вставленныя въ рамы. —Изобрѣтеніе стекла приписываютъ Финикіянамъ, но дѣланіе зеркальныхъ стеколъ принадлежитъ Венеціянамъ.

ныхъ камней зеркальнымъ освѣщеніемъ (*). Послѣ смерти Александра македонскаго, непріятели его разбили.

Разработка металовъ началась у насъ въ концѣ XV в., когда Іоаннъ III послалъ двухъ иностранцевъ на рѣку Печору, для отысканія серебряныхъ рудъ; они открыли въ 1491 г. (**). Золото, серебро и драгоцѣнныя каменья, мы получали, до открытія рудъ, чрезъ торговлю (***). Къ намъ доставляли изъ Европы серебро въ слиткахъ, сученое золото, ножи, иглы; изъ Азіи: шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Въ замѣнъ шли отъ насъ лучшіе печорскіе мѣхи: за соболь намъ платили отъ 20—30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу

(*) Voyage de Benjamin, путешествовавшій въ 1193 году, помѣщ. въ собр. Бержер., ed. 1735 in 4 c. 61.

(**) Шеделій, лѣтописецъ половины XV вѣка, говоритъ, что Новгородъ наполненъ серебромъ, что нѣмецкіе купцы преимущественно ведутъ съ нимъ торгъ, и что вѣчевой колоколъ управляетъ имъ. Alda ist die Groſſ ſtatt Nogarte, dahin die Teutſche Kawfleut mit groſſer arbaiſrayſen. Alda iſt groſſe habe, vil ſilbers, und Köſtliche rauhe war kawffende und verkauffende, das ſilber gewegen und nit gepregt geprauchende. Alda mitten auff den margk iſt ein vieregketer ſtain, welche auff denſelben ſteygen mag und nit herab geworffen wirdt der erlangt die herſchung der ſtatt.— Gartman Schedelii: Alter Welt oder Chronick anno 1493, ed. Nürnberg, in f. въ статьѣ: Von Ruſſen Land л. CC.LXX.IX.

(***) Paul. Jov: De leg. Moscov.

15 зол. флор., за горностай отъ 3—4 зол. фл., а за бѣлку 2 деньги (*).

Въ половинѣ XVI в. заключено было условіе съ Англичанами (1569 г.): о дозволеніи имъ отыскивать и плавить желѣзныя руды, но съ тѣмъ, чтобы они обучали Русскихъ добывать этотъ металлъ, и при вывозѣ его изъ Россіи, платили бы по одной деньги съ фунта.—До открытія у насъ благородныхъ металловъ, мастера золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ занимались не только дѣланіемъ посуды столовой, но женскихъ украшеній: ожерельевъ, сергъ, колецъ и пр.

При всемъ сильномъ измѣненіи старинныхъ одеждъ и нарядовъ, поселяне и жители не большихъ городовъ, доселѣ приготовляютъ сами для себя одежду и деревянную посуду, которая окрашивается желтою и красною краскою или испещряется по произволу. Для изготовленія кушанья употребляютъ глинянные сосуды.

Единообразіе въ жизни, платьи и одеждѣ, между простолюдинами.

Покрой платья простолюдиновъ едва ли не тотъ самый, что былъ за нѣсколько столѣтій, исключая древнихъ названій, которыя почти всѣ изчезли. Употребительный всеобщій нарядъ: бѣлая рубашка поверхъ сподняго платья и кафтанъ синій, шапка круглая низенькая съ маленькими полями, пряжкой и перомъ. — Зажиточ-

(*) Herber. Rer. Moscov. com. c. 42 — 59; Korb. Diar. itiner. in Moscov. ed Vien. in f. c. 191.

ные носятъ красныя рубашки, съ цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ на шеѣ; широкое споднее платье изъ чернаго плиса или бархата: оно подбирается въ сапоги, которые бываютъ лоснящіеся, или хорошо смазанные; кафтанъ изъ хорошаго сукна, болѣе синяго; шапка пуховая и съ блестящей пряжкою. Развѣвающееся павлиное перо, или любимый цвѣтокъ по какому нибудь воспоминанію, украшаютъ шапку.—Образъ жизни несравненно улучшился: здоровая пища, красивая и даже щегольская одежда, просторная и опрятная изба, составляютъ нынѣ потребность каждаго хорошаго хозяина-поселянина.

V. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Похвальныя свойства Славянъ.

Племя Славянъ издревле отличалось почитаніемъ старшихъ себя. Глава семейства былъ отецъ и его начальникъ; все прочее: жена, дѣти, родственники и слуги, повиновались ему безпрекословно. Славяне добрые сердцемъ, мужественные и гостепріимные, были восхваляемы самими врагами, всегда находившими у нихъ пріютъ.—Отказать гостю непріятелю, защиту въ своемъ домѣ, или въ хлѣбѣ-солѣ, было осуждаемо самими соотечественниками. Обиженный въ ихъ землѣ иноземецъ, или заблудившійся путникъ, былъ отомщаемъ сосѣдами.—Русскіе Славяне были кроткіе и тихіе, ихъ стыдливость украшала брачную жизнь, спокойствіе и цѣломудріе господствовали въ домахъ семейныхъ. Мужья цѣнили супружескую вѣрность, жены повиновались имъ раболѣпно. Мать, воспитывая дѣтей, вселяла въ нихъ любовь къ отечеству и часто народная любовь превращалась въ неумолимую месть къ врагамъ (*). Дѣти, слѣдуя древнему обычаю уважать старшихъ, славились особымъ почтеніемъ къ родителямъ, и заботились объ успокоеніи ихъ на старости лѣтъ (**).

(*) Anton: Versuch. c. 54.

(**) Helmold: Chron. Slavor. c. 202.

Наши предки были трезвые и умѣренные, довольствуясь тѣмъ, что производила природа; наслаждались долговѣчностію, были крѣпкіе и веселые, любили пляски, музыку, хороводы и пѣсни; не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, переносили холодъ и зной въ равной степени; легкія одежды простого сословія, бывъ единообразными, въ чемъ понынѣ служитъ живымъ примѣромъ нашъ народъ, носились безъ украшеній: они искали прочности и теплоты въ одеждахъ. Неутомимые въ трудахъ и привязанные къ земледѣльчеству, они были вознаграждаемы собираніемъ обильной жатвы, молока и шкуръ, которыя въ домашней жизни служили покровомъ отъ непогодъ.—Доброта сердца, обнаруживавшаяся повсемѣстнымъ гостепріимствомъ, была отличительною чертою нашихъ предковъ, и самое отдаленное потомство не измѣнило ихъ умилительныхъ чувствъ хлѣбосольства.

Хлѣбосольство.

Донынѣ между поселянами, живущими въ отдаленіи отъ столицъ и большихъ городовъ, существуетъ обычай, чтобы проѣзжаго или прохожаго пригласить къ себѣ въ домъ, накормить и успокоить его по возможности. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ и провожаютъ такого гостя съ радостнымъ лицемъ, поклонами и привѣтствіемъ; подаютъ на столъ, что имѣютъ, и не берутъ никакой съ него платы, думая, что

брать съ прохожаго деньги за хлѣбъ-соль, есть великій грѣхъ. Въ Малороссіи преимущественно господствуетъ это добродушіе. Тамъ считаютъ еще за великую обиду, если приглашенный путникъ на хлѣбъ-соль откажется посѣтить домъ. Хлѣбъ, говорятъ Малороссіяне, есть даръ Божій; не принять его, значитъ прогнѣвить Бога.— Почти во всей Россіи еще владычествуетъ гостепріимство, особенно между простымъ сословіемъ и помѣщиками, которые ничего не щадятъ для угощенія званныхъ и незванныхъ гостей, и хозяины были бы обиженными, если бы ихъ гости мало пили и ѣли. Таковыхъ обыкновенно просятъ неотступно, и часто заставляютъ пить и ѣсть противу силъ. Сначала проситъ хозяинъ, потомъ хозяйка. Если пируетъ у нихъ какой нибудь почетный гость, то употребляютъ всѣ возможныя попеченія, чтобы подчивать его безпрерывно,—и это всплошъ ведется между поселянами, мѣщанами и купцами, и къ чести помѣщиковъ, еще сохранилась между нами эта прекрасная прадѣдовская черта. Когда почетный гость уже не въ состояніи не только ѣсть, но и пить; тогда хозяинъ съ своей женою и дѣтьми становится предъ нимъ на колѣна, и умоляетъ его: еще хоть немножко! чего нибудь! И дотолѣ всѣ стоятъ на колѣнахъ и кланяются ему въ ноги, пока упросятъ.

Набожность.

Въ древнія времена вставали до восхожденія солнца, молились тотъ часъ Богу, испрашивая Его святой помощи на всѣ добрыя дѣла, и не помолясь, никакого не начинали дѣла. Отправлялись ли въ дорогу, строили ли домъ, засѣвали ли поле, ходили прежде въ церковь помолиться. Въ опасныхъ же предпріятіяхъ исповѣдывались и причащались. Выступая въ походъ, или осаждая приступомъ городъ, всѣ воины исповѣдывались и принимали святыя тайны, и тогда они шли безстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, бывъ убѣждены, что ихъ души пріймутъ ангелы и отнесутъ въ царство вѣчнаго блаженства. Такое дѣйствіе вѣры, укрѣпляло нашъ народъ среди величайшихъ его несгодъ. Эти достохвальныя свойства благочестія, не истребились: онѣ доселѣ украшаютъ простолюдиновъ, и понынѣ наши воины съ чистой молитвой отправляются на доблести геройскія. Предъ выступленіемъ въ походъ никакой полкъ не двинется впередъ, не отслуживъ молебня и не бывъ окропленъ освященною водой.

Садился ли кто за столъ или вставалъ изъ-за него, осѣнялъ свое чело крестнымъ знаменіемъ(*).

(*) На востокѣ было во всеобщемъ обыкновеніи не сидѣть за столомъ а возлегать, т: е: находиться въ полулежачемъ

Спать ложились послѣ солнечнаго захожденія, отъ того были крѣпкіе и жили по столѣтію. Здоровая пища, скажутъ многіе, весьма много содѣйствовала ихъ долгоденствію. Правда, но не болѣе ли правильная жизнь? Могутъ ли быть тѣ здоровыми, которые превращаютъ ночъ въ день, а день въ ночъ? Посмотрите на столичную жизнь, и вы убѣдитесь. Едва разцвѣвшія дѣвицы, уже чахлыя и безцвѣтныя, а усыпляемыя роскошью дамы, отживаютъ въ 30 л. свой вѣкъ: онѣ дѣлаются дряхлыми и безжизненными. Самые мущины, изнуряемые свѣтскостію, сохнутъ и въ 40 л. старики.

Владиміръ Мономахъ прекрасно изобразилъ въ своемъ поученіи набожныя свойства, которыя руководили имъ во всю жизнь, и желалъ, чтобы всѣ подражали примѣру благочестивыхъ мужей. Это доказываетъ, что въ его время было общею принадлежностію отличаться христіянскимъ благочестіемъ. Слезы у него текли изъ глазъ, когда онъ молился Вседержителю за отечество, и народъ ему любезный. Мономахъ былъ еще рѣдкій сынъ: онъ никогда и ни въ чемъ

состояніи. Когда же истребилось въ Европѣ обыкновеніе возлагать за столомъ?—На это нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Знатные Римляне держались восточнаго обычая почти до паденія своей имперіи, до 480 года, и этотъ обычай доселѣ между азіатцами.— Наши предки не слѣдовали восточному образу жизни.

не ослушивался своего отца « Приближаясь ко гробу » пишетъ онъ « благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ!—Кто будетъ читать это писаніе, наблюдайте въ немъ правила. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія, но скажите: старецъ уже ослабѣлъ разумомъ. О дѣти мои! хвалите Бога и любите человѣчество. Ни постъ, ни уединеніе, ни монашество не спасутъ васъ, но благодѣянія.—Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: это противно христіянству. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ, не нарушайте. Не оставляйте больныхъ, не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны, нынѣ живы а завтра въ гробѣ.—Бойтесь всякой лжи, пьянства, любострастія; чтите старыхъ людей, какъ отцевъ; любите юныхъ, какъ братьевъ. Въ хозяйствѣ сами прилежно смотрите за всѣмъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. Всего болѣе чтите гостя, и знаменитаго и простого, и купца и посла; если не можете одарить его, то удовольствуйте брашномъ и питіемъ: ибо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу. Привѣтствуйте всякого человѣка, когда идете мимо. Любите женъ своихъ, но не да-

вайте имъ власти надъ собою. Все хорошее помните; чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за это хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣность, есть мать пороковъ: берегитесь ее. Вмѣсто суетныхъ мыслей, читайте молитву, хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй! Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона. Когда чувствуете себя нездоровыми,—поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ мой отецъ; такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа съ радостію: просвѣтилъ еси, очи мои,—Христе Боже! и далъ ми еси свѣтъ твой красный» (*). Мелецій, писатель XVI вѣка, говоритъ, что всѣ спѣшили во храмъ прежде помолиться Богу, а потомъ принимались за работу (**). Никто не садился за столъ, не совершивъ молитвы, и никто не вставалъ изъза обѣда, не принеся благодаренія Богу. Лжедмитрій не думалъ слѣдовать нашимъ древнимъ обычаямъ, и желая быть во всемъ Ляхомъ и Нѣмцемъ, онъ не хотѣлъ креститься предъ ико-

---

(*) Кар. И. Г. Р. т. 2. с. 152—156.

(**) Meletii De Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г.; Philips. The Russian Cathechism.

нами, не велѣлъ благословлять Царской трапезы, садился за обѣдъ не съ молитвою а съ музыкою, за что народъ сначала осуждалъ его, но, не видя въ немъ исправленія, возсталъ противу него.

Праздники отправляли въ старину, какъ и нынѣ, съ благоговѣйными обрядами, потому что Русскіе всегда отличались, при встрѣчѣ священныхъ дней: истинной набожностію, умилительнными обычаями, простосердечной, нелицемѣрной и братской радостію. Во время празднествъ всѣ забывали свои вражды и составляли одно общество (*).

(*) Для лучшаго объясненія о встрѣчѣ празднества, приводимъ для образца Рождество Христово. —На канунѣ Рождества Христова, Государь выходилъ утромъ въ столовую избу или золотую палату, къ царскимъ часамъ, въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ, ближнихъ, приказныхъ, стольниковъ и стряпчихъ. Во время службы благовѣщенскій дьяконъ *кликалъ* многолѣтіе Государю и всему Царскому семейству. По отходѣ часовъ протопопъ благовѣщенскій, Царскій духовникъ, *здравствовалъ Государю* (поздравлялъ). Потомъ Царь принималъ поздравленіе отъ бояръ: первенствующій изъ нихъ подходилъ къ нему и отъ лица всѣхъ говорилъ *титло* (рѣчь). — Вечеромъ, въ тотъ же день, приходили къ Государю *славить*: соборные протопопы и попы; *пѣвчіе дьяки и подъяки* царскіе, патріаршіе, митрополичьи и другихъ духовныхъ властей. — Государь принималъ всѣхъ ихъ въ столовой избѣ или передней палатѣ, и жаловалъ имъ по ковшу бѣлаго и краснаго меду. Отславивъ у Государя, они ходили славить къ Царицѣ и патріарху. — Кромѣ того Государевы пѣвчіе дьяки пользовались, въ тече-

Зная, что проклятіе совершается, наши предки вѣрили, что благословеніе и доброе слово сбываются. Всякій человѣкъ, встрѣтившійся съ знакомымъ, или проходившій мимо

ніи всего праздника тѣмъ преимуществомъ, что они имѣли право славить у всѣхъ дворовыхъ и служилыхъ людей. Когда нѣкоторые изъ нихъ не пустили къ себѣ этихъ пѣвчихъ (въ 1677 г), тогда велѣно сказать имъ отъ имени Государя: что они то учинили дуростью своею не гораздо, и такова безстрашія никогда не бывало. За это безстрашіе дьяки въ свою очередь лишились, по указу Царя, всякихъ свѣтлыхъ и даже темныхъ доходовъ, т. е. поминковъ и взятокъ, соединенныхъ со службою въ приказѣ.

Въ праздникъ Рождества Христова, послѣ заутрени во второмъ часу дня, патріархъ въ предшествіи соборныхъ ключарей, несшихъ крестъ на мисѣ и св. воду, и въ сопровожденіи митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, приходилъ къ Государю въ золотую палату: славить Христа и здравствовать Государя съ праздникомъ. Потомъ патріархъ и власти, ходили славить къ Царицѣ и ко всему Царскому семейству. По совершеніи славленія, Государь торжественно выходилъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ.—Всѣмъ сановникамъ, пріѣзжавшимъ ко двору, указано было (1680 г. дек. 19.) являться въ золотыхъ ферезяхъ, потому можно вообразить себѣ, какимъ блескомъ сопровождался Царскій выходъ.

Праздничный столъ у Государя былъ въ столовой избѣ или золотой палатѣ, и начинался обыкновенно въ послѣднемъ часу дня (въ сумерки). У стола были по приглашенію: патріархъ, власти духовныя, нѣсколько бояръ и окольничихъ; но чтобы звать къ себѣ *хлѣба пѣсть*, то Государь посылалъ къ патріарху окольничаго, а къ властямъ и боярамъ дьяковъ. Иногда самъ Государь приглашалъ ихъ въ соборѣ, послѣ обѣдни.

Приглашеніе къ Царскому столу бояръ и окольничихъ, основывалось на ихъ родословномъ старшинствѣ, а иногда на

незнакомаго, но чѣмъ нибудь отличаемаго, привѣтствовалъ его снятіемъ своей шапки и наклоненіемъ головы. Это дѣлается понынѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ. Какъ прежде со-

---

ихъ родствѣ съ Государемъ. Люди неродословные приглашались или по особенному къ нимъ благоволенію Государя, или когда онъ хотѣлъ наградить ихъ за службу: обыкновенно всѣ награды объявлялись тогда послѣ Царскаго стола.—Къ столу выходилъ Государь всегда въ предшествіи стряпчаго, который несъ Царскій скипетръ.

Если по какому либо случаю не готовился столъ для патріарха, духовныхъ властей и бояръ, то посылали къ патріарху цѣлый обѣдъ, подъ надзоромъ ближняго человѣка или окольничаго.—Послѣ стола дарили патріарха кубкомъ, камкою и другими предметами. Митрополиту Діонисію было подарено (въ 1584 г. дек. 26) *Государева жалованья 10 арш. камки венедицкой багровой, цѣна по 10 алтынъ аршинъ и того шесть рубл.*, и кубокъ индѣйскаго орѣха (кокоса), окованый серебромъ, но вмѣсто кубка было выдано ему девять рублей.—Точно такъ дарили патріарховъ, изъ нихъ самые богатые дары получалъ одинъ Никонъ. Въ числѣ первыхъ подарковъ всегда былъ кубокъ изъ индѣйскаго орѣха, окованый серебромъ. Изъ рукъ митрополита и патріарха онъ переходилъ снова въ Царскую казну, изъ которой выдавали за него неизмѣнные девять рублей.—Отъ стола Царскаго посылались еще *подачи* боярамъ, думнымъ и ближнимъ людямъ. Если подача не доходила по назначенію, то этимъ наносилось оскорбленіе тому лицу, которому было послано. Крайчій кн. П. С. Урусовъ разослалъ однажды боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ, думнымъ дьякамъ и ближнимъ людямъ по двѣ подачи съ кубка, т. е. съ винами, и сверхъ того отдѣльно боярамъ *корки* (родъ пирожного.)

Въ день Рождества Христова (какъ и въ другіе большіе праздники), Цари не садились за столъ, не накормивъ прежде *тюремныхъ сидѣльцевъ*.—Такъ въ 1663 г. было корм-

блюдались, такъ и нынѣ соблюдаютъ усладительные обряды набожности и чистосердечія. Посторонній человѣкъ, вошедшій въ избу или въ пышныя палаты, обращалъ впервые свои глаза на икону и молился; потомъ кланялся и привѣтствовалъ: *будьте здоровы* или *здравствуйте*.—Когда посторонній входилъ во время обѣда, тогда онъ, помолясь Богу, говорилъ: *хльбъ-соль*, хозяинъ отвѣчалъ: *добро пожаловать хльба-соли кушать*; проходившій мимо работающаго, говорилъ: *Богъ въ помочь!* тотъ отвѣчалъ: *спасибо*, выражая этимъ: спаси тебя Богъ за доброе твое желаніе. При провожаніи кого либо въ дорогу, говорили: *щастливый путь*; при

лено, на большомъ тюремномъ дворѣ, 964 тюремныхъ сидѣльца.

Независимо отъ всѣхъ церемоній, происходившихъ въ Царскихъ палатахъ, приносилась дань обычаямъ того времени въ отдѣленіи дворца Царицы. Окруженная дворовыми боярынями, она принимала въ своей золотой палатѣ духовенство, приходившее къ ней славить Христа, и *пріѣзжихъ боярынь*, которыя являлись къ ней съ поздравленіями и по особому приглашенію обѣдали за ея столомъ.— Каждая пріѣзжая боярыня подносила Царицѣ и Царевнѣ по тридцати перепечей. Царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ и Царевнамъ, поднесли 14 пріѣзжихъ боярынь (въ 1663 г.) 426 перепечей.—Послѣ обѣдни Царица посылала патріарху, отъ себя и каждой Царевны, по 5 перепечей.—Ив. Забѣлинъ: Нѣкоторые придворн. обряды и обычаи Царей московскихъ въ праздникъ Рождества Христова, см. Вѣдом. С Петерб. городск. полиціи 1847 года N 5.

встрѣчѣ съ знакомымъ: *здорово братъ*, или *здравствуй братъ*, желая ему, чтобы онъ былъ здоровъ. — Разставаясь другъ съ другомъ, говорили: *прощай* или *прости братъ*, т. е: въ чемъ я тебя оскорбилъ или какое я тебѣ сдѣлалъ неудовольствіе, забудь нынѣ все, и не вспоминай лихомъ даже заочно; не кляни, но благослови.— Проходя мимо церкви, или увидя издали крестъ, всякій снималъ шапку и молился (*). Нынѣ только дѣлаютъ: купцы, мѣщане и простолюдины. Многіе при звукѣ колокола вечерняго, или во время благовѣста, дѣлаютъ крестное знаменіе. Другіе, когда зѣваютъ, осѣняютъ свой ротъ крестнымъ знакомъ, не менѣе трехъ разъ, —надъ этимъ простодушнымъ обрядомъ издѣваются нѣкоторые. Когда кто чихнетъ, тогда считаютъ невѣжествомъ, если не пожелаютъ исполненія желанія, или не скажутъ: на здоровье, мое почтеніе, или: встать и поклониться (**). Иные думаютъ, кто чихнетъ при разговорѣ, тотъ подтверждаетъ истину сказаннаго.

(*) Herber. Rer. Moscov. com., Marger. Éstat de l'emp. de Russie; Petrejum: Histor. und Berich. von dem Großfürstenth. Muscht. c. 618—669.

(**) Въ Архангельскѣ дѣлаютъ привѣтствіе чихнувшему: *салфетъ вашей милости!* Чихнувшій благодаритъ: *красота вашей честности.*

Другіе замѣчаютъ еще: чихнуть въ воскресенье, значитъ быть въ гостяхъ; въ понедѣльникъ, — будетъ прибыль въ этотъ день; во вторникъ,—будутъ ходить за долгами; въ среду, — будутъ хвалить; въ четвергъ, — разсердитъ кто нибудь; въ пятницу,—получатся письма или будетъ неожиданная встрѣча; въ субботу,—получатся вѣсти о покойникѣ. Есть на свѣтѣ люди, для коихъ обычаи, освященные временемъ, кажутся невѣжествомъ (*).

Отзывы иностранцевъ о свойствѣ Русскихъ.

Наши свойства казались наблюдателямъ худыми и добрыми, а обычаи любопытными и странными. Контарени пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ и рынкахъ: глазѣютъ и шумятъ, а день заключаютъ въ медовыхъ домахъ (**). Герберштейнъ говоритъ съ удивленіемъ, что онъ видѣлъ работающихъ въ будніе дни, что имъ запрещалось тогда пить, что одни иноземные воины, слу-

(*) Папа Григорій I имѣлъ привычку креститься, когда зѣвалъ. Тертуліанъ научаетъ, чтобы мы при всѣхъ нашихъ движеніяхъ, при входѣ и выходѣ изъ дома и умываніи, равномѣрно когда садимся за столъ или встаемъ изъ за него, когда ложимся и просыпаемся, должны креститься. Оригенъ говоритъ, что крестное знаменіе прогоняетъ чародѣйство. Импер. Юліанъ, бесѣдуя съ магикомъ, который являлъ ему духовъ, всегда крестился при ихъ появленіи, чтобы не пристала къ нему вызываемая нечистая сила. Diction. des origines. Par. 1777 г.

(**) Contareni: Voyage, с. 53. пом. въ собр. Бержер.

жившіе за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльныхъ напитковъ, для чего слобода за рѣкою Москвою, гдѣ они жили, называлась *наливайкою*, отъ слова наливай.—В. К. Василій, опасаясь худаго примѣра отъ иностранцевъ и дурныхъ отъ нихъ послѣдствій, запрещалъ Русскимъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицѣ, стояли часовые; никто не смѣлъ ходить ночью безъ надобности и фонаря. Тишина царствовала въ городѣ.—Русскіе не злы, не сварливы, но Москвичи склонны къ обманамъ. Славили честность Новгородцевъ и Псковитянъ. Пословица: *товаръ лицемъ продать*, оправдывала тогдашнія времена. (*). Произнесенныя слова: *да будетъ мнѣ стыдно*,—замѣняли клятву. Имя Божіе не смѣли призывать напрасно, боясь Его праведнаго гнѣва. Клялись предъ св. Крестомъ и Евангеліемъ, но съ трепетомъ, зная, что за нарушеніе клятвы, душа погаснетъ, какъ свѣча. Не божились по произволу, зная заповѣдь: не произноси напрасно имени Господа Бога Твоего!—Эти достохвальныя свойства измѣнились отъ угнетенія татарскаго, посему неудивительно, если иностранцы осуждали нашихъ предковъ прямодушныхъ, клявшихся и въ язычествѣ: *да будемъ золоты, яко*

(*) Herber. Rer. Moscov. com.

золото, и да будемъ изсѣчены своимъ оружіемъ, не дерзая призывать во свидѣтели даже своего идола Перуна.—Флечеръ укоряетъ тогдашніе нравы. Москвитяне не вѣрятъ чужимъ словамъ, говоритъ онъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову. Воровство и грабежъ, весьма частые, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, требуя неотступно милостыни, говорятъ: дай мнѣ, или убей меня! Днемъ просятъ, ночью воруютъ, а вечеромъ нельзя выходить изъ дома. Не смотря на это, онъ сознается, что искренняя набожность царствуетъ между Русскими (*). Петрей говоритъ, что Русскіе крѣпкіе, сильные и не страдаютъ никакими зловредными болѣзнями; но Москвитяне лукавые и обманчивые. Мечъ пишетъ, что Русскіе одарены смѣтливостію, изобрѣтательностію и остротой ума. Корбъ, восхваляя добродушіе, говоритъ: «достойно удивленія, что въ Московіи никогда не было возстанія.» Капитанъ Шлейссингъ, бывшій нѣ-

(*) Флечер. Com. Wealth. пом. въ собр. Гакл., с. 116; Mach. Relat. of three embas. of Carlisle c. 43; Korb. Diar. itin. in Moscov., ed. Vien. in f. c. 189; Schleissing: Regements Stab, c. 13; Petrejum Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb. Muschkow c. 617—620. Флемингъ написалъ стихами слово похвальное, которое во многихъ мѣстахъ довольно грязное для имени Русскаго. Его сочиненіе напечатано подъ заглавіемъ: Pontische Wälder, въ путешествіи Олеарія: Offt begehr. Beschr. d. Neuen Orient. Reise c. 199 ed. 1647 г.

*

сколько лѣтъ въ службѣ Царей: Алексѣя, Ѳеодора, Іоанна, Петра I и правительницы Софіи, отзывается съ особенной похвалою о вѣрности Русскихъ: «я никогда не слыхалъ и никогда не читалъ», пишетъ онъ, «чтобы Русскіе возставали когда нибудь противу своихъ Государей, развѣ только противу самозванцевъ.»

Иностранцы съ удивленіемъ описываютъ еще строгость постовъ нашихъ предковъ, и говорятъ всѣ единодушно, что въ самыхъ отчаянныхъ болѣзняхъ не рѣшались употреблять мясного; что всѣ посты встрѣчали съ набожными чувствами, ознаменовывали ихъ добрыми дѣлами, чистосердечнымъ раскаяніемъ и братскимъ угощеніемъ (*).

(*) При дворѣ нашихъ Царей встрѣчали первую недѣлю великаго поста, съ особыми обрадами. Въ субботу а иногда во вторникъ, пріѣзжали къ Государю послѣ обѣдни, изъ 35 монастырей стряпчіе и подносили ему и каждому члену Царского семейства, отъ каждого монастыря: по хлѣбу, блюду капусты и кружкѣ квасу. Принявъ эту обычную дань, Царь жаловалъ монастырскихъ стряпчихъ *погребомъ*, т. е. приказывалъ ихъ поить виномъ, пивомъ и медами своего погреба. — Вотъ исчисленіе особъ, кому подносили, и названія тѣхъ монастырей, откуда пріѣзжали монастырскіе стряпчіе.— Въ 1665 г. въ недѣлю православія въ субботу, подносили по хлѣбу, блюду капусты и кружкѣ квасу, на каменной лѣстницы у мастерской палаты: Царицѣ Маріѣ Ильиничнѣ, Царевнамъ: Иринѣ и Аннѣ Михайловнамъ, Евдокіи, Маѳѣ, Софіи, Екатеринѣ, Маріѣ и Ѳеодосіи Алексѣевнамъ — Названія монастырей, отъ коихъ подносили, это суть: 1. Изъ Троицко-Сергіева монастыря. 2. Владиміра Рожественского. 3. Чудова м. 4. Спасскаго, что на новомъ. 5. Спасскаго. 6. Спасскаго

Женскій полъ въ семейномъ быту, всегда былъ кротокъ и послушенъ. Мужъ обработывалъ землю, плотничалъ и строилъ; жена пряла, ткала, *Занятіе женскаго пола.*

Андроньева. 7. Изъ Звенигорода Сторожевскаго. 8. Изъ Костромы Ипатского. 9. Изъ Переславля-Залѣсского, Горицкаго. 10. Новаго дѣвичьяго. 11. Вознесенского дѣвичьяго. 12. Изъ Суздаля Покровскаго дѣвичьяго. 13. Изъ Можайска Лужецкого. 14. Изъ Ростова Богоявленского. 15. Изъ Костромы Богоявленского. 16. Изъ за-торгу Богоявленского. 17. Знаменского, что на старомъ дворѣ у Государя. 18. Изъ Ярославля Спасского. 19. Изъ Боровска Пафнутьева. 20. Изъ Волоколамскаго Іосифова. 21. Изъ Суздаля Спаса Ефимьева. 22. Изъ Переславля-Залѣсского Данилова. 23. Изъ Ростова съ устья Борисоглѣбского. 24. Изъ Никольского Угрѣшского. 25. Изъ Кашина Колязина. 26. Изъ Переславля—Залѣсскаго Никитскаго. 27. Изъ монастыря Пречистыя Богородицы донскаго. 28. Данилова. 29. Новинского. 30. Златоустовскаго. 31. Изъ Переславля-Залѣсского Ѳеодоровскаго. 32. Изъ Серпухова Владычина. 33. Изъ Серпухова Высоцкаго. 34. Изъ Бѣжецкаго вверху Никольскаго Антоньева и 35. Изъ Дмитрова Никольскаго Пастышскаго. — Въ послѣдствіи подносили еще изъ Воскресенскаго что на Истрѣ.

Отъ тѣхъ же самыхъ монастырей подносили хлѣбы, капусту и квасъ: патріарху, боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, думнымъ дьякамъ, кравчему, стряпчему съ ключемъ и всѣмъ приказнымъ людямъ.

Можетъ быть обычай, собираться изъ монастырей въ Москву и собирать монастырскую великопостную дань, присвоилъ и первому воскресенію великаго поста, наименованіе *сборнаго воскресенія.*

Монастыри тогда славились, и нынѣ славятся, искуснымъ печеніемъ хлѣбовъ и отличнымъ приготовленіемъ капусты и квасовъ. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ славился своими квасами монастырь Антонія Сійсскаго (архангельской губ. холмогорскаго уѣзда), такъ что Государь посылалъ туда *для ученья кваснаго варенья*, своихъ хлѣбниковъ и пивоваровъ.

шила, и каждое семейство подчинялось старшему въ домѣ, который раздѣлялъ между ними работы и занятія (*).

У насъ женщины сами шили для себя одежды и отличались искуснымъ вышиваньемъ разными шелками, серебромъ и золотомъ. Знатныя боярыни и дѣвицы, преимущественно занимались этою работою, и щеголяли ею. Анна, супруга В. К. Рюрика II, живя въ монастырѣ св. Андрея въ Кіевѣ (въ исходѣ XII вѣка), обучала дѣтей шить золотомъ и серебромъ.

Въ субботу первой недѣли или въ сборное воскресенье, а иногда въ другой какой либо день послѣ обѣдни, самъ Государь раздавалъ въ столовой избѣ *укрухи:* боярамъ и другимъ чинамъ. Къ патріарху же посылалъ ихъ съ бояриномъ. Въ среду первой недѣли поста (1667 г.) была отправлена къ патріарху *укруха*, съ стольникомъ кн. Петр. Ив. Прозоровскимъ, и она состояла: изъ кубка романеи, ренского, малвазіи, хлѣбца *кругличатаго*, полосы арбузной, горшечка патоки съ инбиремъ, горшечка мазули съ шафраномъ, горшечка мазули съ инбиремъ и трехъ шишекъ ядеръ.

На первой же недѣлѣ великаго поста, въ пятницу, въ Успенскомъ соборѣ патріархъ молитвословилъ надъ коливомъ (кутьею), которую раскладывалъ на серебрянныя блюда, и съ соборнымъ протопопомъ посылалъ къ Царю и ко всему его семейству. — Смотр. стат. Ив. Забѣлина: Нѣкоторые придворные обряды и обычаи Царей московскихъ — помѣщ. въ московск. вѣд., потомъ перепечатано въ владимірскіхъ губернскихъ вѣдомостяхъ въ 1847 году, N 7.

(*) Орудія, коими шили платья, состояли прежде изъ заостренныхъ костей рыбьихъ и деревянныхъ иглъ. Самыя одежды выдѣлывались, разумѣя во время дикости народовъ, изъ тонкой коры, листьевъ и кожъ; нитки употреблялись очень

Введеніе вышиванія золотомъ, приписываютъ Фригійцамъ. Во время Мойсея (за 1500 л. до Р. Х.) отличались Египтяне шитьемъ по золоту и тканьемъ разноцвѣтныхъ матерій; женщины сидонскія славились вышиваньемъ. Греки знали оба эти искуства, еще до троянской войны. Елена, по описанію Гомера, прекрасно изобразила на большой ткани кровопролитныя битвы Грековъ и Троянцевъ; Андромаха вышила разными цвѣтами несчастную смерть Гектора (*). Многія

простыя и грубыя: сушенные тонкіе ремешки, жилы и конопляныя витыя суровыя нитки. Гренландцы шили кишками, выдѣлываемыми изъ морскихъ собакъ; Эскимосцы, Самоѣды, Американцы, Африканцы употребляли жилы животныхъ. — Гезіодъ говоритъ, что такъ же поступали Греки, пока не получили гражданскую образованность.

Египтянъ научила прясть Изисъ; но Китайцы отдаютъ эту честь Яо, женѣ императора; Лидяне Арахнѣ, Греки Минервѣ, Перуанцы Мамѣ—оеллѣ, женѣ Монко—Капака, перваго ихъ государя. Пряденіе, тканіе и шитье, приписываютъ изобрѣтеніямъ женскому полу, потому что это свойственно образу его занятій. — Усовершенствованіе иглъ приписываютъ Грекамъ и Римлянамъ. Пряслица изобрѣтена брауншвейгскимъ мѣщаниномъ Юргеномъ, въ 1530 г. Dict. des orig. Par. 1777 г.

(*) Diction. des origines, Par. 1777 г.

Въ теремъ вошла, гдѣ Елена ткань великую ткала,
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя на ономъ сраженья,
Подвиги конныхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ.

Ткала одежду она (Андромаха) въ отдаленѣйшемъ теремѣ дома,
Яркую ткань, и цвѣтные по ней разсыпала узоры.

Гнѣд. Иліада Гомера, пѣсн. III, ст. 125 — 127, пѣсн. XXII, ст. 440 — 441.

изъ нашихъ боярынь славились искуствомъ вышиванья. Жена Волынского, оберегателя посольского приказа, славилась вышиваньемъ.

Удовольствіе въ пѣніи.

Пѣніе составляло особое удовольствіе нашихъ предковъ, какъ и понынѣ между народомъ. Пѣсни свадебныя, хороводныя, святочныя, плясовыя и церковные стихи, услаждали ихъ во всякое время. Правильность пѣнія образовалась нераньѣе, какъ около половины XI вѣка, когда выѣхали къ намъ греческіе пѣвцы, въ великокняженіе Ярослава. Они первые научили Русскихъ демственному пѣнію на восемь голосовъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ не одно удовольствіе, но услажденіе (*). Княжна Янка или Анна, какъ называетъ Татищевъ, дочь В. К. Всеволода, будучи монахинею въ монастырѣ св. Андрея въ Кіевѣ, учила молодыхъ дѣвицъ грамотѣ, пѣнію и шитью (**). Весьма справедливое замѣчаніе одного иностранца (***), что Россіянокъ XVII вѣка,

(*) Названіе демственное есть испорченное греческое и оно происходитъ отъ слова δομεστικος, уставщикъ, потому что онъ первый начиналъ и указывалъ на правильное пѣніе, см. Du Cange: Glossar. med. aev. Въ Никон. лѣт. ч. I. с. 142 сказано, что въ 1051 г. пріѣхали изъ Греціи въ Кіевъ, три пѣвца съ своими семействами, см. Кар. И. Г. Р. т. I. пр. 57.

(**) Она померла въ 1103 г. и въ томъ монастырѣ похоронена. Воскр. лѣт. ч. I. с. 27.; Татищевъ: Рос. ист. кн. II. с. 158; Кар. И. Г. Р. т. 2 прим. 156.

(***) Reutenfel. De reb. Moscov: Mulierculae canticulus fastidia otii pellant.

главнѣйшее увеселеніе состояло въ пѣніи, коимъ онѣ прогоняли свою скуку, ибо тогда женскій полъ, проводя всю свою жизнь въ затворничествѣ, не могъ участвовать въ собраніяхъ съ мущинами.—Одна забава считалась имъ позволенною,—качели, однако и ее осуждали невѣжы и суевѣры, называя *дьявольскою спѣю* (*). Музыкою не занимался женскій полъ (**).

Уединенная жизнь.

Женщины и дѣвушки, будучи совершенными затворницами, не смѣли показываться чужимъ людямъ, даже не ходили въ церковь съ открытымъ лицемъ. Ни старики, ни родственники, ни братья не могли ихъ видѣть безъ особаго поз-

(*) Herberst. Rer. Moscov. com. Объ осужденіи качель см. Синопсисъ Гизеля.

(**) Успен: Оп. повѣсть о древ. русск. ч. I. с. 93, увлекшись изслѣдованіями Татищ., Рос. ист. т. III. с. 84 и кн. Щербатова тамъ же с. 199, говоритъ, что когда В. К. Изяславъ возвратился въ Кіевъ, 1151 г., и вновь занялъ великокняжескій престолъ при помощи Венгровъ, тогда онъ дѣлалъ великій пиръ, на коемъ играли венгерскіе музыканты, а Кіевляне слушали съ удивленіемъ. *Тогда же Угры на фарѣхъ и скокахъ играху на Ярославль дворъ.* Фарями назывались арабскія кони, см. Дюканжа: Gloss. med. aevi. Въ старинной русской сказкѣ, названной: *Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита*, сочиненной, какъ можно судить по слогу, въ XII или XIII вѣкѣ, сказано: *кто сему не дивится, како дрѣзость яви уноша* (юноша), *како нагони брѣже* (скорѣе) *фаря брѣзого.* Въ другомъ мѣстѣ: *Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ гораздно на немъ играетъ.* Скоки значутъ скакуны. Венгерцы увеселяли пирующихъ и народъ, искусною скачкою на лошадяхъ. Объ этомъ см. Кар. И. Г. Р. т. 2 с. 233 изд. 1816 г.

воленія отца семейства или мужа, ибо, по тогдашнему мнѣнію, тѣ женщины были нечестныя, которыя сами показывались, а особенно когда не сиживали дома. Въ праздники и въ лѣтнее время, мужья бывали къ нимъ снисходительнѣе. Жены и молодыя дѣвушки выходили гулять на лугъ. Тамъ пѣли и качались на качеляхъ, а матери между тѣмъ гадали дочерямъ въ фортунку (*).

Если женамъ и дочерямъ позволяли навѣщать родственниковъ или проѣзживаться, то не иначе какъ подъ покрывалами или въ закрытыхъ возкахъ. Самыя Царицы подвергались такому же порядку. Когда супруга Царя Алексѣя была нездоровою, и къ ней пригласили врача; тогда ему дозволили ощупать ея пульсъ чрезъ тонкое тканье, коимъ была покрыта ея рука (**). Отъ сидячей жизни, нашъ женскій

(*) Herber. Rer. Moscov. com. ed. Antv. c. 51.; Petrejum: Hiſtor. und Bericht. von dem Groſſfürſtenthumb Muſchkow, c. 609; Olear: Offt begehrte Beſchr. der Neuen Orient. Reiſe c. 141 и 143. Качели въ это время были круглыя, быть можетъ какъ нынѣ. Maerb. Voyage en Moscov. c. 148, изд. Лейден.; Mach: A relat. of three embass. to the great Duke of Moscov. in the years 1663 and 1664 c. 52—54.

(**) Маерб. Voyage c. 88. У Грековъ и богини ходили подъ покрываломъ.

Что ты, Ѳетида, покровомъ закрытая, въ домъ нашъ приходишъ.

Мать увидяла, . . .
Рветъ сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
Мечетъ далеко . . . . . .

Гнѣд. Ил. Гом. пѣснь XVIII ст. 385, пѣснь XXII ст. 405—407.

полъ страдалъ тогда многочисленными болѣзнями. А нынѣ еще жалуются на сидячую жизнь!

Постель.

Нѣга, принадлежность женского пола, усыпляла его на мягкомъ и тепломъ ложѣ. Перины и пуховыя подушки, употреблявшіяся издревле, составляли роскошь знатныхъ боярынь и Великихъ Княгинь. Постели ихъ застилались шерстяными, шелковыми или льняными одѣялами; покрывала вышивались золотомъ и серебромъ и украшали богатую постель; кровати были подвижныя, ставились къ стѣнѣ подъ пышнымъ занавѣсомъ, называвшимся *пологомъ*. У недостаточныхъ и бѣдныхъ дѣлались, вмѣсто кроватей, *примосты*, укрѣпляемые досками на подставахъ, между двумя стѣнами. Донынѣ простой народъ спитъ на примостахъ и на печѣ. Полати дѣлались изъ досокъ, по выше примостовъ, въ уровень съ печью. Часто спали не раздѣваясь, даже на самыхъ печахъ.

Супружеская вѣрность.

Лѣтописцы иностранные хвалятъ непорочность и вѣрность Россіянокъ. Агнеса, супруга императора германскаго Генриха IV, дочь В. К. Всеволода I, была однажды подвергнута имъ испытанію въ вѣрности, для этого онъ велѣлъ одному изъ своихъ бароновъ, влюбившихся въ нее, искать ея любви. Она презирала его страстныя изъясненія, но выведенная изъ терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для тай-

наго съ нею свиданія; но вмѣсто барона явился ночью самъ императоръ, который былъ встрѣченъ переодѣтыми въ женское платье слугами. Они, исполняя приказаніе императрицы, поступили съ нимъ, какъ съ оскорбителемъ ея чести. Узнавъ же въ мнимомъ баронѣ своего мужа, Агнеса сказала ему: для чего жъ ты шелъ къ женѣ подъ видомъ обольстителя? Раздраженный Генрихъ оклеветаніемъ барона, казнилъ его, а цѣломудренную Агнесу поносилъ грубыми и дерзкими словами (*).

(*) Chronic Th. Engelhusen, въ Лейбниц. Script. Brunsv. 11; Гебгарди: Erläuterung der Eur Kayserl. und Königl. Häuser, см. табл. 9, гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ.—Агнеса чрезъ три года развелась съ Генрихомъ.—Любопытныя свѣдѣнія объ Агнесѣ, см. еще Кар. И. Г. Р. т. 2 с. 97 примѣч. 157. Она вышла замужъ за Генриха IV въ 1089 г. Императоръ Генрихъ IV замѣчателенъ въ исторіи среднихъ вѣковъ, сильными распрями его съ папою Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, за инвеституру. Въ западной Европѣ было тогда обыкновеніе, что государи, возводя духовныхъ особъ въ высшее достоинство и отдавая имъ въ пастырское управленіе земли, вручали жезлъ и перстень, въ знакъ ихъ зависимости отъ государя; но папа Григорій VII, отнимая это право у государей, подъ опасеніемъ отлученія ихъ отъ церкви, объявилъ, что эта власть принадлежитъ римскимъ первосвященникамъ. Всѣмъ извѣстно несчастное униженіе Генриха IV, которое должно приписать невѣжественному вѣку и владычеству духовенства, хотѣвшему быть властителями и судіями. Но благодаря просвѣщенію, что папская власть, во многомъ пагубная не только для монарховъ, но и государствъ, совершенно ослабѣла нынѣ, или лучше сказать, сдѣлалась ничтожною.

Россіянки всегда славились непорочностію въ семействѣ и служили удивленіемъ для иноземцевъ. Скромность и невинность, составляли неразлучную добродѣтель женъ: этимъ гордились мужья и дорожили самые знатные люди (*). Однако, были примѣры невѣрности, но эти примѣры не могутъ быть доказательствомъ безнравственности, въ особенности прекраснаго нашего пола.—Первый разнесъ молву невыгодную, баронъ Герберштейнъ (**). Не принимая и не вѣря его замѣчаніямъ, мы можемъ согла-

(*) Paul. Iov. de Leg. Moscov.

(**) Herber. Rer. Moscov. com.—Paul. Iovius de legat. говоритъ, (онъ писалъ въ 1525 г.), что въ Москвѣ были домы публичныхъ женщинъ, которыя принимали къ себѣ посѣтителей за весьма умѣренную награду: ad venerem omne vulgus foeminarum facile pollicitur. Должно думать, что введеніе таковыхъ домовъ современно многоженству.—Французская болѣзнь была намъ извѣстна, въ концѣ XV вѣка по одному слуху. Она, съ американскимъ золотомъ, вывезена въ Европу въ 1493 г. Сначала именовалась неаполитанскою, и до того она была опустошительною, что казалась гнѣвомъ Божіимъ, ниспосланнымъ за грѣхи. Robertson: Hist. of America, кн. 4 с. 99, и с. 342 прим. 50, изд. 1828 г. Одна женщина занесла ее изъ Рима въ Краковъ: эта болѣзнь вдругъ заразила тамъ многихъ; отъ нее вскорѣ померъ кардиналъ Фридерикъ.—Стрыйков. лѣтоп. кн. XXI гл. 1.—Слухъ объ этой болѣзни дошелъ до Москвы, въ 1499. В. К. Іоаннъ III, посылая въ Литву боярскаго сына Ив. Мамонова, велѣлъ ему развѣдать въ Вильнѣ: «есть ли еще та болѣсть или нѣтъ, что болячки мечются (покрываютъ тѣло), а словетъ французска.» Дѣла польскаго двора N 1 с. 684.—Въ договорѣ смоленскаго кн. Мстисла Давидовича съ городомъ Ригою, заключеннымъ въ 1228 г., сказано между прочимъ, что за безчестіе женщины пла-

ситься съ нимъ въ томъ только, что мужья, занятые службою, рѣдко бывали дома, и что самое супружество зависѣло отъ воли родителей. Не женихъ выбиралъ себѣ невѣсту, но отецъ, и онъ назначалъ ее для своего сына. Когда женихъ домогался видѣть свою невѣсту, тогда родители отвѣчали ему: спроси объ ней у добрыхъ людей. По наступленіи только дня свадьбы, засватанные видѣли другъ друга предъ вѣнцемъ.

тить 10 гривенъ серебра, пока она не была обезславлена,— статья 13, см. собр. госуд. грамотъ. Это доказываетъ, что общественныя женщины давно существовали. Мелецій, писатель половины XVI вѣка, говоритъ: «тѣ изъ нихъ, кои грѣшатъ со всѣми, изгоняются изъ общества и называются *общими*» т. е. общественными. Eos quoque, quod publice peccant, communicatione persequuntur, quod eorum lingua *obscha* vocant. — De Russor. relig. et ritib. ed. 1581 года. — Petrejum: Histor. und Bericht. von dem Grosfürstenthumb Muscheow, c. 595. изд. Лейпц. 1620 г., говоритъ: und haben bey sich herlaufen vielen Diener und Knechte, die sie bewachen sollen, чтобы слуги боярскіе присматривали за ихъ женами, auff daß sie mit andern Männer und Gesellen keine haben Lieben und Unkeuschheit treiben, weil sie so frech und geil seyn, daß sie es, wenn sie die geringste Gelegenheit ergreifen können nich nachlassen, so sie reitzen offt die Männer an des Venusspiel mit ihnen zu pflegen, sonderlich mit den Ausländern, zu welchen sie sehr geneigt seyn.—Далѣе, c. 636: Also ist die zwar nicht die geringste, nemlich, wenn armen und geringe Edelleute oder Bürger etwa Noth leiden, und kein Geld haben, daß sie etliche Kärll und Gesellen, so Reich und Vermögens seyn, antreffen können, denen bieten sie ihre Weiber an, bey ihnen zu schlaffen, und nehmen für ein jedes

Мужья весьма любятъ своихъ женъ, говоритъ баронъ Герберштейнъ, но безъ частыхъ побоевъ мужа, каждая жена сомнѣвается въ его любви. Одинъ Нѣмецъ, женатый на Русской, разсказывалъ ему, что жена часто докучала ему своими замѣчаніями, что будтобы онъ не любитъ ея и постоянно спрашивала: отъ чего ты не любишъ меня?—Напротивъ я тебя очень люблю, отвѣчалъ онъ ей.—Не вѣрю, докажи.—Какого же ты хочешъ отъ меня доказательства? — Ты ни

Доказательство любви чрезъ побои.

Mal 2 oder 3 Thaler, darnach das Weib hübsch und schön ist, und sie mit einander können übereinkommen. Und gehet der Mann so lange für die Thür, und helt Wacht, damit keiner kömpt, der sie in ihren unerbare Werck und Unzucht hindern und verstörn. Ja, sie treiben auch, insonderheit, die großen Herren und die von Adel, grossen Unzucht und sodomischen Sünden und die Männer selbst mit einander, und solches nicht heimlich, sondern offtmals in gegenwart vieler Personen, meynend, es sey ihnen eine Ehre, solches begemlich und rümlich zu thun. — Это совершенно нелѣпое сказаніе Петрея, потому что ни одинъ иностранный писатель не отзывается о женскомъ полѣ съ такой чернотою, какъ онъ. Полагать должно, что частные примѣры невѣрности, онъ принялъ за общую безнравственность. — Въ Малороссіи венерическая болѣзнь называется *гостецъ* (гостинецъ подарокъ). Она занесена сюда проходящими войсками, въ родѣ подарка, и должно думать не ранѣе половины XVIII вѣка, когда войска останавливались здѣсь гостить постоемъ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи эта болѣзнь извѣстна подъ именемъ *скорби*. О зараженномъ ею говорятъ: *у него большая скорбь въ носу, въ ногахъ и онъ весь въ скорбяхъ.*

когда не билъ меня. Тогда мужъ исполнилъ ее желаніе и, по его словамъ, черезъ чуръ (*).

Обыкновеніе бить женъ позаимствовано отъ Татаръ, и это можетъ быть объяснено только грубостію тогдашнихъ временъ. Любовь чрезъ побои, существовала еще лѣтъ пятдесятъ тому назадъ, какъ разсказывали мнѣ. (**) Въ одной пѣснѣ женщина, выражая чувствованія своей любви, напоминаетъ намъ на старый обычай, доказывать любовь хворостиной и кнутомъ:

(*) Herber. Rer. Moscov. com. c. 51, ed Antv. Petrejum: Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Muschkow. c. 632—634. изд. Лейпц. 1620 г.; Olear: Offt begehrte Besch. der Neuen Oriental. Reise, c. 143.

(**) Я однажды слыхалъ жаловавшуюся жену на своего мужа, — что онъ не любитъ ее. Когда я спросилъ ее: отъ чего она такъ думаетъ?—тогда она отвѣчала мнѣ, что онъ ее ни разу не билъ.—Да развѣ въ этомъ любовь? «Э, батюшка, жена не вѣдаетъ любви мужней безъ битья. Чѣмъ крѣпче и почаще побиваетъ муженёкъ, тѣмъ-то жена боится мужа и холитъ его. Бабій волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Не потрепли ея косыньки, не оставь синева на плечикахъ и щечкахъ румяныхъ, и что за любовь!» —Случилось еще видѣть, что мужъ билъ свою жену и весьма жестоко. Когда я замѣтилъ, что онъ поступаетъ съ ней безчеловѣчно, тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: «нѣтъ, батюшка, это ужъ такая наша поведенція. Не бей жену, она ругается: ты меня не любишь. — Если любишь, то бей меня!» Во время сердечныхъ побоевъ, жена не плачетъ и не кричитъ, она переноситъ терпѣливо, и этимъ еще гордится между своими пріятельницами. — Въ Россіи все измѣняется такъ скоро, что можно думать, что любовь чрезъ побои не существуетъ уже. Въ амери-

Мимо пройдетъ, да не взглянетъ,
Какъ морозомъ подерётъ!
Ай люли, ай люли,
Нигдѣ мѣста не найду!
Вдоль спины перепояшетъ,
Хворостиной аль кнутомъ,
Ай люли, ай люли,
Нигдѣ мѣста не найду!
Мнѣ то за честь и не больно,
Хоть малиной не корми!
Ай люли, ай люли,
Нигдѣ мѣста не найду! (*)

Еще въ другой пѣснѣ:

Ахъ, что это за мужъ,
Молоду жену не бьетъ!
Бей жену къ обѣду,
Къ ужину снова, да опять,
Чтобы щи были горячи,
Каша масляная.

канской Индіи доселѣ въ обычаѣ доказывать любовь побоями. Привязываютъ жену къ дереву и бьютъ прутьями до безчеловѣчія, пока она не скажетъ: довольно, доказалъ любовь! Или пока самъ мужъ не устанетъ, — но это бесчестіе для мужа. — Правительство англійское нѣсколько разъ предпринимало мѣры къ истребленію варварского обычая, но сами жены возставали противу этого.

(*) Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсен. ч. 3. N 297, изд. Москов. 1822 г. Эта пѣсть начинается такъ:

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!
Ай люли, ай люли,
Нигдѣ мѣста не найду, и проч.

Каждый народъ имѣетъ свой особый духъ и такія качества, которыя только ему одному свойственны. Женскій полъ отличается во всемъ свѣтѣ чувствительностію и нѣжностію сердца, но при этомъ онъ обнаруживаетъ свои наклонности. Нѣмки хорошія хозяйки, Голландки постоянныя, Англичанки вѣрныя, Ишпанки пламенныя, Португальки страстныя, Щвейцарки патріотки, Француженки любезныя, Италіянки ревнивыя, Польки увлекательныя собесѣдницы, а Русскія нѣжныя матери. Мущины же въ своихъ страстяхъ такъ измѣнились, что всѣ они болѣе или менѣе на одинъ ладъ непостоянные, но этотъ недостатокъ они вознаграждаютъ твердостію воли, глубокомыслiемъ и проницательностію.

Обращеніе въ общежитіи.

Дворяне и богатые были спесивые къ бѣднымъ, но между собою гостепріимны и вѣжливы. Гостя встрѣчали съ объятіями и просили садиться, но гость, ввойдя въ комнату, искалъ глазами Св. иконъ, подходилъ къ нимъ, крестился и клалъ сначала три земныхъ поклона, произнося въ слухъ нѣсколько разъ: *Господи помилуй, Господи помилуй!* Потомъ обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: дай Господи тебѣ здоровья.—Подавши другъ другу руку, они цѣловались, кланялись по нѣсколько разъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ считалось почтительнѣе;

переставали кланяться и снова кланялись, наконецъ садились и бесѣдовали (*). Гость садился лицемъ къ Св. образамъ. Тутъ его подчивали медомъ, пивомъ, вишневкою, а дорогихъ гостей греческими винами и мальвазіею. По окончаніи разговоровъ гость, взявъ свою шапку, подходилъ къ образамъ, крестился, дѣлалъ тѣже поклоны и прощался съ хозяиномъ, желая ему быть здоровымъ. Хозяинъ отвѣчалъ ему взаимнымъ желаніемъ и провожалъ его безъ шапки до крыльца; любимаго провожалъ до самыхъ воротъ, а почетнаго еще далѣе, за нѣсколько шаговъ отъ воротъ.

Путешественникъ Ле-Бренъ, будучи представленъ кн. Меншиковымъ Государынѣ Екатеринѣ, въ селѣ Измайловѣ, говоритъ, что послѣ нѣсколькихъ разговоровъ князя съ Царицей, она велѣла наполнить чашу водкою, и подала изъ своихъ рукъ князю, который выпивъ,

(*) Въ разговорахъ употребляли *батютка, милостивецъ*. *Батюшка* есть очень древнее употребленіе и оно встрѣчается уже въ XIII в.; означало отца-покровителя. Нынѣ же оно произносится безъ всякаго значенія, по одному вкоренившемуся обычаю. У мексиканскихъ народовъ существовало обыкновеніе величать, старшихъ себя, съ прибавленіемъ слога къ каждому слову: *цинъ* и *ацинъ*, напр: *татлъ*, батюшка, *татцинъ* батинька. Монтецума величался Монтецумацинъ и т. п. Все это indicating respect, silavas reverentiales y de cortesia. — Roberts: Hist. of America, кн. 7. с. 226. прим. 146. изд. 1828 г. — Эта самая вѣжливость похожа на нашъ странный обычай, чтобы придавать къ каждому слову *ссъ*,—и нѣтъ сомнѣнія, что это позаимствовано отъ лакеевъ.

*

передалъ одной изъ фрейлинъ. Эта фрейлина вновь наполнила чашу, а Государыня подала Ле-Брену. Послѣ подавали пить вино и наконецъ пиво, но князь и онъ, отвѣдавъ не много пива, отдали фрейлинѣ, ибо пить пиво считалось неприличіемъ.

Русскіе не любили придираться къ словамъ, въ обхожденіи были весьма просты, и всякому говорили *ты* (*). Если разговаривали о чемъ нибудь сомнительномъ, или слыхали говорящихъ несправедливо, то вмѣсто учтивыхъ выраженій: *это ваше мнѣніе*, *извините*, отвѣчали прямо: *ты врешь* (**).

Такъ говорилъ и слуга своему господину. Самъ Царь Іоанъ IV не сердился за это, но эта простота въ обхожденіи, стала уже измѣняться въ концѣ XVI вѣка (***). Самый почтенный

(*) Le-Brun. Voyage par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales, т. 1, с. 30 и 34. изд. Амстерд. 1718 г.

(**) У Грековъ отвѣчали бранью и даже бились, не одни смертныя, но безсмертныя. Богиня Гера, державная супруга Юпитера:

Словами жестокими такъ Артемиду язвила:
Какъ, безстыдная псица, и мнѣ уже нынѣ ты смѣешь?
Лишъ сказала (Гера) и руки богини своею рукою
Лѣвой хватаетъ, а правою, лукъ за плечами сорвавши
Лукомъ, съ усмѣшкою горькою, бьетъ вкругъ ушей Артемиду.

Гнѣд. Иліад. Гомер. пѣсн. XXI. ст. 480 и 490 изд. 1839 года.

(***) Marger. Éstat de l'emp. de Russie, л. 38 изд. Париж. 1607 г.

и знатный бояринъ не обижался, если поселянинъ называлъ его ты. Великихъ Князей и Государей величали ты; такъ называлъ мужикъ своего барина, а дѣти своихъ родителей. Понынѣ еще называютъ ты; но къ сожалѣнію, эта простота нравовъ исчезаетъ. Греки, Римляне и всѣ народы древняго и новаго міра, говорили ты, изъ особаго уваженія, а не вы. Въ словѣ ты выражается почтеніе къ одной особѣ, а въ вы ко многимъ; послѣднее, приписывая одному лицу многія несвойственныя ему достоинства, льстить его страстямъ, а люди крайне любятъ это (*).

(*) Уваженіе къ господамъ и вообще къ старшимъ себя, распространено въ большей степени между простымъ сословіемъ. Если приходите къ чиновнику, барину и т. п., и спрашиваете у горничной или у лакея: дома ли баринъ? то всегда отвѣчаютъ: нѣтъ ихъ дома, и никогда не скажутъ: нѣтъ его дома.—Случается слышать часто подобные отвѣты отъ самихъ чиновныхъ, наприм. спрашиваете: у себя ли его превосходительство? Отвѣчаютъ: у себя, но они заняты. Такая вѣжливость, противная свойству языка, употребляется постоянно въ семейномъ кругу. Спросите у дѣтей, даже взрослыхъ: у себя ли маменька?—У себя, отвѣчаютъ вамъ, но онѣ не здоровы.—А папенька?,—онѣ только что вышли. Подобныя выраженія можно допустить одной нѣжности дѣтей, особенно чувствительнымъ дѣвушкамъ, боящимся оскорбить самый слухъ; но никакъ нельзя извинить въ этомъ знающихъ языкъ. Величіе Божіе ни мало не оскорбляется, когда говорятъ объ Немъ: Онъ могущественъ,—Его воля святая, а не: Онѣ могущественны,—Ихъ воля святая. Изъ устъ прекраснаго пола проистекаютъ болѣе всѣхъ несправедливыя слова.

При подаваній просьбы или какой нибудь жалобы, обыкновенно писались уменьшительными именами. Духовные подписывались: *богомолецъ твой* или *богомолица твоя*. Знатныя особы: *холопъ твой* или *рабъ твой*. Слово холопъ употреблялось до XVII вѣка, а рабъ до половины XVIII вѣка. Императрица Екатерина II замѣнила слово рабъ, вѣрноподданнымъ. Крестьяне донынѣ употребляютъ рабъ, въ письмахъ къ своимъ господамъ. Купцы и мѣщане подписывались: *мужикъ твой*, оставшіеся сиротами: *сирота твоя;* женскій полъ: *раба твоя* или *рабица твоя;* крестьяне: *крестьянинъ твой;* слуги: *человѣкъ твой*. Еще до второй половины XVII вѣка, многіе подписывались сокращенными именами, наприм: *Ивашка*, *Андрюшка*, *Федюшка* и т. д. Преступниковъ и простой народъ долго именовали, едвали не до конца XVIII вѣка, сокращенными именами, напр: Гришка Отрепьевъ, Стенька Разинъ, Пугачъ, и т. п. Было особымъ знакомъ уваженія и почести, если боярина величали полнымъ именемъ, напр: *бояринъ князь Василій Андреевичъ*. Окончаніе *вичъ* составляло принадлежность княжескаго достоинства и знатныхъ особъ, но и послѣдніе не смѣли именоваться имъ, безъ соизволенія Великихъ Князей, которые прикладывали это въ ознаменованіе заслугъ или особаго

достоинства. Въ началѣ XVII вѣка уже стали именовать на *вичъ* нетолько знатныхъ, но всѣхъ дворянъ; въ XVIII ст. назывались полнымъ именемъ чиновные и служащіе, а въ наше время вошло въ употребленіе всеобщее даже между простымъ сословіемъ, въ коемъ нынѣ услышите прибавочное еще названіе: господа. Если соберется нѣсколько изъ простолюдиновъ и толкуютъ о чемъ нибудь, а одинъ кто нибудь изъ нихъ не соглашается съ общимъ мнѣніемъ, то онъ говоритъ: господа! вы не такъ рядите. Подумайте лучше, господа, и т. п.

Простой народъ назывался, почти до конца *XVIII вѣка, подлыми людьми* (*).

Простой народъ, особенно деревенскіе мужики, объясняясь съ старшимъ, говорятъ про-

(*) Непривыкшему читать сочиненія, въ коихъ встрѣчается слово подлый, покажется съ перваго раза нетолько страннымъ, но непонятнымъ, или просто пріймутъ въ собственномъ его значеніи. Вотъ напримѣръ выраженіе того времени: «Многіе судьи бѣдныхъ, а особливо *подлыхъ людей*, хотя бы они и крайнюю имѣли нужду, рѣдко предъ свои очи допускали». — Истор. о Ванькѣ Каинѣ, с. 56. изд. Моск. 1788 г. — Между тѣмъ парицаніе *подлый человѣкъ, подлые люди*, дано крестьянамъ потому, что они жили подлѣ своихъ господъ, тоже самое что дворовый человѣкъ, дворовые люди, и какъ они отъ вольныхъ людей отличались большею несправедливостію, хитростями, неправдами и бѣдностію, то мѣстное прозваніе обращено было на всѣхъ тѣхъ, кои поступали подобно имъ. Униженіе и нищета, конечно были этому причиною, какъ прозваніе *крестьянъ*, данное намъ Татарами, потому что мы были христіане, но угнетенные ими.

стодушно и непринужденно. Предъ начинаніемъ своей рѣчи, онъ сначала потупитъ глаза въ землю и думаетъ; потомъ, почесавъ затылокъ, вступаетъ въ разговоръ. Почесываніе затылка повторяется едвали не за каждымъ разговоромъ, какъ бы давая этимъ знать, что все умное вытекаетъ изъ головы.

Высокомпріе дворянъ.

Дворяне, какъ бы ни были недостаточные, вмѣняли себѣ за бесчестіе пріобрѣтать хлѣбъ трудами своихъ рукъ, и въ самой бѣдности были недоступны, а бояры еще болѣе: къ послѣднимъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ; вставалъ съ лошади у воротъ и шелъ пѣшкомъ.—Благородные не имѣли знакомства съ мѣщанами; любили сидячую жизнь и дивились, какъ можно стоя или ходя, заниматься разговорами и весть дѣла. Они имѣли кругъ своихъ знакомыхъ, ради были гостю, но крайне не любили, если гость не сидя разговаривалъ. Сажали на почетное мѣсто того, у кого было значительное брюхо и самъ былъ дородный (*). Донынѣ осталась между Русскими старинная при-

---

(*) Herber. Rev. Moscov. com.; Marger. Estat de l'emp. de Russie; Флечеръ: Com. Wealth; Turbeville: Certaine letters in verse, помѣщ. въ собр. Гакл. т. 1 с. 432; Muscov. Reise помѣщ. въ магаз. Бишинг. ч. VII с. 271; Petrejum: Hist. und Bericht. von dem Grossfürstent. Muschkow с. 619, изд. 1620 г.

вычка, не считать того за гостя или порядочнаго человѣка, который не сидя разговариваетъ. Если онъ встаетъ, то просятъ его присѣсть; вошедшаго же въ комнату, но не садящагося, просятъ немедленно сѣсть, говоря: *будьте гостемъ, просимъ покорно присѣсть.*

Всякій дворянинъ, даже не много достаточный, ѣздилъ въ гости верхомъ, хотя бы растояніе къ дому знакомаго было въ нѣсколькихъ шагахъ. Ходить пѣшкомъ считалось за стыдъ, исключая случаевъ, когда являлись ко двору и отправлялись въ церковь.—Не ѣздили зимой, потому что лошади не были подкованы. Женщины не ходили далѣе воротъ: онѣ ѣздили верхомъ, садясь на сѣдла, сдѣланныя на подобіе шотландскихъ стульевъ, которыя дѣлались гладкими изъ березоваго дерева; узды не блестали роскошью. Мужъ рѣдко ѣздилъ съ своей женой, развѣ въ церковь или въ день свадьбы. Въ концѣ XVI столѣтія верховая ѣзда была любимымъ гуляньемъ женскаго пола. Когда Царица Ирина, супруга Царя Ѳеодора, выѣзжала изъ Кремля, тогда всѣ знатныя дамы провожали ее верхомъ: въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на епископскіе клобуки и обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами вокругъ;

Верховая ѣзда.

въ ферезяхъ съ золотыми пуговицами и длинными висячими до плечъ кистями (*).

Звѣриная и птичья охота.

Самымъ лучшимъ увеселеніемъ не только дворянъ и бояръ, но Великихъ Князей, была звѣриная и птичья охоты. Звѣриная ловля пріучала юношей къ перенесенію голода, зноя и холода; подвергала ихъ трудностямъ, опасностямъ и часто смерти. Владиміръ Мономахъ самъ говоритъ о себѣ: «любя охоту, мы ловили звѣрей. Я вязалъ своими руками въ густыхъ лѣсахъ дикихъ коней, вдругъ по нѣсколько. Два раза буйволъ металъ меня рогами, олень бодалъ, лось топтала ногами; вепрь сорвалъ мечъ съ моего бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и сбилъ съ ногъ коня подо мною; нѣсколько разъ я падалъ съ лошади, два раза разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги. Я самъ все то дѣлалъ, что могъ приказать другимъ: смотрѣлъ за конюшнею, охотою, ястребами и соколами (**).»

Андроникъ Комнинъ, императоръ греческій, перенималъ многіе русскіе обычаи: онъ любилъ нашу звѣриную ловлю и бѣганіе въ за-

(*) Marger: Estat de l'emp. de Russie, на об. л. 15, изд. Пор. 1607 г.; Herber: Rer. Moscov. com.; Petrejum. Hist. und Bericht. von dem Großfürstent. Muschkow, с. 619 изд. 1620 г.

(**) Духовное его завѣщаніе, напечатан. въ пушкинскомъ харатейномъ спискѣ Нестора, и еще напечатано особенно въ 1793 году.—Владиміръ Мономахъ княжилъ съ 1113—1125 г.

пуски (*). Ловля звѣрей была у насъ любимымъ занятіемъ, въ самой еще древности. Великія Князья съ удовольствіемъ проводили праздное и скучное время въ охотѣ, изъ нихъ В. К. Василій, даже былъ пристрастенъ къ звѣриной травлѣ. Увидѣвъ Государя въ полѣ, говоритъ Герберштейнъ, мы оставили своихъ лошадей и подошли къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ въ терликѣ парчевомъ, въ колпакѣ высокомъ, осыпанномъ драгоцѣнностями и украшенномъ золотыми листьями, которыя развѣвались какъ перья; на бедрѣ его висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Съ правой его стороны находился казанскій царь Шигъ-Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой двое молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ держалъ сѣкиру, другой булаву или шестоперъ; вокругъ ихъ находилось болѣе 300 всадниковъ. Сначала охотились ловлею зайцевъ въ лѣсу, неподалеко отъ Москвы. Государь предоставилъ первую честь спустить собакъ, важнымъ сановникамъ и посламъ: императорскому Герберштейну, и польскимъ: Кишкѣ и Богушу. На каждаго зайца нападало по четыре собаки. Государь былъ веселъ и хвалилъ ловцевъ. Въ короткое время поймали

(*) Кар. И Г. Р. т. 2 с. 307. Андроникъ царствовалъ съ 1159—1167 г.

болѣе 300 зайцевъ. Потомъ послѣдовала соколиная охота. Для этого пускали кречетовъ: бить лебедей, журавлей и другихъ птицъ. Кречеты, по тонкому своему чутью, открывали, гдѣ летали ловимыя ими птицы.—Пускали ястребовъ и соколовъ, изъ породы орловъ, и тетерей, которые были замѣчательны тѣмъ, то они по крику узнавали фазановъ и преслѣдовали ихъ съ быстротой. Они черные, величиною съ гуся и брови у нихъ красныя. За тѣмъ вызывали охотниковъ бить медвѣдей. Отважные ловцы бросались на звѣря съ деревянной рогатиною. Если медвѣдь его ранилъ, то онъ являлся къ Государю, и показывая ему свои раны, говорилъ смѣло: Государь! я раненъ. — Я тебя награжу, отвѣчалъ Великій Князь.—Онъ приказывалъ его вылѣчить и щедро обдаривалъ платьемъ.—Вечеромъ мы всѣ сходили съ коней и для насъ разбивали шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ свою одежду, разговаривалъ весело съ боярами, въ своей палаткѣ: объ удачной и неудачной ловлѣ того дня. Слуги разносили коріандеръ, миндаль, орѣхи и сахаръ; всѣ преклонялись предъ Государемъ и брали; потомъ пили за его здоровье медъ и вино (*). Любимою забавой Царя Θео-

(*) Herber: Rer. Moscov. com.; Paul. Jovii: de leg. Moscov. c. 177. Исторіографъ Карамзинъ замѣчаетъ, что В. К. Василій едвали не первый завелъ псовую охоту, ибо въ старину считали собакъ животными нечистыми и гнушались ими.

дора былъ медвѣжій бой.—Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ тенетами или въ ямахъ, держали въ клеткахъ. Въ назначенный день для забавы, собирался дворъ и множество народа, къ тому мѣсту, гдѣ предстоялъ бой. Мѣсто обводилось глубокимъ рвомъ, для безопасности зрителей, и чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Являлся отважный боецъ съ рогатиной, и тотъ часъ выпускали медвѣдя, который, увидя своего врага, становился на заднія лапы, ревѣлъ и съ отверстою пастью бросался на него. Охотникъ стоялъ неподвижно: онъ наблюдалъ его движенія, и однимъ сильнымъ размахомъ вонзалъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея прижималъ ногою къ землѣ, чтобы разъяренный медвѣдь не рынулся на него. Яростный звѣрь лѣзъ грудью на желѣзо, которое орошалъ своею кровію и пѣною, грызъ, и если не одолѣвалъ, то падалъ на бокъ съ страшнымъ стономъ и обливался кровью. Народъ провозглашалъ радостными восклицаніями имя побѣдителя; его представляли къ Царю и потомъ поили виномъ изъ Царскихъ погребовъ. Каждый охотникъ билъ звѣря въ грудь; въ случаѣ промаха, онъ былъ имъ изуродоваемъ, и это случалось часто. Счастливецъ былъ доволенъ тѣмъ, что оставался въ живыхъ, и не получалъ никакого награжде-

нія, кромѣ того, что его поили. Раненнымъ выдавалось награжденіе, а жены и дѣти растерзанныхъ, содержались на Царскомъ иждивеніи (*).

Пристрастіе Русскихъ къ охотѣ, считалось благороднымъ занятіемъ, и потому оно содѣлалось всеобщею потребностію. Въ половинѣ XVII вѣка было сочинено даже особое наставленіе для охотниковъ *сокольничаго пути* (**).

Были особые чиновники, которые смотрѣли за охотою, а именно: ловчіе и сокольничіе. Ловчіе раздѣлялись на ловчихъ рязанскаго и московскаго пути; послѣднему были подчинены городовые. Ловчій равнялся нынѣшнему егеръ-мейстеру.—Сокольничій смотрѣлъ за кречетниками, ястребами и другими охотниками; его званіе равнялось оберъ егеръ-мейстеру.

Бояры много разъ силились отклонить Петра I отъ воинскихъ забавъ, коими онъ занимался съ любовіею, еще въ малолѣтствѣ. Выхваляя псовую и птичью охоту, они хотѣли его пристрастить къ ней. Малолѣтный

(*) Флечер. Com. Wealth. с. 109, помѣщ. въ собр. Гакл.

(**) Миллеръ: Книга глаголемая урядникъ, или новое уложеніе и устроеніе чина сокольничаго пути,—помѣщено Новиковымъ въ древн. вивл. ч. III. изд. 1788 г. с. 430—463. Тутъ описаны обряды возведенія и пожалованія изъ рядовыхъ въ начальные сокольники.

Государь не любилъ этой забавы, но въ угодность имъ, согласился однажды поохотиться. Въ назначенный день собрались любители охоты. Государь благодарилъ ихъ за усердіе къ нему, и сказалъ, что онъ желаетъ поохотиться съ ними одними, но для этого они должны отпустить своихъ слугъ, съ коими неприлично имъ раздѣлять удовольствіе. Бояры одобрили. Государь, повелѣвъ отдать собакъ своимъ господамъ, приказалъ прислугѣ удалиться съ поля. Вельможи, принявъ собакъ, пришли въ крайнее разстройство: собаки, коими они не умѣли управлять, подбѣгали подъ ноги лошадей и ихъ пугали. Испуганныя лошади носили всадниковъ по полю, другихъ сбивали, а иныхъ, державшихъ на сворѣ собакъ, сбрасывали съ себя. — Позабавившись Государь, возвратился въ село Преображенское. На другой день онъ назначилъ птичью охоту, для этого пригласилъ прежнихъ охотниковъ; но нѣкоторые изъ нихъ были изувѣчены и лежали въ постелѣ, а другіе не явились.—Царь спросилъ у явившихся: не хотятъ ли они еще поохотиться съ нимъ? Они всѣ отказались. Тогда Государь сказалъ имъ: не лучше ли намъ быть воинами, нежели псовыми охотниками? — Я Царь, а слава Царя въ благоденствіи народа; охота же есть слава псарей (*). Хотя Петръ I иско-

(*) Гол. Дѣян. Петр. В. с. 175.

ренялъ эти забавы, отнимавшія полезное время отъ занятій; однако вельможи не отставали отъ охоты. Петръ II былъ съ намѣреніемъ увлекаемъ къ псовой охотѣ. Гр. Остерманъ, его наставникъ, бывшій потомъ государственнымъ вице-канцлеромъ, много разъ жаловался на князей Долгоруковыхъ, что они поселили въ Государѣ страсть къ псовой забавѣ; отвлекали его отъ государственныхъ дѣлъ, чтобы только самимъ управлять. —Послѣ смерти Петра II навсегда исчезла охота въ Царственномъ домѣ: она осталась между любителями-помѣщиками, которые, живя въ деревнѣ, занимаются ею отъ нечего дѣлать.—Тамъ охотники, отправляясь на ловлю звѣрей, поютъ съ неизъяснимой радостію любимую ими пѣснь, которую помѣщаемъ здѣсь по ея пріятному голосу и плавному звуку:

По колкимъ дубравамъ,
Охотники рыщутъ;
Набѣгомъ удалымъ,
Волковъ, лисицъ ищутъ.
Ту ево, ту ево, ту ево, ту ево, ту ево!
Ихъ шапки краснѣютъ,
Кафтаны желтѣютъ;
Рога серебрятся,
Ножи золотятся.
Ту ево, ту ево, ту ево, ту ево, ту ево!
Вотъ стая помкнула,—
Чу! голосъ слыхать.

Лисица мелькнула, —
Прошу не звать!
Ту ево, ту ево, ту ево, ту ево, ту ево!
Охотникъ помчался,
И степь затопилась.
Чай тамъ звѣрь прокрался,
Но чу! — затравилъ.
Ту ево, ту ево, ту ево, ту ево, ту ево!
Ого, го, го, го, го, го.

Есть охотники по обязанности, напримѣръ въ Сибири и другихъ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ бьютъ пушныхъ звѣрей и вредныхъ дикихъ: медвѣдей, волковъ и пр. — Но это доставляетъ пользу промышленникамъ: отъ нихъ мы получаемъ мѣхи для одеждъ. Существовавшая же прежняя охота, убивала время и отклоняла отъ образованія. — Соколинная охота исчезла еще въ концѣ XVII вѣка.

Не менѣе любимую забаву богачей, вельможъ и Царей, составляли еще игры и пѣніе скомороховъ. Царь Ѳеодоръ тѣшился ими въ свободные часы: послѣ обѣденнаго отдыха и предъ ужиномъ.—При дворѣ нашемъ содѣлались въ послѣдствіи шуты необходимыми. Изъ великихъ нашихъ вѣнценосцевъ: Петръ I и Екатерина II держали ихъ, но по другой причинѣ: они многое узнавали отъ нихъ, чего не могли услыхать отъ приближенныхъ. Вельможи держали для собственнаго удовольствія шутовъ, которые забав- *Шуты.*

ляли ихъ, во время обѣдовъ, смѣшными разсказами и часто кололи и намекали на своихъ господъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ старинные годы даже думали, что обѣденная пища скорѣе переваривается, если вдоволь насмѣшатъ записные шуты. Нынѣ это уже не въ обыкновеніи; ихъ мѣста заняли карлики, которые ходятъ съ своими патронами рука объ руку или носятъ за ними зонтики. Карлики замѣнили родъ собачекъ: они то забѣгаютъ впередъ, то отстаютъ назади.

Шуты нетолько у насъ были въ почести, но во всей Европѣ, до половины XVIII вѣка — тогда была на нихъ мода.

Жизнь великокняжескаго дома.

Великокняжеское семейство слѣдовало общему древнему обыкновенію: сидѣть дома и заниматься домашними дѣлами, потому оно проводило всю свою жизнь во дворцѣ. Царицы и Царевны выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ или каптанахъ; ихъ никто не могъ видѣть, кромѣ прислуги и опредѣленныхъ особъ. Для вскормленія Царевичей и Царевенъ, выбирали кормилицу *честную*, добрую и молокомъ здоровую, которая цѣлый годъ жила въ верху у Царицы. По истеченіи года жаловали ее мужа, если онъ изъ дворянъ, въ городскіе воеводы, или дарили вотчиной; мужьямъ же изъ другаго сословія назначали жалованье и освобождали ихъ отъ оброка.—Потомъ приставляли къ дѣтямъ мамку

изъ *честныхъ* боярынь или изъ старыхъ вдовъ благородныхъ, а изъ другаго сословія назначали няньку и прислужницъ. По достиженіи Царевича пяти лѣтъ, опредѣляли къ нему боярина знаменитаго, умнаго и тихаго; въ товарищи ему назначали окольничаго или думнаго, а въ слуги и стольники, набирали однолѣтнихъ съ Царевичемъ; въ учители избирали тихихъ и нравственныхъ.—Наслѣдникъ престола показывался народу, являясь съ своимъ родителемъ только въ церковь или на игры, и то не прежде пятнадцатилѣтняго его возраста. Тогда нарочно пріѣзжали изъ дальныхъ городовъ, чтобы его увидѣть. Государевыхъ сыновей обучали чтенію, письму, исчисленію, шахматной игрѣ, исторіи, географіи и закону Божіему. Въ послѣдствіи стали учить греческому, латинскому и нѣмецкому языкамъ. Многіе изъ Великихъ Князей славились, еще въ отдаленное время, знаніемъ языковъ. Всеволодъ I (жившій въ концѣ XI вѣка) говорилъ на пяти языкахъ. В. К. Михаилъ I зналъ совершенно греческій и латинскій языки, и говорилъ какъ на природномъ. Онъ любилъ чтеніе книгъ и ученыхъ мужей. В. К. Константинъ I окружалъ себя учеными, собиралъ книги и покровительствовалъ просвѣщенію. Въ столицѣ своей Владимірѣ на Клязьмѣ, онъ основалъ училище, подарилъ для него свой дворецъ и снабжалъ всѣми пособія-

ми. В. К. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ на греческомъ и латинскомъ яз.; князья: Ярославъ галицкій, Романъ смоленскій, Святополкъ новгородскій и другіе, служили примѣромъ образованности и ученности. Кн. Владиміръ волынскій, за особую его ученность прозванъ *философомъ*. Онъ собственноручно списалъ Апостолъ, Прологъ въ 12 мѣсяцахъ, Четью-минею въ 12 мѣсяцахъ, Тріодъ, Октоихъ и служебникъ св. Георгію (*). Іоаннъ IV превосходно зналъ всеобщую исторію и богословію, и въ спорѣ съ хитрымъ іезуитомъ Поссевиномъ: о правилахъ церкви, онъ пристыдилъ его при многочисленномъ собраніи.

Дѣти Царя Алексѣя получили уже воспитаніе европейское, и по совѣту врачей стали ихъ учить: верховой ѣздѣ, стрѣлянію изъ лука и занимать тѣлесными упражненіями.—Зимой они катались на салазкахъ съ ледяныхъ горъ, устроенныхъ внутри дворца. Со времени Петра I совершенно перемѣнился образъ воспитанія.

Женскій полъ велъ скучную, единообразную и сидячую жизнь, которую разнообразили сѣнныя дѣвушки своимъ пѣніемъ и играми. Кромѣ свойственныхъ женскому полу занятій, ихъ ни

(*) Кн. Владиміръ волынскій померъ въ Любомлѣ въ 1289 году и погребенъ въ Владиміръ на Клязьмѣ, въ церкв. Св. Богоматери. Онъ былъ любитель правды, кротокъ и милостивъ.— Кар. И. Г. Р. т. IV. с. 138 и 140, прим. 175 с. 375; см. еще волынскую лѣт.

чему не учили; но онѣ любили заниматься приготовленіемъ притиранья; ежедневно посѣщали церковь, скрываясь отъ народа. Цари и Царицы проводили все время своей жизни, въ благочестивыхъ обрядахъ. Набожный Ѳеодоръ едва успѣвалъ одѣться, какъ являлся къ нему священникъ съ крестомъ въ рукахъ: онъ сперва благословлялъ его, потомъ прикладывалъ крестъ: ко лбу, щекамъ и наконецъ давалъ ему самому приложиться. Послѣ приносили для наступившаго дня образъ Святого, и его ставили вмѣстѣ съ прочими иконами, коими были обставлены всѣ стѣны внутреннихъ покоевъ. Царь начиналъ креститься, и клалъ земные поклоны предъ всѣми образами. По окончаніи этого обряда, священникъ окроплялъ иконы, а потомъ Царя освященной водою. Послѣ утренняго моленія Государь навѣщалъ супругу, и шелъ съ нею въ придворную церковь, отсюда въ пріемную залу, а потомъ, въ девять часовъ, въ другую церковь для слушанія обѣдни, которая продолжалась около двухъ часовъ. Послѣ обѣда онъ ходилъ къ вечернѣ, и ложась спать, молился. Каждую недѣлю онъ ходилъ въ монастырь.

Никто не могъ похвалиться, говоритъ Маербергъ, чтобы кто видѣлъ Царицу или Царскую дочь, ибо онѣ не оставляли комнатъ до самой своей смерти; рѣдко обѣдали вмѣстѣ Царь

съ Царицей, придворные служители не смѣли приближаться къ Государынѣ. Если царственныя особы кушали вмѣстѣ, то лишъ вечеромъ, когда не было придворныхъ. Дочери Царскія оставались безбрачными; имъ запрещалось выходить за мужъ за неправославнаго, потому онѣ поступали въ монашеское званіе, въ коемъ умирали. Никого изъ постороннихъ не пускали во дворецъ, кромѣ родственниковъ, довѣренныхъ особъ и прислуги; внутри и внѣ дворца стояла многочисленная стража (*).

Поцѣлуйный обрядъ.

Было великимъ праздникомъ для женскаго пола, когда мужья, изъ уваженія къ почетнымъ гостямъ, дозволяли своимъ женамъ приходить послѣ обѣда въ столовую, и подносить каждому гостю по чаркѣ вина, за что отъ каждаго онѣ получали поцѣлуй (**). Когда же выходило нѣсколько женъ къ гостямъ, еще до обѣда, тогда гости становились у дверей: же-

(*) Reutenfels, гл. X. с. 107; Флечер. Com. Wealth. пом. въ собр. Гакл.; Кошихинъ: О Россіи въ царств. Алекс. Мих. с. 13—14; Korb: Diar. itiner. in Moscov., ed Vien. in f. с. 189; Relat. in Moscoviam, an. 1661—1663 de Aug. Meyern et Guil. Calvucci, с. 346 и 349, пом. въ собр. Вихм., — ч. I.

(**) У Скандинавовъ женщина считалась первой особою въ обществѣ и она была полной хозяйкою въ домѣ. Для гостя не было лучшей чести какъ рогъ меда, поднесеннаго ему хозяйкою или ея дочерью.—Обидѣвшіе женщину, мстились кровью; обольщенную вѣшали надъ костромъ обольстителя и сожигали ихъ вмѣстѣ.

ны привѣтствовали ихъ небольшимъ наклоненіемъ головы (это называлось *малымъ обычаемъ*), а гости кланялись имъ въ землю (*большимъ обычаемъ*). Хозяинъ, кланяясь въ землю гостямъ, билъ имъ челомъ: чтобы они *изволили цѣловать* его жену; но гости просили его, чтобы онъ цѣловалъ прежде. Потомъ гости, одинъ за другимъ, кланяясь женамъ до земли, подходили и цѣловали каждую въ губы; поцѣловавъ же, отступали на нѣсколько шаговъ назадъ и опять кланялись въ землю; поцѣлованная благодарила каждаго наклоненіемъ головы. За тѣмъ жена хозяина, подносила гостямъ по чаркѣ двойного или тройного зеленчика; чарка бывала мѣрою въ четверть кварты. Хозяинъ между тѣмъ упрашивалъ гостей, чтобъ они *изволили пить* вино изъ рукъ его жены, но по прошенію гостей, хозяинъ приказывалъ выкушать женѣ, послѣ пилъ самъ, а наконецъ подносили гостямъ. Предъ питьемъ и послѣ питья, каждый гость, отдавая чарку, кланялся въ землю. Кто не пилъ водки, тому подносили кубокъ романеи или ренского. Обнесши кругомъ, хозяйка раскланивалась и шла въ покои своихъ гостей.—Женскій полъ никогда не обѣдывалъ вмѣстѣ съ мужескимъ, исключая близкихъ родственниковъ и свадебъ. За обѣдомъ пили, послѣ каждаго

кушанья, по чаркѣ водки, романеи, ренского, пива поддѣльнаго, простаго и разныхъ медовъ. Когда подавали на столъ круглые пироги, тогда выходили невѣстки и замужнія дочери или жены ближайшихъ родственниковъ; гости же, вставъ изъ за стола, становились у дверей и кланялись имъ; мужья женъ кланялись и просили гостей, чтобы они цѣловали ихъ и приняли вино изъ ихъ рукъ. Поцѣловавъ женъ и выпивъ вино, гости садились за столъ, а жены отправлялись въ свои покои. — Дочери не выходили къ гостямъ, и ихъ никому не показывали; онѣ жили въ особыхъ дальныхъ покояхъ. Послѣ обѣда хозяинъ и гости пили за здоровье другъ друга, и потомъ расходились по домамъ. Такимъ точно образомъ обѣдали жены, угощая взаимно напитками; за ихъ столомъ находились дѣвицы, но никого изъ мужескаго пола. (*)

Олеарій и Корбъ говорятъ, что наибольшая честь, какую оказывалъ хозяинъ гостю, состояла въ томъ, когда его жена подносила чарку водки. Бар. Маербергъ пишетъ, что въ его время (1661 г.) женщины стали показы-

(**) Олеарій: Oft begehr. Beſchr. d. Neuen Orient. Reiſe, с. 9 изд. 1647 г.; Маерб. Voyag. en. Mosc. c. 63 ed. Leid. Кошихинъ: О Россіи въ царст. Алек. Мих. с. 119.; Корбъ и Маербергъ говорятъ объ этомъ обрядѣ съ нѣкоторыми ошибками и упущеніями.

ваться мущинамъ чаще, и всякій разъ, по окончаніи стола, выходила хозяйка къ гостямъ въ сопровожденіи двухъ горничныхъ, въ наилучшемъ одѣяніи. Хозяйка, вошедши въ столовую, подносила сначала чарку водки одному изъ почтенныхъ гостей, прикоснувшись къ чаркѣ своими губами. Потомъ она уходила въ свою комнату, переодѣвалась въ новое платье, пока гость пилъ, и снова выходила подносить другому гостю, и до тѣхъ поръ уходила и выходила, всякій разъ въ другомъ платьѣ, пока всѣмъ не поднесетъ. По окончаніи подчиванія она становилась подлѣ стѣны, потупивъ глаза въ землю, и каждый изъ гостей подходилъ къ ней поочередно и цѣловалъ въ губы. — Таннеръ добавляетъ къ этому извѣстію, что жены выходили, только по сильной просьбѣ гостей, въ богатомъ нарядѣ, и заложивъ руки назадъ, становились у печи. Тогда гости подходили цѣловать, и за это получали отъ нихъ по чаркѣ водки. Во время Таннера были уже примѣры, что жены бесѣдовали съ мущинами, въ отсутствіи своихъ мужей (*). Знатные люди дозволяли выходить дочерямъ, и онѣ подносили водку въ серебряной чаркѣ. Отецъ просилъ своихъ гостей цѣловать ихъ, въ знакъ дружбы къ не-

(*) Tanner: Leg. Mosc. c. 96 и 97.

му. Красавицы стояли неподвижно, гости подходили одинъ за другимъ, кланялись и цѣловали не въ губы, а въ щеку (*). Въ началѣ XVIII столѣтія мущины стали подходить къ рукѣ дамъ и дѣвицъ, кои цѣловали ихъ въ щеку. Это донынѣ въ обыкновеніи, и многія изъ нихъ считаютъ даже за великое себѣ оскорбленіе, если гость не подойдетъ къ рукѣ. Польки подаютъ цѣловать свою руку черезъ перчатку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи, пришедшій въ гости, долженъ цѣловать сначала руку хозяйки, потомъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и выходя долженъ повторить тоже самое. Мущины привѣтствуютъ другъ друга жатіемъ руки, поклонившись напередъ; нѣкоторые же цѣлуются, слѣдуя польскому *звычаю (обычаю)*. Между духовенствомъ нашимъ понынѣ мущины и женщины цѣлуются въ губы; тоже самое соблюдается въ свѣтскомъ сословіи между родственниками. Въ высшемъ обществѣ вывелось изъ обыкновенія подходить къ рукѣ; вошедшій въ комнату привѣтствуетъ хозяина и хозяйку поклономъ, не обязывая себя кланяться постороннимъ, исключая знакомыхъ. Хорошо знакомыя дамы жмутъ дружески руку у мущинъ, и такъ поступаютъ, при нынѣшнихъ привѣтствіяхъ, дамы съ да-

(*) Reutenfels, гл. 3. с. 190.

мами и дѣвицы съ дѣвицами. Идя къ обѣденному столу, мущины предлагаютъ руку дамамъ, и отправляются всѣ попарно въ столовую, и каждый мущина, доведя свою даму къ стулу, раскланивается здѣсь. Въ первой парѣ идетъ обыкновенно хозяйка, за нею гости, соблюдая строго первенство въ подаваніи руки; дамы садятся по одну сторону, а мущины по другую; но хозяинъ и хозяйка напротивъ. Послѣ обѣда почти всѣ уходятъ не простившись, за исключеніемъ дамъ, а на вечерахъ и балахъ являются съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, и потомъ уходятъ безъ прощанія.

Обычай цѣлованія Царственной руки, не должно смѣшивать съ общежителнымъ. Въ первомъ случаѣ онъ выражаетъ торжественное величіе Монарха, а во второмъ дѣйствіе приличія и уваженіе къ женскому полу. Іоаннъ III первый установилъ обрядъ цѣлованія Царской руки (въ концѣ XV вѣка). Иноземные послы, представлявшіеся ему, строго соблюдали это обыкновеніе, которое тѣсно было связано съ знакомъ особой милости. Такое обыкновеніе продолжалось до временъ Петра В., который просто сталъ принимать ихъ въ своихъ аудіенціяхъ, подавая имъ руку.—Подаваніе руки употреблялось уже Іоанномъ III, и едвали не онъ первый ввелъ это. Въ царствованіе Импера-

рицъ: Екатерины I, Анны, Елисаветы и Екатерины II, возобновилось цѣлованіе руки: въ тезоименитные дни и годовые праздники. Этой честью пользовались не одни иностранные министры; но всѣ наши сановники, генералитетъ и придворныя дамы. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла Петровича, оно содѣлалось почестью Вѣнценосной Монархини, и составляетъ нынѣ торжественную пышность двора.

На востокѣ привѣтствовали въ древности: солнце, мѣсяцъ и звѣзды цѣлованіемъ руки, означавшимъ обожаніе. Бѣдные между Греками, будучи не въ состояніи приносить жертву богамъ, дѣлали предъ ними знаки лобзанія своей руки.—Въ Религіи цѣлуютъ изображенія святыхъ, въ ознаменованіе чествованія. — Соломонъ говоритъ, что льстецы его времени лобзали руки своихъ патроновъ дотолѣ, пока не получали отъ нихъ, чего просили. — Пріямъ цѣловалъ руку и обнималъ колѣна Ахиллеса, умоляя его возвратить ему трупъ сына его Гектора.—Цѣлованіе руки господствовало повсюду, но оно нестоль древнее, какъ въ уста и щеку, ибо первый поцѣлуй въ уста напечатлѣнъ пламенною любовью, потомъ утвержденъ супругами, а наконецъ родителями. Въ средніе вѣки, при возведеніи кого либо въ епископское званіе или при дареніи вассала зе-

млями, Государь цѣловалъ его въ чело, въ знакъ подтвержденія его правъ и власти. (*)

Появленіе свободы женскаго пола.

Частое посѣщеніе иностранцевъ и введеніе ими многихъ обрядовъ, измѣняли постепенно строгость уединенной жизни. Когда Царица Наталія выѣхала однажды въ полуоткрытой колымагѣ, тогда народъ ропталъ на нее. По прибытіи въ Москву цесарскихъ пословъ: фонъ-Боттони и фонъ-Гуцмана (въ 1675 г.), Царица Наталія упросила Царя, дать имъ аудіенцію въ коломенскомъ селѣ, чтобы все происходившее могла сама видѣть. Въ смежности съ пріемной залой находился покой съ дверьми, въ коихъ были сдѣланы небольшія отверстія, и чрезъ нихъ она смотрѣла; но малолѣтный сынъ ея Петръ, открылъ по своей рѣзвости дверь въ пріемной, прежде выхода особъ и этимъ обнаружилъ потаенное ея убѣжище.

Спустя нѣсколько времени, Царь совершалъ съ нею набожное путешествіе въ Троицко-сергіевскій монастырь: она тогда ѣхала въ открытой колымагѣ, чтобы всѣ ее видѣли; но народъ, пораженный этимъ поѣздомъ, потупилъ глаза въ землю и не смѣлъ смотрѣть на нее (**). При въѣздѣ польскихъ пос-

(*) Dict. des orig. Par. 1777 г.

(**) Relat eorum quae circa Sacr. caes. Majest. ad magnum Cezarum Moscov. ablegatos, etc. c. 55, 82 и 83.

ловъ въ Москву (1678 г.), были зрителями уже многія постороннія дѣвицы. Эти примѣры дали поводъ Царевнѣ Софіи обходиться съ мущинами вольно: не закрывая лица и не скрываясь отъ людей. Она нетолько разговаривала открыто съ сановниками, но назначала аудіенціи иностраннымъ посламъ; выходила къ народу и стрѣльцамъ, принимала лично челобитни и сама судила. Быстрый переходъ отъ затворничества къ свѣтскости, не нравился закоренѣлымъ старообычникамъ, но они сами нечуствительно перенимали нововведенія, а народъ постепенно привыкалъ къ нимъ. Во время въѣзда цесарскихъ уполномоченныхъ (1698 г.), уже никому не казалось страннымъ, что Царица и Царевны, стоя у растворенныхъ оконъ, смотрѣли на пышный посольскій въѣздъ. Петръ I, спустя послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ, угощалъ многихъ иностранныхъ министровъ въ домѣ своего любимца Лефорта, и заключилъ угощеніе великолѣпнымъ баломъ. Въ то время Царевна Наталія и многія придворныя дамы, находились подлѣ танцовальной залы и смотрѣли сквозь полуоткрытый занавѣсъ (*).

Свободное обращеніе.

Петръ В. зная, что женскій полъ еще стыдится являться въ мужескія собранія, повелѣлъ

(*) Korb: Diar. itiner. in Moscov. c. 143 и далѣе.

въ 1700 году, чтобы обоимъ поламъ имѣть совершенную свободу въ обращеніи, и чтобы замужнія и дѣвицы, ходили не закрываясь; но чтобы усилить это дѣйствіе, завелъ при дворѣ *ассамблеи* (собранія), обѣденные столы, балы, танцы и маскарады; заставилъ бояръ и все дворянство приглашать на пирушки, вечернія собранія и другія увеселенія: замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, русскихъ и иностранныхъ.—Придворныя ассамблеи дѣлились на лѣтнія и зимнія. Первыя давались въ царскомъ и царицыномъ саду (въ нынѣшнемъ лѣтнемъ; царицынъ же садъ не существуетъ, но онъ находился на царицыномъ лугу); послѣднія сначала въ *австеріи*,—царской гостинницы, которая находилась у канала петропавловской крѣпости, недалеко отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенатѣ, бывшемъ на петербургской сторонѣ или на почтовомъ дворѣ (на мѣстѣ нынѣшняго мраморнаго дворца). Гостей сзывали барабаннымъ боемъ или афишками, иногда послѣ обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, или выбрашивали желтый флагъ, съ изображеніемъ двухглаваго орла, который держалъ въ когтяхъ четыре моря: бѣлое, балтійское, черное и каспійское, и развѣвался на одномъ изъ бастіоновъ петропавловской крѣпости. Пушечные выстрѣлы возвѣщали жителямъ, что послѣ обѣда должно собираться въ садъ. Чиновники,

дворяне, канцелярскіе служители и корабельные мастера, имѣли право приходить сюда съ женами и дѣтьми. Въ пять часовъ по полудни, являлся Государь съ своимъ семействомъ. Государыня и Великія Княжны, занимавшія мѣста хозяекъ, подносили знатнымъ гостямъ по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Государь, черпая вино большимъ деревяннымъ ковшомъ изъ ушатовъ, которые носили за нимъ два гранадера, угощалъ гвардейскіе полки: преображенскій и семеновскій. Прочимъ полкамъ предоставлено было угощать самихъ себя: пивомъ, виномъ и водкою, которыя стояли въ сторонѣ отъ главной аллеи.—Въ продолженіи собранія иные гуляли въ саду, другіе курили за круглыми столами, разсуждали и угощали себя. Съ наступленіемъ вечера, освѣщался садъ и начинались танцы, которые заключались *огненной потѣхою* (фейерверкомъ), зажигаемымъ на судахъ по Невѣ.—Тутъ горѣли прозрачныя картины, съ приличными изображеніями празднеству. Во все празднество были заперты ворота сада, и никто не смѣлъ выйти изъ него, безъ позволенія Государя.

«Вечернія собранія», говорилъ Петръ В., «служатъ для увеселенія, разсужденія и дружескихъ разговоровъ.—Друзья могутъ видѣться въ собраніяхъ (ассамблеяхъ) и разсуждать о своихъ дѣлахъ; освѣдомляться о до-

шнихъ и чужестранныхъ, и препровождать такимъ образомъ съ пріятностію время».

У кого приготовлялось вечернее собраніе, тотъ дѣлалъ на своихъ воротахъ надпись, большими буквами, что въ домѣ его собраніе. Оно не могло начаться прежде четырехъ или пяти часовъ по полудни, и не могло продолжаться далѣе десяти часовъ вечера. Приглашавшіе на вечеръ, не были обязаны ни встрѣчать, ни провожать своихъ гостей; но должны были освѣщать комнаты, имѣть мебель и напитки, и стараться о доставленіи игръ и забавъ. Никому не воспрещалось: когда пріѣхать и когда уѣхать домой,—довольно, ежели кто посѣтитъ и на нѣсколько минутъ. Всякій могъ садиться, вставать, прохаживаться и играть, и кто помѣшалъ бы ему въ чемъ нибудь, или лишилъ бы его удовольствія; тотъ обязанъ былъ, въ наказаніе, опорожнить большой орелъ (кружка съ водкою, величиною съ четверть ведра). Въ собраніе входили дворяне, гражданскіе чиновники, офицеры, почетные купцы, извѣстные художники, *мастеровые и плотники корабельные*, и всѣ они съ своими женами и дѣтьми. Въ одной залѣ танцовали, а въ другой играли въ карты *на малыя деньги*, въ дамки и шашки; въ отдѣльной же комнатѣ курили табакъ и говорили наединѣ о своихъ дѣлахъ. Еще въ особой комнатѣ собирались

дамы, которыя тамъ забавлялись загадываніемъ и другими играми. (*)—Музыка въ собраніяхъ была духовая. Сначала Петръ В. ввелъ тарелки, литавры и фаготъ; потомъ прибавилъ трубы, валторны и гобои. Онъ выписалъ изъ Германіи капельмейстеровъ съ тѣмъ, чтобы они обучали молодыхъ солдатъ, которые, всякій день предъ полуднемъ съ 11—12 часовъ, играли на адмиралтейской башнѣ. Государь особенно любилъ польскій рожокъ; постоянно держалъ при себѣ музыканта, который, во время занятій Царя, игралъ ему на рожкѣ малороссійскія и польскія пѣсни.

Изгоняя старинные предразсудки, Петръ В. учредилъ театры, въ кои приглашались безденежно не только женскій полъ изъ дворянъ, но купечество и мѣщанство: дамъ и дѣвицъ угощали, во время междудѣйствій, рюмкой сладкого вина (**) и разными лакомствами. Съ тѣхъ поръ, появленіе женщинъ въ кругу мущинъ, перестали считать за стыдъ и безчестіе; съ тѣхъ поръ завелись благородныя и дружескія собранія и танцовальные вечера, на коихъ женщины составляли уже украшеніе. Вѣжливость, обходительность и вкусъ, изгнали ложное неприличіе и стыдъ; дамы не только стали быть уважаемы, но содѣлались распространителями изящества,

(*) Духъ Петр. Велик. с. 176.

(**) Голик. Дѣян. Петр. В. ч. II. с. 11—12.

образованія, всего милаго и прекрасного. Появленіе нѣжного пола въ обществѣ, истребило невѣжество, смягчило грубость нравовъ и оживило уединенную жизнь,—чрезъ введеніе имъ многочисленныхъ увеселеній, забавъ и удовольствій. Обращеніе мущинъ съ дамами и дѣвицами, дало имъ живость, ловкость, веселость, приличіе и уваженіе, и незамѣтно распространились вкусъ и образованность. Прежде вмѣнялось дѣвицѣ въ безчестіе видѣть мущину, говорить съ нимъ; но послѣ стали почитать оскорбленіемъ и нарушеніемъ всякой благопристойности, — если дѣвица скрывалась, боялась говорить или отказывалась танцовать на балѣ, даже съ незнакомымъ. — Это было такое уже оскорбленіе, что самое общество не извиняло.

Введеніе балова и танцовъ.

Балы даваемы были еще первымъ Лжедимитріемъ, по случаю его свадьбы съ Мариною Мнишкой (въ началѣ XVII вѣка), на коихъ участвовали не одни Поляки, но и Русскіе. Тогда музыка и танцы были польскіе, изъ коихъ польская, краковякъ и мазурка остались доселѣ въ употребленіи. Со смертію Лжедимитрія изчезли было танцы навсегда. Петръ I снова ввелъ ихъ. Тогда же появились нѣмецкіе и французскіе танцы: вальсы, кадрили, галопадъ, пурпури; плясали русскую и казачка; завелись танцовальныя общества; музыка употреблялась

духовая, потомъ замѣнили ее скрипками. На вечера и балы позволялось пріѣзжать наряженнымъ въ шутовскія одежды, въ маскахъ или личинахъ. — Въ тоже самое время устроились маскарады (вечера наряженныхъ), и балы маскарадные (*). На нихъ неиначе могли бывать, какъ только замаскированными. Въ послѣдствіи было допущено являться безъ масокъ, въ одномъ домино, но наконецъ было дозволено пріѣзжать на маскарадные вечера безъ домино и масокъ, всѣмъ тѣмъ, кои даже не желали маскароваться.

Каррусель. Наши дамы, давно любившія верховую ѣзду, гордились ловкою скачкой на лошадѣ и умѣніемъ управлять одноколкой. Потомъ появились у насъ *каррусели*, которыя состояли въ скачкѣ и бѣганіи, и въ искусной ѣздѣ на лошадѣ (**).

(**) Маскарадъ происходитъ отъ аравійскаго слова *москара*, значитъ шутка, которое измѣнено въ италіянское *mascarata*. Гранацци, воспитанникъ Микель—Анжеля, умер. 1543 г., первый ввелъ на сцену, среди маскарадныхъ забавъ, героическіе подвиги воиновъ съ ихъ одеждами и вооруженіями.

(*) Каррусель, италіянское слово *carra*, отъ него уменьшительное *carrosselo*, значитъ колесница. Бѣганіе на колесницахъ появилось въ мало-азійской Греціи, еще за нѣсколько столѣтій до Гомера, за 1500 л. до Р. Х. Каррусель былъ извѣстенъ древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, которые любили отличаться въ бѣганіи на колесницахъ; искусные изъ нихъ удостоивались на олимпійскихъ играхъ почетной награды,—вѣнка или всеобщаго одобренія. — Эта забава перешла изъ древняго міра въ новоевропейскія государства. Италіянскіе

Каррусель представленъ у насъ въ первый разъ въ присутствіи Екатерины II, на площадѣ зимняго дворца (въ 1766 г. іюня 16). Распорядитель каруселя былъ кн. П. И. Репнинъ, а церемоніймейстеромъ кн. П. А. Голицынъ, отъ коего были розданы билеты всѣмъ желавшимъ видѣть рыцарское представленіе. Каррусель состоялъ изъ 4 кадрилей: 1. славянского, коимъ предводительствовалъ Гр. И. П. Салтыковъ; 2. римского, имъ предводительствовалъ генералъ — фельдцейхмейстеръ гр. Г. Г. Орловъ; 3. индѣйского, подъ начальствомъ кн. П. И. Репнина, и 4. турецкого, подъ начальствомъ гр. А. Г. Орлова.—Въ день представленія, въ два часа по полудни, былъ данъ пушечный сигналъ съ крѣпости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные дѣйствовать въ кадрилѣ, собирались въ назначенныя мѣста. Славянскій и римскій собирались на царицыномъ лугу въ шатрахъ, а турецкій и индѣйскій въ малой морской въ своихъ шатрахъ. Ничего не щадили для пышности.—Двѣ богатыя ложи были устроены предъ

принцы и нѣмецкіе рыцари, образовали изъ каруселя воинственныя забавы; во Франціи онѣ составляли одно придворное увеселеніе. Первый каррусель, данный въ Парижѣ, былъ въ 1612 г., по случаю брака Людовика XIII съ Анной австрійскою; Людовикъ XIV возобновилъ его въ 1662 и назвалъ *тюльри*, по имени дворца Тюльери, въ коемъ давали каррусель.—Dict. des origines Par. 1777 г.

зимнимъ дворцемъ на концѣ цирка: одна для Императрицы, а другая для Наслѣдника престола. Посреди цирка стоялъ тронъ, на коемъ сидѣлъ главный судья бойцевъ; его окружали 40 офицеровъ, 2 герольдмейстера и 2 трубача. По четыремъ угламъ цирка, играли трубачи и музыка. Вокругъ амфитеатра были устроены мѣста для зрителей. По прибытіи Государыни на свое мѣсто, началось шествіе кадрилей. Славянскій и римскій, шли изъ царицына луга по большой милліоной, а индѣйскій и турецкій по малой морской; каждый кадриль проходилъ чрезъ свои тріумфальные ворота, сопровождаемый своей музыкою. Стеченіе зрителей было чрезвычайное. Участвовавшіе въ каррусели были въ пышныхъ одѣяніяхъ, покрытыхъ жемчугомъ и драгоцѣнностями. Дамы ѣхали на колесницахъ, коими управляли особые возницы, а кавалеры рисовались на богатыхъ лошадяхъ; всѣ они остановились предъ своими судьями, коихъ было 12, а главнымъ восьмидесятилѣтній старецъ фельдмаршалъ гр. Минихъ.—По данному знаку съ сѣдалища главнаго судьи, трубнымъ звукомъ, начался бѣгъ на колесницахъ, а потомъ на лошадяхъ. Офицеры, занимавшіе мѣста секретарей, записывали по указанію судьи отличившихся. По окончаніи бѣга главный судья съ прочими 12 судьями, и всѣ участвовавшіе, выступили изъ

амфитеатра и отправились стройными рядами въ залу лѣтняго дворца, для разбиранія и назначенія наградъ. Императрица встрѣтила ихъ на крыльцѣ. Когда всѣ прибыли въ залу, тогда вынесли на золотыхъ подносахъ награды, а главный судья, ставъ по срединѣ своихъ судьей, произнесъ: «Знаменитыя дамы и кавалеры! — Извѣстно вамъ, что ни одинъ не проходилъ день, въ который бы наша Императрица не прилагала материнскихъ попеченій о славѣ своей Имперіи, благоденствіи ея всѣхъ подданныхъ и возвышеніи знаменитаго дворянства. Безпримѣрная въ исторіи Монархиня, избрала этотъ безсмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успѣхами оружія. Кто не раздѣлитъ со мною чувство удивленія къ повелительницѣ нашей, которая, со свойственною ей проницательностію и нѣжностію матери, назначила каррусель, чтобы видѣть въ немъ отличія знаменитаго дворянства. Дамы и кавалеры! съ высокимъ рожденіемъ вашимъ, неразлучны возвышенныя достоинства; они служатъ вѣрнымъ залогомъ вашихъ побѣдъ, милостей нашей Императрицы, благосклонности Наслѣдника престола и всеобщихъ похвалъ.» Потомъ, обратясь къ меньшой дочерѣ гр. П. Г. Чернышева, Наталіи Петровнѣ, сказалъ: «Графиня! — Императрица уполномочила меня вручить вамъ

первую награду. Позвольте мнѣ поздравить васъ съ этимъ высокимъ отличіемъ, и съ тѣмъ правомъ, какое предоставлено вамъ раздавать всѣмъ дамамъ и кавалерамъ остальныя награды. Я, покрытый сѣдинами шестидесятипятилѣтней службы, старѣйшій воинъ въ Европѣ, водившій много разъ русскихъ героевъ къ побѣдамъ, я считаю единственной себѣ наградой, что былъ свидѣтелемъ и судьею вашихъ блистательныхъ доблестей.»—Послѣ этого привѣтствія, онъ вручилъ ей богатыя брилліантовыя пукли.—Она стала по правую его руку и раздавала награды: 1. фрейлинѣ Ан. Вас. Паниной, золотую табакерку съ брилліантами. 2. гр. Ек. Ал. Бутурлиной, брилліантовый перстень. 3. кн. Ив. Ан. Шаховскому, брилліантовую петлицу и брилліантовую пуговицу на шляпу. 4. полк. Ребиндеру трость съ брилліантовой головкой. 5. гр. фонъ-Штейнбоку брилліантовый перстень. — Возницамъ, за ихъ искусное управленіе: 1. поручику конной гвардіи фонъ-Ферзину, золотую записную книжку съ финифтью; 2. секундъ-ротмистру конной гвардіи Щепотьеву, золотую табакерку съ финифтью; 3. каммергеру гр. Дм. М. Матюшкину, золотую готовальню съ финифтью.—Потомъ читанъ былъ приговоръ, подписанный главнымъ и 12 судьями, а именно: 1. фельдмаршаломъ гр. Батурлинымъ; 2. оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ; 3. гене-

ралъ-аншефами: кн. Голицынымъ. 4. Глѣбовымъ. 5. гр. Чернышевымъ 6. Панинымъ. 7. Олицемъ. 8. генералъ-поручиками: Веймарномъ. 9. Бергомъ. 10. Дицемъ. 11. Бибиковымъ и 12. маіоромъ конной гвардіи кн. Голицынымъ. Приговоръ былъ слѣдующаго содержанія: «Ничто не можетъ быть такъ лестно для рожденныхъ отъ благородной крови, какъ предъ лицемъ Монархини и многочисленныхъ зрителей, отличиться искуствомъ въ бѣганіи, заслужить всеобщую похвалу и награду. Изъ исторіи храбрыхъ народовъ извѣстно, что они учреждали въ мирное время военныя забавы, чтобы не заразиться праздностію. Эти забавы воспламеняютъ похвальное стремленіе къ битвамъ, возвышаютъ душу и укрѣпляютъ тѣло, и съ тѣмъ вмѣстѣ открываютъ путь къ геройскимъ подвигамъ. Наша Монархиня, возвеличенная во всемъ свѣтѣ своимъ миролюбіемъ, исполнена истиннымъ геройскимъ духомъ. Она, воодушевляя сердца храбростію, желаетъ заблаговременно пріучить самую мысль къ воинственнымъ доблестямъ, чтобы, при необходимости ополченія за вѣру, отечество и престолъ, умѣли поражать враговъ. Каррусель есть школа для воиновъ: онъ, соединяя пріятное съ полезнымъ, доставилъ нынѣ дорогой случай къ отличіямъ и прекрасному полу.—Мы ожидали, что въ этомъ карруселѣ пріймутъ участіе пріѣзжіе

иноземцы, изъ дальнихъ предѣловъ царствъ, чтобы показать свое искуство; но они не явились,—хотя еще въ прошедшемъ году было объ этомъ объявлено,—не явились безъ сомнѣнія потому, что не надѣялись восторжествовать надъ нами. Отличившіеся въ бѣгу, достойно почтены наградами и мы поименовали ихъ безпристрастно.» За этимъ слѣдовали имена награжденныхъ подарками. По прочтеніи приговора, Императрица угощала участвовавшихъ въ каррусели, обѣденнымъ столомъ, за коимъ играла духовая и инструментальная музыка. Послѣ обѣда начался маскированный балъ, который продолжался до пятаго часа утра. Этимъ заключился первый каррусель. Вторый, возобновленный чрезъ нѣсколько недѣль, происходилъ въ томъ же самомъ порядкѣ, предъ зимнимъ дворцемъ (іюл. 11), и первую награду снова получила гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальныя: 1. фрейлинамъ: Елизав. Ник. Чеглоковой, 2. гр. Ан. Петр. Шереметевой, 3. гр. Штейнбоку, 4. Ферзину, 5. подпоручику Жеребцову, 6. кammергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но какъ между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный судья не зналъ, кому изъ нихъ отдать первенство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и награду, потому положено было рѣшить соперничество взаимнымъ ратоборст-

вомъ. На другой день явились графы Орловы въ броняхъ, и съ прежнимъ пышнымъ шествіемъ кадрилей. По данному знаку трубою, они оба начали бѣгъ съ такою стремительностію, искуствомъ и ловкостію, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдалъ преимущество Григ. Григор. Орлову, поднесъ присужденную ему награду, и другую тайно заготовленную, по собственному его распоряженію, лавровую вѣтвь. — Это всѣхъ изумило. — Дамы подносили ему букеты цвѣтовъ, поздравляли его съ побѣдою, и потомъ съ торжествомъ проводили его въ театръ, въ которомъ давали тогда оперу Дидона. Государыня и весь дворъ, бывъ свидѣтелемъ торжества Орлова, присутствовали въ театрѣ. Тутъ встрѣтило его рукоплесканіе и оно раздавалось безпрерывно. Гр. Алексѣя Григорьевича почтили одними лестными адресами (*).

Съ тѣхъ поръ не возобновлялся каррусель, и теперь онъ совершенно забытъ.

Театры.

Въ наше время лучшее удовольствіе, кромѣ танцевъ, доставляютъ театры, которые были уже извѣстны въ царствованіе Государя Алексѣя. Бояр. Арт. Серг. Матвѣевъ, будучи любителемъ театра, первый выписалъ труппу ко-

(*) Castera: Hist. de Catherine II. т. 2. с. 27—36; С. Петербургск. вѣд. 1766 года N 51 и 58, въ прибавленіяхъ.

медіянтовъ, которые играли въ преображенскомъ и кремлевскомъ дворцахъ: комедіи и трагедіи, и сверхъ этого увеселяли танцами и балетами. Изъ игранныхъ въ то время комедій, извѣстны: 1. Притча о блудномъ сынѣ. 2. О Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о трехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ. 3. Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Амонъ, Нееманъ, Корей, Лапидъ, четыре протазанщика, четыре спальника. 4. Артаксерксъ и Аманъ. 5. Олоферпъ и Іудиѳъ–(*). Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года, сказано о комическихъ играхъ: «тѣшили Великого Государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева», далѣе: «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіолахъ, и на инструменты и танцовали», далѣе: «тѣшили Великаго Государя на заговѣнье Нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ и фіолахъ и на инструментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами разными» (**). Народъ смотрѣлъ на это съ изумленіемъ. Онъ долго никакъ не могъ вѣрить, чтобы все это дѣлалось людьми: онъ думалъ, что нечистый духъ вселялся въ нихъ и забавлялся зрителями. Многіе изъ простолю-

(*) Древ. росс. вивл. ч. VIII. с. 34. 58. 187. и д.

(**) Успенскій Опытъ повѣств. о древност. русскихъ ч. 1. с. 98.

диновъ боялись говорить съ актерами, полагая, что въ нихъ поселился дьяволъ; не смѣли ѣсть изъ одной съ ними чаши, почитая осквернённымъ; хлѣбъ, одежду и деньги неиначе принимали отъ нихъ, какъ по прочтеніи молитвы; избѣгали всякого сообщества съ играющими на театрѣ, даже чуждались самихъ зрителей; душу актеровъ считали погибшею. Такое мнѣніе въ народѣ господствовало долго, до начала XIX вѣка. Тѣла актеровъ часто не предавали погребенію, считая ихъ за богохульниковъ и за людей живущихъ, въ дружбѣ съ чертями (*).

Царевна Софія, искореняя старинныя причуды, сама играла съ благородными дѣвицами комедію Мольера: *врачъ противу воли*. Петръ I, вводя иностранные обычаи, открылъ театральныя представленія въ Москвѣ и Петербургѣ (1700 г.); въ царствованіе Елисаветы учрежденъ въ Петербургѣ (1756 г.) театръ, со всѣми правилами вкуса и дирежировки; директоромъ его назначили Сумарокова. По прошествіи трехъ лѣтъ, былъ открытъ театръ въ Москвѣ (1759 г.). При Екатеринѣ II, проявилось желаніе посѣщать театры, во всѣхъ сословіяхъ; въ началѣ XIX вѣка оно распространилось по многимъ городамъ,

(*) Шестымъ вселенск. соборомъ, состоявшимся въ Трулѣ, опредѣлено: отлучать отъ церкви и тѣхъ, которые занимаются плясками, зрѣлищами и звѣриной ловлею. — Иннокентій: Начерт. церков. исторіи, ч. 1. с. 377., изд. 1838 г.

гдѣ уже устроились свои театры; завелись переходныя труппы актеровъ, которыя стали появляться на значительныхъ ярмонкахъ и въ большіе праздники, въ большихъ городахъ. Труппы балаганщиковъ, фигляровъ, комедіянтовъ и фокусниковъ, разъѣзжаютъ нынѣ повсюду и показываютъ народу *свои возвышенныя представленія.* Они обыкновенно разбиваютъ на площадѣ или рынкѣ, пребольшую палатку, и устроивъ въ ней мѣста для зрителей на подмосткахъ, представляютъ *неслыханныя и никогда ни кѣмъ не виданныя игры.* До представленія объявляютъ афишками. Вотъ образецъ изъ невиданныхъ комедій: *какъ жена надѣваетъ мужу золотые рога, какъ жена сидитъ подлѣ мужа* и *цѣлуетъ своего дружка, какъ дѣвушка-душка, нечаянно зашла къ ненагляднону молодцу,* и пр. Какъ ни странны таковыя представленія, но онѣ заставляютъ почтенную публику хорошенько подумать: какъ выростаютъ рога? какъ жена цѣлуетъ дружка? и т. п.

Странствованіе труппъ по городамъ, еще въ большемъ употребленіи въ Европѣ, нежели у насъ.

Театры въ Петербургѣ, въ коемъ нынѣ три: александрійскій, большой и михайловскій, особенно отличаются водевилями и операми, и не

уступаютъ лучшимъ иностраннымъ; но музыкой и балетами, они превосходятъ всѣ иноземные. Всѣ наши театры (съ 1842 г.), находятся нынѣ въ вѣдомствѣ директора петербургскихъ театровъ, съ названіемъ: директора Императорскихъ россійскихъ театровъ.—Наши театры поддерживаются правительствомъ, иностранные держатся содержателемъ, который, изъ вырученныхъ имъ денегъ за представленіе, платитъ актерамъ и имѣетъ еще свою прибыль.

Въ старину проводили время въ разныхъ родахъ забавъ и увеселеніяхъ: въ катаніи съ ледяныхъ горъ, по льду, на конькахъ, санкахъ, качеляхъ, гаданіи и хороводныхъ забавахъ. Другіе занимались шахматами, шашками, зернами или костями; забавлялись бѣганіемъ въ запуски, борьбою, скачкою и т. п. (*)

Тѣлеги и сани.

У насъ, въ самой древности, предпочитали экипажамъ верховую ѣзду. Такое обыкновеніе было общее всѣмъ восточнымъ народамъ, пока роскошъ не выдумала удобныхъ и покойныхъ экипажей. Тѣлеги и сани, появляются у насъ съ основаніемъ нашего Государства. Бар. Герберштейнъ, бывшій у насъ въ началѣ XVI вѣка,

(*) Объ забавахъ, а именно: играхъ и хороводахъ, помѣщено въ своемъ мѣстѣ, въ IV ч. Иностранные писатели: Герберштейнъ, Маржеретъ, Олеарій, Мечъ и другіе, говорятъ о нѣкоторыхъ забавахъ, но списывая другъ у друга.

пишетъ (*), что въ проѣздъ его чрезъ Новгородъ, онъ слыхалъ отъ жителей, что въ Псковѣ еще хранятся сани В. К. Ольги.—Несторъ пишетъ, что въ его время, въ концѣ XI вѣка, еще стояли сани В. К. Ольги (**). Купцы новгородскіе упросили Герберштейна, чтобы онъ оставилъ имъ въ память свою повозку (***). При отъѣздѣ его изъ Москвы, онъ получилъ отъ Великаго Князя въ подарокъ: сани, прекрасную лошадь, съ бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ, чепракъ, копченную бѣлугу, осетръ и стерлядь; а въ другой разъ: 42 соболя, 500 горностаевъ и 1,500 куницъ.—Францискъ да Колло пишетъ, что въ отдаленныхъ странахъ Россіи, гдѣ ловятъ соболей,—тогда ловили ихъ и около Печоры,—впрягаютъ въ сани собакъ (****). Знатные люди ѣздили лѣтомъ въ закрытыхъ возкахъ, обитыхъ внутри краснымъ сукномъ, а зимой обращали ихъ въ сани. Жены первостепенныхъ сановниковъ, выѣзжали въ пышной одеждѣ; величаясь знатностію, онѣ имѣли у своихъ ногъ горничную; по бокамъ шло отъ 30 до 40 слугъ.—Лошадей убирали лисьими

(*) Herber. Rer. Mosc. com.

(**) Нестор. лѣт. по кенигсб. сп. с. 52.

(***) Herber. Rer. Moscov. com. c. 79 ed. Antv. 1557 г.

(****) Franc. da Collo: Il Trattamento и пр., пом. у Чилли.

хвостами, какъ въ поѣздѣ невѣсты (*). Петръ, митрополитъ сарскій и подонскій, жившій въ половинѣ XVII вѣка, ѣздилъ зимою и лѣтомъ въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, на коей сидѣлъ верхомъ кучеръ; посохъ митрополита несли впереди его. Архимандриты ѣздили въ лубочныхъ саняхъ, сидя на медвѣжьей полости, и покрывались коврами. — Царица Наталія являлась къ народу съ особой пышностію: ея сани, обитыя красной матеріею, были украшены вызолоченными двухглавыми орлами и были возимы 12 бѣлыми лошадьми, съ страусовыми перьями на головахъ; позади шли чиновные люди. Царь Алексѣй ѣздилъ въ церковь, въ день своего тезоименитства, въ обитыхъ красной матеріею саняхъ, запряженныхъ одной гнѣдой лошадью; на запяткахъ его стояли бояры: кн. Я. К. Черкасскій и И. Д. Милославскій, его тесть; напереди стояли два комнатные стольника; впереди саней шли стрѣльцы, а по сторонамъ придворные (**).

Каптаны, рыдваны и

Съ старыхъ временъ ѣздили въ рыдванахъ, каптанахъ и колымагахъ. Каптаны были

(*) Олеар: Offt begehr. Beschr. d. Neuen Oriental. Reise. c. 142.

(**) Рисунки къ путешествію барона Маербсрга, С.-Петер. 1827 г., см. рисунки XLVI—XLIX; изданные на счетъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова.

к олымаги. зимніе возки, обитые бархатомъ или краснымъ сукномъ; у дверецъ вставлялись слюдяныя окошки, съ тафтяными занавѣсками. — Рыдваны были длинные и безъ рессоръ; покрывались сукномъ. Колымаги, какъ рыдваны, дѣлались на четырехъ колесахъ и отличались отъ простой тѣлеги тѣмъ, что внутри обивались сукномъ; въ нихъ входили по лѣстницѣ. Колымаги и каптаны дѣлались о двухъ оглобляхъ, безъ дышелъ; запрягались въ одну лошадь, а другіе были столь просторные, что въ нихъ свободно помѣщали постель, подушки, тюфяки и теплыя одѣяла (*).

Кареты и коляски. Возокъ, который послалъ въ подарокъ Царь Борисъ Годуновъ, датскому принцу Іоанну, жениху Ксеніи, былъ похожъ на карету. Его везли шесть сѣрыхъ лошадей, убранныхъ въ красныя шлеи; все желѣзо было посеребренное; верхъ обтянутъ лазоревымъ сафьяномъ, внутренность покрыта пестрою камкой; подушки лазоревыя и темнокрасныя; по сторонамъ росписано золотомъ и красками, колеса и дышло крашеныя.

Во всей Европѣ долгое время ходили пѣшкомъ, по неимѣнію экипажей. Только принцевъ

(*) Коших: О Росс. въ царствовав. Алексѣя Михайловича. с. 14.; Miege: La relat. des trois embas. de Carlisse, c. 49 ed. 1672 г.

носили на помочахъ, а вельможи и сановники ѣздили на мулахъ. Первые Французы выдумали кареты, въ половинѣ XV столѣтія. При Францискѣ I, королѣ французскомъ, жившемъ въ XVI вѣкѣ, находились въ Парижѣ двѣ кареты: одна королевы, а другая Діаны, дочери Генриха II. Но придворныя дамы не заботились объ каретахъ, и только въ началѣ XVII вѣка, кареты начали входить въ употребленіе. Говорятъ, что первый изъ придворныхъ ѣздить началъ Іоаннъ де Боа-дофинъ, и то по причинѣ чрезвычайной его тучности, препятствовавшей ѣздить верхомъ. Въ кареты запрягали лошадей, но въ Испаніи еще долгое время употребляли муловъ (*).

Борисъ Годуновъ, въ числѣ многихъ подарковъ, полученныхъ имъ отъ королевы Елисаветы, получилъ еще отъ нея карету, обитую бархатомъ. — Карета Маріи Мнишекъ была обита снаружи алымъ сукномъ, внутри краснымъ бархатомъ; подушки были парчевыя, унизанныя жемчугомъ; ее запрягали въ двѣнадцать лошадей. — Съ появленіемъ каретъ, вошли въ употребленіе коляски, и онѣ запрягались въ шесть лошадей.

(*) Diction. des origines. Par. 1777 г. ч. I, с. 317, in 8. Французское *carrosse*, обращено нами въ карету.

Распространившееся тщеславіе на богатую упряжь, заставило Царя Ѳеодора ограничить ее: онъ указалъ, чтобы впредь съ 1682 года, бояры, окольничіе и думные впрягали въ кареты и сани по двѣ лошади, въ праздничные дни по четыре; для сговоровъ и свадьбъ въ шесть лошадей. Стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ велѣно ѣздить лѣтомъ верхомъ, а зимою на саняхъ въ одну лошадь. Кареты стоили весьма дорого, и потому въ началѣ еще XVIII вѣка онѣ были очень рѣдкія. Въ Петербургѣ находилась при Петрѣ I, одна наемная, которую употребляли для иностранцевъ; прочіе ѣздили въ одноколкахъ или верхами. Въ половинѣ XVIII столѣтія размножились кареты и коляски. Парадныя кареты запрягались цугомъ въ шесть и четыре лошади; впереди ѣхали вершники, одѣтые по гусарски или по казацки; иногда шли по бокамъ скороходы и гайдуки,—послѣдніе были одѣты по гусарски или по казацки и исполняли обязанность лакеевъ. Тогда же появились брички, дормезы, фаетоны съ коженными фартухами и дрожки; — послѣдній экипажъ есть собственно русскій и его иностранцы не знаютъ (*).

(*) Хотя по всей Россіи употребляютъ единообразные экипажи, однако въ саратовской губерніи и смежныхъ съ нею есть совершенно отмѣнные отъ прочихъ,—это дроги. Своимъ видомъ онѣ похожи на повозки ломовыхъ извощиковъ, съ тою разницею, что по обоимъ бокамъ придѣлываютъ крылья и кузовъ

Въ концѣ XVIII вѣка стали ѣздить при дворѣ на линейкахъ, при коемъ онѣ понынѣ остались въ употребленіи. Во внутренности Россіи долго не знали ни колясокъ, ни каретъ, которыя стали появляться тамъ въ концѣ XVIII вѣка, какъ диковинка. Между многими тому примѣрами, это земля донскихъ казаковъ. Тамъ въ первый разъ появился тяжелый рыдванъ, въ половинѣ XVII столѣтія, при атаманѣ Даніилѣ Ефремовѣ. Когда атаманша ѣздила въ рыдванѣ, тогда всѣ жители Черкаска выбѣгали на улицу, и кричали: *сама пьетъ!* — У этой атаманши былъ зимній возокъ, росписанный яркими красками и обитый: войлокомъ, цвѣтной шелковой матеріею и бархатомъ; дверцы были со стеклами и внутри стояла *посрединѣ жаровня* (*).

Русскія повозки, сани и тѣлеги служатъ доселѣ съ пользою; но сани дѣлаются нынѣ съ изысканной роскошью, въ одной только Россіи, и именно въ Петербургѣ. Ямскія почтовыя повозки славятся своей прочностію и удобствомъ,

---

безъ рессоръ, а иногда дѣлаютъ безъ крыльевъ и кузова; мѣста для сидѣнія застилаютъ ковромъ и садятся по обѣимъ сторонамъ, часто на голой доскѣ. Запрягаютъ парой и въ одну лошадь. На этихъ дрогахъ помѣщаются до 10 душъ, мущины и дамы вмѣстѣ; тряска во время ѣзды нестерпимая.

(*) Корнил: Русск. старина, с. 293 и 294, изд. С.П.Б. 1825 г.

а валдайскіе колокольчики сребристымъ звономъ и крѣпостію. Упряжь наша отличается отъ европейской: дугами и всей збруей; нашъ кучеръ правитъ съ большой ловкостію и самодовольствіемъ. Ямщики отличаются быстрой ѣздою; во время дороги они свистятъ, поютъ, прикрикивая на свою тройку: эй! соколики мои.— За границей, даже въ царствѣ польскомъ и Литвѣ, впрягаютъ лошадей цугомъ и безъ форейтора; одинъ кучеръ правитъ и поминутно хлопаетъ бичемъ, который несносно поражаетъ непривычный слухъ. — Въ сани, которыя испещряютъ разноцвѣтной краскою, запрягаютъ лошадей гуськомъ и привѣшиваютъ на шею колокольчики, напоминающіе своимъ трезвономъ нашихъ маймистовъ, называемыхъ въ простонародіи чухонцами.—Въ Берлинѣ даже щеголяютъ трезвономъ.

Омнибусы и дилижансы заведены у насъ въ недавнее время, для облегченія проѣзжающихъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, а внутри столицы для отправляющихся въ лѣтнее время на гулянье. Весьма жаль, что они не учреждены во всей Россіи, и даже въ нашей столицѣ начали употреблять ихъ для вседневной ѣзды недавно, кажется не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. — Въ Парижѣ разъѣжаютъ нѣсколько тысячъ ежедневно, и за весьма

умѣренную цѣну. Изъ одного конца столицы въ другой, тамъ можно проѣхать не болѣе за 15 к. сер., и проѣзжающихъ всегда полный омнибусъ.

Коляски и кареты дѣлаются у насъ такъ хорошо, что онѣ своей обдѣлкой не уступаютъ многимъ иностраннымъ, и сверхъ того отличаются изысканностію до расточительности. — При Петрѣ I находилась въ Петербургѣ одна наемная карета, а теперь, по прошествіи столѣтія, уже тысячи; колясокъ и дрожекъ еще болѣе. Положеніемъ Петра I дозволено всѣмъ дворянамъ и съ званіемъ высокоблагороднымъ, ѣздить въ каретѣ парой; превосходительнымъ въ четыре лошади съ форейторомъ, а въ шесть высшимъ придворнымъ чинамъ. Императорскій домъ ѣздитъ въ каретѣ въ четыре лошади съ форейторомъ, а во время народныхъ гуляній и торжественныхъ выѣздовъ, запрягаютъ въ шесть и восемь лошадей, и весь блистательный дворъ сопутствуетъ ему въ экипажахъ придворныхъ. — Лакеи одѣваются въ красное платье, шитое золотомъ; сбруя лошадей ослѣпляетъ глаза сіяніемъ.

Кромѣ дворянства, никакое другое сословіе не имѣетъ права ѣздить въ каретахъ и коляскахъ. Высшее черное духовенство, начиная отъ епископовъ до митрополита, пользуется правомъ

ѣздить четверней, а митрополиты шестерней. Кучера и ихъ лакеи ходятъ безъ бородъ, и одѣваются въ черное платье.—Городской голова въ столицѣ, одинъ пользующійся правомъ являться ко двору въ каретѣ, можетъ запрягать ее въ четыре лошади. Прочее купечество и мѣщанство, можетъ разъѣзжать на дрожкахъ и ѣздить въ богатѣйшихъ саняхъ, даже тройкой.

Верховая ѣзда дворянъ, сановниковъ и женскаго пола не употребляется болѣе у насъ, какъ это было прежде, и нынѣ она составляетъ щегольство однихъ охотниковъ и амазонокъ русскихъ. — Ее вытѣснили экипажи, — на все свое время. — Но можетъ быть скоро наступитъ то время, когда снова станутъ ѣздить верхомъ, какъ это нынѣ въ Англіи, по причинѣ дороговизны содержанія лошадей и экипажей. Напрасно думаютъ, что Англичане ввели у насъ верховую ѣзду: она давно была у насъ извѣстна. Англичане только сдѣлались лучшими коннозаводчиками, и любятъ верховую ѣзду потому, что дешевле имѣть одну или двѣ лошади, нежели содержать ихъ много, и еще имѣть: кучеровъ и нѣсколько экипажей и т. п. Мы не нуждаемся въ верховой ѣздѣ, потому что богаты, — но въ самомъ ли дѣлѣ богаты? Нѣтъ, мы болѣе расточительны, небережливы.

Когда проживемся, тогда пріймемся доказывать, что ходить пѣшкомъ весьма полезно.

Съ незапамятныхъ временъ употребляли на востокѣ ванны. — Въ Греціи и Римѣ онѣ нѣжили прихотливость сибаритокъ. Тамъ женщины проводили все утро въ роскошномъ омовеніи: прислужницы натирали ихъ благовонными мазями и спрыскивали духами; головные волосы умащивали душистыми веществами, разчесывали, переплетали и убирали; потомъ одѣвали изнѣженныхъ красавицъ въ дорогія ткани. Теплыя ванны знали малоазійскіе Греки, еще до временъ Гомера. Въ европейской Греціи появились бани около половины VIII вѣка до Р. Х. Посреди комнаты была устроена печь, нагрѣвавшая смежныя двѣ комнаты, въ коихъ парились. У Лакедемонянъ мужескій и женскій полъ, ходилъ вмѣстѣ въ одну баню; Римляне устроивали отдѣльныя для обоихъ половъ.—Они ходили въ баню до ужина; богачи натирались благовонными маслами и духами. По солнечномъ закатѣ, возвѣщали звономъ колокола объ открытіи бань. — Въ Малороссіи и во многихъ мѣстахъ Великороссіи, баньщикъ, ходя по улицамъ, кличетъ народъ: *въ баню! въ баню!* — Во время Помпея, за 70 л. до Р. Х., полицейскіе чиновники смотрѣли за порядкомъ и благопристойностію, даже отецъ не могъ быть въ банѣ вмѣстѣ съ сво-

Бани.

ими дѣтьми; но когда развратъ изгналъ стыдъ, тогда женщины начали мѣшаться съ мущинами. Содержатели бань заманивали сюда молодыхъ людей, окружая ихъ красавицами; старики ходили сюда единственно для пресыщенія своихъ любострастныхъ взглядовъ (*).

Въ Россіи были извѣстны бани въ самой глубокой древности. Нашъ лѣтописецъ Несторъ относитъ ихъ къ первому вѣку по Р. Х., когда Св. Апостолъ Андрей, проповѣдуя въ Кіевѣ Евангельское слово, отправился потомъ въ Новгородъ, гдѣ онъ увидѣлъ чудо, — парившихся въ банѣ. Въ ней, по описанію его, всѣ превращались въ цвѣтъ сваренныхъ раковъ. Накаливъ печь въ деревянныхъ баняхъ, говоритъ Несторъ, входили туда нагими и тамъ обливались водой; потомъ брали розги и начинали сами себя бить, и до того сѣкли, что едва выходили живыми; но потомъ, окатившись холодной водою, оживали. Такъ дѣлали ежедневно, и притомъ заключаетъ Несторъ: никѣмъ не бывъ мучимы, сами себя мучили, и совершали не омовеніе, а мученіе. (**) Нѣкоторые обливались еще

(*) Diction. des origines, Par. 1777 г.

(**) Несторъ по кенигсб. сп. с. 8. И тако творятъ по вся дни, ни мучимы ни чимъ же, но сами ся мучатъ, и тако творятъ не мытву себѣ, но мученіе.

квасомъ (*). Самъ Апостолъ Андрей разсказывалъ объ этомъ обрядѣ, по прибытіи его въ Римъ. Его извѣстіе невѣрное и оно невольно раждаетъ вопросъ: существовалъ ли тогда Новгородъ? Даже самый Кіевъ? Въ первомъ вѣкѣ мы никакихъ не знаемъ славянскихъ племенъ, жившихъ на этихъ мѣстахъ. Откуда же взялись эти города?—Нашъ лѣтописецъ конечно хотѣлъ выставить давность бань, и не смотря на эту погрѣшность, его преданіе уже тѣмъ важное, что до него были въ употребленіи бани.—Онъ между прочимъ разсказываетъ за достовѣрное, что В. К. Ольга, желая наказать Древлянъ, убившихъ ея мужа Игоря (въ 945 году), повелѣла сготовить баню для древлянскихъ пословъ, которые бы омывшись, представились къ ней. Во время ихъ омовенія зажгли, по приказанію Ольги, баню, въ коей сгорѣли послы (**).

У насъ долго было въ обычаѣ, чтобы для гостей топить баню.

Намъ не извѣстно, когда появляются торговыя бани, но знаемъ, что онѣ были давно въ употребленіи. — Въ древности всѣ любили бани.—Бенедиктъ, предводитель венгерскаго войска, осадивъ городъ Галичъ (1211 г.), схватилъ

(*) Русская лѣтопись съ воскресенскаго списка: и *обліются квасомъ кислымъ*, ч. I. с. 62 и 63, изд. 1793 г.

(**) Несторъ по кенигсб. сп. с. 49.

въ ней безпечно мывшагося кн. Романа Игоревича. — Въ старину строго наблюдали, чтобы женихъ предъ брачнымъ днемъ мылся въ банѣ, а послѣ первой супружеской ночи, ходили бы вмѣстѣ молодые. Этому обычаю слѣдовали Великіе Князья и Цари, до начала XVIII вѣка. — Лжедимитрій, бывъ уже не любимъ народомъ, за неуваженіе къ обычаямъ, былъ осуждаемъ, что онъ ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *паганой царицею.*

Въ Греціи также было въ обыкновеніи, мыться вмѣстѣ въ банѣ. Гомеръ, описывая прелестную Поликастію, говоритъ, что юная дочь Нестора сама провожала Телемака въ баню, а невинная Эвриксисъ находилась въ банѣ съ Улиссомъ.

Нѣкоторые иностранные писатели (*) разсказываютъ еще, что если супруги проводили ночь вмѣстѣ; то они не смѣли войти въ церковь, не омывшись прежде. Во время служенія они могли стоять за дверьми церковными, но тогда подвергались посмѣянію молодыхъ людей.

Въ баню ходили инокини безъ разбора. При Екатеринѣ II правительство старалось искоренить общія бани (**), и только въ царствованіе

(*) Герберштейнъ: Rer. Moscov. com., Paul. Jov. de leg. Mosc.; Meletii: de Russor: relig. et ritib. ed 1581 г., Олеарій. Корбъ, Моттли и другіе.

(**) Устав. Благочинія.

Александра благословеннаго, онѣ уничтожены навсегда, устроеніемъ отдѣльныхъ бань для обоихъ половъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думали, что переяславскій епископъ Ефремъ, бывшій потомъ митрополитомъ, первый повелѣлъ строить торговыя бани при церквахъ, въ 1090 г.— Епископъ, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, заложилъ *строеніе каменное банное*, чего прежде не было, а церкви воздвигалъ съ банями.—Баня на малороссійскомъ языкѣ значитъ куполъ, верхъ церкви, а строеніе *каменное банное*, означаетъ крестильницы, которыя онъ учреждалъ при каждомъ храмѣ.

Бани въ такомъ нынѣ употребленіи между нашимъ народомъ, что всякій зажиточный поселянинъ въ деревнѣ, имѣетъ свою собственную. (*) Иностранцы съ изумленіемъ пишутъ въ XVI и XVII вѣкахъ, что поселяне наши, выходя изъ бани красными, какъ раки, катались по снѣгу или кидались въ ледянную прорубь;

(*) Многіе парятся въ банѣ въ самомъ крѣпкомъ духу, а другіе даже въ раскаленныхъ печахъ.—И это ужъ истинные любители, которые, кувыркаясь на разостланной соломѣ, приказываютъ еще закрыть за собою заслонкою, и такъ парятся, что вылетаетъ душенька вонъ. Не смотря на это, Русской любитъ душныя бани, и не попариться ему въ субботу, какъ-то ему стыдно и совѣстно, и чего-то недостаетъ ему.

потомъ вновь парились, не подвергаясь никакимъ болѣзнямъ. Эта крѣпость, свойственная Русскому, нынѣ измѣнилась. Хотя встрѣчаются эти примѣры по деревнямъ, однако они не всегда проходятъ удачно. Теперь только выходятъ на холодъ, чтобы нѣсколько освѣжиться, и потомъ тутъже окачиваются теплой водою.

Бани неизвѣстны въ Европѣ. Въ Вѣнѣ и Парижѣ учреждены русскія бани, но онѣ далеко отстоятъ отъ настоящихъ нашихъ: тамъ не знаютъ париться вѣниками, а только обмываются и потѣютъ; самый паръ не крѣпкій и даже слабый, и за всѣмъ тѣмъ Нѣмцы и Французы не могутъ выдержать его. Они ходятъ въ устроенныя наши бани только во время сильной простуды, ревматизма и озноба. Въ Варшавѣ учреждены очень хорошія русскія бани и онѣ, какъ говорятъ, появились тамъ въ настоящемъ видѣ съ 1832 г.

Бани, какъ средство потогонное, весьма полезны; но употреблять въ такой степени, какъ у насъ, онѣ очень вредны. Тѣло разслабляется и мозговые органы тупѣютъ; наружность теряетъ природную краску и она скоро покрывается морщинами. Этому примѣромъ служатъ женщины: онѣ старѣются ранѣе своего возраста и вянутъ; лица ихъ преждевременно блѣд-

нѣютъ и часто желтѣютъ. — Омываніе теплой водой, и въ легкомъ парѣ, весьма здорово. Мыться же холодной, несравненно здоровѣе: такое омовеніе укрѣпляетъ тѣло и оживляетъ его; румянецъ бываетъ постоянно свѣжій и естественный; морщины проглядываютъ не скоро, и что важно: гораздо рѣже подвергаться можно простудамъ и головнымъ болямъ. Самая привычка къ банямъ съ дѣтства, не спасаетъ отъ разслабленія и постоянныхъ простудъ, особенно во время сыростей.

VI. МУЗЫКА.

Любовь Славянъ къ музыкѣ.

Музыка, пѣніе и пляска, выраженіе радости, были извѣстны нашимъ предкамъ еще задолго до основанія политическаго бытія Россіи. По берегамъ балтійскаго моря жили, по извѣстію византійскихъ историковъ, мирные и счастливые Славяне, коихъ не могъ вооружить противу восточной имперіи самъ Баянъ, сильный и свирѣпый аварскій ханъ. Когда Греки, воюя съ этимъ ханомъ (въ 590 году), взяли въ плѣнъ трехъ балтійскихъ Славянъ; тогда они нашли у нихъ, вмѣсто оружія, киѳары или гусли, и узнали отъ нихъ, что въ ихъ странѣ нѣтъ желѣза; что они не знаютъ войны, любятъ музыку и ведутъ мирную жизнь (*). Нельзя думать, чтобы балтійскіе Славяне не знали войны и оружія, иначе земля ихъ давно была бы разорена; но можно допустить, что они предпочитали миръ войнѣ; что плѣнные три Славянина съ гуслями, находились въ станѣ хана, по обычаю восточному: одушевляя воиновъ игрою и пѣніемъ къ битвамъ. — Если бы всѣ прибалтійскіе Славяне занимались му-

(*) Кар. И. Г. Р. т. I, с. 26—27; Strit: Memor. popul. т. II. с. 53 — 54. У Ѳеофилакта, Анастасія и Ѳеофана, подъ 590 году.

зыкой, то кто бы обрабатывалъ ихъ земли? Преданіе Византійцевъ можетъ подтверждать только то, что всѣ Славяне любили музыку и увеселенія: ибо изъ исторіи извѣстно, что они въ виду многочисленныхъ враговъ веселились, пѣли и забывали опасности. Однажды Греки, напавъ ночью на станъ Славянъ, разбили ихъ, единственно потому, что бывъ отвлеченны пѣснями, они не приняли никакихъ предосторожностей (*).

Древнѣйшая музыка Славянъ.

Какіе музыкальные инструменты, прежде всего были извѣстны нашимъ предкамъ? Этого невозможно рѣшить, но слѣдуя за ходомъ образованія, мы знаемъ, что всѣ народы употребляли первоначально самые простые музыкальные инструменты, потомъ измѣняли ихъ съ постепеннымъ усовершенствованіемъ, и наконецъ дошли до того, что первоначальная музыка или осталась въ употребленіи между простымъ сословіемъ, или совсѣмъ она изчезла. Самая естественная музыка появлялась у всѣхъ полудикихъ, одноствольнымъ орудіемъ, дѣланнымъ изъ тростей и роговъ животныхъ. Первоначальная игра состояла изъ подраженій свисту вѣтровъ и пѣ-

(*) Прокопій у Стритера: Mem. popul. т. II. ст. 61. Прокопій называетъ ихъ пѣсни аварскими, ибо Аваровъ и Славянъ онъ считаетъ за одинъ народъ: этому мнѣнію послѣдовалъ Венелинъ, — см. его Болгары, и пр. Явились даже защитники этого мнѣнія, единственно изъ желанія противурѣчить исторіографу Карамзину.

нію птицъ; потомъ, своими особыми звуками, они начали выражать горесть и радость. Послѣдовательные переходы, усовершенствуя пріятность созвучій и согласіе тоновъ, изобрѣли многосложные инструменты, требовавшіе не одного искуства, но особаго изученія.

Древнѣйшая наша музыка была простая, и судя по необширному образованію нашихъ предковъ, полагать можно, что дудка и рожокъ были у нихъ самые первые инструменты; потомъ жилейка, рогъ и свирѣль; наконецъ волынка, гудокъ, балалайка, ложки и гусли.

Дудка, похожая на флейту, есть весьма обыкновенный и простый инструментъ по своему устройству. Пастухи преимущественно играютъ на ней, а потому можетъ назваться пастушескимъ. Въ Россіи часто ее смѣшиваютъ съ свирѣлью; въ Малороссіи она называется сопилкою (*).

Рожокъ, древній пастушескій инструментъ, употребляется понынѣ. Его звуки, въ рукахъ искуснаго музыканта, довольно хорошіе, и онъ замѣняетъ заунывный кларнетъ.

(*) Въ храмѣ, построенномъ царемъ Соломономъ, употреблялись *сопѣли*, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирѣли, самвики и псалтыри, *и всякаго рода мусикійска*. Кн. пророка Даніила, гл. 3, с. 5—15; кн. 11. паралипоменъ, гл. 5, с. 12—14; кн. 3 царствъ гл. 10, с. 12.

*

Жилейка или сиповка, образуетъ двойную дудку; издаетъ голосъ сиповатый, отъ чего она получила настоящее названіе. — Она теперь выходитъ изъ употребленія.

Рогъ дѣлается изъ двухъ деревянныхъ согнутыхъ стволовъ, похожихъ на военныя трубы; употребляется на охотѣ. Музыка роговая имѣла свою эпоху и свою моду. При Екатеринѣ II она была въ обыкновеніи. Особенно любилъ ее оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, у котораго роговая музыка разыгривала трудные ноты и веселила гостей за изобильными пирами.—Со смертію Нарышкина, роговая музыка изчезла.

Свирѣль состоитъ изъ семи вмѣстѣ сложенныхъ дудокъ или стволовъ, такимъ образомъ, что отверстія, по коимъ пробѣгаетъ играющій касаніемъ губъ, расположены ровно, и концы каждаго ствола срѣзаны въ соразмѣрной постепенности, въ такомъ отношеніи, что большой или первый стволъ, превосходитъ послѣдній вдвое. Это есть древнѣйшій греческій инструментъ, коего усовершенствователемъ почитается богъ Панъ. Онъ употреблялся долгое время пастухами въ Украинѣ и во всей Малороссіи. Въ Россіи его употребляли въ сельскихъ пирушкахъ и хороводныхъ играхъ.

Волынка дѣлается на подобіе раздувательнаго мѣха, съ тою разницею, что кожа, часто сырая, недавно снятая съ барана, какъ это бываетъ у Финовъ, надувается прикрѣпленною вверху деревянной трубочкою; внизу, съ двухъ противуположныхъ сторонъ, прикрѣпляются двѣ разной величины и разныхъ отверстій деревянныя трубки, чрезъ кои, проходя воздухъ, выжимаетъ басистые голоса, а третья небольшая верхняя дудочка, имѣетъ на своемъ стволѣ нѣсколько отверстій, которыя, по волѣ играющаго, прижимаются пальцемъ и открываются, производя этимъ разные голоса и звуки. Музыка волынки однообразная: она безпрестанно гудетъ и реветъ. Употребляется повсюду въ Россіи.

Гудокъ похожъ на скрипку: онъ о трехъ струнахъ и съ смычкомъ; рукоятка его вверху загнутая, какъ у баса, съ тремя колышками; по струнамъ водятъ смычкомъ, который издаетъ одно гуденіе, отъ коего онъ получилъ свое названіе. Онъ употребляется донынѣ на сельскихъ пирушкахъ и забавахъ.

Балалайка состоитъ изъ длинной рукоятки, на коей подѣланы лады, и изъ круглаго корпуса. На нее навязываютъ двѣ струны, кои настраиваются довольно высоко. Балалайка есть любимѣйшій инструментъ Рус-

скихъ. Ни одинъ праздникъ, ни одинъ свободный вечеръ отъ работъ, не упускается охотниками, чтобы не поиграть на ней. Самъ игрокъ и поетъ и танцуетъ. Любители веселія, услышавъ звукъ балалайки, немедленно сюда сходятся и начинаютъ разгульную пляску.

Ложки.—Два деревянные инструмента, похожіе на обыкновенныя ложки, складываются вмѣстѣ. Рукоятки ихъ унизываютъ сквозными небольшими шариками, кои бываютъ металлическіе, и оставляютъ ихъ висячими, подобно виноградным кистямъ. Во время музыки трясутъ ложками, которыя отъ движенія шариковъ, издаютъ многообразные звуки. Тоны ихъ пріятнѣе бубенъ.

Гусли.—Они имѣютъ видъ легкой ручной арфы, съ мѣдными струнами; строй ихъ свободный: можно поднимать высоко и очень низко; они служатъ пріятнымъ спутникомъ для пѣнія. Это самый древнѣйшій и былъ любимѣйшій инструментъ у Евреевъ. Давыдъ прославился игрою на гусляхъ. Будучи оруженосцемъ при царѣ Саулѣ, онъ усыплялъ его гнѣвъ киѳарами и воспѣвалъ славу Божію (*). Въ Малороссіи долгое

(*) Исповѣдайтеся Господеви въ гусляхъ, во псалтири десятоструннѣмъ пойте Ему.... каѳис. 5, ст. 2. Востани слава моя, востани псалтиру и гусли.... каѳ. 8 ст. 9. Воспою Тебѣ въ гусляхъ, Святый Израилевъ. каѳ. 10, ст. 22. Пріймите псаломъ, и дадите тимпанъ, псалтыръ красенъ съ гуслими.

время любили играть на гусляхъ, но нынѣ и тамъ они изчезаютъ. Въ Россіи ихъ не употребляютъ.—У Сербовъ доселѣ гусли занимаютъ первое мѣсто. Отъ береговъ Савы и Дуная до внутреннихъ владѣній Черногоріи, вездѣ услышите раздающіеся ихъ звуки, сопровождаемые восхитительнѣйшимъ напѣвомъ отечественныхъ пѣсней. Нѣтъ тамъ уголка въ деревнѣ, гдѣ бы ихъ не было, или правильнѣе сказать, нѣтъ дома, гдѣ бы они не звучали. Бывшій владѣтельный князь Сербіи, Милошъ Обреновичъ, любилъ, въ досужное время отъ государственныхъ занятій, играть на гусляхъ и пѣть подъ ихъ сладкозвучный

Вострубите въ новомѣсячіи трубою, во благознаменитый день праздника вашего. кае. 11, ст. 3—4. И во псалмѣхъ воскликнемъ Ему: яко Богъ велій Господь, и Царь велій по всей земли,—кае. 13, ст. 3—4. Воскликнете Богови вся земля: воспойте и радуйтеся и пойте. Пойте Господеви въ гуслѣхъ, въ гуслѣхъ, и гласѣ псаломстѣ, въ трубахъ кованыхъ и гласомъ трубы рожаны: вострубите предъ Царемъ Господемъ. Да подвижется море и исполненіе Его, вселенная, и вси живущіи на ней. Рѣки восплещутъ рукою вкупѣ: горы возрадуются отъ лица Господня, яко грядетъ, яко идетъ судити земли: судити вселеннѣй въ правду и людемъ правостію. Кае. 13, ст. 4—9. Да восхвалятъ имя Его въ лицѣ, въ тимпанѣ и псалтири да поютъ Ему.— кае. 20, ст. 3. Хвалите Его во гласѣ трубнѣ, хвалите Его во псалтири и гуслѣхъ, хвалите Его въ тимпанѣ и лицѣ, хвалите Его во струнахъ и органѣ, хвалите Его въ кимвалѣхъ доброгласныхъ, хвалите Его въ кимвалѣхъ восклицанія. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.—кае. 20, ст. 3—6. Псалтырь съ толкованіемъ, изд. Кіев. печер. лав. 1814 г.

напѣвъ, доблестные подвиги своихъ единоземцевъ. Любимая пѣснь сербскаго народа для гуслей, это есть свадьба Максима Черноевича. Имя сочинителя неизвѣстно, но она красотою и силою чувствованій такъ превосходна, что не уступаетъ во многомъ простотѣ Гомера и восторгу Оссіяна. Сохраненіемъ своимъ она обязана народной памяти; переходя многія столѣтія отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, она наконецъ въ XIX вѣкѣ сдѣлалась извѣстною въ печати, по изустнымъ преданіямъ (*).

Простой народъ употреблялъ, въ пылу веселія: тазы и сковороды, въ которые онъ билъ палочками, согласуясь съ музыкой.

Трубная музыка, и мнѣніе о музыкѣ и пѣніи.

Ни при дворѣ Великокняжескомъ, ни въ кругу благороднаго сословія, мы не встрѣчаемъ никакой музыки. Хотя иностранецъ Контарени говоритъ, что у намѣстника Помартина была за обѣдомъ музыка; однако мы не знаемъ: какая это была музыка? При Іоаннѣ IV мы встрѣчаемъ скомороховъ и шутовъ, которые забавляли его разными играми и музыкой. Во время перваго Лжедимитрія раздавалась польская музыка, на его пиршествахъ. Должно думать, что не раньше этого времени стала появляться у насъ правильная музыка.

(*) Объ этой пѣсни см. Вука Стефановича: Народне српске пјесме.

По извѣстію одного иностранца, употребляли для пляски и во время свадьбы, между прочими музыкальными инструментами, *псалтырь*.—Его держали на колѣняхъ и пальцами перебирали струны, какъ на арфѣ (*)—нынѣшній торбанъ. Этотъ псалтырь есть гусли царя Давида, которыя доселѣ называются въ простонародіи псалтыремъ, отъ того что вдохновенный пѣснопѣвецъ воспѣвалъ славу Божію на своихъ гусляхъ по псалмамъ (**).

Духовенство строго воспрещало забавляться музыкой (***), но однако ее употребляли на свадьбахъ и въ веселіи.

За обѣдомъ Царя Михаила Ѳеодоровича, когда онъ угощалъ пословъ голштинскихъ, играли на арфѣ и скрипкѣ; потомъ плясали русскую искусные танцоры. Дѣвушки держали въ рукахъ пестрыя вышитыя ширинки, коими онѣ

(*) Olear: Viel vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschr. ed.1696 г. in. f. c. 109.

(**) Псалтырь Давида была десятиструнная. — Во псалтыри десятиструнномъ пойте Ему. кае. 5. ст. 2. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣснопѣнія Давида, гусли и псалтирь показаны какъ бы отдѣльными. Востани слава моя, востани псалтырю и гусли,—кае. 8 ст. 9 и др. У него псалтырь разумѣется собраніе псалмовъ, пѣсней, слѣдов. его сочиненіе, а не самый инструментъ.

(***) Herber. Rer. Moscov. com. ed. Antv. 1557 г.

махали, при выраженіи ловкихъ своихъ движеній (*).

Свадьба Царя Алексѣя Михайловича праздновалась музыкою: на дворѣ и въ передней комнатѣ, играли въ трубы и суренки и били въ литавры.

Еще въ половинѣ XII вѣка употреблялись у насъ трубы и бубны. При осадѣ Кіева, въ 1151 г., князьями: Георгіемъ суздальскимъ и Владиміромъ галицкимъ, осажденные и осаждаемые трубили въ трубы и били въ бубны. При собираніи войска для Новгородъ-сѣверскаго князя Игоря (въ 1185 г.), трубили въ трубы. Во время междоусобія Новгородцевъ съ Владимірцами (въ 1216 г.), первые имѣли 60, а послѣдніе 40 трубъ и 40 бубенъ. Во время похода Русскихъ противу волжскихъ Болгаръ, (въ 1220 г.), въ нашемъ стану были трубы, бубны, сурны и сопели (**). Въ это время были уже извѣстны флейты; въ XVI столѣтіи онѣ дѣлаются повсемѣстными, какъ видно изъ пѣсни того же вѣка.

То Ляхи въ бубны вдаряютъ,
У свистилки да у трубы выгрываютъ,
Усе військо свое до купы у громаду скликаютъ.

(*) Олеар: Offt begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise, с. 16 ed. 1647 г.

(**) Кіевск. лѣт.; Слово о полку Игоря; Кар. И. Г. Р. ч. III. пр. 165; Русск. лѣт. по никон. сп. ч. II. с. 343; Лѣтоп. съ воскр. сп. ч. II. с. 172.

Усе хоробрыи товарищи Запорожцы.
На коникахъ выгрываютъ, шабельками блискаютъ, у бубны ударяютъ (*).

Въ томъ же столѣтіи появляются набаты, литавры, флейты и сиповки.

Первоначальный видъ трубъ намъ неизвѣстенъ, но должно думать, что онѣ были прямыя, какъ у древнихъ народовъ, и состояли изъ одного колѣна, и потомъ, измѣняясь въ устройствѣ, онѣ получили настоящій видъ: т. е. трехколѣнныя и прямыя. — Къ трубамъ привѣшивали шнуры съ кистями и *завѣсы* четвероугольныя: изъ парчи, камки и тафты, съ серебряной и золотой бахрамою (**). Въ походахъ, для предохраненія отъ пыли и сырости, надѣвали суконные чехлы, называвшіеся *нагалищами*, *ольстрами* и *чемоданами* (***).

Бубны небольшая мѣдная чаша, съ натянутою на верху ея кожею. Конные прикрѣпляли ихъ къ сѣдлу, а пѣшіе держали лѣвой рукою и били вощагою, плетенной изъ толстаго ремня на подобіе палки, съ прикрѣпленнымъ на концѣ ея ременнымъ шаромъ. У каждаго воеводы былъ привѣшанъ къ

(*) Максим. Украин. народ. пѣсн. с. 22 и 27 изд. 1834 г.

(**) Въ рисункахъ къ путешествію бар. Маерберга, изд. госуд. канцл. графамъ Н. П. Румянцовымъ, въ 1827 году, показаны трубачи играющими на трубахъ съ завѣсами.

(***) Историч. опис. одеждъ и вооруженій, ч. I. с. 106.

его сѣдлу *тулумбазъ* или *жулумбасъ*, поменьше бубенъ, въ который онъ самъ билъ во время надобности.

Бубны часто принимаются у нашихъ старинныхъ извѣстіяхъ, за одно съ *накрами* (*).

Сурны, длинная узкая и прямая труба, съ загнутымъ нижнимъ отверстіемъ.

Къ ратному строю принадлежитъ еще набатъ. Это большой величины мѣдный барабанъ, который укрѣплялся на деревянномъ щитѣ, помощію цѣпей: его утверждали на четырехъ рядомъ поставленныхъ лошадяхъ. Для ударенія въ него, употребляли восемь человѣкъ (**). Каждый воевода имѣлъ свой набатъ, въ который, по его распоряженію, производили тревогу въ войскѣ, отсюда произошло выраженіе: бить въ набатъ (***).

Селившіеся у насъ Нѣмцы, вводили постепенно разнообразные инструменты. Духовен-

---

(*) Кар И. Г. Р. т. X. пр. 101. Въ словарѣ росс. акад. *накры* названы старинными бубнами.—Накры, названіе франконскихъ Славянъ, употребляется доселѣ между Французами.—La Combe: Diction. du vieux langage François, изд. 1762 г., см. *nacaire*.

(**) Флечеръ: The ambassage her Maj. to the Theodor of Emper. of. Russia, c. 547. помѣщ. въ сбран. Гакл. ed Lond. 1809 г.; Marger. Estat de l'empire de Russie, ed. Par. 1607 г.

(***) Нѣкоторые думаютъ, что набатъ перешелъ къ намъ отъ Татаръ, см. Истор. опис. одеждъ и вооруженій, ч. 1. с. 107.

ство осуждало Русскихъ, прилѣплявшихся къ музыкѣ, и оно запрещало имъ веселиться ею. Патріархъ, говоритъ Олеарій, запретилъ всѣ музыкальные инструменты, употреблявшіеся Русскими во время пиршествъ и увеселеній. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, онъ велѣлъ обыскать всѣ домы частныхъ людей, и найденные инструменты, бывъ сложены на пяти большихъ возахъ, приказалъ свесть за рѣку Москву и сжечь. Однимъ только Нѣмцамъ дозволялось имѣть музыку и веселиться (*). Это однакожъ не воспрепятствовало многимъ боярамъ держать музыку и веселиться ею. Бояринъ Матвѣевъ, былъ страстный ея любитель, и онъ не только имѣлъ своихъ музыкантовъ, но выписалъ еще иностранную труппу актеровъ, которые представляли комическія піесы и балеты, сопровождавшіеся музыкой. Такое нововведеніе столь было непріятное всѣмъ поклонникамъ старины, что во время изгнанія Матвѣева, ему ставили въ вину, между многими несправедливыми на него обвиненіями, что онъ любилъ музыку и занимался чернокнижіемъ. Тогда это считали преступленіемъ государственнымъ. — Бояринъ Языковъ, первый министръ и любимецъ Царя Ѳеодора, не препятствовалъ распространенію музыки и не обра-

(*) Олеар: Voyage en Moscovie, с. 350 и 360.

щалъ вниманія на тѣхъ, которые считали ее дьявольскимъ увеселеніемъ. Царевна Софія, вопреки невѣжественному мнѣнію, поддерживала любителей музыки, такъ что въ началѣ XVIII столѣтія Петру В. менѣе уже стоило трудовъ ввесть музыку, хотя и тогда простой народъ и нѣкоторые изъ бояръ смотрѣли на нее съ негодованіемъ, и избѣгали слушать ее, боясь нечистой силы, будтобы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтѣ; раскаившихся не допускали къ причастію безъ покаянія.

Входившее въ обыкновеніе пѣніе, равно было осуждаемо: думали, что разнообразное измѣненіе голоса и по нотамъ, нельзя выполнить человѣку безъ содѣйствія злыхъ духовъ. Такое мнѣніе, поддерживаемое гонителями добраго и полезнаго, невольно укрѣпляло невѣжество въ ложномъ мнѣніи; за всѣмъ тѣмъ многіе уже любили музыку и пѣніе, и если не смѣли открыто заниматься ими, то и не упускали случая участвовать во время игръ и пѣнія (*). Петръ В.

(*) Korb: Diar. itiner. in Moscov., c. 205 ed. Vien. in f. — Ludendi periti externi adsunt, quos fovent, dum canunt, concentu enim satis delectatis.

Гюи-Аретини приписываютъ соединеніе музыкальныхъ тоновъ въ одно цѣлое, называемое гаммою. Каждому изъ звуковъ онъ далъ приличное названіе, извлеченное имъ изъ гимна св. Іоанна:

успѣлъ разсѣять мракъ невѣжества, успокоить совѣсть старовѣровъ и убѣдить, что музыка, доставляя веселіе невинное, смягчаетъ грубость нравовъ, возвышаетъ чувство и ведетъ непосредственно ко всему изящному.

Въ продолженіи XVII столѣтія вошли уже многіе музыкальные инструменты. Барабанъ, *Появленіе другихъ*

Ut — queant laxis;
Re — sonare fibris;
Mi — ra gestorum
Fa — muli tuorum!
Sol — ve polluti
La — bii reatum.

О времени введенія прибавочнаго *si*, неизвѣстно. — Гюи-Аретинъ род. въ Ареццо, во Флоренціи въ 995 г., померъ послѣ 1030 г. Онъ былъ бенедиктинскій монахъ. Папа Іоаннъ XX, призвалъ его къ своему двору, и поручилъ ему образовать пѣвческую съ музыкою. Примѣчательныя его сочиненія, о музыкѣ и пѣніи: 1. Antiphonarium. 2. Micrologus, sev de disciplina artis musicæ. 3. Musicæ regulæ rhytmicæ in antiphonarii, sev prologum prolate. 4. Regulæ de ignoto cantu identidem in antinphonarii sui prologum prolatæ. 5. Epistola Guidanis Michaeli monacho, de ignoto cantu derecta. 6. Tractatus Guidonis correctorius multorum errorum, qui fiunt in cantu gregoriano in multis locis. 7. Quomodo de arithmetica procedit musica. — См. Diction. des origin. — Par. 1777 года.

Korb: Diar. itiner. in Moscov. ed. Vien. in f. c. 32. Circa decimam diei autem Smolenscium pulcherimo ordino ingressi clangentibus tubicum nostrorum tubis ipsa fortaliti moenia intravimus, quæ ante resonare non cessarunt, quam dominus ablegatus ad assignatam sibi habitationem sibi recipereti. — Такъ описываетъ Корбъ музыку, сопровождавшую посланника.

инструментовъ. литавры, гобой, тарелки, варганъ, кларнетъ и скрипки, забавляли уже веселившихся.

Первоначальная наружность барабана была таже самая, какая и нынѣ. Деревянное лукошко, вызолоченное или выкрашенное, два вокругъ его обруча и двѣ натянутыя кожи, составляли все его устройство. Въ полкахъ носили барабанъ на широкой тесьмѣ или на кожанномъ ремнѣ, повѣшаномъ чрезъ правое плечо; хранили въ суконныхъ чехлахъ, называвшихся нагалищемъ и чемоданомъ.

Барабанъ не былъ извѣстенъ Грекамъ; Римляне его употребляли для созыванія солдатъ на войну. Иные думаютъ, что введеніе барабана принадлежитъ Сарацинамъ. Эдуардъ III, король англійскій, при въѣздѣ его въ Кале, въ первый разъ услыхалъ барабанный звукъ, въ 1347 г. (*).

Литавры тоже самое, что бубны, дѣлались по больше ихъ и притомъ мѣдныя; бывали и серебряныя. Къ нимъ привѣшивали для украшенія *завѣсы:* суконныя и камчатныя изъ яркихъ цвѣтовъ, съ серебряными и золотыми шнурками, кистями и бахрамой. Въ литавры

(*) Diction. des origines ed. Par. 1772 года.—Барабанъ древнее названіе франконскихъ Славянъ: *baraban*, bassin de cuivre, sur lequel on frappe pour annoncer quelque chose.—La Combe: Diction. du vieux langage Fnraçois, изд. 1762 г.

били небольшими палочками, съ закругленнымъ на концѣ шарикомъ.

Варганъ, занесенный къ намъ изъ Польши, которая получила его изъ Германіи, есть небольшое металлическое орудіе, съ тонкимъ по срединѣ язычкомъ. Приложивъ его на зубы и вдыхая въ себя воздухъ, бьютъ слегка пальцемъ по язычку, который, по мѣрѣ измѣняемаго воздуха, издаетъ довольно пріятные звуки. Имъ забавляются дѣти и дѣвушки. Въ Малороссіи онъ употребительнѣе, нежели въ Россіи, и должно думать, что въ Малороссію онъ зашелъ прежде, потому что она находилась очень долгое время подъ вліяніемъ Польши, которая измѣнила самый языкъ ея.

Органъ, отъ него испорченное слово варганъ, введенъ католическимъ духовенствомъ при богослуженіи, не ранѣе IV столѣтія; употребляется нынѣ почти во всѣхъ христіянскихъ церквахъ, кромѣ греко-россійской (*). Изъ духовнаго органа образовались танцовальные и застольные органы, а эти послужили къ устройству клавировъ или фортепьянъ.

(*) Въ пѣснопѣніи царя Давида встрѣчается названіе органъ: хвалите Его во струнахъ и органѣ,—као. 20. ст. 4.— Давидъ жилъ за 1050 л. до Р. Х., а органъ введенъ въ IV столѣтіи по Р. Х. Органъ Давида былъ духовой инструментъ, совсѣмъ другого образованія, нежели нынѣшній,—но какой именно?—объ немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Военная и духовая музыки, образовались у насъ не прежде половины XVIII вѣка, Императрица Елизавета, до возшествія своего на престолъ, часто проводила время въ кругу любителей музыки; поощряла высокимъ своимъ вниманіемъ искусныхъ артистовъ и вводила музыкальные вечера.—Въ концѣ XVIII столѣтія музыка проникла во всѣ сословія гражданъ; тогда распространились фортепьяны, арфы, гитары и скрипки. Хотя арфа давно употреблялась на пирахъ, однако она была забыта весьма долгое время, и теперь появляется изрѣдка. — Изъ всѣхъ инструментовъ, скрипка господствовала предъ всѣми: не было ни одного веселія, не проходило ни одной пирушки, гдѣ бы она не раздавалась.—За всѣмъ тѣмъ наши прадѣды предпочитали духовую музыку многострунной.—На балахъ и свадьбахъ, гремѣли уже повсюдные оркестры, во второй половинѣ XVIII вѣка. *Громъ побѣды раздавайся*, веселилъ сердца русскихъ, потому что въ немъ выражалась слава Екатерины Великой, которую народъ любилъ, какъ свою нѣжную мать, и теперь не можетъ забыть ее. Наша Матушка, говорилъ простолюдинъ, тѣшила насъ и сама тѣшилась. То-то была радость! то-то было веселье на Руси!—Императрица Екатерина устроила однажды, на голосъ *громъ побѣды*, изумительную музыку. Тамъ, гдѣ слѣдовало выдѣ-

лывать звуки грома, струнами и голосомъ, она замѣнила ихъ пушечными выстрѣлами, которые съ необыкновеннымъ согласіемъ сопровождали чудный оркестръ музыкантовъ и пѣвчихъ. Небо и земля, казалось, внимали восторженному грому Великой Монархини.

Фортепьяно и арфа, заняли въ послѣдствіи почетныя мѣста въ кругу благородныхъ; стали учиться не только игрѣ, но и пѣнію подъ звукъ этихъ инструментовъ, и страсть къ нимъ до того распространилась, что женскій полъ сталъ было предпочитать музыку умственному образованію. Нынѣ арфа не въ употребленіи, но фортепьяно господствуетъ повсюду, такъ что съ знаніемъ фортепьяной музыки, тѣсно слилось образованіе дѣвушекъ, для коихъ: говорить по французски, играть на фортепьяно и танцовать, составляютъ необходимое условіе воспитанія.—Гитарь долгое время употреблялась женскимъ и мужескимъ поломъ, какъ пріятный и легкій инструментъ для музыки и пѣнія; теперь она изгнана изъ высшаго круга; ею занимаются одни любители, барскіе и вольнонаемные слуги: гитарь доставляетъ имъ пріятное услажденіе. Многіе изъ слугъ играютъ на ней самоучкой, и разыгрываютъ съ такою правильностію, какъ по нотамъ; игру свою всегда сопровождаютъ пѣніемъ изъ любимыхъ русскихъ пѣсень.

Императоръ Павелъ I началъ устроивать духовую музыку при полкахъ, и по употребленію ея въ полкахъ, она называется военною. Хотя при Екатеринѣ II существовала кавалергардская музыка, или трубачи; однако она не простиралась далѣе гвардіи. Императоръ Александръ повелѣлъ завесть духовую музыку при всѣхъ полкахъ, и нынѣ она неразлучна съ потребностію вкуса: по городамъ она замѣняетъ оркестры артистовъ, веселитъ застольное радушіе и оживляетъ вечернія собранія. Съ повсюднымъ распространеніемъ музыки, не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, чрезвычайно измѣнились нравы и образъ жизни: во всѣ сословія проникли вкусъ и сознаніе изящнаго. Императорская гвардія славится военной музыкою, которая часто раздается при Царскихъ пиршествахъ, и она участвуетъ въ оркестрахъ отличныхъ артистовъ. Пріѣзжающіе къ намъ самые прославленные виртуозы, не обходятся безъ музыки гвардейской.

Природное свойство Русскихъ къ веселію.

Русскіе отъ природы имѣютъ наклонность къ музыкѣ и пѣнію. По городамъ и деревнямъ, не бываетъ ни одного веселія безъ музыки: скрипачъ, басъ и бубны, непремѣнно находятся повсюду; они играютъ по одному слуху. Образовалось даже сословіе музыкантовъ, подъ именемъ

скрипачей, которые всегда извѣстны въ своемъ околодкѣ и приглашаются на вечеринки.

Бандуристы.

Въ Малороссіи и юго-западной Россіи, страсть къ музыкѣ сдѣлалась наслѣдственною, такъ что она отъ отца переходитъ къ сыну. Бандуристы малороссійскіе, отличные пѣснопѣвцы и музыканты, издревле славившіеся, нѣжили долгое время слухъ и чувство. Бандуристы, преимущественно изъ слѣпцевъ и стариковъ, гомеровскіе пѣвцы, ходили изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, и своей музыкою и пѣніемъ отечественныхъ пѣсней, приводили въ восторгъ самыхъ знатоковъ. Они ходили съ повѣшенной на шеѣ бандурой, родъ арфы, настроенной 12 и даже 28 металлическими струнами; трогали слухъ богатымъ согласіемъ звуковъ и восхищали душу и сердце. Во время возстанія Малороссіи противу угнетенія Польши, они находились въ военномъ станѣ казаковъ и воспламеняли ихъ къ битвамъ.

Вотъ образцы заунывныхъ пѣсней, сопровождавшихся печальнымъ звукомъ бандуры.

Ой бида, бида
Чайцы небози,
Що вывела дитокъ
При битой дорози.
Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!
Жито поспило,
Приспило дило;

Идутъ женьцы жаты,
Дитокъ забираты.

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!

Ой дити, дити!
Де васъ подиты?
Чи мени втопыцця,
Чи зъ горя убыцця?

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!

И куликъ чайку,
Взявъ за чубайку!
Чайка кигиче:
Згинь ты, куличе!

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!

А бугай бугу,
Гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко,
Бо буде тяжко!

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!

Якъ не кричаты,
Якъ не литаты!
Дитки маленьки,
А я ихъ маты!

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!

Маты взпорхнула,
Крыльцемъ взмахнула!

Женьцы ворожиты.
Гайда! втыкаты.—
Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлось втопыцця у чорнымъ морю!

Эта пѣснь поется весьма жалобнымъ голосомъ, и думаютъ, что она сочинена гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Чайка или рыболовка, изображаетъ здѣсь плачъ утѣсненной Малороссіи; ея дѣти, это казаки; битая дорога, Малороссія, которую окружали со всѣхъ сторонъ Татары и Поляки; чрезъ нее они проходили для взаимныхъ опустошеній, и ее грабили во время своихъ переходовъ. Женьцы, ея враги; куликъ, польское правительство; бугай, болотная птица (баранъ), которая, сидя между тростникомъ и рѣчной травою, издаетъ тяжкій голосъ бугу,— означаетъ здѣсь угнетеніе, согнувшее Малороссію въ дугу.

Ой спавъ пугачъ на могили,
Да и крикнувъ винъ: пугу!
Чи не дастъ Богъ козачинькамъ,
Хоть теперь потугу!
Що день, що ничъ, усе ждемо,
Поживы не маемъ!
Давно була!— Не разъ
Хмельниченька згадаемъ!
Ой колись мы воевали,
Да бильши не будемъ!
Того щастья и той доли,
Повикъ не забудемъ!

Давже шабли заржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ;
Аще сердце козацьке,
Не боиця Ляхивъ! (*)

Пугачъ,—сычъ, представляетъ здѣсь казака, уснувшаго на могилѣ своей страны; вдругъ онъ встрепенулся и закричалъ гробовымъ голосомъ, по своей родинѣ: пугу! не дастъ ли Богъ хоть теперь отрады казакамъ!—Послѣ смерти Хмельницкого, Малороссія была тревожима внутренними смутами честолюбимыхъ своихъ гетмановъ, и отъ нихъ она погибла.—Вся эта пѣснь выражаетъ печаль и она поется весьма грустно.

Воспоминаніе о славѣ казацкой:

Полягла козацька молодецка голова,
Якъ одъ витру на степу трава!
Слава не помре, не поляже,
Лыцарство козацьке всякому розскаже.

Объ уманьскомъ полковникѣ Максимѣ Жилизнякѣ:

Лита орелъ, лита сизый
По пидъ небесами;
Гуля Максымъ, гуля батько,
Степами, лисамы.—
Лита орелъ сизокрилый,
А за нимъ орлята.

(*) Окончательный стихъ: не боиця Ляхивъ, иные поютъ *Туркивъ*. Первое окончаніе должно быть справедливѣе, потому что Богданъ Хмельницкій защитилъ Малороссію отъ Поляковъ.

Гуля Максымъ, гуля батько,
А за нимъ хлопьята.
Запорожцы ти хлопьята,
Сыны его диты.
Помиркуе, загадае:
Чи быты, чи питы?
Чи таньцоваты? —
Тай ушкваритъ,
Ажъ земля трясецця.
Заспивае, заспивае,
Ажъ лыхо сміеця.
Горилку, медъ не чаркою,
Поставцемъ черкае;
А вороги заплющившись,
Ката не минае.
О такій то нашъ отаманъ,
Орелъ сизокрылый,
И воюе и гарцюе
Зъ усієй силы.
Нема въ его ни осели,
Ни саду, ни ставу;
Степъ и море . . . . скрызь битый шляхъ,
Скрызь золото, слава.
Шануйтеся жъ вражи Ляхи,
Скажени собаки.
Иде Зилизнякъ чорнымъ шляхомъ,
За нымъ гайдамакы (*).

(*) Шевченко: Гайдамаки, С. П. Б. 1841 г. с. 52. 53. Жилизнякъ жилъ около половины XVIII вѣка. – Мнѣ не удавалось слышать, чтобы ее пѣли; но здѣсь она приведена по особой своей красотѣ и силѣ выраженій.

Въ другихъ мѣстахъ бандуристы называются *слѣпыми кобзарами* (*). Они укрѣпляли духъ народный, среди неволи и томленія; оживляли его напоминаніями о доблестныхъ своихъ мужахъ, и воспѣвали счастливую свободу. Заунывные звуки бандуры, нерѣдко исторгали слезы у казаковъ, клявшихся умереть за свою родину.—Съ успокоеніемъ Малороссіи, бандуристы сохранили въ своихъ напѣвахъ дѣянія предводителей казаковъ, коихъ имена дошли до насъ въ немногихъ пѣсняхъ: въ нихъ превосходно изображаются удальство вождей и казаковъ, даже самый вѣкъ, и поясняются историческія событія малороссійскаго края.

Цимбалы или кимвалы.

Другой употребительный инструментъ, не менѣе любимый между Малороссіянами, это цимбалы. Они родъ фортепьяно, съ металлическими струнами, безъ клавишей. На нихъ играютъ помощію ударенія по струнамъ, стальною небольшой палочкою, или надѣваніемъ на пальцы металлическихъ наперстковъ. Цимбалы или кимвалы, сопровождаются духовымъ инструментомъ и пѣніемъ. Звукъ ихъ громкій и весьма пріятный, но онъ болѣе издаетъ кручину тоскующей души.

(*) *Кобза* по малороссійски значитъ бандура, а *кобзарь* бандуристъ.

Племена славянскія очень любятъ музыку, изъ нихъ преимущественно славятся наши единоплеменники Чехи, кои изъ среди себя произвели многихъ превосходныхъ артйстовъ.—Знаменитые Моцарты, Бетговены и другіе, сами отдавали имъ преимущество. Моцартъ не хотѣлъ никогда разстаться съ Прагою, называя ее столицею музыки. Вѣнскій театръ состоялъ, и нынѣ составленъ, изъ лучшихъ богемскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ.

Музыкальная извѣстность Чеховъ.

ПОГРѢШНОСТИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
Въ предувѣдомленіи			
1.	4.	; но,	, а
30.	24.	говоритъ	говорилъ.
38.	16.	Струйся	Струйса
42.	22.	Ипатьевскій	ипатьевскій
—	24.	Сусанинъ, извѣстилъ	Сусанинъ извѣстилъ,
45.	23.	съ золотою гривною ;	съ золотою гривною,
46.	4.	когда пировали, богатырь	когда пировали, тогда богатырь
68.	18.	зверей	звѣрей
85.	12.	пѣсни 2.	цѣсни?
119.	7.	дни.	днями.
138.	24.	проитекаютъ	проистекающія
168.	23.	въ Башинг.	въ Бишинг.
173.	32.	mouvelle	nouvelle
144.	7.	цѣлыя города	цѣлые города.
207.	24.	ни въ кусныхъ	ни вкусныхъ
223.	18.	безъумія :	безумія:
228.	15.	Татарзми	Татарами
234.	16.	запросятъ,—	запросятъ.—
241.	25.	зерна, кушали	зерна кушали
245.	3.	золоыхъ сосудовъ	золотыхъ сосудовъ
250.	5.	многія подарки	многіе подарки
—	12.	на кресть	на крестъ
259.	25.	по полудки	по полудни
266.	21.	корабановъ	карабановъ
277.	1.	не прежне	не прежде
285.	3.	съ прикуской	въ прикуску
—	27.	не виндетъ	не видетъ
292.	25.	имѣнія	мнѣнія
301.	9.	ниженери	инженера
314.	2.	исподнія	споднія
—	9.	и войны	и воины
315.	6.	круглые	круглыя
—	23.	распространялись	распространялись
16.	33.	коротые	короткія

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
322.	2.	Іоаннъ III,	Іоанна III,
—	3.	писала:	писалъ:
323.	16.	особенныя	особенные
330.	16.	калита	калиты
333.	23.	черныя	черные
334.	12-13.	покойницъ	покойоицы
—	20.	Historien	Historien
336.	18.	роскошъ, давно знакомая нашимъ предкамъ,	роскошъ, давно была знакома нашимъ предкамъ; что
339.	7.	положить	допустить
345.	3.	рмяги	сермяги
—	24.	рмяги	сермяги
355.	1.	скій	кій
361.	11.	стоящими	стоячими
—	21.	вышевались	выщивались
381.	29.	для соленія, икры,	для соленія и пріобрѣтенія икры,
439.	4.	обычаевъ	обычаемъ.